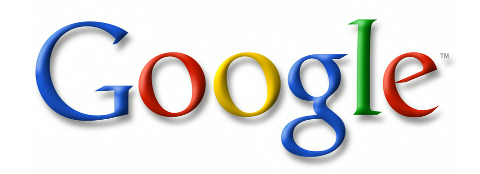
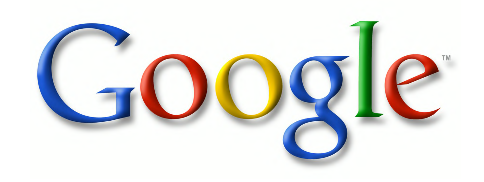
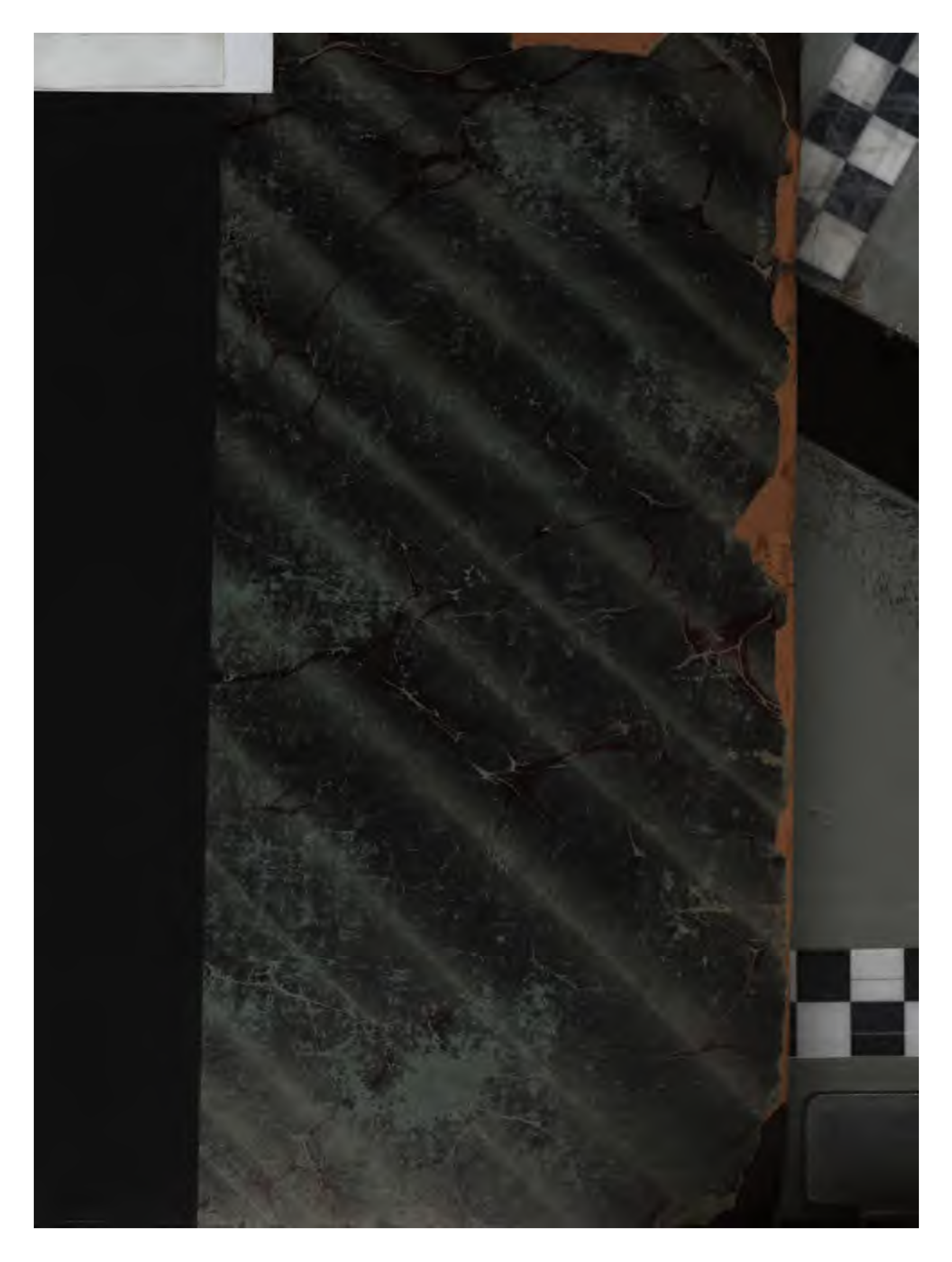






ИНДІЯ

и

ЦЕЙЛОНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ГРАНДИДЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, д. № 5.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Ноября 10 дня 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

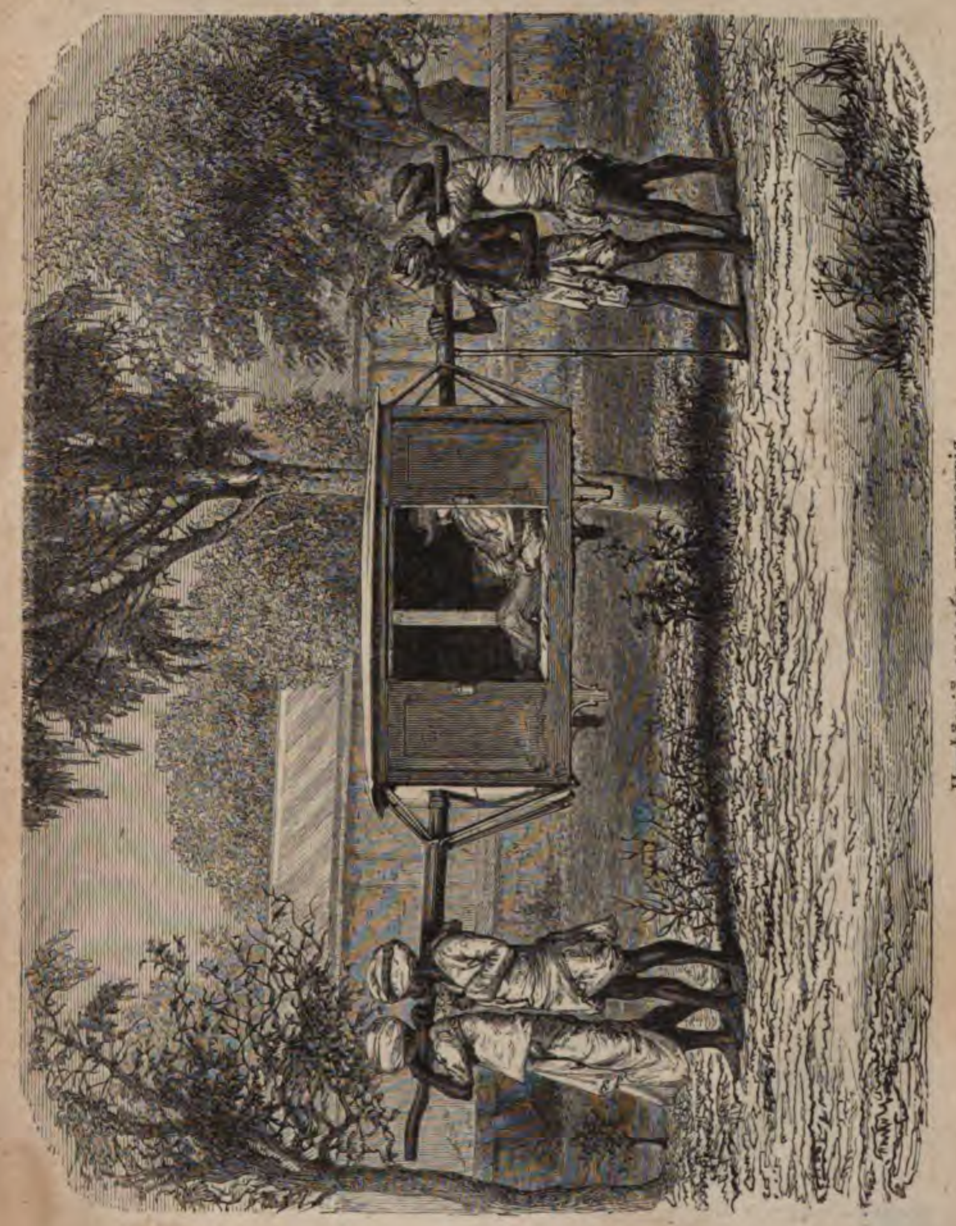
Вступленіе. — Калькутта. — [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible]

Индія, съ ея сто восемьюдесятью милліонами жителей, съ естественными границами, рѣзко обозначенными океаномъ и горными цѣпями и образующими такую сплошную и недоступную преграду, что всякое иноземное вторженіе было бы совершенно немыслимо, еслибъ завоеватель встрѣтилъ позади этихъ естественныхъ преградъ — народъ, готовый оборонять ихъ. — Индія, повторимъ, составляетъ совершенно обособленный міръ на географическихъ картахъ и во всемірной человѣческой семьѣ. Поверхность ея, равная по величинѣ поверхности всей континентальной Европы, за исключеніемъ Россіи, представляетъ на первый взглядъ три различныхъ полосы: бассейнъ р. Инда, бассейнъ Ганга (древніе заливы первобытнаго океана, засыпанные наносами, образовавшимися въ доисторическое время и составляющіе теперь Индостанъ въ собственномъ смыслѣ слова), и обширную площадь, образующую полуостровъ Деканъ. Описаніе наше коснется исключительно этого полуострова. Обозрѣть и изучить всю Индію цѣликомъ, во всѣхъ ея частяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, — это трудъ, превосходящій силы одного человѣка. Три поколѣнія избранныхъ европейскихъ ученыхъ посвящали ему силы и труды свои въ теченіе цѣлаго вѣка, не успѣвъ довести его до конца.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этого путешествія, мнѣ предстоитъ ознакомить читателей съ Калькутой, гдѣ я высадился въ ноябрѣ 1862 г. Эта столица британскаго владычества въ Индіи построена на правомъ берегу Гугли, одномъ изъ многочисленныхъ рука-

вовъ Ганга, покрывающихъ всю сѣверо-западную часть Бенгаліи сложною сѣтью рѣкъ и каналовъ, представляющихъ настоящій водяной лабиринтъ. Хотя самый городъ расположенъ въ тридцати миляхъ отъ морскаго берега, тѣмъ не менѣе въ бухтѣ его кидаютъ якорь корабли самыхъ большихъ размѣровъ. Подобно другимъ рукавамъ Инда, Гугли имѣетъ весьма быстрое теченіе, приносящее ежедневно къ устьямъ подвижныя песчаныя массы, постоянно грозящія опасностью навигаціи. Во время переѣзда по морю мы взяли англійскаго лоцмана, недалеко отъ острова Согора, защищающаго входъ въ Гугли. При всей своей опытности, руководясь извѣстными указаніями относительно проходимости мѣстъ, лоцманъ этотъ посадилъ насъ, однако, на мель, образованную послѣднимъ приливомъ, и которая могла быть размыта или же унесена далѣе слѣдующимъ приливомъ. Намъ представлялось мало надежды избѣгнуть грозившей опасности. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ песокъ могъ накопиться вокругъ подводной части нашего корабля, и тогда слѣдующій приливъ не освободилъ бы уже насъ. Берега едва виднѣлись въ отдаленіи, представляясь намъ обѣтованной землей, къ которой стремительность теченія не позволяла намъ направиться; намъ грозила опасность быть увлеченными въ открытое море, безъ надежды на спасеніе. Немного спустя, появились два буксировщика, подвигавшіеся, впрочемъ, весьма медленно, съ безпрерывными остановками, и начавшіе, въ извѣстномъ разстояніи, торгъ съ нами, какъ спасители, предлагающіе за извѣстную цѣну услуги свои находящимся въ опасности путникамъ. Каждый изъ нихъ поднялъ черную доску съ написанной на ней крупными бѣлыми цыфрами суммой — 600 фунтовъ стерлинговъ (около четырехъ тысячъ рублей серебромъ), которую они требовали за спасеніе насъ. Послѣ напрасныхъ переговоровъ, мы вынуждены были согласиться на предложенныя намъ условія, признавая себя счастливыми, что намъ удалось хоть такой цѣной избѣгнуть неминуемой опасности. Подобнаго рода барышничество, спекулирующее на жизнь человѣка, непонятно во Франціи, народные нравы которой существенно разнятся отъ англійскихъ. Наши моряки спасаютъ погибающихъ ежедневно, рискуя собственною жизнію и отказываясь отъ всякаго вознагражденія. То, что у насъ составляетъ дѣло человѣколюбія,— обращается въ предметъ спекуляціи у нашихъ сосѣдей.

Намъ привелось видѣть на пути плывшіе по водѣ, отъ времени до времени, трупы людей и животныхъ съ впившимися въ нихъ хищными птицами, представлявшими своеобразное зрѣлище: прильнувъ къ мертвому тѣлу и распустивъ надъ нимъ крылья, онѣ казались какъ бы



Индѣйскій способъ путешествія.

двигавшимися по поверхности рѣки. Завидѣвъ первыя зданія предмѣстій Калькуты, я тотчасъ же спрыгнулъ въ одну изъ находившихся вблизи лодокъ, стараясь скорѣе достигнуть берега. Было время отлива. Человѣческіе трупы, лежавшіе распростертыми на берегу, показались бы дурнымъ предзнаменованіемъ тому, кто незнакомъ съ религіозными обычаями страны. Гангъ, эта священная въ глазахъ индусовъ рѣка, относитъ, по понятіямъ ихъ, къ вратамъ рая души тѣхъ, чьи тѣла брошены въ ея воды. Поэтому то, бѣднѣйшіе обитатели береговъ Ганга, денежныя средства которыхъ не позволяютъ имъ купить необходимый матеріалъ для гроба, кидаютъ въ священную рѣку трупы близкихъ имъ лицъ. Кромѣ того, фанатики кладутъ на берегу рѣки умирающихъ индусовъ, въ надеждѣ освятить этимъ послѣднія минуты вѣрующаго. Приливъ уноситъ иногда этихъ обреченныхъ заранѣе гибели людей, и, невѣроятная вещь, были примѣры, что спасенные англичанами, они начинали процессъ противъ своихъ спасителей, требуя отъ нихъ пожизненной пенсіи, подъ тѣмъ вымышленнымъ предлогомъ, что *ина*че имъ предстоитъ умереть съ голоду, такъ какъ родные отказываются принимать спасенныхъ, исполнивъ однажды относительно ихъ свои послѣднія обязанности. На берегу я сѣлъ въ *палки-гари* родъ квадратнаго четырехколеснаго ящика, запряженнаго парой клячонокъ, и велѣлъ отвезти себя въ отель Спенсера.

Каждый индусскій городъ раздѣляется на двѣ части, рѣзко отличающіяся общимъ видомъ и населеніемъ: — туземный, или *черный* городъ, какъ его называютъ англичане, и англійскій городъ. По пути въ отель, мнѣ пришлось проѣхать черезъ *черный* городъ, состоящій изъ узкихъ и грязныхъ улицъ, съ маленькими деревянными домами, весьма невзрачными на видъ и свидѣтельствующими о бѣдности населенія. Пестрыя толпы, тѣснящіяся въ этихъ улицахъ, однѣ только способны возбудить любопытство пріѣзжаго иностранца. Европеецъ не привыкъ къ подобному зрѣлищу, производящему на него, въ первую минуту, весьма сильное впечатлѣніе. Впослѣдствіи я подробнѣе поговорю объ этой интересной, во всякомъ случаѣ, части Калькуты. Англійскій городъ состоитъ изъ кирпичныхъ построекъ, раздѣленныхъ небольшими садами. Отель Спенсера, въ которомъ я остановился представляетъ прекрасное зданіе, расположенное на правительственной площади; неподалеку находится обширный, но отличающійся отсутствіемъ всякаго стиля, дворецъ намѣстника, лучшее украшеніе котораго составляютъ вечеромъ особый родъ туземныхъ птицъ, принадлежащихъ, повидимому, къ одному семейству съ марабу африканскихъ рѣкъ, но достигающихъ иногда

огромныхъ размѣровъ; онѣ отличаются лысой головой, обнаженной шеей и мѣшковиднымъ наростомъ, имѣющимъ форму сосиски, въ нижней части гортани. Обширные апартаменты отеля представляютъ достаточное пространство для свободнаго теченія воздуха; каждый изъ нихъ снабженъ такъ называемой *пункой*, этой необходимѣйшей принадлежностью въ Индіи всякой комнатной обстановки. *Пункою* называется прикрѣпленная къ потолку доска, обтянутая матеріей и постоянно приводимая въ движеніе для освѣженія воздуха. Пунка не только осушаетъ ежеминутно увлажаемое пóтомъ лицо несчастныхъ, осужденныхъ томиться подъ огнемъ индѣйскаго лѣта, но очищаютъ также комнату отъ крылатыхъ насѣкомыхъ, присутствіе которыхъ оказывается всего менѣе пріятнымъ, и которыя своимъ непрестаннымъ жужжаніемъ окончательно одолѣваютъ мучениковъ тропическихъ странъ.

Постараюсь представить въ общихъ чертахъ образъ жизни обитателей этой колоніи. Здѣсь встаютъ обыкновенно на зарѣ, чтобы воспользоваться свѣжестью первыхъ утреннихъ часовъ. Утро начинается обыкновенно верховой прогулкой. Въ половинѣ девятаго подаютъ завтракъ со всевозможными пряностями, составляющими существенную принадлежность мѣстныхъ кушаньевъ. Дневная работа прекращается не ранѣе пяти часовъ, пріятно, если не полезно, прерываемая закуской состоящей изъ мяса, зелени и пива. Вечеромъ, при захожденіи солнца, каждый отправляется въ своемъ экипажѣ на общественное гульбище Strand, — по которому проѣзжаютъ обыкновенно до эспланады форта Вилліамъ, не для того, чтобы подышать пыльнымъ воздухомъ, а единственно съ цѣлью показать себя. По возвращеніи съ прогулки, общество располагается обыкновенно въ ожиданіи обѣда въ круглой галереѣ, окружающей всѣ англо-индѣйскіе дома (bungalovs), чтобы освѣжиться нѣсколько вечерней прохладой. Нужно замѣтить, что вообще жизнь европейцевъ въ Индіи обставлена возможными удобствами и комфортомъ. Въ противоположность французу, преклоняющемуся предъ мѣстными обычаями и нравами и въ извѣстной степени усвоивающему ихъ, англичанинъ, напротивъ, остается полнымъ господиномъ тамъ, гдѣ онъ поселяется, перевозя съ собою, такъ сказать, повсюду свою родину. Обѣдъ въ Индіи тянется обыкновенно довольно долго, и обѣдующіе остаются, какъ и въ Англіи, болѣе или менѣе продолжительное время за столомъ послѣ того, какъ слуги уберутъ съ него кушанья и хрустальные графины, наполненные многоразличными винами: бордосскимъ, портвейномъ, хересомъ и другими. Англичанъ, живущихъ въ Индіи, нельзя упрекнуть въ обремененіи желудка обиль-

ными яствами, которыя дѣлали бы человѣка въ этомъ климатѣ рабомъ многоразличныхъ болѣзней; здѣсь вообще ѣдятъ мало, но частое повторенie закусокъ дѣлаетъ ихъ скорѣе вредными, чѣмъ полезными для здоровья. Аппетитъ постоянно возбуждается неумѣреннымъ употребленiемъ *бранди,* — особаго рода водки, которую пьютъ во всякое время дня не только мужчины, но даже и женщины, хотя и не всѣ, съ прибавленiемъ нѣкотораго количества содовой воды. При взаимныхъ посѣщенiяхъ знакомыхъ главное угощенie, согласно мѣстнымъ обычаямъ, состоитъ изъ крѣпкихъ напитковъ съ примѣсью разныхъ водъ, выпиваемыхъ обыкновенно въ достаточномъ количествѣ. Рѣдкiй англичанинъ въ Индiи можетъ поддерживать какой нибудь разговоръ, не имѣя подлѣ себя стакана, наполненнаго бранди или другимъ подобнымъ напиткомъ. Употребляемый въ избыткѣ, бранди оказываетъ вредное влiянie на здоровье, особенно въ тропическомъ климатѣ. Онъ дѣйствуетъ исподоволь, и дурныя послѣдствiя его обнаруживаются не сразу, но тогда, когда зло оказывается уже неисцѣлимымъ.

Каждый путешественникъ, прибывъ въ новую для него страну, старается прежде всего прiобрѣсти нѣсколько знакомыхъ въ мѣстномъ обществѣ, и съ этой цѣлью запасается обыкновенно рекомендательными письмами, которыя онъ спѣшитъ доставить по назначенiю въ первыя минуты прибытiя своего въ новое мѣсто. Во многихъ странахъ, рекомендательныя письма, даваемыя безъ разбора, слишкомъ легки, и состоящiя изъ нѣсколькихъ общихъ, банальныхъ фразъ, имѣютъ мало значенiя. Но этого нельзя сказать объ англичанахъ, принимающихъ какъ нельзя болѣе радушно и гостепрiимно каждаго рекомендованнаго имъ иностранца. Всякiй, кому случалось посѣщать роскошныя области Индiи, сохраняетъ самыя лучшiя воспоминанiя о томъ прiемѣ, какой ему повсюду оказывали англичане, во время путешествiя по этой странѣ. Къ несчастiю, они слишкомъ привязаны къ обычаямъ родины и не легко разстаются съ ними гдѣ бы то ни было. Въ Индiи англичане появляются во время обѣда и вечеромъ, одѣтые совершенно такъ же, какъ и въ Европѣ. Днемъ они еще рѣшаются носить легкiя платья, покрывая голову фуражками или шляпами разнородной, но всегда причудливой формы, имѣющими, впрочемъ, то достоинство, что онѣ допускаютъ свободное теченie воздуха вокругъ головы, предохраняя ее отъ палящихъ лучей индiйскаго солнца. Этимъ вполнѣ искупаются недостатки ихъ со стороны внѣшняго изящества. Вечеромъ же европейскiя моды воспринимаютъ полную свою силу, и человѣку непривычному приходится претерпѣвать невыносимыя му-

ченія, изнемогая въ черномъ сюртукѣ или фракѣ, словомъ вообще въ черномъ европейскомъ платьѣ, которое принято носить въ этомъ удушливомъ климатѣ.

Пользуясь временемъ дѣланія визитовъ, скажу кстати нѣсколько словъ объ устройствѣ въ Индіи англійскихъ домовъ. Конторы и магазины расположены въ самомъ центрѣ города; напротивъ того, такъ называемыя бунгалоу или частные дома очень часто отнесены на нѣсколько верстъ отъ торговаго квартала и вообще расположены въ довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, что не выказываетъ развитія въ мѣстномъ обществѣ особенной любви къ общежительности. Собранія въ самомъ дѣлѣ, бываютъ здѣсь очень рѣдко, и у англичанъ въ Индіи существуетъ строго соблюдаемый, по крайней мѣрѣ въ офиціальныхъ сношеніяхъ, обычай старшинства и чиноначалія, заставляющій предполагать, что кастовая организація индійскаго общества оказываетъ вліяніе даже на европейцевъ.

Англійскій городъ состоитъ изъ многочисленныхъ садовъ, огражденныхъ невысокими стѣнами и заборами, въ центрѣ которыхъ расположены дома; кухни, людскія, конюшни, сараи и другія хозяйственныя постройки, расположены съ боковъ въ видѣ крыльевъ. Зданія эти отлично приспособлены къ климатическимъ условіямъ; они отстроены въ совершенно особомъ стилѣ, и своеобразный характеръ ихъ рѣзко обнаруживается въ цѣломъ и въ частяхъ. Не отличаясь внѣшнимъ изяществомъ, они, тѣмъ не менѣе, вполнѣ приличны и удобны для жизни въ тропической странѣ. Они построены въ одинъ этажъ, возвышенный на каменномъ фундаментѣ и покрытый пирамидальной кровлей. Вокругъ дома тянется обыкновенно галлерея, поддерживаемая круглыми или четыреугольными колоннами, представляющая родъ навѣса, предохраняющаго отъ солнца и дождя, подъ которымъ можно подышать сколько нибудь свѣжимъ воздухомъ во время дневной жары; особыя цыновки прикрываютъ внутренность этихъ галлерей отъ ослѣпительнаго блеска солнечныхъ лучей. Большія просторныя комнаты отдѣлены одна отъ другой подвижными перегородками, предоставляющими свободное теченіе воздуху; потолокъ большею частію сливается съ крышею, чтобы не уменьшать, по возможности, вышины комнаты. Рядомъ съ залой расположенъ небольшой кабинетъ, въ которомъ, утромъ и вечеромъ, можно испытывать гигіеническое удовольствіе, доставляемое холодной ванной.

Внутренняя обстановка комнатъ отличается вообше простотой: нѣсколько креселъ, или стульевъ краснаго дерева, рояль, столы, кровати и въ особенности большія кресла съ возвышеннымъ сидѣньемъ и про-

тянутыми ручками, имѣющими болѣе аршина длины, приспособленными къ тому, чтобы дать возможность сидящему въ нихъ, протягивать ноги наравнѣ съ туловищемъ; наконецъ, люстры и лампы на потолкѣ и стѣнахъ: такова большею частію внутренняя меблировка этихъ домовъ. Полъ въ нихъ почти всегда кирпичный, скрѣпленный бѣлымъ известковымъ цементомъ, опрятно, если не изящно. Поставленныя посреди комнатъ кровати окружены особымъ газовымъ покровомъ, предохраняющимъ спящаго отъ роя безчисленныхъ, свойственныхъ тропическимъ странамъ, насѣкомыхъ, укушеніе которыхъ болѣзненно, а вѣчное, назойливое жужжаніе было бы рѣшительно невыносимо. Вообще, устройство бунгалоу таково, что въ нихъ рѣдко проникаютъ насѣкомыя, одолѣвающія человѣка въ тропическихъ странахъ. Жилища англичанъ въ Индіи можно охарактеризовать двумя словами: опрятность и комфортъ. Они окружены бываютъ, какъ мы уже сказали, деревьями и растеніями, вѣчно зелеными, благодаря живительной ночной прохладѣ. Доставляемая ими тѣнь составляетъ неоцѣненное благо подъ жгучимъ солнцемъ Индіи.

Окончивъ оффиціальные визиты, я отправился въ кварталы, населенные туземцами, или, какъ ихъ называютъ англичане, въ *черный городъ*. Улицы здѣсь узки и вдоль ихъ тянутся съ обѣихъ сторонъ сплошной линіей лавки, имѣющія видъ громадныхъ шкафовъ, въ которыхъ торговцы сидятъ, поджавъ ноги, посреди товаровъ, составляющихъ предметъ ихъ торговли. Всѣ онѣ имѣютъ только одну дверь, не особенно широкую. Надъ ними возвышается иногда другой этажъ съ деревяннымъ балкономъ, но большею частію онѣ построены въ одинъ этажъ. Эти торговыя улицы, называемыя базарами, представляютъ днемъ весьма оживленное и своеобразное зрѣлище: разнородные и часто щегольскіе костюмы волнующейся на нихъ во всѣхъ направленіяхъ многолюдной толпы и непрерывный рядъ лавокъ, въ которыхъ европейскіе товары смѣшиваются съ произведеніями Востока, невольно поражаютъ съ перваго раза путешественника. Оживленная картина эта совершенно измѣняется, однако, утромъ и вечеромъ, когда лавки заперты и улицы безлюдны. Туземный городъ представляетъ тогда въ высшей степени жалкій и унылый видъ. Эти несчастныя зданія, походящія на лачуги, эти лавки, закрытыя досками, дурно пригнанными одна къ другой и замкнутыя огромными, грубо сдѣланными замками, окна безъ стеколъ, покрытые пылью, балконы, украшенные грубой деревянной рѣзьбой, вполнѣ гармонирующей съ ветхими и грязными стѣнами, все это составляетъ крайне неблагообразную внѣшнюю обста-

новку туземной части города. Внутренность туземныхъ жилищъ отличается тою полунищенскою простотою, которая составляетъ одно изъ характеристическихъ качествъ мѣстной жизни. Индусы тѣснятся тутъ, какъ попало, въ маленькихъ, низкихъ, невзрачныхъ комнатахъ, или вѣрнѣе клѣтяхъ, обставленныхъ также скудно мебелью, какъ скудно прикрыто бываетъ обыкновенно одеждой тѣло индуса. Нѣсколько мѣдныхъ, или глиняныхъ посудинъ, служащихъ для приготовленія пищи и сохраненія воды, нѣсколько древесныхъ листьевъ, замѣняющихъ блюда, металическій кубокъ, поставленный на треножникѣ, или красующійся въ комнатной нишѣ, наполненный кокосовымъ масломъ, въ которомъ плаваетъ свѣтильня, наконецъ, лежащая въ одномъ углу свернутая, разстилаемая вечеромъ цыновка, служащая постелью, а въ другомъ — такъ называемая *гука*, индѣйская трубка: вотъ вся, или почти вся внутренняя обстановка индусскаго жилища. Богатые *бабу* (буржуа) обставляютъ свои болѣе просторныя, но столь же грязныя помѣщенія европейскою мебелью, составляющею, однако совершенно безполезную роскошь для нихъ, такъ какъ они не живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ собраны, какъ предметы рѣдкости, нѣсколько стульевъ, или креселъ краснаго дерева, ящики съ музыкой, стѣнные часы и позолоченныя фаянсовыя вазы, предметъ особаго тщеславія зажиточнаго индуса.

Я не могъ покинуть туземнаго квартала, не посѣтивъ на берегу Ганга мѣста, гдѣ сжигаютъ трупы, прахъ которыхъ бросается потомъ въ волны въ священной рѣки. Мѣсто это окружено съ трехъ сторонъ возвышенною стѣною, вершина которой усѣяна ястребами и другими птицами, готовыми оспаривать между собою куски добычи, пощаженные пламенемъ костра. При мнѣ сожжено было нѣсколько труповъ. Не смотря на распространявшійся отъ нихъ смрадный запахъ, я присутствовалъ съ живѣйшимъ интересомъ при этой, совершенно новой для меня церемоніи. Увидѣвъ нѣсколько индусовъ, собиравшихся кинуть въ священную рѣку тѣла своихъ родныхъ, за неимѣніемъ нѣсколькихъ рупій (около 75 коп.) на покупку матеріяла для гроба, я подалъ бѣднякамъ потребную сумму, и могъ увидѣть полную церемонію похоронъ, совершаемыхъ по индѣйскому обряду. Мысль о смерти и видъ мертваго тѣла такъ слабо дѣйствуетъ на этотъ народъ, фанатизированный искренной вѣрой въ переселеніе душъ, что погребальная церемонія, со всей ея непріятно дѣйствующей на живое чувство обстановкой, не производитъ почти никакого впечатлѣнія на индуса, не смотря на чувство семейной привязанности. Отецъ, сынъ, су-

Индѣйскій аскетъ.

пругъ сжигаются родными, и прахъ ихъ развѣвается по вѣтру, не скажу съ радостнымъ чувствомъ, но съ такимъ полнѣйшимъ равнодушіемъ, которое совершенно непонятно для европейца, не привыкшаго безпрекословно преклоняться передъ силою совершившагося факта, и съ которымъ онъ можетъ освоиться развѣ лишь послѣ долгаго пребыванія посреди этихъ народовъ. Нельзя не признать, конечно, своего рода добродѣтели и душевной силы въ этой искренней и безпрекословной покорности предъ тѣмъ, что совершается совершенно независимо отъ нашей воли.

Отправивъ въ браминскія небеса несчастнаго, которому, за недостаткомъ какой нибудь рупіи, пришлось бы томиться, быть можетъ нѣсколько вѣковъ у вратъ рая, я пожелалъ, предъ отправленіемъ моимъ въ путешествіе по Индіи, принести жертву богинѣ смерти — Кали, и погнавъ лошадей, отправился съ этою цѣлью къ одной изъ прославленныхъ мѣстныхъ святынь,—маленькому храму, расположенному въ предмѣстьяхъ Калькуты. При самомъ входѣ въ него я былъ пораженъ ужаснымъ божествомъ, почитаемымъ большинствомъ современныхъ индусовъ. Богиня Кали представляется въ образѣ черной, четырерукой женщины, съ высунутымъ изо рта краснымъ языкомъ, держащей въ одной рукѣ огромный ножъ, а въ другой отсѣченную голову. Ожерелье изъ мертвыхъ головъ и поясъ изъ отсѣченныхъ рукъ составляютъ весь ея внѣшній покровъ. Опьянѣлая отъ крови, она пляшетъ на поваленномъ ею великанѣ. Часто рядомъ съ нею помѣщаются двѣ подруги ея, представляемыя въ видѣ обнаженныхъ, прикрытыхъ лишь волосами своими, женщинъ, утоляющихъ голодъ окровавленными членами человѣческаго тѣла; помѣщающіеся у ногъ этихъ чудовищъ неразлучные спутники ихъ, лисица и воронъ, пьютъ кровь, капающую изъ отвратительной яствы.

Никакое индійское божество не внушаетъ народу такого страха, какъ Кали, и никакая религія не представляетъ болѣе кроваваго культа, какъ культъ этой богини, — что, впрочемъ, совершенно понятно. Признавая бога зиждителя (Браму), завершившаго свое дѣло, и бога охранителя (Вишну), вынужденнаго по самой натурѣ своей охранять всякое живое существо, вѣрующему индусу остается страшиться лишь болѣзней и смерти, ежечасно предстающихъ предъ нимъ во всемъ ихъ ужасающемъ величіи. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, суевѣрный народъ этотъ не преклоняться въ благоговѣйномъ ужасѣ ·дъ единственнымъ божествомъ въ ихъ пантеонѣ, держащимъ судьбы ловѣка въ своихъ рукахъ: богиней Кали и суровымъ супругомъ ея

Сивой. Неудивительно поэтому, что на знаменитыхъ празднествахъ устраиваемыхъ въ честь Дурги (Кали), набожные энтузіасты прокалываютъ языкъ свой раскаленымъ желѣзомъ, и фанатическіе подвижники вѣры совершаютъ надъ собой такъ называемое истязаніе *хоракъ-пуджа*: вознесенные вверхъ на крюкѣ, раздирающемъ на спинѣ ихъ кожу; они преподносятъ съ улыбкой на устахъ ужасной богинѣ свои страданія *) паря надъ толпою, взирающею на нихъ въ благоговѣйномъ удивленіи.

Представъ предъ идоломъ Кали, я принесъ ему въ жертву только что купленнаго мною ягненка. Въ ту же минуту толпа священниковъ произнесла извѣстныя заклинанія надъ головою жертвы, посыпавъ ея слегка солью, послѣ чего, несчастнаго ягненка облили въ нѣсколько пріемовъ водою, и за тѣмъ жертвоприноситель однимъ ударомъ ножа отсѣкъ ему голову. Тѣло его было передано мнѣ, какъ богоугодная яства, а голова осталась у священниковъ, въ видѣ дани, взимаемой ими съ вѣрующихъ. Въ награду за мое приношеніе мнѣ надѣли на шею цвѣточную гирлянду, которая была предварительно приложена къ идолу, послѣ чего, раздавъ нѣсколько мелкихъ монетъ толпѣ нищихъ, окружившихъ меня со всѣхъ сторонъ, препятствовавшихъ мнѣ выйти, я отправился домой.

Постаравшись такимъ образомъ умилостивить ужасное божество страны, въ которой я находился гостемъ, я сталъ приготовляться къ дальнѣйшему путешествію. Калькута, подобно всѣмъ здѣшнимъ портамъ, посѣщаемымъ европейскими кораблями, послѣ нѣсколькихъ дней, пребыванія въ ней не представляетъ уже ничего новаго для самого любознательнаго наблюдателя.

Въ южной части Бенгаліи, до сихъ поръ путешествуютъ еще въ паланкинахъ. По предъявленіи требованія, почтовое вѣдомство располагаетъ носильщиковъ на опредѣленныхъ пунктахъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго приблизительно на десять англійскихъ миль **). Носильщики обязаны ожидать путешественника въ теченіе трехъ дней послѣ чего они расходятся. Въ Бенгаліи паланкинъ несется на плечахъ четырьмя человѣками — въ двѣ смѣны; а въ другихъ мѣстахъ, шестью — также въ двѣ смѣны. Ночью, *муссальши* обязанный освѣщать путь, идетъ впереди паланкина съ зажженнымъ факе-

*) Кожанный поясъ охватываетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они не могли упасть, въ случаѣ разрыва кожи подъ тяжестью ихъ тѣла, какъ это случается иногда.

**) Англійская [illegible]рсты.

ломъ, ежеминутно поливаемымъ какосовымъ масломъ. Караванъ этотъ дополняется прислугой, необходимой для перенесенія вещей, упаковываемыхъ въ тюки опредѣленнаго вѣса, отъ 20—25 фунтовъ. Каждый подобный тюкъ, привѣшиваемый къ оконечности бамбука, составляетъ ношу одного человѣка. При видѣ щедушныхъ носильщиковъ, не отличающихся подобно всѣмъ индусамъ вообще сильнымъ сложеніемъ и развитіемъ мышечной силы, никакъ нельзя думать, чтобы они могли совершать, безъ отдыха, обремененные значительной ношей, длинные переходы, иногда въ сорокъ верстъ, поддерживая при этомъ силы свои

Уличная сцена въ Индіи.

самой скудной пищей: дважды въ день, около полудня и шести часовъ вечера, они съѣдаютъ по фунту безвкусной, дурно-приготовленной муки. Главная трудность и тягость ихъ дѣла состоитъ въ томъ, чтобы нести паланкинъ безъ внезапныхъ сотрясеній, сохраняя среднюю скорость— около шести верстъ въ часъ. Во время ходьбы, ноги ихъ быстро передвигаются, между тѣмъ какъ верхняя часть тѣла кажется совершенно неподвижною. При хорошихъ носильщикахъ, путешествуя въ паланкинѣ, можно даже писать. Обученіе индусскихъ носильщиковъ начинается перенесеніемъ тяжелыхъ камней, привязанныхъ къ палкѣ; ма-

ленькія подушечки служатъ для уравненія при носкѣ вышины плечъ. Люди эти заслуживаютъ полнѣйшаго довѣрія; въ случаѣ покражи какой-либо изъ ввѣренныхъ имъ вещей, они отвѣтствуютъ за нее и считаютъ въ нѣкоторомъ родѣ дѣломъ чести отыскать и возвратить похищенное. Во все время пути они поютъ, чтобы уравнивать шагъ и вмѣстѣ разгонять скуку, и облегчать сколько нибудь утомленіе, причиняемое тяжелой ношей. Пѣсня ихъ составляетъ иногда простой речитативъ, который можно передать слѣдующими словами: «Увы! увы! какая тяжкая необходимость — трудъ. Увы! сколько мученій приходится претерпѣвать намъ; когда же мы избавимся, наконецъ отъ всѣхъ заботъ и трудовъ». Иногда носильщики импровизируютъ пѣснь, вдохновляясь попадающимся на пути предметами и подчасъ даже личностью самого путешественника. Покидая Калькуту, откуда вмѣстѣ со мною отправлялся одинъ толстый англійскій маіоръ, величественно возсѣдавшій въ паланкинѣ, обставленномъ всѣми жизненными удобствами, мнѣ довелось слышать такого рода пѣсню, непосредственно относившуюся къ этому господину: «Что несемъ мы, легкую ли птичку? Нѣтъ, нѣтъ—тяжелаго, претяжелаго слона», и хоръ повторялъ: «Нѣтъ, нѣтъ — тяжелаго, претяжелаго слона». «Опрокинемъ его. Да развѣ ты не видѣлъ его толстой палки съ золотымъ набалдашникомъ? — Видѣлъ. — Берегись же, чтобы она не проѣхалась по нашей спинѣ.—Понесемъ же, понесемъ».—Пѣсни эти, то жалобныя, то просто визгливыя всего менѣе услаждаютъ слухъ путешественника и не только не разгоняютъ дорожной скуки, но еще усиливаютъ ее. Тѣмъ не менѣе живописная обстановка паланкина, несомаго мѣднаго цвѣта людьми, оглашающими своими своеобразными пѣснями обширныя аллеи, образуемыя вѣковыми деревьями, обстановка эта, говорю, невольно поражаетъ человѣка, впервые посѣщающаго эти страны. Языкъ индусовъ работаетъ еще живѣе ихъ ногъ, что составляетъ, правду сказать, дѣло весьма нелегкое. Они произносятъ иной разъ слово съ неуловимою быстротою, живо напоминающею птичій говоръ. Я понялъ тогда, что у животныхъ можетъ очень легко существовать свой особый языкъ. Каждый носильщикъ старается исполнить свое дѣло по мѣрѣ силъ своихъ, и заработная плата распредѣляется между всѣми поровну. Тяжелый трудъ ихъ оказываетъ пагубное вліяніе на здоровье: всего чаще они страдаютъ растяженіемъ ножныхъ жилъ, которое сопровождается иногда мучительною болью.

Я отправился въ путь 6-го декабря вечеромъ по направленію въ Куттакъ. Предо мною тянулись плодородныя и хорошо воздѣланныя

Пàгода близъ Куттака.

равнины, но унылыя, какъ вся природа южной Бенгаліи. Отъ времени до времени, однообразіе пейзажа прерывалось безплодными пространствами, покрытыми тощею растительностью. Трудно представить себѣ что нибудь менѣе живописное восточнаго берега Индіи, даже въ значительномъ разстояніи отъ моря. Напротивъ того, Индустанъ, Гималай и Гатскія горы при гористомъ характерѣ тамошней мѣстности, представляютъ иногда въ высшей степени живописные ландшафты. За то путешественника всюду заинтересуютъ въ Индіи своеобразные нравы, костюмы и оригинальныя празднества народа. Съ наступленіемъ ночи, *муссальши*, вооруженный зажженнымъ факеломъ, освѣщалъ путь нашему каравану, двигавшемуся посреди широкихъ аллей, усаженныхъ разнородными деревьями, старые стволы которыхъ, минутно освѣщавшіеся факельнымъ пламенемъ, казались какъ бы переплетавшимися между собою. Я вскорѣ заснулъ, убаюканный мирною пѣснью носильщиковъ.

На другой день я остановился на нѣсколько минутъ въ бунгалоу,— такъ называются дома, построенные англійскимъ почтовымъ вѣдомствомъ на протяженіи каждыхъ восьмидесяти миль, для отдыха путешествующихъ по странѣ европейцевъ. Тутъ можно найти завтракъ, обѣдъ, нѣсколько отдохнуть и переодѣться. Бунгалоу эти устроены по образцу англо-индѣйскихъ домовъ, въ одинъ этажъ, окруженный галлереею. Отдѣленіе, предназначенное для путешественниковъ, состоитъ изъ двухъ, или трехъ скромно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ поставлены стулъ, столъ, постель и виситъ неизбѣжная пунка; рядомъ съ каждой комнатой устроена ванна. Хозяйствомъ въ нихъ завѣдуетъ такъ называемый *китмуджаръ*. Вывѣшенный на стѣнѣ прейсъ-курантъ, утвержденный мѣстною властью, указываетъ цѣны находящихся въ бунгалоу кушаньевъ и напитковъ. Заведенія эти содержатся администраціей, взимающей рупію (около 75 коп. сер.) съ человѣка, все равно останавливается ли онъ въ нихъ на минутный отдыхъ, или на цѣлый день. Нельзя достаточно оцѣнить выгодъ, оказываемыхъ этими бунгалоу въ странѣ, гдѣ деспотически господствующій кастовый духъ не позволяетъ индусу принять или угостить у себя человѣка, принадлежащаго къ низшей кастовой категоріи.

Путешествіе въ паланкинѣ весьма удобно для того, кто желаетъ ознакомиться съ обычаями страны. На берегахъ рѣкъ, или священныхъ прудовъ, путешественнику приходится встрѣчать иногда пламенныхъ почитателей какого нибудь изъ неисчислимыхъ боговъ индусскаго пантеона, благоговѣйно-совершающихъ омовеніе, взывая къ почитаемому ими идолу. Въ Индіи, можно сказать, каждый создаетъ себѣ свою соб-

ственную религію, свое особое небо, населеное его экзальтированною фантазіею, самыми своеобразными божествами. Въ другомъ мѣстѣ молодыя бенгальскія женщины, выглядывающія весьма привлекательно въ ихъ прозрачныхъ *сари* (родъ хламиды, которой покрываются индусскія женщины, выходя изъ дому), вступаютъ по поясъ въ воду, и, распустивъ по обнаженнымъ плечамъ, длинные, черные волосы, совершаютъ свой туалетъ; весьма мило и женственно, наполнивъ водою мѣдные сосуды, онѣ кокетливо ставятъ ихъ на голову и медленною поступью возвращаются домой; между индусскими женщинами мнѣ не разъ приходилось встрѣчать тѣ греческіе типы, которые возбуждаютъ наше удивленіе въ отличныхъ статуяхъ, съ ихъ мягкими, упругими формами, небольшой головой, низкимъ лбомъ, и тонкою, стройно удлиненною шеею. Нѣсколько далѣе, старый факиръ, покрытый одной лишь святостью своей, предоставляетъ удивленію и почитанію набожныхъ индусовъ изнуренное воздержаніемъ и добровольно нанесенными ранами тѣло свое, скрываемое на половину волосами, неумѣренный ростъ которыхъ и отталкивающее неряшество внушаютъ самое глубокое къ нему почтеніе его единовѣрцевъ. Наконецъ, разнообразіе путевой картины довершилось зрѣлищемъ цирюльника, который, стоя на порогѣ расположеннаго по дорогѣ дома, своеобразно выбривалъ голову какого нибудь индуса. На свѣтѣ найдется, конечно, мало странъ, въ которыхъ народная фантазія создала бы столько своеобразныхъ видовъ причесокъ, какъ въ Индіи.

Путь мой лежалъ чрезъ Миднапуръ къ югу въ Баласуръ. Эта совершенно ровная страна хорошо воздѣлана. Группы пальмовыхъ, банановыхъ и бамбуковыхъ деревьевъ пріятно развлекаютъ взоръ, утомляемый однообразіемъ мѣстности. Почти на каждомъ шагу здѣсь встрѣчаются многолюдныя деревни, поражающія своею крайнею бѣдностью. Дома въ нихъ большею частію земляныя, или выстроены изъ грубаго дерева, смазаннаго глиной. Картина оживляется лишь встрѣчаемыми изрѣдка по пути паланкинами, телѣгами, запряженными такъ называемыми зебу (горбатыми волами), на которыхъ перевозятся вещи какого нибудь индуса, или англійскихъ офицеровъ, поселянами, воздѣлывающими свои поля, рисовыми птицами (Ardea babulcus), отличающимися стройною и легкою поступью, бѣлыя перья которыхъ рѣзко выдѣляются среди темныхъ грядъ рисовыхъ полей и зеленыхъ стеблей травъ. По временамъ встрѣчаются также маленькія пальмовыя бѣлки съ сѣрою спиною, покрытою темными полосами, перепрыгивающія съ вѣтки на вѣтку съ свойственною имъ легкостью, обратившеюся въ пословицу. Не

ранѣе, какъ по вьѣздѣ изъ Баласура, начинаетъ показываться въ отдаленіи на западѣ небольшая холмистая цѣпь; миновавъ ее, мы прибыли въ Куттакъ, главный городъ округа, самъ по себѣ, впрочемъ, очень незначительный, въ которомъ до сихъ поръ существуетъ еще фортъ, выстроенный нѣкогда Моголами. Здѣсь я остановился на ночлегъ. Въ разстояніи одной мили отъ этого мѣста находится небольшая пагода, содержащая въ себѣ нѣсколько скульптурныхъ работъ, не представляющихъ, впрочемъ, археологическаго интереса.

Орисса, по крайней мѣрѣ, въ приморскихъ округахъ своихъ, представляетъ бѣдную страну съ неблагодарною почвою и песчаными равнинами, покрытыми колючками съ пурпуровыми цвѣтами; населеніе ея стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже большей части индусовъ. Главную растительность этой мѣстности составляютъ тамариндовыя и тощія пальмовыя деревья. Здѣсь, какъ и во всей Индіи, воздѣлывается въ значительномъ количествѣ турецкая конопля, свѣжее масло, которой служитъ приправой для кушаньевъ, а также для другихъ цѣлей, и горчичное растеніе, доставляющее, между прочимъ, лампадное масло; — макъ, индиго, шелковица, воздѣлываемыя въ изобиліи въ долинѣ Гангаа, почти не встрѣчаются, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются здѣсь очень рѣдко. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ориссы произрастаютъ въ значительномъ количествѣ два вида пальмъ. Borassus flabelliformis и Phoenix sylvestris.

Изъ Куттака мы отправились въ Джагернаутъ, — одинъ изъ самыхъ священныхъ городовъ Индіи. Длинная аллея — приблизительно миль въ двадцать протяженія — окаймленная съ обѣихъ сторонъ прекрасными деревьями, ведетъ изъ Куттака въ Пури, — городъ, расположенный по сосѣдству съ Джагернаутомъ. Мѣстность эта представляетъ довольно ровную картину, нѣсколько оживляемую лишь играющими въ зеленой чащѣ обезьянами. Вскорѣ мы стали встрѣчать цѣлыя семейства пилигримовъ, еле двигавшихся отъ утомленія; исхудалые члены ихъ свидѣтельствовали о тяжкихъ лишеніяхъ, которыя имъ приходилось претерпѣвать въ предпринятомъ ими богоугодномъ странствованіи. Нѣкоторые изъ нихъ украшены были священнымъ шнуромъ, составляющимъ отличительную привиллегію первыхъ трехъ кастъ (шнуръ этотъ носятъ на лѣвомъ плечѣ). Брамины имѣютъ четыре дженнара*), а кшатріи и войчіасъ — три. Большинство этихъ богомольцевъ несетъ на

*) Дженнаръ состоитъ изъ трехъ сплетенныхъ вмѣстѣ нитей въ двадцать шесть локтей длины.

плечахъ одинъ лишь мѣдный сосудъ, служащій для черпанія воды и составляющій весь ихъ дорожный багажъ. Я былъ не мало удивленъ, встрѣчая вдоль всей дороги брошенныя на ней большія земляныя кастрюли—цѣльныя, или слегка разбитыя. Существующая въ Индіи кастовая организація породила понятіе, что парія однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ предметъ, принадлежащій человѣку высшей касты, и какъ бы ни былъ бѣденъ иной индусъ, но онъ ни за что не рѣшится приготовить себѣ въ дорогѣ кушанье въ кастрюлѣ, на которую случайно кинулъ взоръ парія; онъ рѣшится скорѣе уменьшить свою ежедневную порцію риса, чтобы только купить новую кастрюлю. Правило это допускаетъ, однако, странное исключеніе: нѣкоторыя матеріи, напримѣръ, шелковыя, а также нѣкоторая посуда, въ томъ числѣ мѣдная, обладаютъ особою привиллегіей, состоящей въ томъ, что онѣ могутъ быть очищены, посредствомъ повтореннаго нѣсколько разъ мытья, отъ оскверненія, причиненнаго имъ не только взоромъ, но даже непосредственнымъ прикосновеніемъ самого презрѣннаго паріи. Это своеобразное исключеніе очень просто объясняется цѣнностью вещей, обладающихъ удивительной способностію очищенія; привиллегіей этой не пользуются, въ сущности, только одни малоцѣнные предметы, доступные по цѣнѣ каждому. Какъ живо обнаруживается во всемъ этомъ абсолютный кастовый духъ, не допускающій никакого общенія между людьми различныхъ классовъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда недостатокъ денежныхъ средствъ заставляетъ человѣка касты вести одинаковый образъ жизни съ паріями; онъ и тутъ еще находитъ средство отдѣлять себя отъ нихъ какою то демаркаціонною чертою.

Одно изъ встрѣченныхъ мною по пути семействъ пилигримовъ прошло пѣшкомъ около тысячи миль, задумавъ посѣтить, въ набожномъ усердіи своемъ, всѣ священныя мѣста Индіи. У Джагернаута оно оканчивало свое продолжительное богомольное странствованіе; ему оставалось пройти еще какую нибудь сотню миль, чтобы отдохнуть, наконецъ, въ своемъ домѣ отъ трудовъ и утомленія тысячимильнаго пути. Семейство это, состоявшее изъ старика, двухъ мужчинъ, трехъ женщинъ, и нѣсколькихъ дѣтей, отправилось изъ родной деревни въ далекій путь безъ всякихъ средствъ, возлагая надежду на общественную благотворительность и покровительство своего божества. Нѣсколько далѣе, на самой серединѣ дороги, лежалъ на землѣ старикъ, томившійся въ предсмертныхъ мученіяхъ. Сынъ его, семнадцатилѣтній юноша, сидѣлъ возлѣ умиравшаго, глядя на него грустнымъ, но покорнымъ взоромъ. Чувствуя приближеніе смерти старикъ пожелалъ, несмотря на

испытываемыя имъ мученія, дотащиться до священной пагоды, находящейся близъ Джагернаута, чтобы испустить послѣдній вздохъ, вперивъ взоры въ прославленную индусскую святыню. Онъ прошелъ шестьдесятъ миль, но послѣднія силы покидали его, и ему не удалось исполнить своего завѣтнаго желанія; онъ умеръ въ значительномъ разстояніи отъ цѣли, къ которой стремились всѣ его помыслы. Индусы вѣрятъ, что если они умрутъ, устремивъ глаза на священную рѣку, или на какую либо прославленную пагоду, то душа ихъ вознесется прямо въ рай. Вотъ почему путешественнику приходится встрѣчать столько остововъ, столько костей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Куттака къ Джагернауту. Во время великихъ мартовскихъ праздниковъ, воздухъ зачумленный зловоніемъ, исходящимъ изъ разлагающихся труповъ, порождаетъ многочисленныя болѣзни, и холера часто распространялась изъ этого зачумленнаго источника по Индіи и другимъ странамъ міра. Фанатизмъ порождаетъ иногда въ высшей степери странныя проявленія набожности; говорятъ, что нѣкоторые пилигримы измѣряли своимъ тѣломъ разстояніе, отдѣляющее одну отъ другой прославленныя пагоды; они ложатся животомъ на землю, вытянувъ руки, потомъ встаютъ и опять ложатся на томъ мѣстѣ, гдѣ приходилась оконечность рукъ ихъ, и продолжаютъ такимъ образомъ, пока достигнутъ священной цѣли своего странствованія. Мнѣ самому приводилось видѣть подобнаго рода подвижничество, совершавшееся вокругъ храмовыхъ оградъ, во искупленіе, по всей вѣроятности, какихъ нибудь тяжкихъ прегрѣшеній.

Пури расположено на берегу моря: впереди индусскаго города возвышаются, разбросанные по равнинѣ, многочисленные бунгалоу, выстроенные европейцами. Нѣкоторые изъ нихъ служатъ постояннымъ мѣстопребываніемъ правительственныхъ лицъ; другіе — дачами, въ которыя переѣзжаютъ англичане, живущіе въ Куттакѣ, на лѣто, чтобы пользоваться морскими купаньями и дышать морскимъ воздухомъ. Зданія эти соединены между собою каменными настилками, избавляющими мѣстныхъ жителей отъ утомительнаго перехода по раскаленному, сыпучему песку. Вымощенная и уставленная скамьями дорога, представляетъ для маленькой европейской колоніи мѣсто пріятнаго гульбища, господствуя съ одной стороны надъ моремъ, а съ другой надъ песчанымъ океаномъ, окоймленнымъ на югѣ зеленой полосой, среди которой высится высокая башня Джагернаута. Туземный городъ грязенъ и дурно построенъ. Большая часть домовъ, расположенныхъ вдоль большой и длинной улицы, ведущей къ пагодѣ, грубо разрисована фрес-

ками, въ азіатскомъ вкусѣ; рисунки эти изображаютъ пляшущихъ баядерокъ, индусскихъ боговъ и фантастическихъ животныхъ. Индусскіе художники, нужно замѣтить, повинуются вообще лишь внушенію своей причудливой фантазіи, пренебрегая самыми основными правилами перспективы и указаніями анатоміи. На каждомъ шагу вы наткнетесь тутъ на священныхъ зебу, свободно разгуливающихъ по всѣмъ направленіямъ, безцеремонно захватывая какія имъ угодно овощи и фрукты, разложенные на базарахъ и передъ лавками; никто не смѣетъ отогнать, или ударить ихъ, потому что они находятся подъ высокимъ покровительствомъ Джагернаута, властелина міра. Замѣчательно, что они питаютъ, повидимому, какую то непримиримую ненависть къ европейцамъ, которыхъ сопровождаетъ обыкновенно, при посѣщеніи ими священнаго города, туземный полисменъ для защиты ихъ отъ гнѣва зебу. Во время одной изъ моихъ прогулокъ по этому мѣсту, я шелъ посреди четырехъ блюстителей общественнаго благочинія и видѣлъ, какъ благородныя животныя не разъ устремляли рога противъ своихъ набожныхъ почитателей. Справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что вообще они вели себя довольно благопристойно, какъ подобаетъ благовоспитанному божеству, проживающему въ полнѣйшемъ довольствѣ. Животныя эти очень красивы, и я не совсѣмъ равнодушно поглядывалъ на большіе, качающіеся на спинахъ ихъ горбы, изъ которыхъ можно было бы приготовить самое сочное мясное блюдо.

Зебу составляютъ не единственное и, главное, не самое зловредное животное, боготворимое въ оградѣ Джагернаута индусскимъ населеніемъ. На всѣхъ крышахъ домовъ, на стѣнахъ храмовъ, на садовыхъ деревьяхъ, повсюду видны цѣлыя стада обезьянъ, гримасничающихъ и позволяющихъ себѣ разныя шалости. Я встрѣчалъ тутъ обезьянъ двухъ родовъ: длиннохвостыхъ и безхвостыхъ. Природа одарила послѣднихъ, въ замѣнъ хвоста, другимъ украшеніемъ: яркими цвѣтами, которыми блещутъ ихъ обнаженныя части. Нѣкоторые пруды наполнены священными рыбами и крокодилами, принимающими пищу изъ рукъ вѣрующихъ индусовъ.

Самый храмъ окруженъ красивою зубчатой стѣной, заключающей, какъ увѣряютъ, въ своей прямоугольной оградѣ, множество разнаго рода святынь, портиковъ, священныхъ водоемовъ, но такъ какъ всѣмъ, безъ исключенія, европейцамъ возбраненъ доступъ въ него, то глазу невѣрующихъ представляется только священная обитель трехъ мѣстныхъ божествъ — высокая башня Бара-Деваль, господствующая своею массою надъ всѣми другими зданіями. Издали она походитъ на колос-

Индѣйскій типъ. Факиръ-фанатикъ.

сальный столбъ, представляя въ дѣйствительности четыреугольную постройку, стѣны которой описываютъ, по мѣрѣ возвышенія ихъ, кривую, образуя въ вершинѣ полу-эллипсоидъ. Съ каждой стороны ея устроенъ широкій выступъ. При описаніи буванешварскихъ храмовъ, мы увидимъ, какимъ образомъ, устроивая рядъ постепенно уменьшающихся выступовъ, индусы воздвигаютъ зданіе полу-элипсоидальной формы, имѣющей видъ колосальнаго столба. Углы башни округлены на подобіе веретена. Наружныя стѣны ея украшены нѣсколькими скульптурными работами, но вообще ихъ можно скорѣе назвать гладкими; — въ архитектурномъ отношеніи пагода эта много уступаетъ ориссіенскимъ храмамъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Построеніе ея относятъ къ 1200 г. по Р. Х., но я полагаю, что она построена гораздо позже. Главная входная дверь ведетъ въ переднюю пристройку съ пирамидальною крышей. Съ каждой стороны ея расположена статуя, изображающая чудовище, нѣсколько походящее на льва, съ головой, покрытою тіарой. Фронтонъ украшенъ изображеніями планетъ и солнца, составляющими необходимую принадлежность всѣхъ религіозныхъ построекъ въ Ориссѣ. Четыре маленькія каріатиды, довольной грубой отдѣлки, поддерживаютъ карнизъ, въ срединѣ котораго красуется изображеніе самого владыки міра — Джагернаута. Внутри храмъ имѣетъ 70 метровъ *) вышины; индусы могутъ видѣть тутъ ежедневно чудовищные образы Джагернаута, или Вишну, брата его, Баларама, или Махадеа, и сестры ихъ Субадры или Кали. Образа эти — простые деревянные бюсты, въ два метра вышины, раскрашенные бѣлымъ, чернымъ и желтымъ цвѣтами; голова идоловъ не представляетъ даже грубаго сходства съ человѣческой фигурой; мнѣ удалось видѣть гравюру ихъ, доставленную однимъ мѣстнымъ художникомъ. Оба брата изображаются съ приподнятыми въ воздухъ руками, сестра же изображается совершенно безрукою. Въ передней части святилища стоитъ колѣнопреклонный *Гарунда*, крылатый богъ, на которомъ ѣздитъ обыкновенно Джагернаутъ.

Идоламъ подаютъ ежедневно три смѣны кушанья, на которыя, по словамъ Мансбаха, расходуется слѣдующее количество провизіи: четыреста десять фунтовъ рису, двѣсти двадцать пять фунтовъ муки, триста пятьдесятъ фунтовъ свѣжаго, очищеннаго масла, сто шестьдесятъ семь фунтовъ патоки, шестьдесятъ фунтовъ овощей, сто двадцать шесть фунтовъ молока, двадцать четыре фунта пряностей, тридцать че-

*) Метръ равняется $22\frac{1}{2}$ вершкамъ.

тыре фунта соли и сорокъ одинъ фунтъ кокосоваго масла. Этой подробно перечисленной меню провизіи, кажется, врядъ ли достаточно не только для утоленія голода любаго бога, каковъ бы ни былъ его божественный аппетитъ, но также для насыщенія священниковъ и всего храмоваго причта, обладающихъ не столь прожорливыми желудками. Во время вечерней закуски, продолжающейся около часу, всѣ храмовыя двери тщательно запираются и на этихъ олимпійскихъ банкетахъ имѣютъ право присутствовать только нѣкоторые избранные священнослужители. Главный настоятель храма и браманы, освященные продолжительнымъ постничествомъ и истязаніемъ плоти. Во все время банкета музыка не перестаетъ наполнять воздухъ своими рѣжущими звуками, услаждая уши вѣрующихъ. Если прибывшій изъ дальнихъ странъ путешественникъ можетъ пожалѣть о представляющейся для него невозможности проникнуть въ священную ограду, то онъ сочтетъ себя отчасти вознагражденнымъ за это интереснымъ зрѣлищемъ, которое ему придется увидѣть на площади, расположенной предъ храмомъ. Посреди ея возвышается стройная колонна, многоугольной формы, увѣнчанная маленькой статуей *Гонумана*, бога обезьянъ или индусскаго Меркурія. Посреди кучи зебу и другихъ животныхъ тѣснится пестрая толпа набожныхъ аскетовъ; нѣсколько небольшихъ шалашей, устроенныхъ изъ прутьевъ и сухихъ вѣтвей, служатъ убѣжищемъ для вѣрующихъ, проводящихъ всю свою жизнь въ созерцаніи стѣнъ храма и недостаточно прикрывающихъ совершенную наготу свою известью, которой они бѣлятъ свои члены. Тѣло этихъ отшельниковъ все покрыто красными полосами. Одни полагаютъ, что они совершаютъ дѣло угодное Богу — отращивая волосы и предаваясь безумной пляскѣ; другіе прокалываютъ себѣ шеи желѣзными шпильками; нѣкоторые, наконецъ, связываютъ свое тѣло свѣжими изображеніями зебу. Есть и такіе, которые, въ порывѣ своего фанатическаго энтузіазма, доходятъ до такого безумія, что пьютъ мочу священныхъ животныхъ. Все это показываетъ до какого отупѣнія привели нищета и удаленіе отъ природы индійскій народъ, упорно поддерживаемый въ немъ бѣдственнымъ суевѣріемъ. Въ разстояніи мили отъ города находится священный прудъ, къ которому ведетъ большая аллея, постоянно переполненная нищими и богомольцами. Посреди ея возвышается маленькій храмъ съ колоннами, составляющій увеселительную резиденцію Джаггернаута. Владыка міра проводитъ здѣсь ежегодно нѣсколько дней, предаваясь удовольствію купанья.

По словамъ Макбаль, прожившаго въ Ориссѣ безвыѣздно четыре

года и сообщившаго въ бюллетеняхъ азіатскаго общества весьма интересныя подробности о культѣ Джагернаута, поклоненіе ему ознаменовывается двумя великими празднествами: первое изъ нихъ происходитъ тогда, когда владыка міра, послѣ извѣстныхъ омовеній, преображается въ *Ганезу*, полу-слона, совершая это чудесное превращеніе, къ великой радости вѣрующихъ, очень легко, при помощи простой картонной маски. Другое, болѣе важное празднество, совпадаетъ съ вступленіемъ солнца въ созвѣздіе Белы. Идоловъ везутъ къ священному пруду на трехъ колесницахъ: шестнадцати-колесная колесница Джа-

Пальмовая роща на берегахъ Годавари.

гернаута, испещренная разными изображеніями самыхъ неприличныхъ сценъ, имѣетъ восемь метровъ длины и столько же ширины. На нее кладутъ владыку міра, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ изъ ярко-цвѣтныхъ тканей, и везутъ въ сопровожденіи огромной толпы священниковъ, предшествуемыхъ статуей, держащей за поводья золоченыхъ коней. Нѣсколько тысячъ человѣкъ тащатъ эту махину посредствомъ прикрѣпленныхъ къ ней шести крѣпкихъ канатовъ, посреди оглушительныхъ возгласовъ богомольцевъ, сливающихся съ рѣжущими, пронзительными звуками трубъ. Сколько нужно было людей, чтобы тащить

ее въ прежнее время, когда колесница эта, обремененная всевозможными украшеніями, дѣлалась не изъ дерева, какъ теперь, а изъ камня — даже колеса въ ней были каменныя—и только одинъ куполъ кирпичный! Въ развалинахъ Гумпи (Биджогнугуръ) сохранился еще образчикъ подобной колесницы. Прибывъ въ свою загородную резиденцію, ужасное божество остается выставленнымъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и во все время вѣрующіе находятся въ состояніи какого то фанатическаго опьянѣнія. Съ утра до вечера раздаются клики и завыванія, сопровождаемыя безпорядочными плясками, а вечеромъ со всѣхъ сторонъ спускаютъ фейерверочныя ракеты. Празднество это заканчивается возвращеніемъ бога въ его обычную резиденцію.

ГЛАВА II.

ЧЕРНАЯ ПАГОДА. — НАЧАЛО БУДДІЙСКОЙ РЕЛИГІИ И СВЯЗЬ ЕЯ СЪ ИНДѢЙСКОЮ АРХИТЕКТУРОЮ.

Я не хотѣлъ удалиться изъ окрестностей Пури, не посѣтивъ развалинъ храма Солнца, извѣстнаго англійскимъ морякамъ, подъ именемъ Блекпагода (Черная пàгода). Храмъ этотъ, расположенный въ шестнадцати миляхъ отъ Пури, въ виду моря, почти въ равномъ разстояніи отъ двухъ главныхъ устьевъ Маханудди, заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ вниманія туриста и археолога. Это, безспорно, прекраснѣйшій образецъ индусской архитектуры во всей чистотѣ ея стиля. И, не смотря на то, очень немногіе путешественники посѣщали его, такъ какъ онъ стоитъ совершенно уединенно, среди пустынной дельты плоскаго песчанаго Маханудди. Но, достигнувъ однажды этого мѣста, путешественникъ не пожалѣетъ затраченнаго времени и сочтетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за дорожное утомленіе, при видѣ до сихъ поръ стоящихъ еще развалинъ этого колосальнаго памятника, долженствовавшаго быть въ свое время однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ и величественныхъ созданій индусской архитектуры.

Отправляясь къ Черной пàгодѣ, путешественникъ можетъ пріятно развлекать себя въ пути, охотясь за стройными антилопами, населяющими эту пустыню; не смотря на природную дикость ихъ, мнѣ удалось, благодаря моему монтоновскому карабину, подстрѣлить нѣсколько антилопъ, витые рога которыхъ я сохраняю, какъ драгоцѣнность. Святилище Черной пàгоды не существуетъ болѣе; на мѣстѣ его возвышается лишь нестройная куча каменныхъ обломковъ. Передняя пристройка, хотя также развалившаяся, представляетъ еще много интереснаго для наблюдателя. Трудно было бы перечислить всѣ барельефы и разнаго рода изваянныя группы въ ихъ естественную величину, покрывающія

наружныя стѣны. Эти артистистическія работы далеко превосходятъ все то, къ чему пріучило насъ современное индусское искусство. Жаль только, что всѣ онѣ, безъ исключенія, изображаютъ самыя неприличныя сцены. Въ цѣломъ, эта часть пагоды представляетъ величественную постройку. Сводъ, поднятый на значительной вышинѣ, замѣчателенъ своей стройностью и архитектурнымъ изяществомъ. Индусское искусство достигло тутъ, повидимому, апогея своего величія; громадность размѣровъ не исключаетъ изящества и грандіозность, вполнѣ гармонируетъ съ роскошью. Построенная, подобно всѣмъ храмамъ въ Ориссѣ, безъ дерева, Черная пагода утверждается лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ на огромныхъ желѣзныхъ лежняхъ. Въ переднюю пристройку ведутъ двѣ двери, каждая шириною въ пять метровъ. Украшенія главной двери весьма замѣчательны. Боковые придѣлы представляютъ цоколи, украшенные семью статуями въ двадцать восемь центиметровъ *) вышины; средняя, главная часть украшена гирляндами и разными изваяніями; карнизы испещрены также весьма тонкими скульптурными работами. На полу лежитъ камень, приблизительно метровъ въ восемъ длины при полутора метрахъ ширины и двухъ вышины, увѣнчивавшій нѣкогда главную дверь, на которомъ до сихъ поръ еще можно разсмотрѣть девять изображеній планетъ. Всѣ эти изваянія покрыты множествомъ жемчужныхъ нитей. Сводъ, возносящійся на высотѣ, покрайней мѣрѣ 30 метровъ, устроенъ горизонтальными уступами, такъ что каждый камень выдается нѣсколько надъ нижнимъ, служащимъ ему основаніемъ. Наружныя стѣны были сплошь покрыты изваяніями и не смотря на разрушеніе и сорныя травы, покрывающія теперь развалины этого памятника древне-индусскаго творчества, по нимъ можно судить еще о величественномъ видѣ его, въ то время, когда разрушеніе не успѣло еще коснуться его, и можно получить хоть приблизительное понятіе о безчисленномъ количествѣ покрывавшихъ его нѣкогда статуй. Вершина передней пристройки представляетъ подобіе чалмы, поддерживаемой восемью львами; надъ нею находится другая вершина меньшихъ размѣровъ, поддерживаемая восемью гриффами. Пристройка эта имѣетъ двадцать метровъ длины.

Нельзя не пожалѣть, во имя искусства, что этотъ великолѣпный храмъ разрушается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, и чрезъ нѣсколько лѣтъ одна лишь безобразная груда повалившихся камней останется тамъ, гдѣ возвышался нѣкогда одинъ изъ прекраснѣйшихъ и замѣча-

---

*) Центиметръ составляетъ сотую часть метра.

Индѣйскій нищенствующій монахъ.

тельнѣйшихъ памятниковъ азіятской архитектуры. Въ началѣ христіанской эры Буванешвара былъ однимъ изъ величайшихъ городовъ Индіи, и на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышался онъ, до сихъ поръ еще стоятъ храмы, число которыхъ превосходитъ сотню; они успѣли довольно хорошо сохраниться, не смотря на то, что большая часть ихъ оставлена и находится въ совершенномъ запущеніи. Всѣ они были воздвигнуты въ седьмомъ, или осьмомъ, вѣкѣ по Р. Х. и представляютъ до сихъ поръ живой интересъ, не только по красотѣ и оригинальности своей, но въ особенности потому, что по нимъ можно изучать азіятскую архитектуру. Мнѣ не удалось быть внутри Линграйской пàгоды, самой замѣчательной по своимъ размѣрамъ, святилище которой имѣетъ около 50 метровъ вышины. Нѣсколько браминовъ, находящихъ убѣжище въ этомъ храмѣ, возбраняютъ доступъ внутрь его такимъ нечистымъ, по мнѣнію ихъ, паріямъ, какъ англичане и французы. Не видѣвъ ея, можно, однако, безошибочно сказать, что она также обставлена и отдѣлана внутри, какъ и другія, большія и малыя пàгоды, расположенныя въ этой мѣстности. Всѣ они посвящены *Махадевѣ*, великому богу, боготворимому, какъ верховный источникъ жизни и производительности, въ образѣ каменнаго, почти необдѣланнаго столбика, возвышающагося изъ средины маленькой деревянной посудины. Набожные индусы покланяются, какъ и въ главномъ бенаресскомъ храмѣ, этому грубому символу божества, или *Лингаму*, обливая его кокосовымъ масломъ и дѣлая ему разныя вещественныя приношенія, какъ-то: рисъ, домашнюю птицу и проч., которыми само собою разумѣется, пользуются не столько боги, сколько брамины. Масло, которымъ поливаютъ идола. благоговѣйно собираемое въ стоящемъ внизу сосудѣ, обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ творить чудеса. Священники часто покрываютъ красною краскою этого своеобразнаго идола. Описываемая пàгода, какъ и всѣ храмы въ Ориссѣ, походитъ издали на огромный столбъ. Это четыреугольная башня, квадратное основаніе которой украшено барельефами, изображающими часто разнаго рода неприличныя сцены. На округленной вершинѣ башни красуются восемь львовъ, поддерживающихъ огромную каменную массу, напоминающую видомъ своимъ чалму. Украшеніе это представляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей ориссіенской архитектуры; въ позднѣйшихъ постройкахъ она увѣнчивается урной, или *шакрай* Вишну *). Углы башни округлены; своды, изъ которыхъ иные имѣютъ до 50 метровъ вышины, устланы

*) Шакра — это желѣзное колесо, символъ разрушенія, которымъ всегда вооруженъ богъ Вишну.

*

[illegible] уступами [illegible]. Вообще, въ [illegible] архитектурѣ преобладаютъ горизонтальныя линіи. Въ Индіи [illegible] [illegible] [illegible] эффекты [illegible] [illegible] [illegible] части [illegible] расположены [illegible] [illegible] и [illegible] всѣхъ [illegible] своихъ [illegible] [illegible] обра-зами [illegible] хра-мовъ [illegible] [illegible] немалаго размѣра.

Я не буду подробно описывать эти храмы, потому что о нихъ много [illegible] въ «Asiatic Researches of Bengal», [illegible] [illegible] по Индіи [illegible].

Прежде чѣмъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ Орисѣ [illegible] [illegible] въ Индіи [illegible].

[illegible] въ Индіи [illegible] — [illegible].

[illegible] XII столѣтія [illegible] аф-[illegible]. Большинство изъ нихъ [illegible] и не составляетъ двѣнадцатой части [illegible] Индіи. Мы должны также упомянуть о христіанахъ

** [illegible] такъ какъ [illegible] мѣста [illegible] [illegible].

южнаго Декана и о парсисахъ или огнепоклонникахъ бомбейскаго президентства. Я буду подробно говорить объ этихъ религіяхъ при описаніи отдѣльныхъ странъ, гдѣ многочисленны послѣдователи той и другой религіи.

Буддизмъ, который имѣетъ послѣдователей только въ Непалѣ и на Цейлонѣ, игралъ однако въ Индіи столь большую роль, что заслуживаетъ глубокаго анализа при изученіи происхожденія религій, искусствъ и современной цивилизаціи этой страны. Я нахожу полезнымъ сказать нѣсколько подробно о догматахъ этой религіи, которая мало по малу изъ своей родины, сѣверо-восточной Бенгаліи, распространилась по всей Индіи и достигла наибольшаго развитія въ Ориссѣ, гдѣ и оставила глубокіе слѣды.

Долина Ганга, извѣстная своими богатствами и плодородіемъ, была колыбелью индѣйской цивилизаціи. Плодородная почва этой страны производила съ избыткомъ все необходимое для пропитанія ея обитателей безъ большаго усилія съ ихъ стороны; здѣсь-то, еще въ эпоху до историческую, жители, побуждаемые выгодами этого исключительнаго положенія и многочисленнымъ народомъ аріанской расы, пришедшимъ съ сѣвера и съ сѣвера-востока, образовали отдѣльныя общины.

Чтобы поддержать порядокъ въ этихъ общинахъ, прибѣгли, изъ опасенія анархіи, къ договорамъ, которые должны были сдерживать всѣхъ членовъ. Эти законы, совершенно условные, были построены на общихъ нуждахъ, на потребностяхъ къ переселенію, на непрерывныхъ завоеваніяхъ, а также на суевѣріяхъ, естественныхъ при всеобщемъ невѣжествѣ, надъ которымъ господствуетъ страхъ неизвѣстнаго.

Самыя древнія священныя книги Индіи предписываютъ только нравственныя начала, свойственныя всякой вновь организуемой общинѣ. Они признаютъ единаго всемогущаго Бога творца, но не доходятъ до наружнаго поклоненія; они не воздвигаютъ ему храмовъ, но почитаютъ его какъ божественнаго утвердителя ихъ законовъ и правилъ нравственности. Индусы запрещали, какъ и египтяне, закалывать быковъ для пользы только нѣкоторыхъ, и дѣлали это не изъ пустаго суевѣрія, но потому, что быкъ былъ необходимымъ животнымъ для обработки полей. Они утверждали, наконецъ, что въ каждомъ обществѣ должно существовать строгое различіе въ трудѣ и занятіяхъ, и вотъ почему явились четыре организованныя касты, слѣдующія порядку ихъ соціальнаго и интеллектуальнаго значенія: прежде всего каста браминовъ (ученыхъ), или жрецовъ, которые управляли народомъ и поддерживали его на пути общественныхъ обязанностей; далѣе кшатріевъ,

солдатъ, долженствовавшихъ защищать отечество отъ нашествія иноплеменныхъ, каста вайіціевъ, земледѣльцевъ и купцовъ, доставляющихъ обществу все необходимое для продовольствія, наконецъ, судры, каста рабочихъ и ремесленниковъ, которые на службѣ обществу употребляютъ только свою физическую силу, и обязанность которыхъ, по законамъ Мену,—служить высшимъ классамъ безъ ропота и неудовольствія.

Индѣйское преданіе, какъ оно записано въ *Manava çastra*, отлично характеризуетъ это дѣленіе общества на четыре класса. Изъ головы создателя-Брамы вышли ученые и жрецы, изъ его рукъ — воины, изъ желудка—земледѣльцы и купцы, а изъ ногъ—судры—пролетаріи и ремесленники.

Съ вѣками принципы браминовъ были искажены, и хитрый умъ индусовъ создалъ еще задолго до христіанской эры легенды, болѣе или менѣе сказачнаго и причудливаго характера; практическая мораль первыхъ временъ была искажена. Но когда Буда началъ проповѣдывать свою религію, брамины еще впрочемъ не дошли до того чрезмѣрнаго безумія, свидѣтелями котораго мы являемся въ настоящее время, и о которомъ мы поговоримъ послѣ изложенія главныхъ догматовъ буддизма; есть много точекъ прикосновенія между этими двумя доктринами, столь различными въ настоящее время.

Необходимо здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности на счетъ буддистской религіи, въ томъ видѣ, какъ она проповѣдывалась въ Индіи и какъ бы она принята на Цейлонѣ, единственномъ мѣстѣ, гдѣ она отчасти сохранилась въ своей первоначальной чистотѣ. Въ Тибетѣ и Непалѣ, въ государствѣ Авасскомъ, въ Китаѣ, буддистскія доктрины такъ искажены, что тамъ не найти истинныхъ основныхъ принциповъ.

Буддисты и ихъ религія, судя по священнымъ книгамъ, непостижимы; не менѣе непонятна и громадность результатовъ, произведенныхъ религіей на тѣхъ, кто вѣритъ ея ученію. Трудно бываетъ даже философамъ, наиболѣе привыкшимъ къ тонкостямъ метафизики, всегда понимать туманныя сочиненія учениковъ Будды, старавшихся изложить доктрины своего учителя. Мы постараемся однако дать нѣкоторое понятіе о системѣ, оказавшей столь сильное вліяніе на азіятскій міръ.

Истина вѣчна и неизмѣнна; таково основаніе буддизма. Въ періоды, отдѣленные другъ отъ друга несчетными пространствами времени, являются люди необыкновенной мудрости и святость; свободные отъ страстей, они дошли до уничтоженія въ себѣ не только всякаго чувственнаго желанія, но даже желанія жить, и своею постоянною добро-
[illegible] личными усиліями пріобрѣли вѣрное знаніе всемірной исти-

ны. Всѣ эти люди обучили этой истинѣ другихъ людей (въ особенности тѣхъ, которыхъ трогаетъ мораль и возможность избавиться отъ оковъ жизни, полной страданія и ничтожества) и ихъ ученія положили основаніе буддистской религіи, существовавшей съ незапамятныхъ временъ. Эти люди носятъ названіе Будды или *просвѣтленныхъ*.

Но вотъ истина искажается, вѣра исчезаетъ, правила морали не признаются, пока другой Будда не явится провозгласить тѣже вѣчныя истины.

Число Буддъ безпредѣльно, и съ начала вѣковъ ихъ являлось огромное число; извѣстны только имена послѣднихъ двадцати четырехъ.

Всѣ Будды равны между собой, и ни одинъ изъ древнѣйшихъ Буддъ или Ади-Буддъ, вопреки идеямъ, преобладающимъ въ Непалѣ, не превосходилъ остальныхъ мудростью, святостью и могуществомъ.

Послѣдній Будда родился въ 624 году до Р. Х. въ Капилавустѣ, пограничномъ городѣ Непала и столицѣ государства, которымъ правилъ его отецъ, Раджа Суддодана. При рожденіи онъ получилъ имя Сидарты, но онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Сакья-Муни (кающійся изъ Сакья), а также подъ именемъ *Готамы*, которое онъ наслѣдовалъ отъ своихъ царственныхъ предковъ, готамидовъ, происходящихъ отъ первыхъ предводителей аріанскихъ переселенцевъ, которые вели свое происхожденіе отъ солнца.

Мы не можемъ упоминать здѣсь о чудесахъ, которыми окружено его дѣтство. Планъ сочиненія и время, необходимое для этого, того не дозволяютъ. Но буддійстскія легенды, почти современныя его проповѣди, изобразивчія съ полной силой впечатлѣнія при первыхъ брошенныхъ имъ взглядахъ вокругъ себя на этотъ свѣтъ, мы считаемъ необходимымъ напомнить по возможности кратко, и чтобы достигнуть этого, мы прибѣгнемъ къ простымъ перечнямъ, которые составлены по первоначальнымъ документамъ тѣми изъ нашихъ современниковъ, которые долго и добросовѣстно изучали древнюю Индію.

Однажды, когда Сиддарта съ многочисленной свитой отправлялся въ садъ, съ которымъ были связаны всѣ воспоминанія его дѣтства, онъ встрѣтилъ старика разслабленнаго, дряхлаго, у котораго на тѣлѣ были всѣ признаки приближающагося конца. «И такъ, сказалъ Сиддарта своему возницѣ, созданіе невѣжественное и слабое, съ ложнымъ сужденіемъ, надменное во время опьяняющей его юности, не видитъ ожидающей его старости. Я дальше не иду. Возница, возвратимся во дворецъ. Я будущее убѣжище старости, что сдѣлаю съ удовольствіемъ и радостью».

Въ другой разъ, онъ шелъ по тому же саду, когда встрѣтилъ человѣка, зараженнаго болѣзнію, подверженнаго сильной лихорадкѣ и едва дышащаго. «Здоровье, сказалъ молодой принцъ, подобно игрѣ сновидѣній, а боязнь болѣзни имѣетъ ли эту невыносимую форму? Что за человѣкъ, который, размышляя объ этомъ, отнынѣ могъ бы подумать объ удовольствіяхъ и радости?» И въ этотъ день Сиддарта не пошелъ далѣе.

Разъ, возвратясь съ прогулки, онъ встрѣтилъ трупъ, который несли въ гробѣ, покрытомъ саваномъ, въ сопровожденіи толпы родственниковъ въ траурѣ, плакавшихъ, рыдавшихъ и испускавшихъ крики. Принцъ, взявъ еще въ свидѣтели этого печальнаго зрѣлища своего возницу, вскричалъ: «А! горе юности, которую должна погубить старость! Горе здоровью, котораго истощаютъ безчисленныя болѣзни! Горе жизни, уничтожаемой смертью въ такое короткое время! А! Если бы не было ни старости, ни болѣзней, ни смерти! Если бы старость, болѣзни и смерть были скованы на всегда!»

Потомъ съ прояснившейся на первый разъ мыслью онъ прибавилъ: «Возвратимся назадъ; я хочу помечтать объ освобожденіи».

Спустя не много времени, оставивъ могущество и любовь, онъ удалился въ уединеніе и началъ карьеру миссіонера — проповѣдника, которую онъ продолжалъ до своей смерти, случившейся шестьдесятъ лѣтъ спустя (въ 543 г. до Р. Х.) *).

Его доктрина, которая покрайней мѣрѣ при его жизни, кажется, была болѣе моральной, чѣмъ метафизической, и которую онъ излагалъ своимъ слушателямъ, какъ Будда (т. е. какъ *существо свыше вдохновенное, просвѣщенное*), покоилась, сказалъ Бюрнуфъ, на допущенномъ мнѣніи какъ на фактѣ и на надеждѣ, предложенной въ видѣ увѣренности.

Это мнѣніе заключалось въ томъ, что видимый міръ представляетъ безпрерывное измѣненіе; что смерть слѣдуетъ за жизнію и жизнь за смертью; что человѣкъ и все его окружающее вращается въ этомъ вѣчномъ кругу измѣненія; что человѣкъ постепенно проходитъ всѣ формы жизни отъ самыхъ нисшихъ до самыхъ совершенныхъ; что мѣсто, занимаемое имъ въ безконечномъ рядѣ живыхъ существъ, зависитъ отъ степени заслугъ, совершенныхъ имъ въ этомъ мірѣ, и, какъ человѣкъ добродѣтельный долженъ послѣ смерти возродиться съ совершеннымъ тѣломъ, такъ человѣкъ порочный переходитъ въ нисшія формы; что

*) ...нуфъ, «Introduction á l'histoire du boudhisme Indien». Полезно ...ніемъ Bartelemi Saint-Hilaire «Le Boddha et sa doctrine».

Почтовая телѣжка въ Индіи.

небесная награда и наказанія ада продолжаются только опредѣленное время, какъ и все въ этомъ мірѣ; что время изчерпываетъ награду за добрыя дѣла и уничтожаетъ наказанія за худыя; что роковой законъ измѣненія возвращаетъ на землю бога и грѣшника, чтобы испытать того и другаго и заставить прожить снова всѣ превращенія. Вслѣдствіе увѣренности, что Сакья-Муни былъ нѣкогда человѣкомъ, можно было всѣмъ людямъ, къ какой бы части ни принадлежали по своему рожденію, избѣжать законъ превращенія и заслужить жизнію строгою и полною лишеній и самопожертвованія возможность достигнуть такъ называемой *нирваны*, т. е. уничтоженія всякой личности и воспоминанія. *).

Чтобы такимъ образомъ представить себѣ *ничто*, какъ награду за добродѣтельную жизнь, слѣдуетъ самому хорошенько прочувствовать это, но также нужно знать въ какое время общественный строй и господствующія доктрины сдѣлали положеніе невыносимымъ для этихъ людей. Нельзя было нанести болѣе сильнаго удара брамаизму.

Чтобы уяснить себѣ это странное явленіе, какъ стремленіе къ небытью, нужно вспомнить невѣроятный ужасъ, который внушала порабощеннымъ и угнетеннымъ ихъ вѣра въ эти превращенія, вѣчно игравшія человѣческимъ существомъ. Нужно видѣть въ какихъ ужасныхъ выраженіяхъ этотъ догматъ написанъ позже въ *Bhadarata-Poudana*, одной изъ наиболѣе романическихъ книгъ новѣйшаго браманизма.

Изобразивъ бѣдствія, на которыя этотъ роковой законъ осуждаетъ всѣ человѣческія существа и даже боговъ, поэтъ представляетъ формы возвращенія человѣка въ новую, кратковременную и печальную жизнь. Онъ намъ показываетъ зародышъ прежде едва замѣтный, потомъ массу тѣла, гдѣ мало-по-малу появляются голова, руки, ноги, пальцы, ногти, словомъ всѣ органы, которые его характеризируютъ; потомъ прибавляетъ:

«Въ пять мѣсяцевъ съ трудомъ собравшійся съ мыслями, онъ спитъ еще въ наиболѣе гадкихъ сгибахъ материнскаго чрева, не зная о своей нравственной личности, но уже чувствуя голодъ и жажду, которыхъ онъ не въ состояніи утишить. Въ этомъ несчастномъ положеніи, онъ пробуждается, получаетъ ясное понятіе, съ безнадежнымъ воспоминаніемъ всѣхъ гадкихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ въ его предшествовав-

*) Это слово, предметъ большихъ споровъ между нашими учеными, означаетъ, по опредѣленію Бюрнуфа, чистое и простое небытье, или состоянія блаженства въ пространствѣ и времени, но по увѣренію многихъ, слово *нирвана* не можетъ быть объяснено.

шихъ существованіяхъ, съ предвидѣніемъ печалей и страданій, ожидающихъ его какъ наказанія въ новой жизни. Съ тѣхъ поръ испуганное, незнающее отдыха, это несчастное созданіе тщетно волнуется среди ужасовъ. Наконецъ, когда оно болѣе не въ состояніи переносить это ужасное положеніе, Майя, богиня призраковъ, играетъ имъ какъ игрушкой, отнимаетъ отъ него память, сознаніе своего прошедшаго, потомъ бросаетъ его въ жизнь полную печалей, криковъ, крови и слезъ. *).

«Ясно, что противъ этого вѣчнаго, непрерывнаго ряда подобныхъ условій существованія, совершенное уничтоженіе личности въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ могло быть предложено людямъ, какъ освобожденіе, какъ благо и принято таковымъ.

«Религіозная и нравственная реформа Сакья-Муни не прямо нападала на систему кастъ, краеугольный камень браминскаго зданія; но Будда призывалъ всѣхъ людей, безъ разбора сословія, рожденія и пола, къ своей проповѣди, къ аскетической жизни, къ спасенью, наконецъ, подкапывалъ основаніе самой системы. Проповѣдуя равенство передъ смертью, онъ сильно напиралъ на неравенство соціальное. Допуская женщинъ къ религіозной жизни, онъ этимъ приготовлялъ ихъ эмансипацію. Наконецъ, призывая всѣ народы: индусовъ и иностранцевъ воспользоваться его закономъ, его *прекраснымъ словомъ,* онъ уничтожалъ различіе въ происхожденіи между аріанами и варварами (варвары, млетши). Со всѣхъ сторонъ народы стремились на встрѣчу новатору и его доктринамъ» *).

Еще при своей жизни Сакья-Муни насчитывалъ многочисленныхъ послѣдователей; число ихъ увеличилось еще болѣе по его смерти.

Эта проповѣдь Будды долгое время передавалась устно. Отсюда произошло то, что послѣдователи и проповѣдники его ученія должны были собираться, чтобы условиться о сохраненіи и единствѣ догматовъ. Эти собранія сдѣлались современемъ періодическими, и церковныя постановленія и догматы, обнародываемые ими, были безъ сомнѣнія первыми письменными памятниками буддистской религіи, также какъ протоколы одного изъ такихъ собраній, подъ предсѣдательствомъ могольскаго царя Піадаза-Асоки, были первыми болѣе достовѣрными источниками, откуда исторія почерпнула свои свѣдѣнія о буддизмѣ.

---

*) *Bhagavata-Poudana*, переводъ Бюрнуфа, томъ II, глава XXXI.

*) Ф. Ланоіе (Lanoyé), «L'Inde antique et sa décadence» въ журналѣ «Le Présent», октябрь и ноябрь 1858 г.

Вырѣзанныя на каменныхъ столбахъ, воздвигнутыхъ вездѣ, куда только простиралось вліяніе царя, наиболѣе могущественнаго на бассейнѣ Ганга, и нѣкоторое число которыхъ найдены въ настоящее время, эти протоколы свидѣтельствуютъ разомъ возрастающее вліяніе новой вѣры и быстрое паденіе браманизма въ эпоху, о которой мы только что упомянули. Мы видимъ тамъ царя, Кшатрія, сына Солнца, проповѣдующаго нравственныя начала реформатора своимъ подданнымъ и приказывающаго *исповѣдываться цѣлыя пять лѣтъ* и напоминающаго имъ, что до появленія будды «Индія не знала другаго права, кромѣ права сильнаго; что преступники возсѣдали почти на всѣхъ тронахъ, распутство, и кровосмѣшенія господствовали во дворцахъ!.. Что всюду, наконецъ, видѣли только убійства, жестокости, непочтеніе къ родителямъ, нечестіе въ отношеніи къ богамъ!» Въ Цейлонѣ, куда буддизмъ рано проникъ, первая буддистская книга, написанная тамъ относится къ 104—76 годамъ до Р. Х. Это *Pittakattayan*, нѣкоторыя мѣста изъ которой, переведенныя разными новѣйшими миссіонерами, драгоцѣнны для изученія и оцѣнки буддистскихъ доктринъ первыхъ вѣковъ.

Этотъ священный комментарій начинается въ первой книгѣ, названной *Paradjika*, слѣдующими словами, вложенными въ уста Будды, указывающаго на превосходство его предъ всѣми существами:

«Я разорвалъ покрэвъ, окружавшій мой умъ мракомъ невѣжества и я единственный человѣкъ, пріобрѣвшій полное и цѣльное познаніе всѣхъ вещей.

«Я предаюсь безчисленнымъ размышленіямъ, и спокойный духомъ и тѣломъ, съ чистымъ сердцемъ, я съ настойчивостью домогаюсь своей цѣли.

«Уволенный отъ всякаго естественнаго желанія, свободный отъ преступныхъ привязанностей, я велъ къ хорошему концу первое *jhana* (размышленіе) и посвятилъ себя разсмотрѣнію предметовъ этого свѣта.

«Окончивъ мои изысканія, я достигъ, взглянувъ во внутрь самаго себя, втораго jhana, которое уже болѣе не тревожили заботы о посторонних предметахъ. Я испыталъ удовольствіе третьяго *jhana*, когда, избавленный отъ заботъ, причиняемыхъ удовольствіями, счастливый, мудрый и здоровый я дошелъ до удовольствій разума.

«Съ тѣхъ поръ, не волнуясь болѣе ни радостями, ни горемъ, ни матеріальными чувствованіями, я жилъ довольный, одинаково не озабочиваемый ни печалями, ни радостями. Въ этомъ то состояніи необыкновенной святости я и достигъ четвертаго *jhana*.

«Съ духомъ спокойнымъ, чистымъ и свободнымъ отъ всякихъ страстей, я обратилъ свои взоры на первыя фазы своего существованія, я припомнилъ весь непрерывный рядъ моихъ существованій, и представилъ себѣ для каждой изъ нихъ свое мѣстопребываніе, время, семью, свою фигуру, свои ежедневныя занятія удовольствія и заботы, продолжительность моей жизни, по окончаніи которой я умиралъ, чтобы возродиться въ другомъ мѣстѣ, пока не явился на этотъ самый свѣтъ.

«Такимъ образомъ мое невѣденіе разсѣялось въ продолженіи перваго ночнаго божествованія. Темнота уступила мѣсто свѣту и я пріобрѣлъ всевѣденіе.

«Я тотчасъ сталъ изучать причины рожденія и смерти разумныхъ существъ. Одаренный сверхъестественною проницательностью, я видѣлъ, какъ люди рождались и умирали, я видѣлъ людей и знатнаго, и низкаго происхожденія, прекрасныхъ и безобразныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, смотря по заслугамъ прежней жизни; я видѣлъ что нѣкоторыя грѣшили въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ, поносили святыхъ, проповѣдывали вредныя идеи, послѣ смерти шли въ адъ и претерпѣвали тамъ всевозможныя мученія. Я видѣлъ, что люди съ добрыми намѣреніями, словами и дѣлами, почитавшіе святыхъ, проповѣдывавшіе полезныя идеи возродились на небѣ, гдѣ имъ кратковременно доставляли большое счастіе.

«Такимъ образомъ, бодрствуя вторую ночь, я продолжалъ разгонять мракъ моего невѣжества, и свѣтъ увеличивался болѣе и болѣе.

«Спокойный духомъ и тѣломъ, необыкновенной чистоты и святости, свободный отъ пятнающихъ страстей, я разрушилъ въ себѣ всякое желаніе и могъ объяснить себѣ преграду моихъ страданій и печалей, ихъ происхожденія и возможность положить имъ предѣлъ. Я также нашелъ причины, порождающія въ насъ желанія и возможность отъ нихъ избавиться. Найдя эти истины и понявъ ихъ, я избавился не только отъ всякаго чувственнаго желанія, но даже отъ желанія жизни.

«Я обладалъ всевѣденіемъ, и мои превращенія были окончены, твореніе было закончено, я окончилъ рядъ моихъ превращеній.

«Такимъ образомъ, когда я бодрствовалъ третью ночь, мракъ совершенно разсѣялся и я сбросилъ съ себя покровъ невѣжества, въ который я былъ облеченъ. Я совершенно просвѣтился».

Всевѣденіе Будды не было, какъ видно, всеміpнымъ познаніемъ, но было силой распознованія того, что онъ хочетъ знать, не прибѣгая къ разсужденіямъ или къ докучливымъ изысканіямъ.

Сакья-Муни раздѣлялъ мнѣнія людей своей эпохи въ философіи; од-

нако онъ расходился съ браминами въ томъ, что противился уничтоженію нѣкоторыхъ сектъ, приношенію въ жертву животныхъ и раздѣленію на касты. Въ его системѣ находятъ главные законы естественнаго правосудія, какими они были повсемѣстно приняты на сѣверѣ Индіи; онъ хотѣлъ объяснить эти законы болѣе полнымъ и совершеннымъ образомъ.

Его система не разсматриваетъ существованіе души въ превращеніяхъ, это не душа, переходящая по смерти изъ одного тѣла въ другое; съ тѣломъ все исчезаетъ, исключая зародыша, откуда появляются новыя послѣдующія существованія, и этотъ зародышъ ничто иное, какъ сумма заслугъ и проступковъ, т. е. худыхъ и добрыхъ дѣлъ, которыя накопились въ продолженіи жизни каждаго существа и которыя по смерти, покинувъ тѣло, суть зачатки новаго существованія.

Заимствую отъ одного англійскаго автора сравненіе, довольно часто употребляемое: дерево производитъ зерно, это зерно кладется въ землю и само становится деревомъ, однако это дерево до рожденія, въ началѣ совсѣмъ не схожее съ нимъ.

Буддизмъ, какъ новѣйшій позитивизмъ, не даетъ и не старается дать объясненія первоначальной причины. Онъ не восходитъ къ началу вещей, онъ не старается разузнать то, что кажется ему находящимся внѣ пониманія человѣческаго разума, да сверхъ того не представляющаго никакой практической пользы. Онъ беретъ дѣла въ ихъ настоящемъ наслѣдіи и, не идя къ первоначальной причинѣ, онъ показываетъ, что накопленіе заслугъ и проступковъ образуетъ зародышъ, откуда является новая жизнь.

Чувства сносятся съ предметами внѣшняго міра, которые въ свою очередь возбуждаютъ желанія и наслажденія. Отъ наслажденія является привязанность къ землѣ, и эта привязанность производитъ состояніе бытія, причину рожденія, дряхлости, смерти, скорби и страданій. Худыя начала, порождающія грѣхи и страданія, существуютъ у всякаго человѣка и соединяются съ догматомъ превращенія; изъ этого слѣдуетъ, что, какъ ни пріятна могла бы быть жизнь въ данный моментъ, должно будетъ рано или поздно ея измѣнить и впасть въ худшее состояніе. Нѣтъ, слѣдовательно, другой возможности перестать страдать какъ перестать жить.

Сакья-Муни воображалъ, что онъ нашелъ путь, и чистосердечно показывалъ, чему должны слѣдовать тѣ, которые желаютъ достигнуть этого совершеннаго уничтоженія индивидуальности и воспоминанія, которая кладетъ конецъ превращеніямъ; жизнь необыкновенной чи-

стоты, умъ свободный отъ всякихъ привязанностей къ земнымъ благамъ и даже къ жизни, одни только могутъ дозволить человѣку достигнуть этого блаженнаго состоянія, но не безъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ въ прежнихъ жизняхъ; современный аскетъ долженъ отчаяться достигнуть конца и непосредственно войти въ *нирвану*.

Всякій долженъ вѣровать, совершать добродѣтеля, полезныя обществу добрыя дѣла, быть щедрымъ и умнымъ.

Чтобы вѣровать, нужно знать Готаму, какъ путеводителя боговъ и людей, какъ высшаго Будду, чистота котораго не запятнана, мудрость необыкновенна, поведеніе безупречно и всевѣденія безошибочны. Добродѣтеленъ тотъ, кто уважаетъ жизнь всѣхъ другихъ живыхъ существъ, удерживается отъ воровства и роскоши, отъ лжи и невоздержности. Щедръ тотъ, кто расточаетъ милостыню, а мудръ тотъ, кто свободенъ отъ жадности, злости, лѣни, гнѣва и ереси.

Человѣкъ, живущій сообразно этимъ правиламъ, пріобрѣтетъ богатства и добродѣтели, заслужитъ похвалы своихъ родителей и друзей, будетъ пользоваться долгою жизнью и хорошимъ здоровьемъ.

Изъ различныхъ способовъ заслужить награды, любовь къ ближнему кажется лучшимъ, по теоріи Будды, слѣдовательно, и давайте милостыню, повторялъ онъ часто въ своихъ рѣчахъ, будьте ласковы и старайтесь споспѣшествовать счастью другою, любите ближняго. Милостыня должна быть предварительно вычтена изъ произведенія труда и раздѣлена охотно и безъ сожалѣнія.

Огромное нововведеніе Будды состояло въ установленіи, по справедливости, равенства происхожденія людей, благотворительности и любви къ ближнему, также уваженія жизни живыхъ существъ.

Эти нравственныя наставленія безъ сомнѣнія замѣчательны, въ особенности, если перенестись въ эпоху и мѣсто, гдѣ это ученіе развивалось, и неудивительно, что буддистская религія оказала громадное вліяніе на цивилизацію и характеръ большей части азіятскихъ народовъ.

Однако система, предложенная въ видѣ вопросовъ, не опираясь на вѣру, но только на простое разсужденіе, если и была въ состояніи произвести могущественное вліяніе на нравы, то вовсе не была способна искоренить народныя суевѣрія. Она могла привиться ко всякой религіи, и этимъ можно было объяснить легкость, съ какою она распространилась по азіатскому міру. Религіозная вѣротерпимость, которая была въ ней такъ характеристична, не ставила ее въ открытую борьбу съ су-
[illegible] суевѣріями; простымъ людямъ Будда довольствовался

Раджа Гайдерабадскій.

говорить: «согласуйте ваше поведеніе съ моими правилами и вы достигнете блаженства».

Его практическія правила, уважавшіе естественное правосудіе и согласовавшіеся съ главными интересами общества, также были услышаны. Ученымъ и мудрецамъ онъ говорилъ: «Жизнь коротка, глупъ тотъ, кто предается наслажденіямъ пустымъ и кратковременнымъ: взгляните съ берега на бури, которыя возбуждаетъ море страстей; не подвергайте опасностямъ то, что вамъ указываетъ ваша проницательность; оставьте безразсудныхъ бѣгать за страданіями и несчастьями, будьте спокойны духомъ, удалите отъ себя заблужденія». Къ этой терпимости, которая облегчала быстрое распространеніе вѣры, сливаясь съ религіей страны, нужно присоединить другую причину успѣха. Будда ловко принималъ въ свою космогоническую систему различныхъ боговъ и духовъ, почитаемыхъ народами, которымъ онъ проповѣдывалъ, оставляя божествамъ нѣкоторую силу, которая имѣла бы значеніе въ глазахъ людей, но отнимая отъ нихъ дѣйствительныя аттрибуты божественности.

Такимъ образомъ, мы находимъ между богами буддистовъ боговъ ведъ, между которыми Индра или Секра, богъ стихій и огня у браминовъ, глава боговъ у буддистовъ; позднѣе ученики прибавили къ длинному ряду божествъ позднѣйшихъ ведъ: Брамѣ, Сивѣ и Вишну, Яккаса (Iakkas) и Нагаса (Nagas), боговъ-змѣй, боготворимыхъ народами Индо-Китая и которымъ была приписана привычка ѣсть испортившееся мясо, чтобы польстить вкусу сіамцевъ и бирмановъ. Эти условія способствовали быстрому распространенію системы по всей Азіи.

Ни съ чемъ лучше не сравнить буддизма, какъ съ водяной поверхностью, спокойною и неглубокою, которая простирается мало по малу по поверхности земли, измѣняя въ озеро то, что было сушей, измѣняя видъ страны, по вслѣдствіи малой толщины слоя, дозволяя видѣть почву, которую она покрываетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность ламаизму, эта религія не дѣлала набѣговъ, какъ потокъ, ниспровергающій все и оставляющій на своемъ пути только развалины и опустошенія. Если вездѣ, гдѣ господствуетъ еще и въ настоящее время, она привилась на прежнихъ суевѣріяхъ, то, хотя она ихъ не уничтожала, но вездѣ смягчала и облагораживала нравы.

Примѣромъ могутъ служить номады Монголіи, жаждавшія разбоя и грабежа, и изъ которыхъ она сдѣлала мирныхъ пастуховъ, наиболѣе благочестивыхъ и добродушныхъ въ Средней Азіи.

*

«Мы знаемъ какъ буддизмъ распространился по Индіи; но мы не знаемъ, когда онъ былъ изгнанъ оттуда. Исторія до сихъ поръ умалчиваетъ объ этомъ; многотомныя сборники богослуженія, метафизики, и легенды буддистовъ, которыми языки тибетскій и палійскій снабдили нашихъ терпѣливыхъ изслѣдователей, не дали имъ никакихъ важныхъ выводовъ.

«За три вѣка до нашей эры, грекъ Мегасѳенъ, посолъ Селевка Никатора нашелъ буддизмъ процвѣтающимъ въ государствѣ и при дворѣ Шандрагунты.

«Въ этомъ краѣ, пишетъ онъ, есть два соперническихъ класса философовъ: Брамины, и Cranapol: первыя, жрецы и гадатели, не пользуются никакимъ довѣріемъ, вторые, пустынники, налагаютъ на себя очень строгія наказанія и обыкновенно проводятъ время подъ смоковницей, гдѣ содержатъ школу и проповѣдуютъ. Имъ внимаетъ огромная толпа мущинъ и женщинъ, всѣхъ возрастовъ и кастъ; они преслѣдуютъ браминовъ, обзывая ихъ обманщиками и шарлатанами *).

«Восемь или десять вѣковъ спустя, китайскіе пилигримы, пришедшіе въ Индію почтить колыбель буддизма и памятники этой религіи, къ которой и они принадлежатъ, находятъ ее еще процвѣтающею не только на берегахъ Ганга и Инда, гдѣ, по словамъ историковъ, Александра, этотъ завоеватель нашелъ только поклонниковъ солнца, но въ особенности въ Ориссѣ, тогда еще покрытой значительными и богатыми городами, и служившихъ мѣстопребываніемъ могущественной власти **; еще сто лѣтъ спустя, арабы проникли въ Индію, и буддизмъ тамъ совсѣмъ исчезъ. Его безчисленные храмы, заключавшіе иногда въ себѣ до десяти тысячъ благочестивыхъ, его школы, благотворительныя учрежденія были уничтожены; его памятники—воспоминанія дѣлъ святыхъ—были осквернены, и въ храмахъ, гдѣ воздвигнута была гигантская статуя Будды, виднѣются только изображенія Вишну, Сивы и множество другихъ божествъ.

«Какъ случился такой переворотъ? Какія были фазы невыносимыхъ гоненій, которыми 1000 лѣтъ брамины мстили за нанесенныя обиды? Исторія умалчиваетъ объ этомъ. Мы знаемъ какъ появился буддизмъ, но не знаемъ какъ онъ исчезъ. Но въ главныхъ причинахъ этого безпримѣрнаго дѣла нельзя сомнѣваться: «духовность безъ души, добро-

---

*) Отрывокъ изъ сочиненія Мегасѳена, помѣщенный у Страбона.

**) См. 1) «Histoire de la rie Hioner Tisanget de ses voyages dans l'Inde». отъ 629 года до 645; и 2) «Ji-Ja-Ki, ou mémoires sur les contrées orietales», сочиненія, переведенныя съ китайскаго языка.

дѣтель безъ долга, мораль безъ свободы, благотворительность безъ любви, свѣтъ безъ природы и бога *), буддизмъ не могъ долго сносить стремленія поэтическихъ народовъ Индіи; работая въ интересахъ своего господства, брамины имѣли право сослаться на нравственные интересы общества, ввѣреннаго ихъ попеченіямъ; но они отторгли отъ атеизма съ тѣмъ, чтобы ввергнуть во мракъ грубѣйшаго идолопоклонства. Человѣческой личности Будды Сакья-Муни они противопоставляли сверхъ того боговъ, вышедшихъ какъ онъ, изъ племени аріанскаго и изъ касты кшатріевъ.

«Одинъ санскритскій памятникъ V столѣтія нашей эры, астрологическая поэма, гдѣ записаны имена и атрибуты главныхъ божествъ браминскаго Пантеона этой эпохи, не упоминаетъ совсѣмъ о Кришнѣ; можно безошибочно предположить, что это было время борьбы противъ буддизма, что этотъ послѣдній герой древней Индіи принялъ божескій характеръ и что брамины воспользовались народной романической легендой, чтобы возбудить массы и двинуть ихъ на своихъ противниковъ. Не ошибаясь можно видѣть солдатъ похода противъ буддизма и исполнителей вмѣсто браминовъ въ воинственныхъ племенахъ раджпутскихъ, которыя тогда перебрались съ праваго берега Синда на лѣвый и, которыя были долго преданы самымъ старымъ традиціямъ религіи ведъ, предпочитая съ слѣпою вѣрою поклоненіе Кришнѣ, стараясь отыскать въ боготворимомъ героѣ черты Вишну, бога ихъ предковъ.

Каковы бы ни были особенныя измѣненія, произведенныя въ этой гипотезѣ новыми открытіями знанія, все же сильное пораженіе буддизма, появленіе въ Индіи раджпутовъ и смѣшеніе съ ними оставшихся кшатріевъ—три событія совпадающія въ пространствѣ и времени **).

«Но на скользкомъ пути прошедшаго браманизмъ не могъ остановиться; ища тамъ опоры и помощи, онъ принужденъ былъ спуститься постепенно со всѣхъ ступеней, подымая пыль и погружаясь во всю свою гниль. Онъ изъ нея вышелъ только на вѣки зараженный безсильный и погубившій самаго себя. Когда онъ хотѣлъ вступить въ свои храмы, очищенные отъ обрядовъ буддистовъ, онъ нашелъ ихъ занятыми богами своихъ союзниковъ. Онъ прокрался за ними вслѣдъ, соединился съ религіями кровожадными, которыя его первые законода-

*) Barthélemy Saint Hilaire, Journal des savants, въ апрѣлѣ 1855 года.

**) См. научное сочиненіе покойнаго Рено: «Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde antérieurement au milieu du XI sciècle, d'après les écrivains arabes, et chinois». Paris. 1849.

тели уничтожили. Раджуты принесли съ собой дѣтоубійство, умерщвленіе вдовъ; дикія племена лѣсовъ посвящали богамъ человѣческія жертвы; и такъ, браманизмъ далъ свое согласіе на эти отвратительные обычаи, которые двадцать вѣковъ тому назадъ прокляли его предки.

По всей Индіи, исключая долинъ Непала и острова Цейлона, отъ буддизма остались только памятники, присвоенные его соперниками, какъ типъ священной архитектуры.

Повинуясь потребности поклоненія, присущей человѣку, буддисты, вскорѣ по смерти великаго мудреца, начали боготворить остатки его тѣла, уцѣлѣвшіе отъ сожженія, предметы ему принадлежавшіе, дерево, подъ которымъ онъ достигъ достоинства Будды. Громадные мавзолеи были сооружены на останкахъ его тѣла, и буддисты кончили ихъ обожаніемъ въ противоположность основнымъ принципамъ религіи. Назначенные укрѣпить въ памяти людской добродѣтели и мудрость Готамы и имъ напомнить примѣръ, которому они должны подражать, эти мавзолеи сдѣлались идолами.

Этотъ вопросъ насъ возвращаетъ естественно къ тому, который возбудилъ это отступленіе столь длинное и необходимое о браманизмѣ и буддизмѣ: я хочу говорить о происхожденіи браманской архитектуры, которая въ свою очередь породила новѣйшую архитектуру индусовъ.

До реформы буддійской, брамины сохраняли про себя знанія и философію и держали въ растѣ своихъ соотечественниковъ менѣе просвѣщенныхъ и разумныхъ.

Религія, которую она проповѣдывала (обожаніе солнца и огня) не требовала отъ нихъ построенія храмовъ (зданій): лѣса и деревья доставляли матеріалы для ихъ жилищъ. Во всѣхъ тропическихъ странахъ, [illegible] перемѣнчивости [illegible] [illegible] [illegible] лишь [illegible] [illegible] [illegible] архитектурныхъ произведеній.

[illegible] половиною [illegible] острова Цейлона [illegible] памятники [illegible] Эти [illegible] [illegible] мудрецы [illegible] насто[illegible] [illegible]

[illegible] Цей[illegible] [illegible]

отъ нихъ свое начало. Мы покажемъ позднѣе, что отъ архитектуры извѣстныхъ пагодъ и монументовъ произошла архитектура гротовъ и монастырей. Но возвратимся къ различнымъ измѣненiямъ дагобъ, измѣненiямъ очень существеннымъ. Маленькiе дагобы, помѣщенные въ подземныхъ храмахъ западной Индiи, въ память Будды, имѣютъ снаружи видъ каменныхъ столбовъ, грубо выточенныхъ и которымъ индусы давали весьма различныя значенiя. Посѣщающему пагоды Буванесвары, въ провинцiи Ориссѣ (пагоды начинаются съ первыхъ временъ индусскаго искусства), нельзя не узнать, что эти храмы принадлежатъ къ сектѣ, исказившей буддизмъ. Эти пагоды, сооружены въ видѣ столбовъ, чтобы подражать богу, котораго они должны были заключать въ себѣ и, какъ архитектурное искусство было во младенчествѣ, чтобы придать зданiю круглую форму, принуждены были придать строенiю видъ, о которомъ я говорилъ.

Значитъ, первыми изданiями были могилы, настоящiе dagobas или памятники также называемые *S'opa* и *Thoupa*, смотря по мѣстности; почитаемые впослѣдствiи какъ идолы, они были прикрыты кровлей, потомъ заключены въ храмы, имѣющiя форму свода; они сдѣлались алтарями, у подножiя которыхъ приносились жертвы. Основанiе было достаточно высоко, чтобы дать возможность вѣрующему открыть полуэлиптическую часть, которая поддерживаетъ *tie* или раку, заключающую въ себѣ останки Будды.

Пока я осматривалъ и удивлялся прекраснымъ развалинамъ древней столицы Ориссы, я вдругъ очутился среди пространства образуемаго многими палатками. Они принадлежали областному коллектору (сборщикъ податей) Пури, который совершалъ по селамъ своего округа ежегодныя поѣздки. Онъ ѣздилъ съ своимъ семействомъ, съ женою и маленькою дочерью, окруженный всѣмъ комфортомъ жизни англичанина. Узнавъ, что я здѣсь нахожусь, онъ послалъ ко мнѣ сипая пригласить меня отдохнуть въ его походномъ жилищѣ. Обширная палатка, довольно уютная, гдѣ лучи солнца не давали чувствовать тропическаго жара, служила залой; на большомъ столѣ были разложены англiйскiе журналы и многiя литературныя и научныя обозрѣнiя, чего я, конечно, не ожидалъ найти въ этомъ краѣ. Меня встрѣтила молодая и грацiозная лэди и перенесла мое воображенiе далеко отъ этихъ мѣстъ, наполненныхъ тиграми и еще только недавно заселенныхъ англичанами. Меня приняли очень гостепрiимно, какъ это обыкновенно бываетъ у англичанъ въ Индiи, чему, конечно, я былъ очень радъ. Вечеромъ, къ столу, сервированному чисто по-англiйски, собралось нѣсколько го-

стей, пришедшихъ навѣстить своего друга. Я очень удивился роскошному столу въ такой далекой странѣ. Въ скоромъ времени я удалился, поблагодаривъ хозяина за его радушное гостепріимство.

Въ пяти миляхъ отъ Буванешвара возвышаются четыре холма, въ которыхъ выстроено много гротовъ изъ песчанника. На выпуклости одной большой скалы, сдѣлано изваяніе тигра съ головой положенной на лапы. Далѣе видѣнъ дворецъ знаменитаго раджи Лала-Индра-Куари, какъ полагаютъ, основателя Буванешвара. Онъ представляетъ дворъ высѣченный въ скалѣ, по тремъ сторонамъ которой устроены два этажа комнатъ. Комнаты убраны пилястрами и грубо изваянными статуями. Я полагаю, что это скорѣе древній буддистскій монастырь. Посвятивъ нѣсколько часовъ разсмотрѣнію этихъ древностей, на которыхъ видны слѣды буддизма и шивизма первыхъ временъ, я отправился въ Жажіапуръ, городъ въ провинціи Ориссы, прежде знаменитый, а теперь лишенный своего величія. На берегахъ Битарина встрѣчаются храмы прекраснаго ориссискаго стиля.

Что болѣе всего привлекало мое вниманіе—это древнія рѣзныя работы, прекрасно исполненныя и которыя находятся также въ Жажіапурѣ. Около пустой гробницы мусульманскаго святаго находятся, почти зарытыя въ мусоръ, огромныя статуи трехъ богинь: Кали, Варахи и Индрани. Первая—очень точное воспроизведеніе скелета съ обыкновенными атрибутами богини смерти. Вторая представляетъ богиню, сидящую на быкѣ съ головою вепря. Третья—прекрасная статуя женщины, сидящей на слонѣ. Эти произведенія заслуживаютъ вниманія, не смотря на огромную величину, которую имъ придали артисты-индусы, сообразно съ священными преданіями.

Въ другомъ мѣстѣ, въ маленькой галлереѣ, на берегу рѣки расположены девять другихъ божествъ. Наиболѣе замѣчательны статуи Кали, которая съ кинжаломъ въ одной рукѣ, держа чашу съ кровью въ другой, яростно танцуетъ на тѣлѣ великана, Ракта-Війя, котораго она только что побѣдила, и статуя Уата, бога смерти, представленнаго здѣсь, не знаю отчего, въ видѣ отвратительной старухи непріятной въ своей наготѣ. По обычаю индусовъ, всѣ эти статуи намазаны масломъ *) и выкрашены самыми странными красками. Боги, такимъ образомъ, имѣютъ страшный видъ, пугающій богомольцевъ, видящихъ ихъ во мракѣ и издалека.

*) Индусы, какъ древніе греки и римляне, ради сохраненія здоровья, прибѣгали послѣ ежедневныхъ омовеній, къ намазыванію своего тѣла масломъ, что, давая гибкость членамъ, мѣшало вліянію міазмовъ на ихъ тѣло. Они были такимъ образомъ менѣе чувствительны къ перемѣнамъ погоды.

Индѣйскій типъ. Индѣецъ съ веригами.

ГЛАВА III.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ КУТАКЪ. — КОНДЫ. — ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ ИНДІИ. — СИСТЕМА ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ НАЛОГОВЪ. — СКРОМНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИНДѢЙСКАГО РАДЖИ. — ПУТЬ ВЪ ГОЛКОНДУ. — ГАЙДЕРАДАБЪ. — ПЕРВЫЙ МИНИСТРЪ САЛАРЪ-ЮНГЪ. — ЦАРСКІЯ ГРОБНИЦЫ ВЪ ГОЛКОНДѢ. — ВОСТОЧНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ГАЙДЕРАБАДА. — ФАНАТИКИ. — МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАЗДНЕСТВО. — БАЯДЕРКИ.

Я возвратился въ Куттакъ около шести часовъ вечера; послѣ обѣда я располагалъ насладиться въ паланкинѣ, свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, но мои носильщики пропали неизвѣстно куда; только прибѣгнувъ къ полиціи, я могъ дождаться ихъ появленія черезъ нѣсколько часовъ. Намъ нужно было проѣзжать мимо джунглей, гдѣ накапунѣ ночью тигръ похитилъ бѣднаго раія (raiot) возвращавшагося съ нѣсколькими друзьями, изъ сосѣдней деревни. Разнообразные разсказы объ этомъ происшествіи вселили такой ужасъ въ моихъ носильщикахъ, что они, недождавшись утра, поспѣшили разбѣжаться, и только угрозами успѣлъ я собрать ихъ около 3-хъ часовъ утра и убѣдить отправиться въ путь. Они бѣжали рысью, сопровождая свое путешествіе ужь не пѣніемъ, а криками и воплями, съ цѣлью испугать животное, которое надѣлало имъ такого страху. Такъ какъ эти разнообразные крики не позволяли мнѣ сомкнуть глазъ, то я принялся припоминать, по мѣрѣ того какъ первые лучи солнца обливали золотымъ свѣтомъ возвышавшіяся направо вершины холмовъ Гондуаны, — разсказы, которыми «collector», сборщикъ податей, старался умѣрить мое нетерпѣніе, въ ожиданіи возвращенія носильщиковъ. Разговоръ завязался у насъ о *кондахъ*, — независимомъ племени, населяющемъ, на западѣ *Ориссы* *) обширную горную равнину, покрытую первобытными лѣсами и нездоровыми боло-

---

*) Орисса—округъ, лежащій на берегу Бенгальскаго залива, между рѣками Магануди и Годавери.

тами. Принесеніе въ жертву людей эти дикіе продолжають еще совершать въ тайнѣ, но англичане всѣми силами стараются уничтожить этотъ варварскій обычай. Ихъ попытки были не совершенно безуспѣшны, о чемъ свидѣтельствуютъ печатныя донесенія коммисаровъ, которые должны были вести сильную борьбу съ послѣдователями этого ужаснаго обычая. Я не буду повторять здѣсь общеизвѣстныхъ, но всегда раздирающихъ сердце, подробностей, которыя мнѣ разсказывалъ сборщикъ податей объ этомъ непріятномъ предметѣ. Они были вызваны однимъ изъ этихъ ужасныхъ религіозныхъ преступленій, которыя совершились тайнымъ образомъ, за нѣсколько дней до моего пріѣзда, и почти передъ глазами англійскихъ властей.

Это жертвоприношеніе совершалось, по обыкновенію, съ цѣлью вызвать благодѣтельные дожди на поля, высушенныя знойнымъ солнцемъ, и сопровождалось всѣми ужасными обычными обрядами: каждый изъ членовъ племени наносилъ ударъ топоромъ живому тѣлу жертвы, привязанной къ столбу, чтобы, такимъ образомъ, подвергнуть ея дрожащія внутренности палящимъ лучамъ солнца. Какъ только одинъ изъ нихъ имѣлъ въ рукахъ кусокъ мяса, — то онъ сейчасъ же бѣжалъ съ нимъ къ своему полю, чтобы оплодотворить его нѣсколькими каплями, еще теплой крови.

Языкъ кондовъ происходитъ отъ санскритскаго. Они страшно не желаютъ учиться читать и писать, объясняя это тѣмъ, что какъ только они выучатся этимъ искусствамъ, то потеряютъ свою независимость. Для опьяненія они пользуются аракомъ и гордятся, что ихъ пальмы доставляютъ его всегда въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы лишать ихъ разсудка. Они собираютъ также растеніе, цвѣтокъ котораго называется «hapri»; когда его подвергаютъ дистиляціи, или просто жуютъ, — то результатомъ этого бываетъ опасное опьяненіе. На своихъ праздникахъ, мужчины привязываютъ къ спинѣ хвосты, которые они стараются вращать съ быстротою обезьяны. Это искусство составляетъ въ странѣ признакъ самаго высшаго тона.

Въ то время какъ я размышлялъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ и думалъ о жестокостяхъ, которыя можетъ совершать человѣкъ,—это существо, одаренное привиллегированною способностью разсужденія (самымъ высокимъ разумомъ), которое слишкомъ часто словно повинуется самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ, — мы приближались къ озеру Шилка, одному изъ рѣдкихъ водныхъ источниковъ Индіи, — страны замѣчательно бѣдной въ этомъ отношеніи.

Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ Калькуту, главнымъ предметомъ

моихъ изученій была земледѣльческая промышленность индусовъ. Проѣзжая мимо полей, я захотѣлъ познакомиться со способами обработыванія почвы въ этой странѣ: инструменты употребляемые для этого, большею частью грубы и просты, какъ и слѣдовало ожидать у бѣдныхъ земледѣльцевъ, все имущество которыхъ состоитъ въ маленькомъ клочкѣ земли, да и тотъ они не могутъ считать своею постоянною собственностью, какъ мы это увидимъ, когда будемъ говорить о законахъ, управляющихъ поземельною собственностью. Способы обработыванія почвы находятся еще въ первобытномъ состояніи, но совершенно удовлетворяютъ потребностямъ туземцевъ.

Все искусство индусовъ проявляется, главнымъ образомъ, въ работахъ при орошеніи полей, состоящихъ въ томъ, что они выкапываютъ резервуары, или пруды, иногда на очень большомъ разстояніи которые превращаютъ безплодныя песчаныя пустыни въ плодородныя рисовыя поля. Въ особенности часто встрѣчаются подобные резервуары въ южной Индіи, гдѣ рѣдко можно найти большія рѣки.

Происхожденіе этихъ работъ совершенно туземное и относится къ самымъ лучшимъ эпохамъ индѣйской исторіи. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ, долго проживившій въ Индіи. «Подъ сводомъ неба, постоянная ясность котораго не нарушается ни однимъ облачкомъ въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ; въ климатѣ, гдѣ земля шесть мѣсяцевъ не увлажается росой, единственнымъ рессурсомъ земледѣлія, вдали отъ періодическихъ разлитій рѣкъ, можетъ служить только образованіе, въ верхнихъ бассейнахъ, искусственныхъ озеръ, откуда, какъ изъ огромныхъ резервуаровъ, можно было бы брать воду для орошенія полей. Озеро устраивали слѣдующимъ образомъ: отъ одной горы до другой, поперегъ долины, проводили огромное шоссе (плотину), раздѣлявшее ее на двѣ части: дождевая вода верхней части, тѣснимая этой громадной плотиной, тогда высоко поднималась, и среди безплодной долины появлялось озеро, окрестности котораго, въ самое непродолжительное время, покрывались хлѣбными растеніями и зеленью. Народонаселенія быстро группировались вокругъ такого благодѣтельнаго источника, — каждый хотѣлъ воспользоваться его благодѣяніями, оно, казалось, возрастало и умножалось вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ его полей. Разорившійся земледѣлецъ, бѣдный поденьщикъ, находили въ этихъ постройкахъ трудъ, обезпечивавшій ихъ существованіе; но всѣми этими памятниками, или постройками для общественной безопасности, здѣшній народъ обязанъ исключительно своимъ туземнымъ царямъ (раджамъ). Почтенная и верховная Индѣйская Ком-

панія, до 1843 г., т. е. почти около 60-ти лѣтъ, не прорыла ни одного колодезя, не выкопала ни одного пруда, ни канала, не выстроила ни одного моста, для удобства своихъ индѣйскихъ подданныхъ; она не обращала никакого вниманія на самыя прекрасныя рѣки въ мірѣ, которыя, вмѣсто того, чтобы безполезно терять свои воды въ морѣ или въ пескахъ, могли бы оплодотворять, посредствомъ каналовъ и отводовъ, громадныя пространства земли» *). «Только періодическія засухи, говоритъ другой авторъ повторявшіяся каждыя 12 или 13 лѣтъ и навлекшія за собою голодъ, болѣе смертельный, чѣмъ холера, который превратилъ въ пустыню прежде населенные кантоны, заставили наконецъ, агентовъ компаніи, которой грозило уменьшеніе ея доходовъ, открыть, въ виду своихъ же интересовъ, хоть одну часть древнихъ оросительныхъ каналовъ, запущенныхъ со времени паденія Тимуридовъ, и возстановить нѣкоторыя плотины отъ резервуаровъ и искусственныхъ озеръ, гдѣ нѣкогда народъ и почва почерпали вмѣстѣ источники жизни, но которые, въ продолженіе всей первой половины этого столѣтія, представлялись путешественнику разрушенными и высохшими среди окружающихъ ихъ холмовъ.

«Только наканунѣ дня, въ который она должна была уничтожиться и пасть подъ тяжестью своихъ промаховъ и эгоизма, англійская компанія рѣшилась обременить свой бюджетъ необходимыми издержками для возобновленія этихъ работъ; но и до самой минуты ея паденія,— ея издержки, хотя довольно значительныя, далеко не соотвѣтствовали нуждамъ и пользамъ Индіи, ибо, даже по мнѣнію одного изъ ея агентовъ *ни одинъ капиталъ* никогда не былъ сбереженъ для подобнаго употребленія» **).

---

*) *Индія до и послѣ возмущенія.*— Графа Варрена.

**) George Campbell, «Bengale civil service,» «Modern India»—и T. deLanoye. «Inde contemporaine,» 2-e edition.

Какъ бы ни была совершенна администрація, она не въ силахъ исправить ошибокъ, дѣлаемыхъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ четвертей столѣтія ея предшественниками, и свирѣпый голодъ, съ 1864 до 1866 года разорившій сѣверо-западъ Индустана и истребившій все народонаселеніе въ Ориссѣ, показалъ, какъ нельзя лучше несостоятельность первыхъ возстановительныхъ мѣръ настоящаго правительства Индіи. Было и желаніе, были и денежныя средства, не оказалось достаточнаго числа специалистовъ. Въ своихъ увѣреніяхъ мы основываемся на одномъ періодическомъ сборникѣ, пріобрѣвшемъ въ Англіи нѣкоторый авторитетъ.

Въ «Athenaeum» читаемъ: «принимая въ соображеніе оффиціальное донесеніе полковника Страхей, недавно посланнаго въ Индію въ качествѣ главнаго смотрителя надъ орошеніемъ этой страны, британское правительство сознало крайнюю необходимость исправить, привести въ надлежащее положеніе всѣ туземныя сооруженія, еще существующія или совсѣмъ заброшенныя и произвести новыя въ тѣхъ мѣстахъ, которыя того требуютъ. Былъ принятъ проэктъ, ассигновано на это до

Это фатальное забвеніе, это долгое равнодушіе правителей къ подобному существенному вопросу, совершенно достаточно объясняютъ, бѣдность деревенскаго населенія Индіи «этого Эльдорадо нашего европейскаго воображенія, гдѣ земледѣлецъ (а Индія населена исключительно земледѣльцами) вмѣсто *собственности* имѣетъ *долги* *). Но увы! Къ этому бѣдствію нужно прибавить еще другое, — налоги.

«Самый тяжелой налогъ для индуса былъ всегда на земледѣльческіе продукты; во время управленія туземныхъ царей maximum его былъ шестая часть, во время же *почтенной Компаніи* онъ доходилъ до половины и часто даже выше. Но она, считая себя наслѣдницей древнихъ государей, могла разсчитывать также на полученіе ихъ доходовъ, во всей ихъ цѣлости, *древней* и *законной*, такъ какъ въ Индіи, въ древніе и средніе вѣка, простая собственность земли принадлежала исключительно царю и доставляла ему громадный доходъ, то въ видѣ ренты, то въ видѣ платы коронным чиновникамъ, которыхъ онъ награждалъ ею, вмѣсто денегъ, вслѣдствіе чего общественные расходы значительно уменьшались.

«Этотъ вопросъ о собственности въ Индіи имѣетъ громадное значеніе; его долго и серьозно разрабатывали, и онъ продолжаетъ еще тяготѣть надъ дѣйствіями даже настоящей англійской администраціи. Вступать въ споръ объ этомъ предметѣ не входитъ въ нашу задачу, мы ограничимся только замѣчаніемъ, что защитники обѣихъ партій не совсѣмъ ясно представляли себѣ этотъ вопросъ. Представляя себѣ Индію, какъ одну и ту же страну, а населяющія ея племена, какъ одно-

---

милліарда франковъ; уже во многихъ мѣстахъ приступлено было къ сооруженію, но въ Индіи оказался недостатокъ въ ученыхъ инженерахъ, способныхъ провести и углубить каналы, соорудить плотины, запоры, резервуары, и запереть и укротить безпокойное теченіе водъ посредствомъ плотинъ». Еще до настоящаго времени шестьсотъ тысячъ гектаровъ въ одномъ Индустанѣ, да еще четыре милліона шестьсотъ тысячъ въ центральной Индіи чувствуютъ крайнюю необходимость въ надлежащемъ орошеніи; въ Мизорскомъ округѣ необходимо извлечь изъ земли старыя водяныя постройки, въ настоящее время находящіяся безъ всякаго дѣйствія. Въ Деканѣ починка одного tank'a (горный резервуаръ) обойдется не дешевлѣ двухъ съ половиною милліоновъ. Въ Синдѣ овраги, размываемые ежегодно наводненіемъ, требуютъ своего превращенія въ постоянные каналы; два канала близь Калькуты—одинъ, начинающійся изъ рангунгскихъ каменныхъ копій, другой, идущій отъ Ганга, близь Раймахалы, должны быть углублены. Другой каналъ, начинающійся изъ Джумны, близь Дели, долженъ доставлять сообщеніе между округами Муттра и Агра; наконецъ обводный Сетледжскій каналъ, проэктированный еще въ 1861 году, въ настоящее время близокъ къ концу. Всюду обложено справедливою данью все то, что можетъ возбуждать жизнь и плодородіе. Но для того, чтобы привести этотъ трудъ къ хорошему концу, потребуется сто тысячъ рукъ и много ума. Поколѣніе смѣнится другимъ, но голодъ—этотъ бичь людей не совершенно еще искоренится изъ Индіи (Athenaeum du 19 dec. 1868).

*) Victor Jacquemont. Journal de voyage, t. III p. 558.

той, которая господствуетъ въ южной половинѣ Мадрасскаго президентства, въ верхней части президентства Бомбейскаго, въ округахъ Нербуды и во всѣхъ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, или въ президенствѣ Агра. Въ этихъ мѣстахъ, распредѣленіемъ налоговъ занимаются туземные офицеры, которыхъ въ самой деревнѣ называютъ согражданами, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они ни что иное, какъ ихъ агенты. Такимъ образомъ маленькія деревенскія общины представляются намъ маленькими республиками, гдѣ каждый изъ жителей заботится о ихъ благосостояніи. Пока еще не приведены въ исполненіе обѣщанныя правительствомъ реформы и въ ожиданіи результата разслѣдованій, назначенныхъ по этому поводу коммисій, казенное управленіе индѣйскихъ администраторовъ раздѣляется еще, какъ въ прекрасныя времена правленія Компаніи, на три системы налоговъ, которыя распредѣлены очень неравно по всей этой обширной странѣ:

1) Во всей Бенгаліи, въ провинціяхъ Багара *) и Ориссѣ, въ сѣверной части Мадрасскаго президентства, — смежныхъ съ Бенгаліей, господствуетъ система («perpetual settlment»), система постояннаго налога на заминдаровъ, т. е. владѣющихъ землею на правахъ наслѣдственной собственности.

2) Въ центрѣ Мадраса и на юго-западѣ Бомбея господствуетъ система «raiotwar», вслѣдствіе которой англійскій сборщикъ податей находится въ прямыхъ отношеніяхъ съ земледѣльцемъ, подлежащимъ подати, сообразно цѣнности его сбора и качества его земель.

3) Во всей остальной Индіи, на южной оконечности Декана, въ сѣв. западныхъ провинціяхъ, въ округахъ Танти, Нербудды и Пенджаба, мы находимъ систему налоговъ, выплачиваемыхъ всей деревней; она состоитъ въ томъ, что наслѣдственный глава общины, или, въ свободныхъ общинахъ муниципальный совѣтъ составляютъ единственныя отвѣтственныя лица въ уплатѣ налоговъ, которые они распредѣляютъ ежегодно между райями, сообразно обработываемымъ ими землямъ и сборамъ, оцѣниваемымъ на мѣстѣ.

Долголѣтнее господство этихъ различныхъ системъ (въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія) дало конечно результаты, о которыхъ мы можемъ судить по опыту.

Первая система, отъ которой ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ, — дала самые дурные. Она была изобрѣтена въ 1786 г. лордомъ Корнвалисомъ, славнымъ джентльменомъ стариннаго британскаго

*) Къ Сѣверо-Западу отъ Бенгаліи.

рода, смотрѣвшимъ на всѣ древнія учрежденія своей страны, какъ на совершенно пригодныя для всѣхъ другихъ частей свѣта; который нисколько не сомнѣвался въ томъ, что земля должна принадлежать самому высшему классу; который смотрѣлъ на землевладѣтельную аристократію, какъ на самое благодѣтельное общественное учрежденіе и мечталъ устроить подобное въ Индіи, воспользовавшись для этого классомъ земиндаровъ *). Но достаточно появиться одной черной точкѣ на горизонтѣ, чтобы разрушить самые лучшіе планы, а черная точка «perpetual settlmen» привела къ лишенію собственности за неплатежъ. Этимъ правомъ лишенія собственности сначала пользовалось правительство въ отношеніи земиндара, а позднѣе-земиндары въ отношеніи своихъ подоткупщиковъ. Одна эта статья произвела столько переворотовъ въ поземельной собственности въ Бенгаліи, сколько никогда не происходило въ подобный промежутокъ времени, ни на одномъ мѣстѣ земнаго шара **). Уже давно система эта довела земледѣльца до такого предѣла бѣдности, дальше котораго идти невозможно.

Что же касается до системы «raiotewar», она была бы столь же хороша, какъ и заманчива по своей простотѣ, «если бы отличное знаніе туземныхъ языковъ, глубокое сознаніе своихъ обязанностей, сильная дѣятельность духа и тѣла не были необходимы для сборщика податей (collector); въ такомъ случаи райи, а съ ними и правительство, могли бы извлечь небольшую выгоду въ уничтоженіи среднихъ барышей (profits intermidiaires). Но опытъ не замедлилъ обнаружить, что эти качества вовсе не были свойственны чиновникамъ Компаніи, что сборщику податей необходимо было окружать себя агентами, репутація которыхъ пользовалась очень дурною славою ***).

Странное дѣло! Третья система, болѣе всѣхъ подвергавшаяся спеціальной критикѣ экономистовъ усопшей Компаніи, пережила всѣ перевороты, потрясавшіе Индію; за то теперь ее превозносятъ больше всѣхъ другихъ. Большіе лены оставили очень слабые слѣды, за исключеніемъ «pergunnahs», или областей «ста предмѣстій», которыя существуютъ еще до сихъ поръ; общины еще не исчезли,—онѣ все еще существуютъ, — неразрушенныя частицы, среди разложенія индѣйскихъ монархій. «Индусская коммуна (община), читаемъ мы въ донесеніи, изъ котораго заимствовали все предъидущее, это компактный кусокъ (hyra) земли, различнаго протяженія, которой населенъ однимъ обществомъ; границы

*) «Campbell». Modern India.
**) «Ed. Warren». l'Inde anglaise.
***) «Montgomergy-Martin» Statistique générale de l'Inde.

его ясно обозначены и охраняются съ необыкновеннымъ стараніемъ; почва этой земли бываетъ различна: воздѣлываемая, или подъ паромъ, годная для обработыванія, или брошенная, за свою безплодность; вся земля раздѣлена тамъ на части, столь же строго разграниченныя, какъ и самый кантонъ; названія этихъ частей, имена ихъ владѣльцевъ, пространство, качество надѣловъ; — все это старательно сохраняется въ книгахъ общины. Всѣ члены этой областной коммуны живутъ въ деревнѣ, расположенной въ центрѣ ихъ области; въ нѣкоторыхъ странахъ деревни эти бываютъ укрѣплены; въ другихъ, онѣ расположены вблизи крѣпости, или маленькой цитадели Каждая община сама управляетъ своими мѣстными дѣлами; муниципальный совѣтъ («ponchact»), подъ предсѣдательствомъ «patel», или мера *), распредѣляетъ на жителей налоги, которые они обязаны платить государству и налагаетъ на себя отвѣтственность за полную выплату суммы, требуемой центральною администраціею. Онъ самъ замѣняетъ себѣ полицію, отвѣчаетъ за покушеніе на чью либо собственность, совершенное въ его границахъ, отправляетъ правосудіе, произноситъ рѣшенія и осужденія по первой инстанціи. Назначеніе общественныхъ налоговъ для частныхъ издержекъ, разумѣя подъ ними поправленіе стѣнъ храмовъ, общественныя жертвоприношенія, милостыни, церемоніи, увеселенія, праздники, зависитъ также отъ муниципальнаго совѣта, въ которомъ находятся спеціальные чиновники, для исполненія его мѣстныхъ обязанностей и для различныхъ надобностей туземнаго народонаселенія. Хотя коммуна находится въ полной зависимости отъ центральнаго правительства, но все-таки она, во многихъ отношеніяхъ, составляетъ маленькую республику, пользующуюся вполнѣ своими правами, безъ внѣшняго вмѣшательства въ ее внутреннее устройство. Вопросы о политикѣ и о налогахъ поставлены въ этой общинѣ такъ хорошо, что она кажется основаніемъ будущности всей Индіи.

*) Кромѣ пателя, должности по преимущественно наслѣдственной, общинный совѣтъ заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ curnoum или montsudir держащаго реестръ расходовъ по земледѣлію и по всему, относящемуся до него, въ 2-хъ талари или полицейскій агентъ, имѣющій на себѣ обязанность изслѣдовать преступленія и всевозможные проступки, кромѣ того охранять и заботиться о путешественникахъ во время странствованій ихъ по этой мѣстности; въ 3 хъ надзиратель и мѣритель жатвы; въ 4-хъ надзиратель за межами, родъ живой поземельной книги, въ 5-хъ коммисаръ надъ водою и прудами, занимающійся распредѣленіемъ орошенія сообразно съ потребностями земледѣлія, въ 6-хъ браминъ, министръ страны духовныхъ дѣлъ; въ 7-хъ астрономъ, объявляющій о времени удобномъ и неудобномъ для посѣва; въ 8 хъ учитель. Приходитъ сверхъ того и кузнецъ и плотникъ, изготовляющіе земледѣльческія орудія и строющія хижины, наконецъ является и горшечникъ, и цирульникъ, и водовозъ, и пастухъ, и медикъ, и танцовщица, и музыкантъ, и поэтъ. Ed. de Warren. L'Inde anglaise.

Размышляя объ этомъ предметѣ, я вдругъ замѣтилъ передъ собою многочисленную толпу, которая поднимала цѣлыя облака пыли на дорогѣ. Это былъ конвой раджи изъ Визіанагрума, отправлявшагося въ Бенаресъ для празднованія свадьбы своей дочери. Отправившись въ путь наканунѣ, въ день, который былъ обозначенъ его астрологомъ, какъ самый благополучный, онъ путешествовалъ, по его словамъ, безъ остановокъ и безъ *церемоній*, что мнѣ наперерывъ повторяли всѣ присутствовавшие индѣйцы. Въ самомъ дѣлѣ, его сопровождали только около 500 телѣжекъ, запряженныхъ иныя зебу, другія—буйволами, и 3000 носильщиковъ узловъ, 500 кавалеристовъ всадниковъ, 200 алебардщиковъ, 10 слоновъ и столько же паланкиновъ. Оркестръ музыки, возможной только у индусовъ, предшествовалъ торжественной процессіи раджи. Поѣздъ употребилъ цѣлыхъ шесть часовъ для того, чтобы пройти мимо меня въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, какой только можно себѣ представить.

Множество обширныхъ палатокъ образовали лагерь для раджи и его семейства. Онъ прислалъ мнѣ приглашеніе отдохнуть нѣсколько минутъ у него, на что я согласился съ большою поспѣшностью, и мы съ нимъ долго разговаривали на англійскомъ языкѣ, которымъ онъ очень свободно владѣетъ. Темой для нашего разговора служила преимущественно охота: раджа имѣлъ счастіе убить, за нѣсколько дней до этого, гепарда своей собственной рукой; не думайте, что при этомъ ему предстояли большія опасности, — нѣтъ, онъ преспокойно сидѣлъ въ запертой желѣзной клѣткѣ и ожидалъ, какъ въ крѣпости, хищнаго животнаго, которое гнали къ нему загонщики, вооруженные барабанами и трубами. Онъ мнѣ много разхваливалъ своихъ гепардовъ, прелестныхъ пантеръ, которыхъ дрессируютъ, какъ собакъ, для охоты за антилопами. Какая прекрасная и возбужденная охота, когда стая собакъ преслѣдуетъ стадо слоновъ, или пантеру!

Палатка жены раджи и его дочери была окружена оградой изъ красной ткани, такъ, что онѣ могли дышать свѣжимъ воздухомъ, не подвергая себя нескромнымъ взорамъ любопытныхъ. Мнѣ удалось однако имѣть счастье увидѣть ея индійское величество: это молодая и красивая женщина съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, съ черными глазами и съ благородною и граціозною осанкой; коротенькая кофта изъ зеленаго бархата, вся вышитая золотомъ, обрисовывала естественную грацію ея таліи. Что же касается до невѣсты, то мнѣ не удалось ея видѣть; все что я узналъ объ ней, это только то, что ей было пять лѣтъ. Въ Индіи, дѣвушка высшихъ кастъ должна выходить замужъ въ самомъ раннемъ

возрастѣ, хотя до своего совершеннолѣтія она должна все таки проживать въ домѣ родительскомъ. Дѣвушка, не вышедшая замужъ до этого времени, считается въ своемъ семействѣ безчестіемъ, которое можно смыть только принесеніемъ ея въ жертву богинѣ Кали. Англійское правительство, справедливо возстававшее противъ этого суевѣрія, не уничтожило однако его повсюду. Я видѣлъ въ Калькутѣ одного отца, приведеннаго въ судъ, за намѣреніе лишить жизни свою дочь за ея безбрачіе; молодая 12-лѣтняя, и еще не вышедшая замужъ дѣвушка провела три дня на Гангѣ, въ лодкѣ, прикрѣпленной канатомъ къ острову. Довольно значительная толпа набожныхъ людей приходила туда, потихоньку молиться; но за нѣсколько часовъ до жертвоприношенія англійскія власти были объ этомъ предупреждены, и бѣдной жертвѣ возвратили свободу. Но что ожидало это несчастное дитя, отверженное отъ семьи своей и отъ касты?

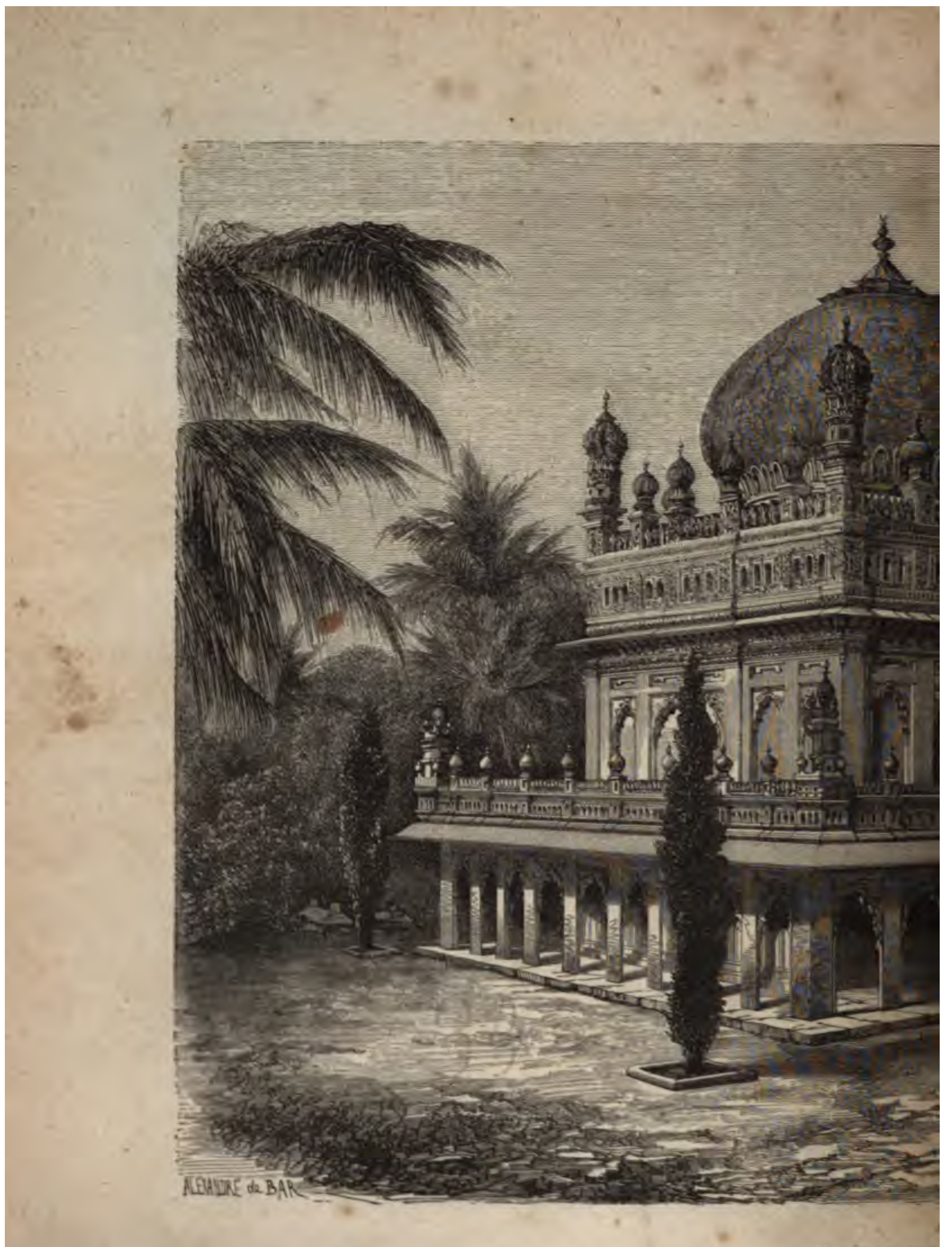
Разставшись съ раджею изъ Визіанагрума, я вступилъ въ Чикаколь. Вся дорога здѣсь окружена лѣсами изъ вѣерниковъ, изъ которыхъ у каждаго въ основаніи ихъ букета листьевъ находится глиняный горшокъ, въ которомъ собирается сокъ пальмы.

Изъ Чикаколя въ Раджамондри *) ведетъ прекрасная аллея изъ multiplianto. Я остановился на пути въ городѣ Визигопатамѣ,—замѣчательномъ по своимъ роговымъ работамъ, которыя здѣсь фабрикуются въ большемъ количествѣ. Произведенія изъ оленьихъ роговъ въ особенности заслуживаютъ вниманія по своей оригинальности.

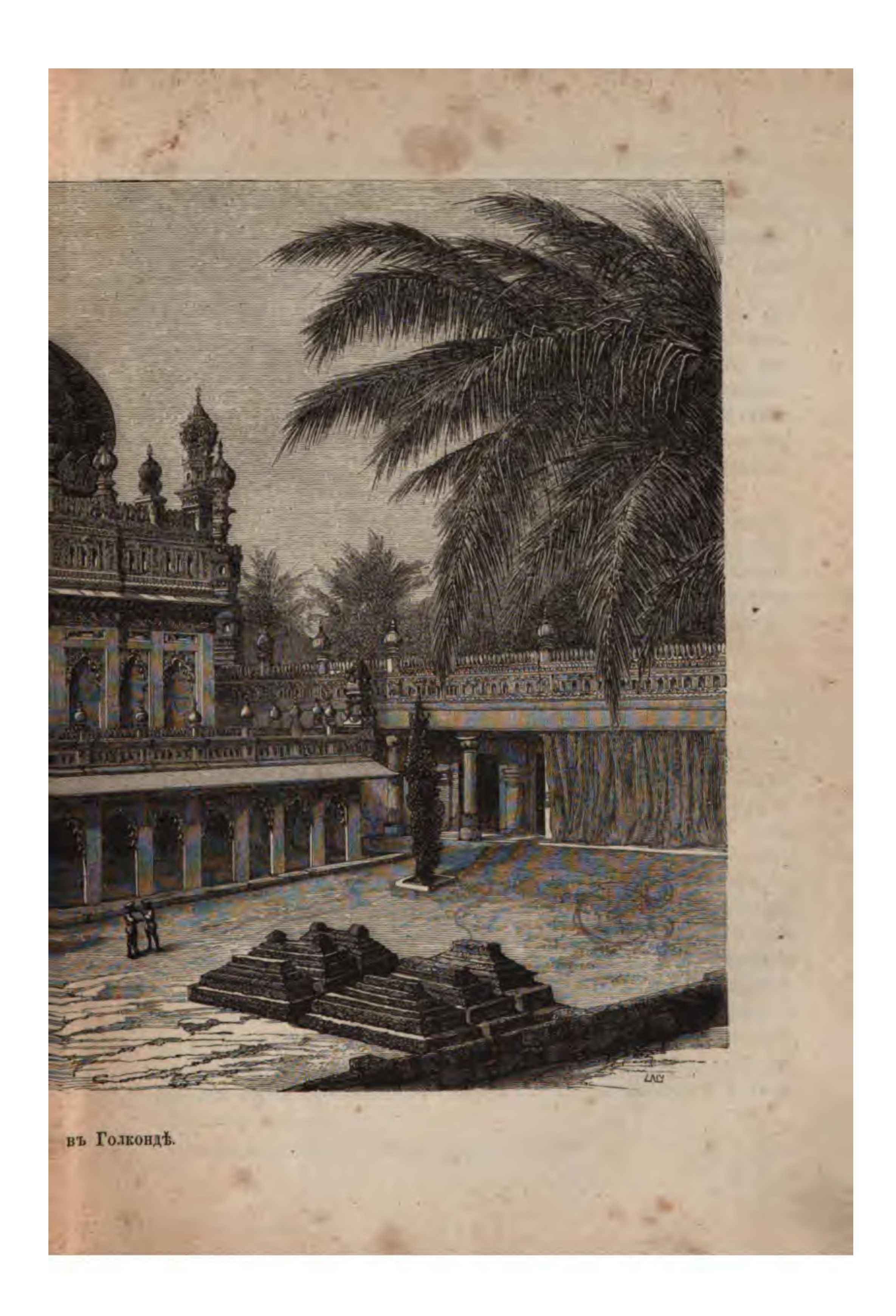
Въ Раджамондри я помѣстилъ свой паланкинъ въ лодку, которая меня перенесла въ Эллоръ по каналу, проведенному съ 1859 года. Въ пятнадцати миляхъ оттуда находится жалкая деревушка, называемая Маравелли; достиженіе ея сопряжено съ большими затрудненіями и съ рискомъ потерять всѣ украшенія паланкина, такъ какъ приходится пробираться по узкой тропинкѣ, пересѣкающей тернистый джунгль. Возлѣ этой деревни находится множество рытвинъ, вырытыхъ рукою человѣка, подлѣ которыхъ собраны остатки древнихъ промываній алмазной руды.

Мнѣ говорили, что еще недавно въ этой песчаной землѣ былъ найденъ алмазъ, довольно хорошаго качества, содержащій очень небольшое количество примѣси кварца. Вдоль канала, вездѣ, гдѣ возможно орошеніе, воздѣлывается много табаку, клещевины и проса. Орошеніе производится съ помощью стебля пальмы, выдолбленнаго наподобіе

*) На рѣкѣ Годавери.



Царская гроб



въ Голкондѣ.

ложки; при погруженіи въ воду онъ наполняется и выливаетъ потомъ свое содержимое въ оросительные каналы; тотъ же результатъ бываетъ, когда заставляютъ быковъ ходить по наклонной плоскости и сообщать этимъ восходящее движеніе гидравлической машинѣ, или, наконецъ, когда привязываютъ ведро къ концу большой жерди, на которую, для противодѣйствія, поперемѣнно восходитъ и нисходитъ человѣкъ.

Изъ Маравелли я отправился, черезъ вновь открытый каналъ, въ Беджуару. Въ этой провинціи устроено еще два канала, изъ которыхъ одинъ ведетъ изъ Раджамондри къ Коконаду, *) другой, изъ Беджуары въ Мазулипатамъ. Эти, устроенные англичанами, каналы, очень полезны для торговли, способствуя дешевой перевозкѣ хлопчатой бумаги въ Коконаду, куда за ней приходятъ корабли. Благодаря этимъ полезнымъ учрежденіямъ, страна не замедлитъ стать на пути цивилизаціи и обогащенія.

Въ Беджуарѣ возвышается прекрасная плотина (anicat) для задержанія водъ Кистны. Телеграфная проволока, въ 1,600 метровъ длины, безъ всякихъ подставокъ, соединяетъ оба берега. Подлѣ храма, крыши котораго были покрыты священными голубями, находится деревянная колесница, привлекшая мое особенное вниманіе своей затѣйливой работой; къ несчастію, характеръ этихъ скульптурныхъ изображеній возмущаетъ своей непристойностью.

Выѣхавъ изъ Беджуары, я повернулъ на западъ, по направленію къ центру полуострова, чтобъ посѣтить государства Низама. На не большомъ разстояніи оттуда находятся многочисленныя алмазныя копи: въ Ганіаткурѣ, въ Кадоветикалу, въ Гане-Парцеала и пр. Самые знаменитые алмазные рудники принадлежатъ Гане-Парцеалѣ; они расположены на лѣвомъ берегу Кистны, въ прежнемъ руслѣ рѣки. Я замѣтилъ тамъ множество круглыхъ отверстій, глубиною въ нѣсколько футовъ, окруженныхъ массою хряща, кварца, кремня, пуддинга, — остатками прежнихъ промываній руды. Если бы здѣсь трудъ организованъ былъ такъ, какъ въ алмазныхъ минахъ Бразиліи, если бы простое промываніе рудъ, удаляющее только земляные частицы, и механическое треніе рукой были замѣнены системою разности относительныхъ вѣсовъ, тогда результаты этихъ работъ были бы гораздо лучше и сравнительные расходы на подъемъ руды значительно бы уменьшились. Рудокопы обязаны платить очень большую подать къ Низамъ, который считаетъ своею собственностію всѣ эти копи, не исключая и тѣхъ,

*) На морскомъ берегу къ сѣверу отъ устья Годавери.

которыя находятся на землѣ, уступленной англичанамъ. Вслѣдствіе этихъ пошлинъ, подобная промышленность находится въ большомъ упадкѣ; ею почти никто не занимается. Въ продолженіе уже 5 лѣтъ, разсказывали мнѣ, здѣсь не могли найти ни одного алмаза, который превышалъ бы своею цѣнностью 50 франковъ.

Чтобы достигнуть Гайдерабада,—столицы Низама, мнѣ нужно было миновать обширныя пустыни, нѣсколько деревень, ни одного обработаннаго поля, нѣсколько крѣпостей, выстроенныхъ на половину изъ земли, на половину изъ камня и окруженныхъ четырехугольными башнями,—вотъ все, что я могъ встрѣтить на протяженіи почти шестидесяти лье *). Тоже самое представляется взору путешественника на всѣхъ «мархіяхъ» (границахъ), отдѣляющихъ собственно англійскія провинціи отъ провинцій вассальныхъ штатовъ.

При выходѣ изъ Беджуары, вниманіе мое было привлечено однимъ растительнымъ феноменомъ: я увидѣлъ одинъ изъ вѣерниковъ, столь часто попадающихся на всемъ Коромандельскомъ берегу, стволъ котораго (вѣерника) былъ обвитъ multipliant: зеленый букетъ пальмъ горделиво возвышался подобно фонтану или пестику, выходящему изъ вѣнчика цвѣтка.

Въ этихъ самыхъ джунгляхъ мнѣ посчастливилось охотиться за гепардомъ о которомъ я уже говорилъ, съ рыжею шерстью, испещренною маленькими однообразными черными пятнышками. Я остановился въ маленькой деревнѣ, чтобы смѣнить моихъ носильщиковъ, какъ вдругъ услышалъ разговоры о томъ, что пантера появилась недавно въ окрестностяхъ; не медля ни минуты, я захватилъ съ собой нѣсколько индѣйцевъ и бросился преслѣдовать это животное. Мы искали его не болѣе часа, какъ вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ ружейный выстрѣлъ, и радостное ура возвѣстило мнѣ, что животное было умерщвлено однимъ выстрѣломъ. Полюбовавшись нѣсколько минутъ этимъ хищникомъ съ выпускными когтями, я поспѣшилъ отправиться дальше. Скоро я обогналъ толпу цыганъ, называемыхъ въ Индіи *бринджарисами* или *ломбардцами*; они направлялись во внутрь страны, въ сопровожденіи множества зебу, нагруженныхъ мѣшками съ солью.

Одежда цыганокъ состоитъ изъ толстой шерстяной юпки, достигающей лодыжекъ; эта юпка должна быть непремѣнно краснаго цвѣта и украшена вверху и внизу яркими полосами, грудь закрывается коротенькой курткой съ желтыми и красными клѣтками, между тѣмъ,

*) Лье равняется 3½ верстамъ.

странная вещь! — спина остается обнаженною; переднія полы этой куртки соединяются только одними шнурками. На ногахъ эти женщины носятъ очень тяжеловѣсныя кольца, края которыхъ представляютъ большое сходство съ зубцами пилы; уши же ихъ украшаются металлическими шариками, привязанными къ нимъ посредствомъ маленькой цѣпочки; въ носу продѣты также кольца, а на рукахъ онѣ носятъ стеклянные и серебряные браслеты.

Такимъ образомъ, въ результатѣ выходитъ, что эти цыганки носятъ на себѣ нѣсколько киллограммовъ *) серебра; между молодыми дѣвушками встрѣчаются нѣкоторыя замѣчательной красоты. Цыгане родятся, живутъ и умираютъ среди болотъ; они не знаютъ домовъ и не нуждаются въ комфортныхъ жилищахъ. Кромѣ торговли солью, которая составляетъ ихъ преимущественное занятіе, они занимаются еще другою, тайною промышленностью — воровствомъ дѣтей.

Въ десяти лье отъ Гайдерабада поверхность принимаетъ болѣе неровный и менѣе пустынный видъ, — тамъ и сямъ попадаются оазисы изъ вѣерниковъ. Окрестности Гайдерабада, впрочемъ, довольно безплодны, и представляютъ кругомъ однѣ скалы.

Англійскія войска, въ числѣ 5,000 человѣкъ, около половины котораго составляютъ европейцы, расположены по квартирамъ въ Сикундерабадѣ, отстоящемъ въ двухъ лье отъ Гайдерабада. Въ этомъ городѣ находится множество, окруженныхъ садами, бунгалоу, въ которыхъ живутъ офицеры; сверхъ того, здѣсь еще устроены: арсеналъ, двѣ протестантскія церкви, маленькій любительскій театръ, большая зала, библіотека, составленная по подпискѣ, кладбище для европейцевъ, и большія и довольно красивыя казармы, выстроенныя на счетъ Низамскаго правительства. Послѣднее содержитъ также на жалованье англійскія войска, присланныя сюда, — оффиціально для его защиты, а на самомъ дѣлѣ, для наблюденія за его дѣйствіями.

Англійское правительство содержитъ резидента, находящагося въ политическихъ сношеніяхъ съ Низамомъ; мѣстопребываніе этого резидента находится вблизи мусульманскаго города, къ которому ведетъ большая дорога, пересѣкаемая прекраснымъ шоссе, простирающимся на одну милю въ длину, и служащее плотиной пруду Хусейнъ-Сагуръ, окружность котораго измѣняется сообразно времени года, отъ 5 — 8 миль. Это шоссе прилегаетъ съ одной стороны къ пруду, идущему вдоль дороги, а съ другой, — къ орошеннымъ полямъ.

*) Киллограммъ составляетъ около $2\frac{1}{2}$ русскихъ фунтовъ.

Дворецъ резидента — очень красивое зданіе, съ нѣкоторою претензіею на греческій стиль. Открытая галлерея, поддерживаемая колоннами, соединяетъ центръ его съ двумя флигелями. Къ дворцу ведетъ аллея изъ прекрасныхъ деревьевъ, окруженныхъ колоннадою. Прежде чѣмъ отправиться въ мусульманскій городъ, я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ во дворецъ, хозяинъ котораго былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ рекомендательное письмо къ набобу Саларъ-Юнгу, *девану*, или первому министру Низама.

Самъ государь почти не занимается дѣлами своего государства; возмущенный своею зависимостью отъ англичанъ, онъ предоставляетъ управленіе государственными дѣлами своему первому министру, который, впрочемъ, слыветъ за очень способнаго человѣка и искуснаго политика. Онъ очень рѣдко появляется въ публикѣ, и только при большихъ торжествахъ; все время проводитъ онъ въ своемъ гаремѣ, въ который ему посчастливилось собрать, какъ разсказываютъ, довольно полную коллекцію женщинъ разныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ націй.

Оставивъ жилище резидента, я отправился посмотрѣть прекрасный мостъ, выстроенный въ 1831 г; онъ поддерживается восемью арками, каждая въ пятьдесятъ шесть футовъ, исключая одной, которая проходитъ черезъ деревню и имѣетъ семьдесятъ семь футовъ. Русло рѣки, черезъ которую проходитъ этотъ мостъ, было наполнено множествомъ слоновъ, важно занятыхъ своимъ туалетомъ; одни, стоя, выбрасывали воду изъ своихъ хоботовъ, другіе, кромѣ того, чистили свои бивни, и это занятіе, повидимому, доставляло имъ величайшее наслажденіе.

Я вошелъ въ городъ черезъ новыя ворота, выстроенные рядомъ съ древними воротами Дели.

Дворецъ Саларъ-Юнга (или воина Юнга), какъ всѣ мусульманскіе дворцы, не представляетъ ничего особеннаго, по своему внѣшнему виду. Дворъ его хотя и занимаетъ довольно обширное пространство, но имѣетъ очень жалкій видъ запустѣнія, и даже солдаты, стоящіе въ немъ въ караулѣ, смотрятъ тоже какъ-то уныло. Внутренность же этого дворца поражаетъ своею чистотою и порядкомъ. *Деванъ* принималъ въ своей большей залѣ, находящейся на концѣ внутренняго двора, украшеннаго большимъ бассейномъ и окруженнаго деревянными, разноцвѣтными столбиками. Въ залѣ колоны выложены маленькими стеклышками; потолокъ буквально составленъ изъ зеркалъ. Мебель чернаго и палисандроваго дерева въ европейскомъ вкусѣ. Съ двухъ сторонъ двора находятся залы, куда ведутъ двери изъ цыновокъ; въ одномъ изъ этихъ залъ бываетъ ежедневное собраніе, *дурбаръ*, на которомъ

обсуждаются политическія дѣла и отправляется правосудіе; чтобы проникнуть туда, необходимо снять башмаки.

Войдя въ залу, я увидѣлъ предъ собою высокаго и красиваго мужчину, которому тогда было около 33-хъ лѣтъ, съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица и съ очень черными усами; это былъ первый министръ. Его умные глаза, благородныя и элегантныя манеры произвели на меня очень пріятное впечатлѣніе; онъ свободно владѣетъ англійскимъ языкомъ, даже пишетъ на немъ, но не смѣетъ говорить по англійски, изъ боязни вооружить противъ себя фанатиковъ-мусульманъ. Его одежда состояла изъ длиннаго платья, изъ бѣлой шерсти, достигающаго колѣнъ и застегнутаго спереди; широкіе шаравары дополняли этотъ костюмъ, а голова была покрыта маленькой драповой скуфьей, отдѣланной золотомъ и шелкомъ.

Деванъ принимаетъ иностранцевъ отъ имени своего государя и обходится съ ними необыкновенно хорошо.

Обширные сады Barrah-Dourrаé (двѣнадцати воротъ), находящіеся подъ присмотромъ одного француза — представляютъ очень пріятный видъ своими кокосовыми павильонами, очень живописно сгруппированными. Столовая, въ которой могутъ помѣщаться до трехъ сотъ человѣкъ, украшена красивыми арабскими столбиками; входъ въ нее открытъ со стороны садовъ, а впереди ея отражается зеркальная поверхность обширнаго пруда, изъ котораго бьетъ ключемъ множество водометовъ; на противоположной сторонѣ, на террасѣ спускаются фейерверки, — необходимый аттрибутъ всякаго торжества на Востокѣ. Я долго ласкалъ въ этомъ саду двухъ прекрасныхъ, королевскихъ тигровъ, очень кроткихъ и прирученныхъ, которыхъ деванъ считаетъ за самыхъ преданныхъ себѣ друзей; тутъ же находятся другія многія любопытныя животныя, каковы, напр., гепардъ, крылатая явская бѣлка, цибеттъ, лани и др.

Въ одной изъ дворцовыхъ залъ устроенъ музей, въ которомъ собраны всѣ замѣчательныя мануфактурныя произведенія Декана, растительные продукты Индіи и самые употребительныя между туземцами лекарства. Между другими издѣліями, я замѣтилъ здѣсь деревянныя лакированныя курнульскія издѣлія, металлическія посеребреныя бадарскія вазы, пенджабскія мраморныя статуи, прозрачныя шелковыя и серебряныя аурунгабадскія ткани, кинкибу, гайдерабадскую шелковую матерію съ золотыми рисунками и кутакскія филигранныя драгоцѣнныя издѣлія.

Европейцы не имѣютъ права посѣщать городъ, не получивъ на это

листьевъ, обозначающій присутствіе важнаго лица; позолоченные и герметически закрытые паланкины, возлѣ дверецъ которыхъ бѣгутъ вооруженные саблей люди, готовые тотчасъ же наказать дерзновеннаго, который бы осмѣлился заглянуть туда; дома, пришедшіе въ ветхость подъ вліяніемъ климата,—все, наконецъ, имѣетъ особенный отпечатокъ въ этомъ громадномъ городѣ, единственнымъ во всей Индіи, который сохранилъ донынѣ настоящій восточный видъ.

Дома богатыхъ и бѣдныхъ вовсе не отличаются другъ отъ друга, такъ что нисколько не удивляешься, когда встрѣчаешь часто въ убогихъ лачугахъ архитектуру богатыхъ домовъ. Такъ дворецъ Шумсъ-Уль-Умра, фасадъ котораго такъ кокетливо рисуется надъ садами, представляетъ самый жалкій видъ, если взойти на его дворъ, или посмотрѣть на него снаружи. Въ Гайдерабадѣ насчитываютъ до 350,000 народонаселенія.

Въ то время, какъ я прогуливался среди этой толпы народа, довольно неблагопріятно поглядывавшей на мой европейскій костюмъ, мнѣ попался на встрѣчу одинъ изъ мусульманскихъ святыхъ, одѣтый въ пеструю мантію и въ остроконечную шапку, и державшій въ рукѣ мѣдную трубу. Эти святые имѣютъ громадное вліяніе на народъ всѣхъ мусульманскихъ странъ, который самъ даетъ патентъ на святость этимъ экзальтированнымъ фанатикамъ. Едва онъ замѣтилъ меня, какъ сталъ трубить въ свою трубу, и, собравъ достаточное количество прохожихъ, обратился ко мнѣ съ оскорбительными словами и такими же жестами. Къ счастію, я сидѣлъ очень высоко, это защитило меня отъ насилія толпы, позволяя мнѣ величественно планировать надъ этою невѣжественною массою, которую суевѣріе и фанатизмъ довели до скотскаго состоянія. Тогда я понялъ почему не позволяется англичанамъ свободно прогуливаться въ этомъ городѣ, наполненномъ опасными сумасшедшими. Рядомъ съ этими мусульманскими пророками, покрытыми разноцвѣтной мишурой, встрѣчаются индусскіе факиры, совершенно нагіе и вымазанные бѣлилами. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ вовсе не трудно убить европейца, замѣшавшагося въ ихъ толпу, такъ, чтобъ отъ этого преступленія не осталось никакихъ слѣдовъ.

Улицы здѣсь такъ узки, что мое верховое животное очень часто сносило рѣшетки у оконъ (балконы), украшающіе снаружи дома, и я, какъ хромой діаволъ (Diable boiteux) направлялъ тогда свои любопытные взоры въ туземныя жилища.

Но что меня больше всего удивило, это слоны, которыхъ мы ежеминутно встрѣчали; одни изъ нихъ были нагружены фуражемъ и дрова-

*

ми, другіе украшены *haoudas* различныхъ формъ, т. е. матрацами, на которыхъ важно покоились, въ своихъ прекрасныхъ шелковыхъ платьяхъ, мѣстные властители. Колокольчики, привязанные къ шеѣ слоновъ, возвѣщаютъ своимъ звономъ всадникамъ и конвою верблюдовъ, чтобы они сторонились и давали мѣсто торжественному поѣзду.

На другой день, рано утромъ, я отправился въ паланкинѣ въ Голконду, гдѣ находится крѣпость, заключающая въ себѣ очень много драгоцѣнностей властителя Низама, который, какъ настоящій восточный царь, питаетъ страстную и чисто женственную любовь къ алмазамъ и жемчугу. За оградой этой крѣпости возвышаются гробницы царей династіи Кутубъ-Шаха.

Изъ прежняго города Голконды въ настоящее время уцѣлѣла только одна зубчатая ограда, которая окружаетъ необработанныя земли и маленькій холмъ, украшающій крѣпость, которую охраняетъ войско арабовъ, не дозволяя ни одному европейцу туда входить.

Рядомъ съ крѣпостью расположено древнее кладбище, на которомъ возвышается множество гробницъ и мечетей, — послѣднихъ остатковъ древняго великолѣпія.

Самыя прекрасныя и принадлежавшія знатнымъ лицамъ гробницы были нѣкогда окружены каменною стѣною; онѣ отличаются другъ отъ друга только своими размѣрами и украшеніями. Это четырехугольныя постройки, возвышающіяся надъ землею на гранитномъ цоклѣ. Шасть ступеней ведутъ къ гробницѣ, каждая сторона которой украшена шестью причудливыми сводами шириною въ четыре метра; въ центрѣ стрѣлки свода высѣчена розетка. Два послѣдніе свода, поддерживаемые массивными столбами, замурованы; эта часть монумента сдѣлана изъ гранита. На первомъ базисѣ и на уступѣ возвышается другая постройка, также четырехугольная, полу-каменная, полу-кирпичная, покрытая известковой штукатуркой. По угламъ стоятъ столбы изъ осьмиугольныхъ кирпичей, поддерживающіе маленькіе минареты, оканчивающіеся пятью шариками, изъ которыхъ одинъ въ срединѣ, четыре по бокамъ; всѣ они переплетены между собою листьями трилистника. Этотъ второй этажъ замыкается сфероидальнымъ куполомъ, похожимъ на тѣ, какіе встрѣчаются обыкновенно въ монументахъ арабскаго стиля. Посреди обширной залы безъ всякихъ украшеній помѣщается гробница изъ чернаго мрамора, съ четырьмя барельефами на уступахъ и высѣченными на ней стихами Корана. Несмотря на свою крайнюю простоту, гробница эта, подъ обширнымъ бѣлымъ сводомъ, производитъ собою поразительнѣйшій эффектъ. Большая часть столбовъ осьмиугольной формы и различ-

ныя части монумента, также и основаніе купола, обложены кирпичами, испещренными самыми разнообразными яркими красками. Было также нѣсколько гробницъ съ куполами, самыхъ блестящихъ цвѣтовъ, далеко отражавшихъ палящіе лучи тропическаго солнца. Встрѣчалось и то, что на фризѣ втораго этажа рѣзко бросалась въ глаза бѣлая надпись на голубомъ фонѣ извѣстныхъ стиховъ Корана.

Индѣйскій типъ. Заклинатель змѣй.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые англійскіе туристы разрушили своею грубою рукою большую часть эмали, яркіе цвѣта которой, такъ хорошо приспособленные къ восточному климату и секретъ приготовленія коихъ теперь неизвѣстенъ, украшали нѣкогда эти постройки. Самыя гроб-

ницы однако еще сохранили свой прежній видъ; высота ихъ доходитъ до 40 метровъ, а стѣны ограды, какъ мы уже говорили выше, всѣ покрыты зубцами.

Возлѣ каждой гробницы находятся маленькія мечети, фасадъ которыхъ, поддерживаемый двумя, или тремя колоннами, обращенъ на востокъ; по краямъ фасада устроены маленькіе минареты, соединяемые шнуркомъ свитымъ изъ листьевъ дятлины (трилистника).

Изъ Голконды я отправился къ пруду Миръ-Аллунъ, который отстоитъ въ 4-хъ миляхъ отъ Гайдерабада и образуется большою и прекрасною плотиной, пересѣкающей поперечно долину, по которой нѣкогда протекала вода. Эта полукруглая и выпуклая платина составлена изъ двадцати трехъ полукруговъ, выпуклою стороною обращенныхъ къ верховью рѣки и твердо укрѣплена на бокахъ. Она вся построена изъ гранита и въ высоту имѣетъ по крайней мѣрѣ десять футовъ, а въ окружности болѣе ста. Это хорошій образчикъ lang'овъ или резервуаровъ, составляющихъ собою чистые источники жизни для различныхъ частей Индіи. Съ берегу миръ-аллунскаго пруда можно наслаждаться великолѣпнымъ и обширнымъ видомъ. Подъ ногами путешественника разстилается обширное поле, обезпечиваемое въ своемъ обильномъ плодородіи водами искуственнаго озера: на горизонтѣ, изъ зеленѣющаго оазиса, въ которомъ скрывается городъ Гайдерабадъ, возвышаются четыре шахаръ-минарскія башни; вдали, на право, на зелени долины, орошаемой Муссой, обрисовывается въ видѣ длинныхъ бѣлыхъ линій сипаидебардскія казармы; наконецъ, позади пруда направляются холмы, усѣянные грудой гранита, дикій видъ которыхъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ остальною картиною.

Наканунѣ моего отъѣзда, — въ Мулали, — деревнѣ, расположенной въ десяти миляхъ отъ Гайдерабада, былъ праздникъ въ честь одного святаго мусульманина, который, возносясь на небо, оставилъ слѣдъ своихъ ногъ на вершинѣ холма. Правовѣрные выстроили на этомъ мѣстѣ мечеть, а люди высшихъ кастъ—дачи, куда они пріѣзжаютъ, чтобы присутствовать на праздникѣ, продолжающемся два дня. Мнѣ представлялся очень удобный случай получить понятіе о мусульманскихъ празднествахъ, и я не преминулъ имъ воспользоваться съ большою поспѣшностью.

Сотни слоновъ, покрытыхъ красными и вышитыми золотомъ покрывалами, съ артистически-нарисованнымъ на лбу полумѣсяцемъ, или другими эмблемами ислама, одѣтые въ великолѣпныя шелковыя платья, величественно сидящіе на спинахъ слоновъ,—все это составляло очень

любопытное зрѣлище для европейца. Каждое животное было предшествуемо эскортомъ солдатъ, вооруженныхъ мушкетами, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ; они махали факелами и объявляли громкимъ голосомъ титулы своего начальника. Далѣе тянулись кареты, очень странной формы, украшенныя богатыми драпировками, въ которыхъ сидѣли баядерки, совершенно покрытыя разнаго рода драгоцѣнностями и весело распѣвавшія подъ звуки барабана и цимбалъ. За ними двигались паланкины, верблюды, пѣшеходы, совершенно загромоздившіе дорогу. Всѣ дома были иллюминованы бумажными фонарями, что еще болѣе придавало восточный видъ этой разноцвѣтной и шумной толпѣ. Меня сначала удивляло, что слоны совершенно спокойно проходятъ между тѣсно-сплоченною толпою, не причиняя никакихъ безпорядковъ. Если кто нибудь изъ пѣшеходовъ замедлялъ свой путь и мѣшалъ проходить слону, то послѣдній деликатно напоминалъ ему о своемъ присутствіи, фамиліярно хлопая хоботомъ по его плечу.

Въ этотъ вечеръ мнѣ удалось присутствовать на танцахъ баядерокъ. Характеръ восточныхъ танцевъ совершенно не похожъ на танцы нашихъ государствъ: танцы баядерокъ состоятъ большею частью изъ мимики, сопровождаемой пѣніемъ, ритмъ котораго монотоненъ и очень медлененъ. Три человѣка, съ барабаномъ и цимбалами, аккомпанируютъ движеніямъ танцовщицы, между тѣмъ какъ подруги ея, небрежно развалившись на землѣ, бьютъ въ тактъ руками и поютъ хоромъ. Выходить на сцену можетъ обыкновенно только одна изъ баядерокъ; топая ногами, къ которымъ привязаны гремушки, она кружится и вертится на одномъ мѣстѣ, стараясь придать своему тѣлу движеніе, подобное теченію волнъ, что на самомъ дѣлѣ производитъ болѣе странное, чѣмъ пріятное впечатлѣніе. Пѣніе состоитъ большею частью изъ простыхъ речитативовъ, которые отъ времени до времени пѣвица вдругъ прерываетъ пронзительнымъ крикомъ, разносящимся по воздуху подобно жаворонку, когда онъ, покинувъ свое поле, улетаетъ прямо къ солнцу. Недавно прибывшій въ Индію европеецъ вѣроятно будетъ очень удивленъ и даже разочарованъ, когда, наслышавшись столько о неотразимой прелести баядерокъ, увидитъ эти танцы, услышитъ ихъ пѣніе, вовсе не согласующееся съ мечтами его воображенія, настроеннаго обманчивыми разсказами.

Костюмъ баядерокъ отличается роскошью и большою скромностью; онъ болѣе скроменъ, чѣмъ костюмъ женщинъ показывающихся на улицахъ. Надо однако сознаться, что въ жаркой странѣ, гдѣ душа и тѣло прежде всего ищутъ тишины и успокоенія, наши быстрые европейскіе

танцы и наша серьезная музыка были бы страшно ненормальнымъ явленіемъ, и вовсе бы не содѣйствовали удобствамъ здѣшней жизни. У насъ самое удовольствіе все таки составляетъ для насъ нѣкотораго рода трудъ, между тѣмъ какъ представленія баядерокъ не причиняютъ никому утомленія; полу-погрузившись въ сладкую дремоту, небрежно слушаешь поэтическіе разсказы о любви, обыкновенный сюжетъ подобныхъ представленій, въ то время какъ духъ и тѣло остаются совершенно свободными. Я не скрою, что я испытывалъ нѣкоторое удовольствіе, присутствуя на этихъ оригинальныхъ представленіяхъ, особенно когда я ужь нѣсколько обжился на Востокѣ; подъ вліяніемъ дыма моей houka, мимика и голоса баядерокъ казались мнѣ мечтами моего воображенія,—видѣніями, вовсе неутомлявшими его.

Въ продолженіе всего вечера, слуги безпрестанно обрызгивали лица присутствующихъ розовой водой, которою были наполнены серебряные кувшины, высѣченные золотомъ. Это благовонное окропленіе, испаряясь, чрезвычайно освѣжительно дѣйствуетъ на лицо. Каждую минуту подавались серебряные подносы, наполненные бетелевыми рожками (comets) *), сиропами и конфектами.

Когда ужь было довольно поздно, я сталъ собираться въ обратный путь, и, взойдя на шесть ступеней, усѣлся на свое мѣсто на спинѣ слона, чтобы отправиться домой, откуда на другой день, рано утромъ, мнѣ нужно было выѣхать въ Мадрасъ.

---

*) Приготовленіе ихъ совершается такимъ образомъ: листъ бетелеваго перца намазываютъ растворенною известью: тогда его свертываютъ въ рожокъ, прибавляя туда немного орѣховъ ареки (капустной), пальмы гвоздики и пр. пряностей. Для знатныхъ лицъ известь приготовляютъ въ маленькихъ обожженныхъ (кальцированныхъ) жемчужинахъ.

Индѣйскіе типы. Мелочные торговцы на мадрасскомъ базарѣ.

ГЛАВА IV.

ИЗЪ ГОЛКОНДЫ ВЪ МАДРАСЪ. — НАКАЗАНІЕ ИДОЛА. — МАДРАСЪ. — МѢСТНЫЕ АКРОБАТЫ И УКРОТИТЕЛИ ЗМѢЙ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДУСОВЪ ПОЛУОСТРОВА ДЕКАНА. — ЖЕНСКІЯ УКРАШЕНІЯ. — НРАВЫ И ОБЫЧАИ ОБЩЕЖИТІЯ. — ПАРІИ. — РИСОВЫЯ ПОЛЯ. — КОНДЖЕВЕНРАМЪ. — ХРАМЪ. — ДРАГОЦѢННОСТИ. — НАУКИ ИНДІИ. — СЕКТА ЖАНГАМЪ И ЕЯ ОТЛИЧІЕ ОТЪ ДРУГИХЪ СЕКТЪ.

Оставя Гайдерабадъ, я направился къ югу. Много различныхъ дорогъ ведутъ изъ государствъ Низама въ Мадрасъ; я выбралъ изъ нихъ ту, которая проходитъ чрезъ Курнаулъ и Гуддапахъ; мнѣ хотѣлось осмотрѣть старинные бриліянтовые рудники, лежащіе по рѣкѣ Пеннаръ, которые пользовались нѣкогда столь заслуженною славою. Между Гайдерабадомъ и Курнауломъ почва безплодная, мѣстность плоская, немного далѣе страна орошается обильнѣе и становится болѣе оживленной. Близь Гуддапаха поля покрыты хлопчатобумажными плантаціями.

Выѣзжая изъ Курнаула, я увидѣлъ, не безъ удивленія, среди небольшой деревни храмъ, новый еще, но съ опрокинутымъ идоломъ. Я освѣдомился о причинѣ, побудившей индусовъ подвергнуть идола такому наказанію и узналъ, что опрокинутое божество не исполнило возложенной на него обязанности: оно должно было охранять эту деревню отъ всякихъ бѣдствій, а деревня два раза выгорѣла. За такое нерадѣніе, идолъ потерялъ всякое уваженіе общества. Населеніе этой деревни поступило столь рѣшительно съ провинившимся божествомъ для того, чтобы примѣръ этотъ послужилъ въ назиданіе прочимъ богамъ. Вновь избранное божество стало предметомъ новаго обожанія и поклоненія. Въ окрестностяхъ Гутти и Гуддапаха встрѣчаются глинистые пласты, похожіе на тѣ, которые образуются на берегахъ Кистны послѣ разлива. Эти пласты состоятъ изъ песку, отчасти превратившагося въ глину, и маленькихъ кварцовыхъ пластинокъ съ примѣсью драгоцѣнныхъ камней. Добываніе драгоцѣнныхъ камней изъ подобнаго рода

формацій нынѣ оставлено. Такъ называемые голкондскіе брильянты добываются изъ различныхъ рудниковъ; самый ближайшій изъ нихъ лежитъ въ пятидесяти лье отъ Голконды.

На выѣздѣ изъ Гуддапаха я увидѣлъ пригородныхъ поселянъ, совершавшихъ религіозный обрядъ, который имѣлъ цѣлью исцѣлить поля отъ ржавчины, поразившей жатву. Они приносили въ жертву овцу, потомъ, вынувъ внутренности и смѣшавъ ихъ съ листьями и золою, разбрасывали куски этой кровавой массы вокругъ поврежденныхъ болѣзнью растеній. Все это сопровождалось криками: поли! поли! Едва сдѣлалъ я нѣсколько миль отъ Гуддапаха, какъ паланкинъ мой сломался. Отъ Калькутты я былъ уже на разстояніи 260 миль. Это злополучное происшествіе принудило меня нанять неуклюжую телѣгу мѣстнаго изобрѣтенія, на которую я поставилъ свой паланкинъ, сложилъ багажъ и помѣстилъ свою собственную персону. Дороги въ этой странѣ очень дурны, при каждомъ толчкѣ моей первобытной колесницы, меня подбрасывало кверху, и я ударялся головой о потолокъ моего паланкина; тѣло мое было совершенно избито; я не могъ однако приписать это быстротѣ бѣга моихъ воловъ, потому что они дѣлали въ часъ только полъ лье. Я почувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, когда послѣ этой пытки, продолжавшейся цѣлыя сутки, добрелъ наконецъ до Трипетти, гдѣ пересѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги, соединяющей этотъ городъ съ Мадрасомъ. Въ настоящее время рельсовый путь, на которомъ Трипетти станція, оконченъ до Бомбея. Въ этихъ странахъ далекаго востока, среди населенія, сохранившаго такъ заботливо и свято преданія прошедшаго, — чрезвычайно любопытно видѣть осуществленіе двухъ величайшихъ изобрѣтеній нашего вѣка: желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

Еще въ 1863 году телеграфная сѣть покрывала почти всю Индію; много желѣзныхъ дорогъ начинало строиться; теперь же эта обширная страна уступаетъ въ этомъ отношеніи весьма немногимъ европейскимъ странамъ. Англичане не пренебрегли ничѣмъ, что могло увеличить благосостояніе туземцевъ и обезпечить вмѣстѣ съ этимъ ихъ непосредственный интересъ. Они не имѣютъ, конечно, той смѣлой инициативы, которая отличаетъ сѣверо-американцевъ; янки не ставятъ въ зависимость улучшеніе и постройку путей сообщенія отъ густоты народонаселенія; они думаютъ, и не безъ основанія, что быстрые пути сообщенія облегчаютъ заселеніе странъ, создаютъ богатства въ тѣхъ странахъ, которыя онѣ прорѣзываютъ.

Англичане болѣе предусмотрительны чѣмъ французы, и менѣе пред-

пріимчивы нежели американцы: при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ въ колоніяхъ, они руководствовались только немедленными выгодами, оставляя въ сторонѣ всякія дальнѣйшія соображенія.

Европейцы вездѣ и всегда высказываютъ желаніе воздвигать изящныя сооруженія; вмѣсто чтобы уяснить себѣ дѣйствительныя потребности страны, они предпочитаютъ лучше не дѣлать никакихъ улучшеній, если не имѣютъ достаточно фондовъ для сооруженія чего либо изящнаго и сообразнаго съ правилами и требованіями искусства. Благоразумнѣе было бы распредѣлить наличныя средства на возможное улучшеніе всѣхъ путей сообщенія. Страна только выиграла бы отъ этого: сдѣланный расходъ, не обременяя населенія съ одной стороны, и улучшивъ все-таки пути сообщенія, увеличилъ бы сумму народнаго богатства, по мѣрѣ возрастанія котораго сооруженіе дорогихъ путей сообщенія само собою, сдѣлалось бы возможнымъ. Желѣзныя дороги, безъ сомнѣнія, окажутъ большое вліяніе на нравы, а впослѣдствіи и на религію индусовъ.

Уравнивающее начало уже высказывается въ томъ, что люди разныхъ сословій обязаны сидѣть въ одномъ вагонѣ, если внесли одинаковую плату, сверхъ того они во всемъ подвергаются и одинаковому риску и однимъ и тѣмъ же шансамъ. Все это повліяетъ сперва на вседневныя отношенія членовъ различныхъ сословій, а впослѣдствіи и совершенно уничтожитъ кастовые предразсудки.

Мадрасъ—большой городъ, лишенный физіономіи: въ немъ нѣтъ ни одного памятника, который могъ бы привлечь вниманіе путешественника.

Рейдъ дурной, съ постоянною зыбью; высаживаются съ корабля на берегъ посредствомъ большихъ лодокъ, называемыхъ *шелингъ*. Доски, изъ которыхъ сдѣланы эти лодки, сшиты, но не сбиты гвоздями; это дѣлаютъ для того, чтобы придать лодкѣ большую гибкость. Волны, по временамъ очень большія, разбиваясь о берегъ, прибиваютъ къ нему шелинги. Любопытно видѣть эти лодки на водѣ, когда сидящіе въ нихъ гребцы употребляютъ всевозможныя усилія, возбуждая другъ друга криками; нестройность ихъ движеній представляетъ контрастъ съ полнымъ спокойствіемъ рулеваго, который управляетъ лодкою, лавируя среди волнъ. Когда валы слишкомъ велики и сообщаться съ берегомъ посредствомъ шелинговъ становится опаснымъ, то ихъ замѣняютъ *катимаранами*. Такъ называются небольшіе паромы, сдѣланные изъ трехъ досокъ, на которыхъ переправляются индѣйцы, стоя на колѣнахъ, и управляя длиннымъ весломъ; письма и вещи, отданныя для передачи на берегъ, плывущій на катимаранѣ индѣецъ кладетъ въ чалму,

которая покрываетъ его голову. При видѣ этихъ легонькихъ паромовъ, то скачущихъ по вершинамъ волнъ, то ниспадающихъ въ углубленія, образуемыя этими волнами, невольно вспоминаешь ту обезьяну басни, которая плыла въ Пирей на дельфинѣ.

Въ Мадрасѣ, равно какъ и въ другихъ индѣйскихъ городахъ, гдѣ живетъ много англичанъ, находится прекрасный клубъ, учрежденный на основаніяхъ неизвѣстныхъ во Франціи. Клубъ этотъ имѣетъ гостинницу, въ которой могутъ жить только члены, выбранные по баллотировкѣ; живущіе въ ней пользуются всѣми удобствами жизни по уменьшенной цѣнѣ. Этотъ отель состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, построенныхъ въ обширномъ саду; множество комнатъ и ванна къ услугамъ живущихъ тамъ членовъ клуба.

Ресторанъ съ европейской кухней, прекрасные припасы, хорошая сервировка, порядокъ, все это доставляетъ возможность посѣщать это заведеніе и имѣть хорошую пищу. Кромѣ читальной залы, въ которой можно найти всѣ повременныя изданія англійскія и французскія, есть еще библіотека, бильярдная, игорная зала и т. д., словомъ, для путешественника, равно какъ и для холостаго человѣка, постоянно живущаго въ Мадрасѣ, ничего не можетъ быть удобнѣе, и въ денежномъ отношеніи, и въ смыслѣ удовольствія, какъ жить среди этой комфортабельной и недорогой обстановки. Есть много городовъ въ Европѣ, гдѣ подобное учрежденіе было бы весьма полезно.

Мадрасъ знаменитъ во всей Индіи своими акробатами и укротителями змѣй. Нѣсколько часовъ спустя послѣ моего прибытія въ этотъ городъ, я былъ осажденъ нѣсколькими труппами странствующихъ акробатовъ, которые тотчасъ начали мнѣ показывать свою ловкость. Гимнастическія упражненія не возбуждаетъ особеннаго интереса; магики заслуживаютъ гораздо большаго вниманіе. Эти голые фокусники, съ опоясанною лишь таліею кускомъ грубаго холста, дѣлаютъ тѣмъ не менѣе весьма удивительныя штуки. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фокусовъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ зерно и кладутъ его въ горшокъ, наполненный землею; спустя нѣсколько минутъ зерно уже пустило корни и передъ вами выростаетъ постепенно цѣлое растеніе: — стебель, вѣтки, листья являются почти мгновенно. Индѣйскіе фокусники имѣютъ всегда при себѣ нѣсколько очковыхъ змѣй, такъ называемыхъ cobra capella (coluber naja), которыми они забавляютъ зрителей. Эта порода змѣй самая опасная и укушеніе ихъ причиняетъ смерть. Укротители змѣй, вопреки принятому мнѣнію, не вырываютъ у нихъ ядовитые зубы; храбрость ихъ основывается главнымъ образомъ

на неповоротливости и трусости этихъ змѣй, притомъ же змѣи почти не употребляютъ въ дѣло свои смертоносныя орудія, когда, вслѣдствіе насыщенія, организмъ ихъ парализованъ совершающимся пищевареніемъ. Эти люди пріучаютъ ихъ къ себѣ извѣстнымъ обращеніемъ и заставляютъ ихъ понимать выраженіе своего лица.

Кто дотрогивался хотя однажды до этихъ змѣй, тотъ знаетъ по опыту, что простое соприкосновеніе, или легкое поглаживаніе по тѣлу этихъ животныхъ способно укротить ихъ: тогда, какъ бы намагнитизированныя, онѣ не выказываютъ желанія укусить или ускользнуть. Первое прикосновеніе къ нимъ еще представляетъ нѣкоторую опасность. Я много разъ забавлялся съ очковыми змѣями, и никогда со мной ничего не случалось. Нѣкоторые индусы стараются вполнѣ приручить ихъ, они пускаютъ ихъ ползать на свободѣ въ садахъ, съ цѣлью пугать воровъ. Самимъ хозяевамъ эти животныя не причиняютъ вреда. Укротители змѣй, чтобы сдѣлаться неуязвимыми, употребляютъ для этого корни кирказана, которыми они описываютъ круги вокругъ головы этихъ пресмыкающихся, твердо вѣруя, что этимъ дѣйствіемъ они дѣлаютъ ихъ безвредными; понятно что это чистѣйшее суевѣріе. Другіе же, какъ противоядіе сдѣланному укушенію, употребляютъ какой-то черноватый камень, со скважистою поверхностью; приложенный къ ранѣ, камень этотъ имѣетъ свойство стягивать ее и всасывать кровь.

Такъ какъ мы уже начали говорить о змѣяхъ, то замѣтимъ кстати, что ихъ нисколько не больше въ Индіи, чѣмъ въ остальныхъ тропическихъ странахъ. Несмотря на страшные разсказы, которыми пугаютъ путешественниковъ, статистика указываетъ на чрезвычайно малое количество смертныхъ случаевъ отъ укушеній этими змѣями, да и тѣ немногіе случаи, которые бываютъ, происходятъ съ тѣми только, которые бѣгаютъ босыми ногами по лѣсамъ и полямъ.

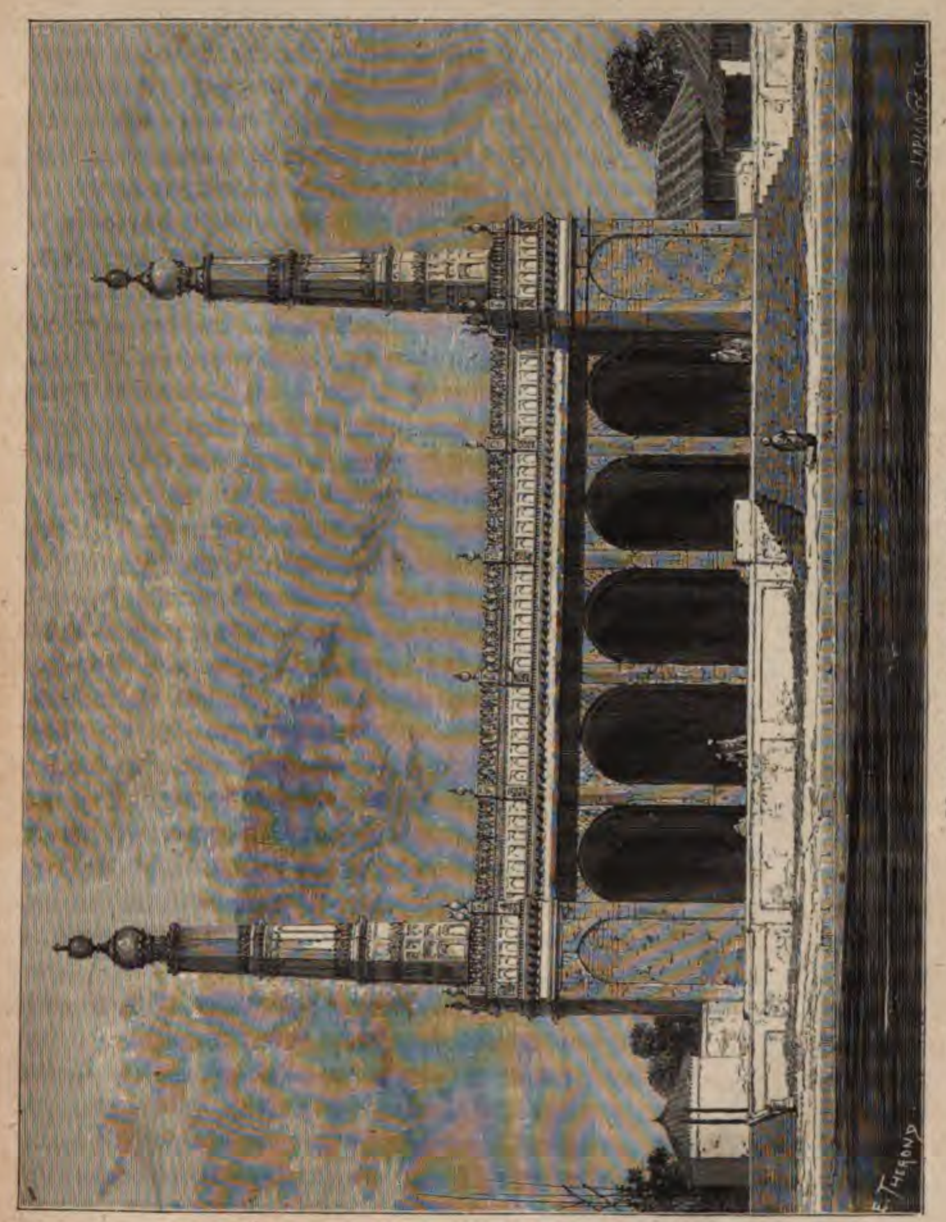
Я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Мадрасѣ, чтобъ дополнить и исправить нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя были собраны мною во время путешествія о населеніи Декана, и объ отношеніяхъ его къ остальному населенію Индіи. Раса, населяющая Деканъ — смѣшанная кровь желтой расы, которая высказывается гораздо больше чѣмъ арійская кровь. Хотя овалъ лица, личной уголъ и строеніе черепа указываютъ на ихъ арійское происхожденіе, но цвѣтъ уничтожаетъ эти родовые признаки. Они не крѣпкаго тѣлосложенія; люди низшихъ кастъ большею частью худые, поджарые; недостатокъ силъ они пополняютъ легкостью и проворствомъ. Цвѣтъ кожи ихъ — нѣчто среднее между коричнево-краснымъ и темно-коричневымъ; волосы гладкіе, совершенно черные, бо-

рода довольно густая; застѣнчивый и кроткій, индусъ не одаренъ твердостью характера и должной настойчивостью; одаренный смѣтливостью, онъ не способенъ къ постоянному труду; кастовый гнетъ и иго иностраннаго господства, тяготѣя надъ нимъ съ незапамятныхъ временъ, сдѣлали изъ него какое то гибкое существо, болѣе осторожное и ловкое, чѣмъ энергичное; хитрый умъ замѣняетъ въ немъ благородство чувствъ *). Живость воображенія, не умѣряемая раціональнымъ воспитаніемъ, довела индусовъ до грубаго суевѣрія, которое вполнѣ освящается ихъ религіею и многочисленнымъ сонмомъ боговъ. Если природная застѣнчивость предохранила индуса отъ столь грубаго фанатизма, какъ у мусульманъ, то религія все-таки дорога его сердцу, и религіозныя вѣрованія совершенно искренни въ простомъ народѣ. Религія Шива, къ которой принадлежитъ большинство деканцевъ, такъ высоко стоитъ въ ихъ глазахъ, что они дорожатъ ею больше чѣмъ жизнью. Самая нелѣпая доктрина возбуждаетъ въ нихъ искреннюю вѣру и горячее сочувствіе. Бредъ религіозной фантазіи нравится ихъ воображенію и грубостью поэтическаго вымысла, и множествомъ обрядовъ, которые забавляютъ ихъ и возбуждаютъ страсти.

Отсутствіе нуждъ дѣлаетъ ихъ не предусмотрительными, а живое дѣтское воображеніе, находя себѣ пищу въ самыхъ мельчайшихъ фактахъ, дѣлаетъ ихъ созерцательными и лѣнивыми. Ихъ религія съ ученіемъ о метампсихозѣ (переселеніи душъ) увеличиваетъ еще болѣе эту природную наклонность ума; въ результатѣ получается та невѣроятная инерція, о которую разбивались до сихъ поръ всякія усилія. Только то можетъ пробудить массы населенія, что касается до ихъ религіозныхъ вѣрованій.

Костюмъ индусовъ состоитъ изъ такъ называемаго doun — длиннаго куска матеріи, которымъ опоясываютъ талію, затѣмъ его пропускаютъ между ногъ и пристегиваютъ сзади. Эта одежда оставляетъ обнаженнымъ все туловище и ноги. Зажиточные классы народа носятъ коротенькую рубашку — *ангаркабъ,* и длинное бѣлое платье, называемое *джамагъ.* Голова всегда покрыта чалмою, размѣры которой соотвѣтствуютъ принадлежности человѣка къ той или другой кастѣ. Башмаки носятъ немногіе, но сандаліи во всеобщемъ употребленіи. Жен-

*) По поводу этихъ и слѣдующихъ страницъ мы должны замѣтить, что при настоящемъ положеніи этнографическихъ и филологическихъ наукъ какая-либо общая оцѣнка всей совокупности ста восьмидесяти милліоновъ народонаселенія Индіи на столько-же представляется возможною, на сколько и оцѣнка всей совокупности народонаселенія Европы, заключенному нынѣ между Зундомъ и Гибралтарскимъ проливомъ, между мысами Мальме и Финистере.



Мечеть въ окрестностяхъ Мадраса.

щины носятъ такъ называемую *шоли* — коротенькую курточку, спускающуюся до таліи, и *сары* — большой кусокъ полотна, которымъ онѣ опоясываются, закидывая длинный конецъ чрезъ плечо, или же покрываютъ имъ голову. Этотъ граціозный костюмъ напоминаетъ хламиду, въ которую завернута столь изящно Діана.

Вообще можно сказать, что костюмъ индусовъ не лишенъ изящества, и совершенно приноровленъ къ климату и образу жизни. Хотя каждая каста и секта носятъ этотъ костюмъ по своему, тѣмъ не менѣе общій и характеристическій типъ народонаселенія остается неизмѣннымъ. Оба пола чрезвычайно любятъ драгоцѣнныя украшенія: женщины низшихъ сословій, и притомъ бѣдныя, часто носятъ золотыя кольца, украшенныя жемчугомъ, которыя онѣ продѣваютъ въ ноздри. Руки онѣ украшаютъ браслетами, обыкновенно мѣдными или стеклянными, иногда серебряными. Большіе пальцы на ногахъ также украшаются перстнями, а ноги тяжелыми металлическими кольцами. Уши ихъ буквально гнутся подъ тяжестью навѣшанныхъ серегъ; въ ушахъ проколоты большія отверстія, въ которыя вдѣты золотыя украшенія въ видѣ маленькихъ колецъ; въ рабочіе дни вкладываютъ туда листья; эта мода распространилась и въ Полинезіи.

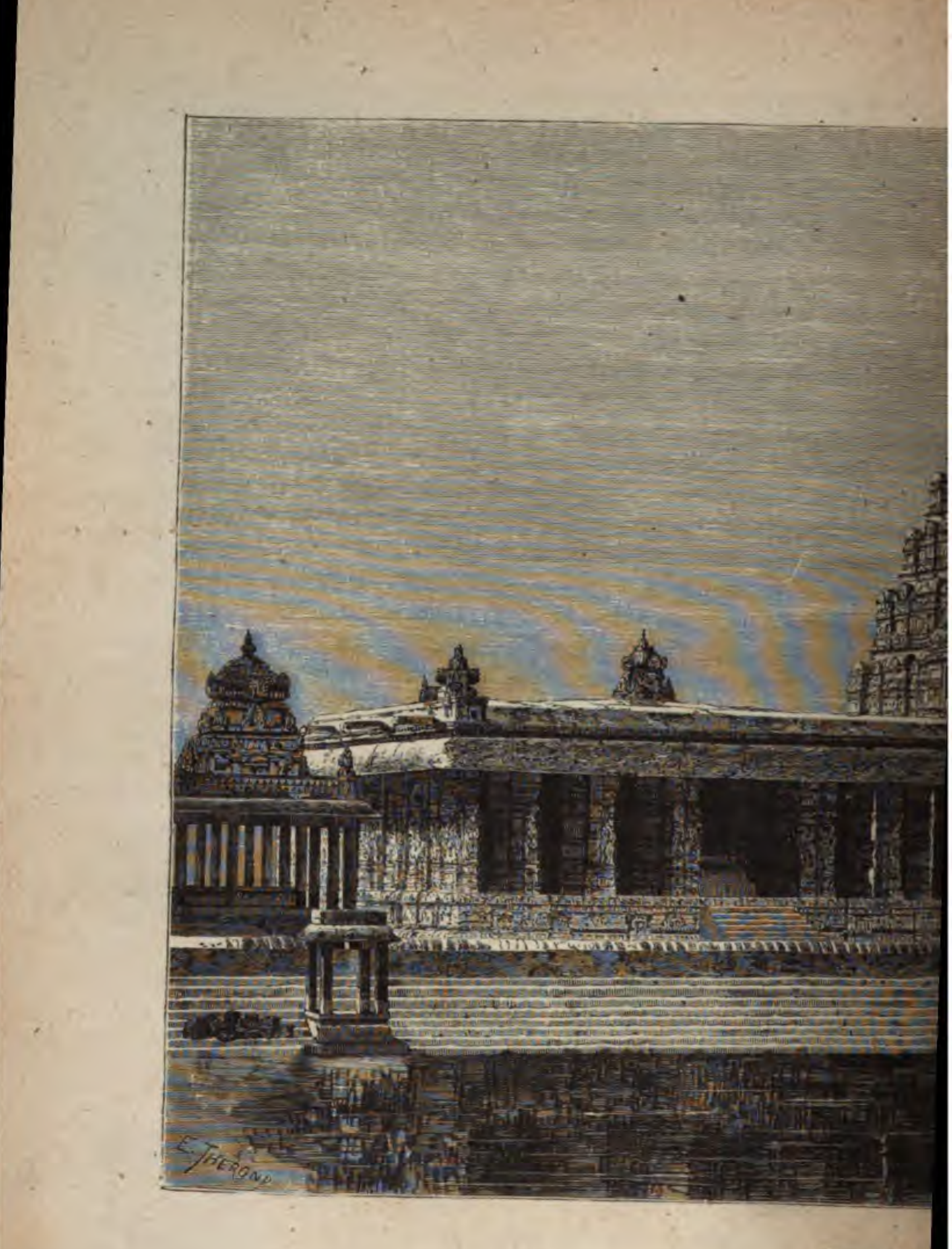
Индѣйцы превращаютъ все свое состояніе въ цѣнныя украшенія. Этотъ обычай происходитъ настолько же отъ тщеславія, насколько и отъ суевѣрія, которое заставляетъ ихъ разсматривать всякую драгоцѣнность какъ талисманъ отъ колдовства. Во времена владычества моголовъ, превращать свое состояніе въ драгоцѣнности было выгодно въ томъ отношеніи, что мусульманскіе тираны не рѣшались присвоивать себѣ, въ видѣ поборовъ, вещи, служившія украшеніемъ для женщинъ: это запрещается ихъ религіею. Индусы дорожатъ своими прерогативами: нерѣдко индѣйскій континентъ былъ свидѣтелемъ кровавой борьбы между кастами, не желавшими подчиниться принятымъ обычаямъ. Поводомъ къ кровавымъ сраженіямъ служили иногда туфли извѣстной формы, которыя желала непремѣнно носить какая либо каста, не имѣвшая на то права; иногда споръ возникалъ по поводу музыкальныхъ инструментовъ, предназначенныхъ для высшаго духовенства, и которые желало употреблять при церемоніяхъ низшее духовенство и т. д.

Въ общественной жизни индусы утонченно вѣжливы и элегантны; малѣйшая уступка въ уваженіи къ своей особѣ, на которое лицо имѣетъ право по своему соціальному положенію, разсматривается какъ признакъ слабости или какъ сознаніе своихъ недостатковъ. Формулы, употребляемыя въ разговорѣ съ туземцемъ, измѣняются сообразно его об-

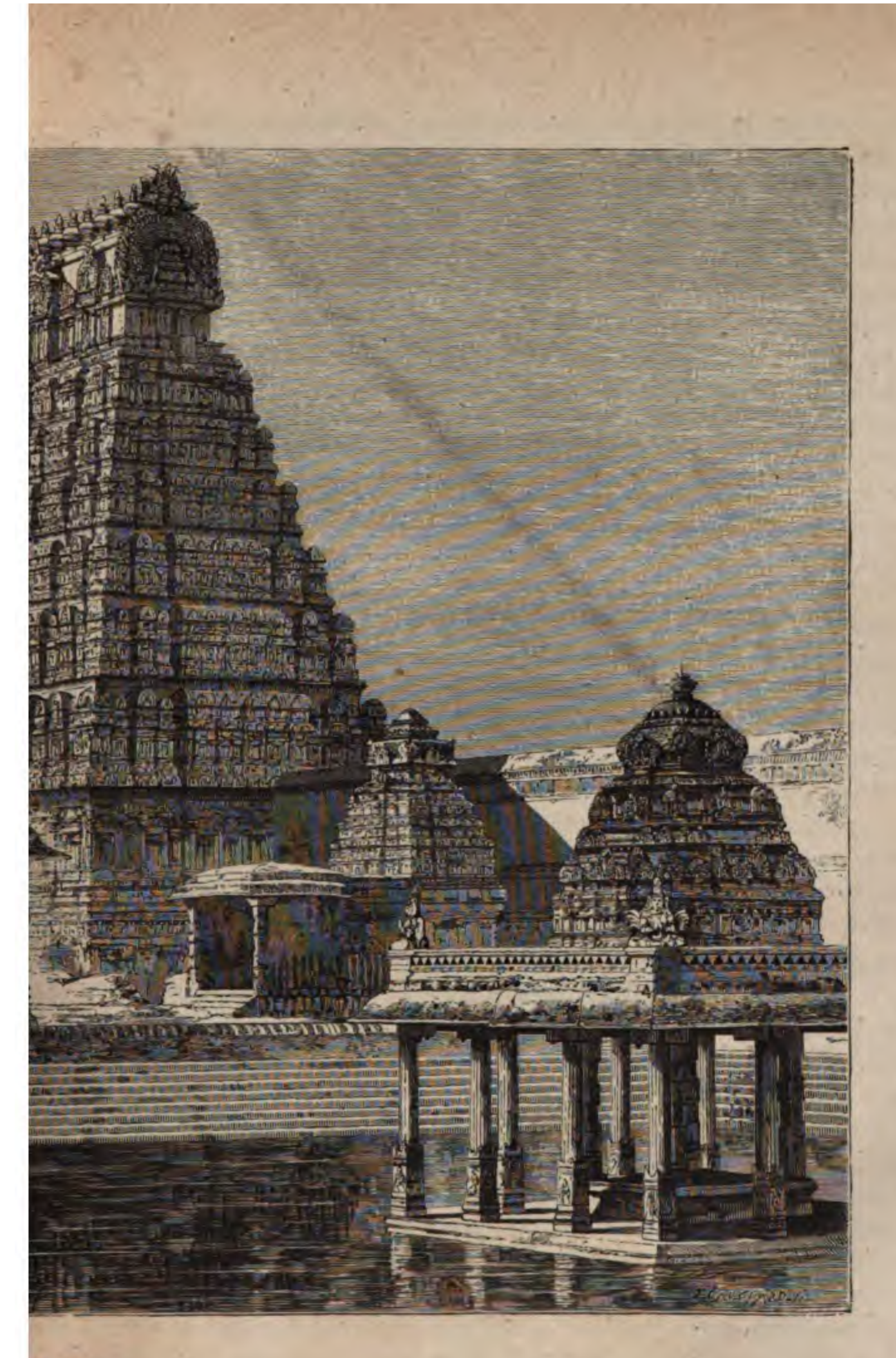
языки имѣютъ, впрочемъ, весьма простую грамматическую конструкцію. *Индустани*, которымъ говорятъ въ провинціи Агра, наиболѣе обработанный и распространенный языкъ въ Индіи. Въ этотъ языкъ вошло много персидскихъ словъ, послѣ мусульманскаго завоеванія. Исключая мѣстнаго говора различныхъ округовъ, индустани употребляется всѣми образованными людьми, а также и лицами мусульманской религіи.

Кастовый духъ замѣняетъ индѣйцамъ семейное начало; они любятъ своихъ женъ и дѣтей; но эта привязанность подчиняется нѣкоторымъ принципамъ, о которыхъ мы будемъ говорить. Исключеніе изъ семейства имѣетъ мѣсто во многихъ случаяхъ; главныя причины—это нарушеніе религіозныхъ предписаній, и любодѣяніе между женщиною высшей касты съ мужчиною, принадлежащимъ къ низшей. Брамины и судры, также какъ и сами паріи, подраздѣляются, каждые въ своей кастѣ, на множество мелкихъ кастъ, переходъ изъ которыхъ весьма труденъ; люди принадлежащіе къ двумъ разнымъ малымъ кастамъ, не могутъ ни ѣсть, ни пить вмѣстѣ, и еще менѣе вступать въ бракъ. Если индѣецъ исключенъ изъ своей касты, то родственники отвергаютъ его, жена его считается вдовою, дѣти сиротами; онъ нигдѣ не находитъ опоры, никакого сожалѣнія въ тѣхъ людяхъ, которые прежде такъ заботливо относились къ нему.

Европейцевъ приравниваютъ въ Индіи съ паріями за то, что они ѣдятъ мясо. Брамины хотя и подаютъ руку европейцамъ, но, возвратясь домой, тотчасъ же сбрасываютъ съ себя одежду и совершаютъ омовеніе, чтобы очиститься отъ нечестиваго соприкосновенія; они полагаютъ, что взглядъ парія способенъ осквернить предметъ. Каждая деканская деревня раздѣляется всегда на двѣ части, раздѣленныя одна отъ другой разстояніемъ въ нѣсколько метровъ. Это два отдѣльные міра: въ одномъ живутъ люди, принадлежащіе къ высшимъ кастамъ въ другомъ паріи, отдѣленные отъ первыхъ изгородью со всѣхъ сторонъ; этимъ несчастнымъ не дозволяется входить въ деревню безъ позволенія жителей, и строго запрещается брать воду изъ другихъ колодцевъ, кромѣ тѣхъ, которые отведены имъ въ пользованіе. Тамъ, гдѣ паріи не имѣютъ своихъ колодцевъ, имъ приходится ставить свои ведра у чужихъ колодцевъ и ждать, покуда кто нибудь не дастъ изъ милости нѣсколько стакановъ воды. Женщины должны большею частью, заботиться объ этомъ. Высшія касты часто дѣлаютъ подарки паріямъ; въ подобныхъ случаяхъ они неизмѣнно поступаютъ такимъ образомъ: кладутъ подарокъ на землю изъ боязни осквернить себя прикосновеніемъ къ той нравственной язвѣ, которою запятнаны въ ихъ глазахъ



Видъ Кон



ой пагоды.

паріи. Никогда человѣкъ, принадлежащій къ кастѣ, не рѣшится принять подарокъ изъ рукъ парія. Если въ отношеніи нравственномъ и физическомъ люди высшихъ кастъ стоятъ выше паріевъ, то, во всякомъ случаѣ, эти послѣдніе болѣе трудолюбивы, болѣе кротки и доступнѣе европейскому вліянію. Наиболѣе дисциплинированная часть англійскихъ войскъ въ мадрасскомъ губернаторствѣ набрана изъ среды паріевъ. Эти немногіе факты были уже высказаны вмѣстѣ съ тысячью другихъ.

Если исчислить всѣ подраздѣленія кастъ, основанныя на поведеніи, должностяхъ и занятіяхъ каждаго; если стать подробно описывать одежды и украшенія, которыя разнообразны до безконечности соотвѣтственно кастѣ; если бы наконецъ разсказать всѣ предразсудки касательно пищи и вседневныхъ отношеній жизни, — то нужно было бы исписать многіе томы in-folio. Вездѣ встрѣчаете вы однѣ и тѣ же тенденціи, желаніе блистать, страсть командовать, не дѣлая при этомъ никакого усилія, чтобы заслужить это. И въ мелочахъ и въ самыхъ нелѣпыхъ деталяхъ—вездѣ одно и тоже побужденіе. Существованіе кастъ всегда мѣшало народу сплотиться въ одну однородную массу. Отсюда происходитъ то вѣчно живое соперничество, та безконечная непріязнь, которыя поколебали національную независимость и облегчили иностранцамъ путь къ завоеваніямъ. Кромѣ соціальныхъ причинъ, о которыхъ мы только что говорили, индусы вѣрятъ еще въ существованіе религіозныхъ причинъ. Не всѣ касты одинаково способны къ образованію, или быть посвященными въ однѣ и тѣ же таинства; эта неспособность наслѣдственна и отражается въ другихъ существованіяхъ: таковъ догматъ Шивы.

Осмотрѣвъ подробно мадрасскій музей, довольно богатый барельефами—древними остатками индѣйскаго искусства. но довольно бѣдный коллекціями естественной исторіи, я рѣшился не медлить отъѣздомъ, изъ главнаго города губернаторства; но прежде, чѣмъ отправиться въ путь, я рузсудилъ, что благоразумнѣе будетъ замѣнить свой старый паланкинъ повозкой на двухъ колесахъ, въ которой я буду совершать переѣзды на зебу, пространствомъ въ десять миль каждый.

Дороги въ южной Индіи много улучшены въ послѣдніе годы; паланкины уже вышли изъ употребленія для дальнихъ путешествій: теперь они замѣнены повозками, имѣющими форму паралелопипеда, и удобно превращаются въ комфортабельную постель: достаточно для этого соединить двѣ скамеечки, на которыхъ сидятъ, третьею большою скамейкой, которая опускается и поднимается по желанію. Нужно сознаться, что англичане владѣютъ въ высшей степени искусствомъ путе-

шествовать со всевозможнымъ комфортомъ; въ этомъ отношеніи они стоятъ выше всѣхъ другихъ націй.

Лишь только я удостовѣрился, что приказанія мѣстной администраціи исполнены т. е. зебу отправлены по станціямъ, я отправился въ Конджеверамъ *). Землѣдѣліе по этому пути менѣе процвѣтаетъ, чѣмъ въ старыя времена. Прежде, во многихъ частяхъ Декана значительное количество искусственныхъ прудовъ **) поддерживало рисовые огороды тамъ, гдѣ теперь мы встрѣчаемъ только безплодныя степи. Дикія растенія во многихъ мѣстностяхъ завоевали себѣ обратно тѣ владѣнія, изъ которыхъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, ихъ изгоняла рука человѣка, и все это благодаря небрежному содержанію древнихъ работъ по ирригаціи; я видѣлъ по пути не одно высохшее озеро, не одинъ прудъ, приходящій въ упадокъ. Въ этомъ отношеніи администраціи предстоитъ много дѣла. Относительно Индіи можно замѣтить тоже, что и о другихъ тропическихъ странахъ: только тѣ земли въ нихъ безплодны, которыя дурно орошены. Вода въ этихъ странахъ — главный элементъ плодородія. Условія теплоты и свѣта такъ благопріятствуютъ растительности, что почти всякая почва можетъ считаться удобною для воздѣлыванія. Какъ и въ другихъ странахъ, родъ продуктовъ приспособленъ къ потребностямъ жителей. Рисъ составляетъ главный элементъ питанія, за то онъ и воздѣлывается въ наибольшемъ размѣрѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о способѣ воздѣлыванія этого растенія. Дѣлятъ поля на нѣсколько квадратовъ, окружаютъ каждый изъ нихъ небольшою земляною насыпью, достаточно впрочемъ высокою, чтобы удержать воду; общій видъ поля напоминаетъ шашечную доску. Каждый изъ этихъ квадратовъ расположенъ такъ, что уровень ихъ не одинаковъ, вслѣдствіе чего вода переходитъ изъ одного квадрата въ другой. Начинаютъ съ того, что затопляютъ поле, чтобы хорошенько смочить почву; потомъ срываютъ земляные окопы и оставляютъ гнить травы и солому, оставшіяся отъ послѣдней жатвы. По стокѣ воды, начинаютъ пахать волами Плугъ самый первобытный; онъ состоитъ изъ сошника безъ рукоятки, въ концѣ котораго прикрѣплено желѣзное остріе; самый сошникъ придѣланъ къ дышлу лежащему на ярмѣ. Это древняя *арера* безъ выгибовъ, чтобы взворачивать землю, которая такимъ образомъ только разрѣзывается остріемъ; впрочемъ, въ этой почвѣ жидкой, какъ грязь, въ которой волы вязнутъ по колѣно, эти

*) Къ юз. отъ Мадраса.

**) Похожихъ на тѣ, которые находятся въ окрестностяхъ Гайдерабада и которые мы уже описали.

животныя оказываютъ больше пользы, нежели плугъ. По окончаніи этой операціи, приступаютъ къ нивеллировкѣ поля съ помощью доски, въ которую вдѣлана длинная палка, служащая рукояткой, потомъ засѣваютъ; два дня спустя уже поле начинаетъ зеленѣть. Первые три дня не поливаютъ, потомъ пропускаютъ чрезъ день небольшую струю воды до тѣхъ поръ, пока на рисовомъ стеблѣ не образуется три листа. Съ этой минуты въ теченіе цѣлаго мѣсяца поливаютъ рисовые разсадники два дня сряду, заботясь о томъ, чтобы пространство времени между поливками было одинаково; послѣ этого періода до того времени, пока рисъ созрѣетъ, затопляютъ почву десять дней къ ряду, оставляя между каждымъ десятидневнымъ періодомъ два дня промежутка. Добытое количество риса зависитъ отъ плодородія почвы и изобилія воды; иные округа даютъ весьма слабый урожай, тогда какъ другіе выбираютъ количество хлѣба во сто разъ больше посѣва. Рисъ принадлежитъ къ болѣе или менѣе скороспѣлымъ растеніямъ, которыя требуютъ не всегда одинаковаго количества времени, чтобы достигнуть зрѣлости. Время посѣвовъ различно, смотря по роду растеній. Лучшія земли, хорошо орошенныя, оставляются для воздѣлыванія риса.

Конджеверамъ, построенный въ сорока пяти миляхъ отъ Мадраса, знаменитъ своими храмами, посвященными Шивѣ. Во время моего прибытія въ этотъ городъ, тамъ собрался индусскій митингъ, подъ предсѣдательствомъ одного англійскаго доктора, для устройства вспомогательной кассы для бѣдныхъ. Индусы выразили свою благодарность за иниціативу правительства въ этомъ человѣколюбивомъ предпріятіи, единственная цѣль котораго состояла въ облегченіи страданій ихъ соотечественниковъ. Много стоило труда, однако, растолковать имъ необходимость общественной подписки, и уяснить основанія, на которыхъ устраиваются въ Европѣ учрежденія общественной благотворительности. Любопытенъ фактъ, что въ Индіи еще до сихъ поръ не прививаются ассоціаціи, съ какою бы цѣлью онѣ ни основывались. Такъ напримѣръ, публичныя работы нѣкоторой важности не возбуждаютъ духа предпріятій за недостаткомъ лицъ, желающихъ соединить свои капиталы, свои познанія и усилія на общее дѣло. Это происходитъ оттого, что капиталистъ легко можетъ помѣстить свои деньги за 24 процента въ годъ. Онъ находитъ уже недостаточнымъ барышъ въ 12 на 100, больше котораго онъ не получилъ бы, оставя на свой рискъ возможныя неудачи предпріятія. Сверхъ того, индусскіе антрепренеры противятся введенію машинъ и ремесленныхъ инструментовъ, этихъ важныхъ вспомогательныхъ силъ работника; они лишаютъ себя, такимъ обра-

зомъ, средства удешевить и ускорить производство, и способствують постепенному увеличенію зарабочей платы. Индусъ охотнѣе понесетъ 40 фунтовъ земли на головѣ, чѣмъ провезетъ 200 или 300 ф. въ тачкѣ, или нѣсколько тысячъ въ вагонѣ; онъ скорѣе вытянетъ 10 литровъ воды съ помощью грубой пикотты, чѣмъ 100 насосомъ. Онъ сдѣлаетъ руками сотню кирпичей вмѣсто тысячи, которую онъ могъ бы сдѣлать машиною; этотъ способъ производства не только требуетъ большаго количества рабочихъ, но равнаго количества надсмотрщиковъ!

Народонаселеніе Конджеверама простирается до 60-ти тысячъ душъ; этотъ городъ занимаетъ большое пространство земли. Разстояніе между двумя главными храмами равняется тремъ милямъ. Улицы чрезвычайно широки; почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете маленькія пагоды, имѣющія форму паралелопипеда, которую придаютъ всѣмъ пагодамъ въ этой части Индіи.

Ихъ святилище—четырехугольное, покрыто плоскою крышей, равно какъ и колонада, которая служитъ входомъ. Монолитовыя колоны имѣютъ четырехугольное основаніе и капители, самая колона 6-ти или восьмигранная; піедесталы украшены барельефами, представляющими оргіи.

Когда я собрался осматривать большой храмъ, то брамины, извѣщенные объ этомъ тассильдаромъ, вышли меня привѣтствовать; на полдорогѣ я встрѣтилъ процессію, которая шла мнѣ на встрѣчу съ барабаномъ впереди; мѣдныя трубы при моемъ приближеніи издали пронзительный звукъ, и шесть баядерокъ, посвященныхъ на служеніе богу, начали танцовать подъ звуки инструментовъ и двухъ паръ маленькихъ цимбалъ, похожихъ на египетскіе саганеты или испанскіе кастаньеты, которые онѣ держали въ рукахъ. Костюмъ этихъ женщинъ состоялъ изъ бархатной куртки и узкихъ панталонъ, плотно стягивавшихъ ладыжки; цвѣтной газъ, ниспадая крестообразно по тѣлу, мягко обрисовывалъ формы; одинъ изъ его концовъ былъ закинутъ на грудь на подобіе шарфа. Талія всегда обнажена. Впереди кортежа выступалъ прекрасный слонъ, принадлежавшій пагодѣ; за нимъ ѣхалъ верхомъ человѣкъ, ударявшій въ тамтамъ, предшествуя музыкѣ и танцовщицамъ. Позади меня стояла толпа браминовъ, уже успѣвшихъ нацѣпить мнѣ на шею гирлянду изъ желтыхъ цвѣтовъ.

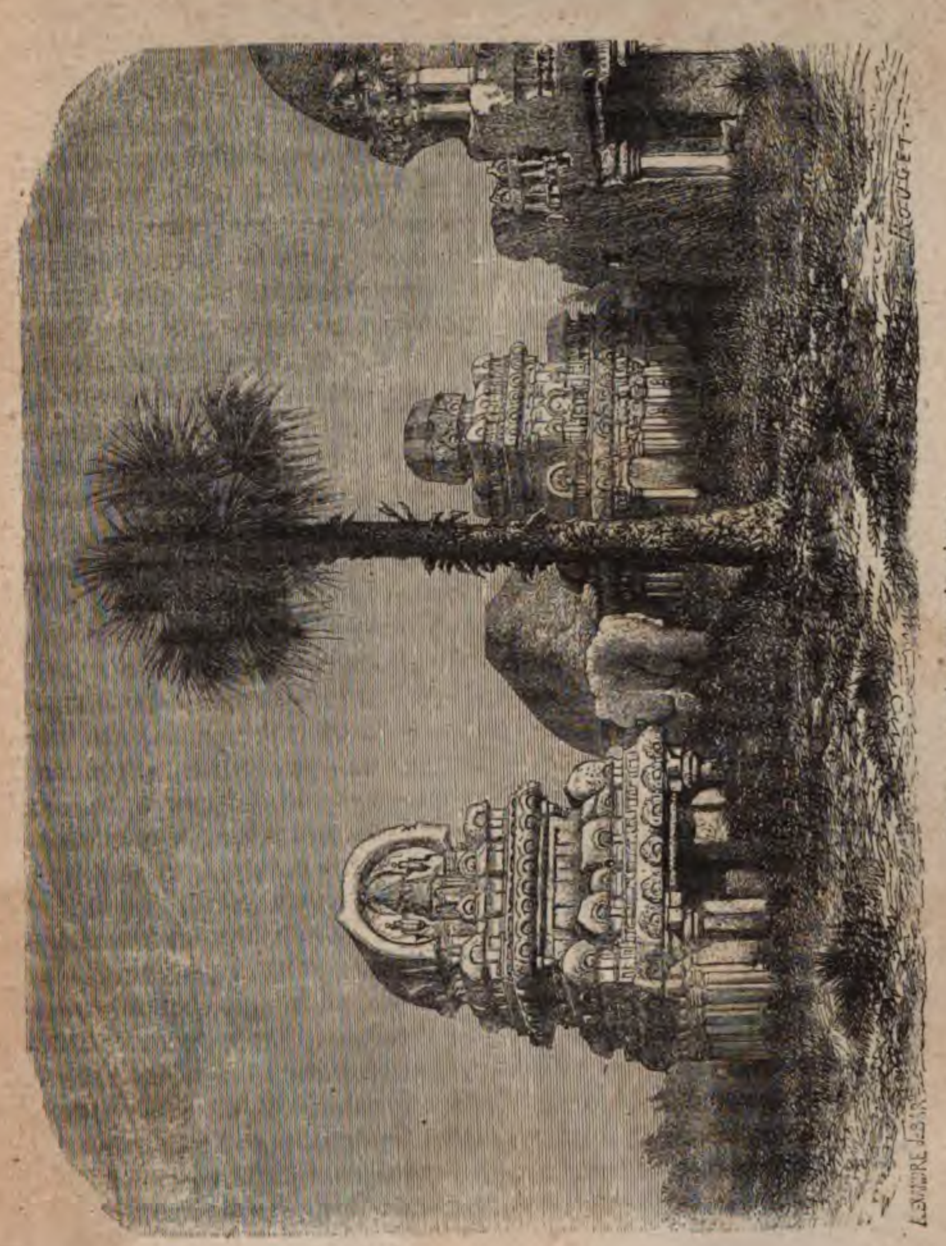
Пагода имѣетъ внутренную стѣну; въ средину храма ведутъ двѣ двери — *гопурамъ* или *гамброонъ*, каждая въ восемь ярусовъ; эти двери не украшены скульптурою, за исключеніемъ двухъ статуй, поставленныхъ по бокамъ центральныхъ отверстій. Въ эту первую часть

храма иновѣрцы имѣютъ доступъ, во вторую часть храма могутъ входить только лица, принадлежащія къ кастамъ. Святилище довольно обширно; ему предшествуетъ колонада, подъ которой я усѣлся, чтобы полюбоваться драгоцѣнностями и дорогими матеріями, которыми украшаютъ идола въ большіе праздники, и которыхъ цѣнность превышаетъ милльонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ. Брильянты, изумруды, рубины, сафиры, жемчугъ—вся эта масса драгоцѣнностей является въ формѣ митръ, колье, браслетъ, серегъ, діацемъ для бога и богини. Нѣкоторые изъ этихъ камней очень большіе, но они всѣ не отдѣланы; это простые самородки большею частью съ недостатками; эти драгоцѣнности оправлены безъ всякаго вкуса, камни собраны безъ вниманія къ ихъ цвѣту, величинѣ и цѣнности. Нѣкоторыя изъ этихъ украшеній были принесены въ даръ частными лицами изъ политическихъ расчетовъ, съ цѣлью расположить къ себѣ обожателей Шивы. Одно изъ такихъ украшеній было пожертвовано даже лордомъ Клейвомъ. Въ виду моего посѣщенія распорядились вынести второстепенныхъ идоловъ, какъ-то Ганумана — бога-обезьяну и Гаруда—бога-ястреба, на которомъ Вишну ѣздитъ верхомъ; лошадь и разныя другія чудовища, на которыя сажаютъ идола въ праздничные дни, всѣ вызолочены и больше настоящихъ размѣровъ. Говоря о всѣхъ этихъ сокровищахъ, упомяну еще о великолѣпномъ вызолоченномъ паланкинѣ, который стоитъ 75 тысячъ франковъ. Все это, однако, не произведенія искусства; единственный интересъ возбуждаемый этими предметами, заключается въ предполагаемой святости. Предъ входною дверью въ святилище возвышается маленькій *мандапамъ*, или балдахинъ, поддерживаемый четырьмя колонами, покрытыми пирамидальною крышею, съ монолитными цѣпями по угламъ Налѣво отъ входа находится прямоугольная эстрада съ плоской крышей, поддерживаемая 12-ю рядами колонъ, по 8-ми колонъ въ каждомъ рядѣ. Внѣшній рядъ состоитъ изъ лещатыхъ колонъ. Монолитовая цѣпь виситъ подъ угловымъ монолитовымъ же пилястромъ, изъ котораго три лошади какъ бы готовятся спрыгнуть. Идолъ выставляется одинъ разъ въ мѣсяцъ на поклоненіе вѣрующихъ. Позади этаго портика, состоящаго изъ 96 колонъ, находится священный прудъ, гдѣ правовѣрные совершаютъ омовеніе, и посреди котораго возвышается маленькій мандапамъ, подъ который ставятъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, мѣстное божество. Направо, находится также святилище, предъ которымъ возвышается колонада украшенная скульптурою и символическими изображеніями, которыя только могутъ допускаться оргическими культами.

Каждую пятницу идола выносятъ съ церемоніею въ садъ; но главный праздникъ бываетъ всегда въ маѣ. Множество обезьянъ, находящихся подъ покровительствомъ Шивы, бѣгаютъ внутри освященнаго пространства, и горе тому, кто осмѣлился бы нападать на этихъ живыхъ фетишей! Набожные индусы проучили бы его за это!

Эта пагода, не смотря на свою извѣстность, не можетъ почитаться самою великолѣпною въ цѣлой Индіи, хотя многіе и утверждаютъ это. Не стараясь сравнивать ее съ большими храмами Танджора и Мадуры, есть много другихъ на югѣ Индіи, которыя, по своей величинѣ и по работѣ, представляютъ болѣе интереса. Еще до выхода моего изъ внутренней части храма, я получилъ отъ браминовъ приглашеніе посѣтить находящееся тутъ же училище, гдѣ обучаютъ санскритскому языку.

Такъ какъ я самъ изучалъ этотъ языкъ, то съ удовольствіемъ принялъ сдѣланное мнѣ приглашеніе. Знаніе санскритской грамматики весьма уважается между индусами. Сложное и разнообразное строеніе рѣчи открываетъ обширное поле для діалектическихъ упражненій, и если чисто теоретическое міросозерцаніе ученыхъ грамматиковъ приноситъ весьма малую пользу, то, во всякомъ случаѣ, самые методы замѣчательны своимъ остроуміемъ. Чтобы заслужить уваженіе и довѣріе ученаго индуса, необходимо знать философію и грамматику такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ ихъ самъ, и кромѣ того быть искуснымъ діалектикомъ, что онъ цѣнитъ выше всего. Въ индусскихъ школахъ тратятъ большое число лѣтъ только для обученія основнымъ элементамъ древняго священнаго языка, а между тѣмъ нерѣдко, по выходѣ изъ школы, знаютъ отрывки изъ Пуранъ только по заученымъ звукамъ; то же самое значеніе и прекрасной грамматики Панини, извѣстной своею точностью. Переводить безъ приготовленія какое либо сочиненіе индусы почти не въ состояніи. Есть много браминовъ, которыхъ вся наука состоитъ въ механическомъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же молитвъ предъ собравшимися вѣрующими;—весьма часто они не понимаютъ ихъ смысла, да и не стараются его понять. Большая часть ученыхъ проводятъ свою жизнь въ изученіи метафизики и грамматики; они безъ сомнѣнія сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ извѣстныхъ наукахъ, но не пошли далѣе ихъ основныхъ элементовъ. Такъ геометрія служила имъ только для измѣренія пахатныхъ земель, познанія въ астрономіи доставили имъ возможность, съ незапамятныхъ временъ, вычислять время затмѣній; еще въ глубокой древности они раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ или на 364 дней съ дробью, а недѣлю на семь дней, названныхъ



Малыя махабалипурскія пагоды.

по именамъ планетъ. Они раздѣлили двѣнадцать знаковъ зодіака на 30 градусовъ каждый. Несмотря на то, что всѣ эти открытія предполагаютъ довольно обширныя свѣдѣнія,—индусы все-таки не двинулись далѣе; ихъ астрономическія свѣдѣнія и въ настоящее время чисто опытныя, не основывающіеся ни на какомъ общемъ законѣ; эта наука служила имъ, фактически, только вспомогательнымъ орудіемъ астрологіи, и никогда не имѣла практически полезнаго приложенія, за исключеніемъ способа исчисленія времени. Они дошли, конечно, до обладанія извѣстными полезными свойствами физическихъ тѣлъ, или законовъ природы; они умѣли, напримѣръ, добывать камфору и ароматическое масло; они владѣли превосходными способами окраски, занимались перегонкою спирта, выдѣлывали сталь, различные сплавы—между прочимъ бронзу; они употребляли бѣлый кварцовый песокъ, который находится во многихъ странахъ Индіи, на выдѣлку стекла; они примѣняли съ пользою различное масло, порошки, минеральныя соли, какъ лекарства, но изученіе законовъ естественныхъ явленій все-таки не увеличилось въ средѣ ученыхъ. Нельзя отрицать практической пользы, которую приноситъ изученіе причинъ различныхъ явленій по отношенію къ прогрессу въ искусствахъ, непосредственно-полезныхъ человѣку, достовѣрно также, что такое изученіе возвышаетъ разумъ, ведя его постепенно къ познанію общей гармоніи мірозданія, и—вмѣстѣ съ этимъ, разрушаетъ суевѣрія, построенныя на невѣжествѣ. Тонкій умъ индѣйцевъ слишкомъ вдается въ детали, и является неспособнымъ постичь причины явленій, или обобщать факты. Естественная исторія была чисто опытной наукой; мало разработаны были и остальныя науки. Индѣйцы, много занимавшіеся медициной, знали, правда, въ совершенствѣ, еще до христіанской эры, различныя свойства растеній, ихъ части и видимую годность къ употребленію съ пользою; они имѣли еще въ глубокой древности систему классификаціи существующаго, которая не лишена нѣкотораго интереса, вслѣдствіе чего мы рѣшаемся изложить ее здѣсь.

Два главныя дѣленія: живыя существа — царство животныхъ; неодушевленныя существа инертное царство — минераллы. Первое подраздѣляется на живородныя существа, яйцеродныя существа и порожденныя теплотою и сыростью, какъ-то: черви, мухи и т. д., наконецъ на сѣмянородныя, куда относятся растенія. Классъ живородныхъ заключаетъ въ себѣ четвероногихъ, которыя живутъ: во 1-хъ) въ горахъ; 2) лѣсистыхъ равнинахъ; 3) обработанныхъ поляхъ; 4) песчаныхъ пустыняхъ; 5) въ деревняхъ, — и птицъ, которыя живутъ: во 1-хъ) въ горахъ; 2) лѣсистыхъ равнинахъ; 3) обработанныхъ поляхъ, 4) пу-

*

стыняхъ, и 5) въ морѣ. Морскія и рѣчныя рыбы составляютъ два отдѣльные класса. Классъ сѣмянородныхъ заключаетъ, понятно, растенія. Здѣсь заключается: во 1) растенія не приносящія плодовъ; 2) умирающія послѣ произведенія плода; 3) производящія плоды безъ цвѣтовъ; 4) производящія плоды отъ цвѣтовъ; 5) травы, зелень, ползучія растенія, растенія имѣющія корни употребляемые въ пищу, и мхи, и наконецъ 6) деревья — мужескаго рода, женскаго, и гермафродиты (двуполыя). Полъ растенія различается не по цвѣтку, а по стеблю: мужескій имѣетъ болѣе твердую сердцевину, чѣмъ калина, женскій совершенно наоборотъ; гермафродитомъ называется растеніе, имѣющее губчатую ткань. Не желая болѣе распространяться о столь безплодномъ предметѣ, какъ изложенная нами система, мнѣ казалось не безинтереснымъ дать общую идею о состояніи, въ которомъ находятся науки на Востокѣ, уже въ теченіе многихъ вѣковъ.

По выходѣ изъ конджеверамской пагоды, и пройдя главную улицу, окаймленную низкими домами, наружность которыхъ не обличаетъ большой зажиточности городскихъ жителей, я вскорѣ дошелъ до небольшаго храма, который имѣетъ особенную святость для *арадіасъ*— секты *жангамъ* или *линга харисъ*. Жангамы носятъ постоянно на шеѣ идола — небольшой металлическій шаръ, въ срединѣ пустой, въ которомъ находится изображеніе Шива въ миньятюрѣ; они также поклоняются этому богу, но только иначе чѣмъ брамины. Ихъ очень много на югѣ Индіи, и особенно въ Мадрасскомъ губернаторствѣ; я ихъ встрѣчалъ тамъ почти на каждомъ шагу. Они говорятъ, что ученіе ихъ основалъ Басава, браминъ исповѣдывавшій Шиву, на котораго сектаторы смотрѣли какъ на воплотившагося Шиву. Преданіе говоритъ, что, еще бывши ребенкомъ, Басава отказался носить шнурокъ брамина по причинѣ обряда посвященія, который заключаетъ въ себѣ обожаніе солнца. Сравнивъ различныя ученія и найдя ихъ оскверненными идолопоклонствомъ, Басава началъ проповѣдывать, что нужно обожать только одного бога — Шиву, котораго изображеніе, *лингамъ*, есть самый древній идолъ въ цѣлой Индіи.

Брамины исказили культъ этого божества многими мерзостями, неизвѣстными жангамамъ, которые смотрятъ на этого идола какъ на простое изображеніе, хотя и священное. Названіе жангамъ, которое носятъ послѣдователи этой религіи, происходитъ отъ того, что они носятъ при себѣ жангамъ или талисманъ, символъ Шивы. Брамины обожаютъ, въ настоящее время, безчисленное множество боговъ, богинь, животныхъ; какъ-то: коровъ, соколовъ, обезьянъ, крысъ, змѣй; жан-

гамы, слѣдуя ученію своего пророка, признаютъ только одно божество. Первые постятся, приносятъ покаяніе, совершаютъ религіозныя путешествія и празднуютъ извѣстные дни, употребляютъ четки и освященную воду. Басава отбросилъ эти обряды, отвергъ ученіе сатрасъ, которое, поставивъ браминовъ выше всѣхъ остальныхъ людей, дало женщинамъ слишкомъ подчиненное значеніе въ сравненіи съ мужчинами, и сдѣлало паріевъ какими-то проклятыми въ настоящей и будущей жизни. Онъ учитъ, напротивъ, что всѣ люди равны по рожденію, возвращаетъ женщинѣ ей принадлежащее мѣсто, и говоритъ о ней съ уваженіемъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ грубыми опредѣленіями браминскихъ книгъ. Жангамы отличаются отъ всѣхъ остальныхъ индусовъ своимъ обращеніемъ съ женщинами. Брачный обрядъ у нихъ, впрочемъ, такой же какъ и у другихъ сектъ. Читаютъ молитвы, и вѣшаютъ на шею невѣсты *фали* или традиціонный кусочекъ золота. Дѣленіе на малыя касты у нихъ также существуетъ; лица принадлежащія къ этимъ кастамъ, могутъ и не обручаться въ раннемъ дѣтствѣ. Многоженство дозволено, когда первая жена безплодна; во всякомъ случаѣ, вторичный бракъ можетъ быть только съ согласія жены. Бракъ у браминовъ обязателенъ, у жангамовъ онъ предоставленъ на волю каждаго; вдовы пользуются уваженіемъ — имъ не брѣютъ голову, онѣ могутъ снова вступать въ бракъ, между тѣмъ какъ остальные индусы ихъ исключаютъ изъ общества. У жангамовъ, также какъ и у другихъ сектъ, вдова не можетъ носить куртки, душиться, украшать руки металлическими или стеклянными кольцами, носить серебряные перстни, или навѣшивать драгоцѣнности на лицѣ, потому что это составляетъ характеристическій признакъ замужней женщины. Благочестивая женщина также способна обучать какъ и мужчина. Жангамы кланяются съ женщинами; только завѣдомо дурное поведеніе женщины можетъ лишить ее права почтительнаго обращенія съ нею. За исключеніемъ арадіасъ, они почитаютъ себя свободными отъ кастовыхъ предразсудковъ; они согласны ѣсть со всякимъ, кто пожелаетъ призвать, вмѣстѣ съ ними, благословеніе пророка Басавы на ихъ пищу. За исключеніемъ даннаго обѣта, они ѣдятъ всякое мясо, кромѣ говядины; имъ разрѣшается пить вино. Благословенная пища именемъ пророка, должна быть вся съѣдена, во что бы то ни стало; вообще благословеніе предшествуетъ всякому пиршеству. Этотъ обѣдъ называется *шивапуджа*, или обожаніе Шива, потому что, слѣдуя ихъ ученію, ѣсть и пить, для того чтобы сохранить свое здоровье, составляетъ необходимую часть того почитанія, которое каждый человѣкъ долженъ оказывать

божеству. Три священныя слова, которыя произносятъ жангамы: *гуру*, *лингамъ*, *жангамъ*, резюмируютъ всѣ вѣрованія ихъ секты. Всякая честь воздается въ этой вѣрѣ жрецу, изображенію бога и ближнему. Они называютъ другъ друга братьями, исключая арадіасъ, которыхъ ненавидятъ прочія секты, за то, что они сохранили нѣкоторые обряды браминовъ. Когда жангамъ потеряетъ случайно образъ Шива, который всегда носитъ при себѣ, то онъ немедленно исключается изъ касты; здѣсь, однако, они далеко не похожи на жестокихъ браминовъ, которые какъ дикіе звѣри, преслѣдуютъ своими проклятіями несчастнаго: жангамы, напротивъ, соболѣзнуютъ о немъ, постятся и молятся съ нимъ, пока не сыщется затерянный священный образъ, *посланный небомъ какъ пчела*, какъ они выражаются. Это чудо, говорятъ, часто случается съ тѣми, кто искренно вѣритъ и имѣетъ пылкое воображеніе.

ГЛАВА V.

ИЗЪ КОНДЖЕВЕРАМА ВЪ МАБАЛИПУРЪ.—ИНДѢЙСКІЕ БАНАНЫ. -- ИНДѢЙСКАЯ СВАДЬБА.—ЛЕГЕНДА О РАМѢ. — ОТСУТСТВІЕ ВЪ СТРАНѢ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВМѢШАТЕЛЬСТВА.—ДЧАХЕРИ. — ЭГЛЬС-ГИЛЛЬ. — ХРАМЫ И БАРЕЛЬЕФЫ.—МАХАВАЛИПУРЪ.—ПОНДИШЕРИ.—ИСТОРІЯ БЫВШИХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ КОЛОНІЙ.

Когда я направился къ морю, то проѣхалъ Валлахабадъ, въ осьми миляхъ отъ Конджеверама. Дорога здѣсь можетъ скорѣе назваться красивою аллеею, обсаженною кокосами: стволы ихъ, во время моего проѣзда, были еще покрыты концентрическими полосами, бѣлыми и черными, поперемѣнно; эти яркія линіи украшаютъ деревья и передніе фасады домовъ въ праздникъ *Пангула.* Колеса телѣгъ и рога быка украшаются также въ подобномъ случаѣ тѣми же любимыми цвѣтами индѣйцевъ.

Праздникъ Пангула у индусовъ соотвѣтствуетъ нашему новому году. Все населеніе наряжается въ этотъ день въ новое платье, надѣваетъ на голову и вокругъ шеи желтые цвѣты и проводитъ по лбу красную черту; въ каждомъ семействѣ устраиваются различныя увеселенія, пища варится въ новыхъ котлахъ. Пангулъ празднуется почти въ половинѣ января.

Въ Валлахабадѣ я остановился только на нѣсколько минутъ, пока перепрягли въ телѣгу зебу и потомъ направился въ Чинглепутъ, отстоящій отсюда на четырнадцать миль. Передъ отъѣздомъ я купилъ за нѣсколько мелкихъ монетъ порцію банановъ, на завтракъ. Порція, которую едва въ силахъ поднять одинъ человѣкъ, подъ золотистой оболочкой плодовъ содержитъ самые питательные элементы и самый ароматическій запахъ. Это блюдо, столь же здоровое какъ и хлѣбъ, имѣетъ то преимущество, что оно также сочно, какъ сливки.

Растеніе, дающее душистый и полезный плодъ, принималось многими авторами за дерево познанія добра и зла, о которомъ упоминается въ священномъ писаніи. Они полагаютъ, что ось банана, оканчивающая-

носитъ его имя; ему-то обыкновенно посвящается небольшой деревенскій храмъ, неизмѣнно украшенный тремя барельефами, изъ которыхъ одинъ представляетъ Раму, другой его нѣжную, цѣломудренную супругу Ситу, третій его брата Лакмана; его битвы, болѣе знаменитыя въ Индіи, чѣмъ у насъ троянская война, распѣваютъ и пересказываютъ индусскіе барды.

Новѣйшій браманизмъ сдѣлалъ изъ Рамы воплощеніе Вишну.

Исторія должна видѣть въ немъ побѣдоноснаго героя верховной борьбы, которую обязаны были выдержать аріане, властители Гангскаго бассейна, въ эпоху еще не вполнѣ опредѣленную, вмѣстѣ съ населеніями, поселившимися ранѣе ихъ въ Конканѣ и Ориссѣ, противъ аборигеновъ южной Индіи, черныхъ людоѣдовъ, привычныхъ къ разбою и кровавымъ увеселеніямъ, центръ могущества которыхъ оттѣсненъ уже былъ къ Цейлону.

Народныя легенды, прославляющія нынѣ эти геройскіе подвиги, за исключеніемъ стиля и языка, мало отличаются отъ преданій древнихъ рапсодовъ, пѣсни которыхъ вошли, какъ основаніе или какъ матеріалы, въ Рамаяну, эту превосходную санскритскую эпопею. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ, переведенный для меня съ тамульскаго діалекта. Передаю его какъ можно ближе къ подлиннику, полагая что онъ не будетъ лишнимъ въ этомъ разсказѣ.

Рама, сынъ Дасараты, царя Айодіи *), и будущій наслѣдникъ престола, внезапно отдаленъ былъ отъ престолонаслѣдія, вслѣдствіе хитрыхъ происковъ одной изъ четырехъ женъ своего отца. Принужденный уступить свои права въ пользу одного изъ братьевъ, онъ удалился въ пустыню, составлявшую тогда средину Индіи, въ сопровожденіи Ситы, своей юной и прекрасной супруги, и своего брата Лакмана. Послѣдній, отважный охотникъ, непобѣдимый воинъ, во время схватки съ толпою дикихъ людоѣдовъ, ранилъ и изувѣчилъ сестру Раваны, царя Ракхасовъ, за что монархъ этотъ, колосальный гигантъ десятиголовый и двадцати-рукій, мѣнявшій по произволу свой видъ, отмстилъ за обиду сестры, похитивъ Ситу и перенеся ее, скрытно отъ людскихъ взоровъ, въ стѣны столицы своей Ланки, въ срединѣ Цейлона. Отчаянный Рама долго и напрасно искалъ слѣдовъ своей возлюбленной по горамъ и по лѣсамъ. Наконецъ повстрѣчался онъ съ Сугривой, царемъ обезьянъ **)

---

*) Развалины Айодіи или Ауды, какъ ее теперь называютъ, видны еще съ берега Гогры, въ разстояніи трехъ десятковъ лье отъ Лукнова, теперешней столицы Ауда.

**) Названіе это (по санскритски «vanara») наравнѣ съ mletkas и varvaros

и тотъ предложилъ ему свою помощь и союзъ противъ общихъ враговъ Ракхасовъ.

Ганупанъ, главнокомандующій обезьяньей арміей, обладавшій наслѣдственнымъ проворствомъ (отцомъ его былъ индусскій Борей), отправился отыскивать Ситу въ самую страну непріятелей. Предпріятіе оказалось не легкое: надобно было переправляться черезъ морской проливъ; но Ганупанъ, ступая по поверхности волнъ, достигъ Ланки, и, послѣ тщательныхъ поисковъ, открылъ наконецъ принцессу. Она погружена была въ глубокое отчаяніе, орошала слезами землю, не переставала звать на помощь милаго супруга Раму и отвѣчала проклятіями на почтительныя заботы, которыми окружалъ ее Равана. Ганупанъ принесъ эти извѣстія. Получивъ отъ Рамы порученіе устроить плотину на морѣ для переправы арміи, онъ вырывалъ съ корнями деревья и скалы и набиралъ каждый разъ столько камней, сколько было у него шерсти на тѣлѣ (а шерсти было столько, сколько подобаетъ всякой породистой обезьянѣ), такъ что въ самомъ скоромъ времени окончилъ работу.

Армія обезьянъ, подкрѣпляемая безчисленнымъ воинствомъ медвѣдей, переправилась черезъ проливъ и вторгнулась на островъ, бывшій подъ властью Раваны. Борьба произошла ужасная, ожесточенная; но послѣ перемѣнныхъ успѣховъ и неудачъ, Равана потерялъ жизнь въ кровавомъ бою. Освободивъ напослѣдокъ молодую, прекрасную супругу, Рама съ торжествомъ привезъ ее въ Айодію *).

Спустя нѣкоторое время послѣ побѣды и возвращенія, Рама прогуливался ночью недалеко отъ дворца; слышитъ онъ тутъ, что какой-то рабочій ссорится съ своею женою. Рабочій подозрѣвалъ вѣрность своей сожительницы и рѣшился выгнать ее изъ дому. — «Я, кричалъ онъ, вовсе не намѣренъ подражать Рамѣ и оставлять у себя женщину, которая принадлежала другому». Эти слова возбудили въ душѣ Рамы страшное негодованіе. Онъ призвалъ немедленно своего брата и приказалъ ему отвести Ситу въ лѣсъ и убить. Но принцесса была беременна, и Лакманъ, несмотря на солдатскую грубость, не рѣшился исполнить при-

---

(варвары) есть очевидное слѣдствіе племенной гордости аріянскихъ поэтовъ къ чужеземнымъ народамъ.

*) Тріумфальное возвращеніе героя въ его столицу составляетъ окончаніе Рамайаны Вальмики, такъ точно, какъ это было передано пандитами долины рѣки Ганга. Пѣснь Уттара (Uttarakanda), къ которой относится окончаніе легенды, записанной нашими путешественниками, была присоединена къ большой эпопеи лишь въ значительно позднѣйшее время. Ея позднѣйшее появленіе относительно шести подлинныхъ пѣсней поэмы обнаруживается какъ по менѣе значительному достоинству стиля и слога, такъ и по значительному различію въ идеяхъ и догматахъ.

казаніе; онъ бросилъ невѣстку свою въ лѣсу, а самъ омочилъ желѣзо стрѣлы въ красный сокъ туземнаго дерева.

Сита родила двухъ сыновей. Впослѣдствіи Рама, желая выполнить торжественный обрядъ жертвоприношенія лошади, выпустилъ, по обычаю, на свободу животное, долженствовавшее служить жертвой. Лошадь прибѣжала къ тому мѣсту, гдѣ жили дѣти, и тѣ ее захватили. Армія обезьянъ, посланная чтобы ее отнять, и самъ Рама, были побѣждены и изрублены въ куски. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, одинъ святой отшельникъ, произнесъ молитвы, имѣвшія свойство возвращать мертвымъ жизнь, и воскресилъ всѣхъ. Тогда Рама призвалъ снова жену къ себѣ, чтобы выполнить жертвоприношеніе, но принялъ ее въ свой домъ не прежде, какъ она выполнила обрядъ испытанія огнемъ. Но припадки ревности постоянно смущали его счастье. Сита, въ отчаяніи, просила землю, въ знакъ своей невинности, раскрыться подъ ея ногами... Земля растворилась, и кроткая, чистая Сита исчезла. Что касается Рамы, то удрученный горемъ, онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ уединеніи и покаяніи.

На югъ отъ Чинглепута страна безплодна и мало обработана. И здѣсь пруды, каналы, которые прорыты были древнѣйшими поколѣніями, съ громадными издержками, для орошенія и оплодотворенія полей, исчезли или оставили одни слѣды, въ видѣ укора въ безпечности новѣйшихъ поколѣній. Разслабленный знойнымъ климатомъ, не встрѣчая въ дѣйствительныхъ потребностяхъ могучаго стимула къ дѣятельности и стремленію къ обогащенію, житель этихъ странъ живетъ день за днемъ, не заботясь ни о настоящемъ ни о будущемъ. Подобная небрежность — фактъ присущій не одной Индіи, потому что тоже направленіе и тотъ же результатъ встрѣчается почти во всѣхъ жаркихъ климатахъ тропиковъ.

Въ нашихъ странахъ, для полезнаго развитія земледѣлія, не надобно только ставить на его пути вредныхъ препонъ; напротивъ, вмѣшательство высшей власти было бы въ высшей степени дѣйствительно въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ удручающіе жары разслабляютъ жителей и гдѣ отсутствіе настоятельныхъ потребностей влечетъ человѣка гораздо болѣе къ созерцательной жизни чѣмъ къ труду, удовлетворяющему всѣмъ нуждамъ, которыя такъ ощутительны въ туманныхъ и холодныхъ широтахъ сѣвера. Слѣдовательно, разсчитывать на частную иниціативу въ дѣлѣ прогресса этой отрасли невозможно; однѣ только высшія власти имѣютъ въ рукахъ средства для поощренія необходимыми мѣропріятіями развитіе земледѣлія; но слѣдуетъ сознаться, что подобная система вовсе не въ духѣ англійскихъ обычаевъ. Каждый знаетъ, какъ

не любитъ англійское правительство вмѣшиваться въ торговыя и земледѣльческія операціи, предоставляя все частной промышленности; когда эта система не доводитъ до крайностей, то она несравненно предпочтительнѣе системы господствующей во Франціи

Но если, съ одной стороны, слишкомъ много сдержанности, то не кажется ли вамъ, что съ другой — слишкомъ много распущенности?

Развѣ во время послѣдняго голода, жестоко опустошавшаго нѣкоторыя части Индіи, англійскіе агенты, па нашихъ глазахъ, не отказали въ дозволеніи ввозить хлѣбъ на судахъ правительства, чтобы только не нарушать принципа невмѣшательства въ частныя дѣла, и развѣ они не усилили страданій народа, ради сохраненія коммерческаго принципа?

Вездѣ, гдѣ страна хотя немного воздѣлана въ Деканѣ, встрѣчаются рощи вѣерныхъ пальмъ. Этотъ видъ пальмы, плодъ которой хотя и не особенно хорошъ, но чрезвычайно любимъ, доставляетъ напитокъ, *тоддей* или *дчахери*, и спиртный напитокъ подъ названіемъ арака. Означенные продукты извлекаются изъ цвѣтовъ, пока тѣ начинаютъ только что завязываться. Цвѣтеніе начинается около ноября или декабря и тогда-то извлекаютъ сокъ, называемый тоддей, изъ котораго получается аракъ и сахаръ. Вотъ какимъ способомъ выдѣлываютъ туземцы эту жидкость. На высотѣ щиколотокъ ноги связываются крѣпко, потомъ дерево охватывается крѣпкимъ ремнемъ такой ширины, чтобы черезъ него свободно проходило тѣло. По окончаніи этой операціи, индѣецъ взлѣзаетъ на вѣерную пальму такимъ способомъ: онъ упирается съ помощью ремня въ стволъ, поднимаетъ ноги, обхватываетъ подошвами пальму на подобіе обезьяны, затѣмъ, пользуясь этой точкой опоры, поднимаетъ вверхъ ремень, снова упирается съ помощью его въ дерево, и продолжаетъ такъ до самой верхушки. Здѣсь онъ сильно нажимаетъ основаніе оси цвѣтка, чтобы удержать его развитіе, мнетъ листья пальцами и, для удобнѣйшаго вытеканія сока, обрѣзываетъ концы второстепенныхъ осей, въ которыя эти цвѣтки кажутся точно вправленными. Когда, къ началу девятыхъ сутокъ, сокъ покажется, тогда вводятъ черешокъ цвѣтка (spadix) въ глиняный сосудъ, куда и собираютъ жидкость, съ утра и до вечера. Истеченіе продолжается отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ, и ежедневно доставляетъ отъ двухъ до трехъ литровъ *). Каждые три года, пальмѣ даютъ отдыхъ и оставляютъ возможность покрываться плодами, безъ чего, говорятъ, дерево засыхаетъ. Для полученія дчагхери, или сахара, къ жидкости прибавляютъ немного изве-

*) Литръ равняется 0,03 рус. четверика.

сти и посредствомъ кипѣнія даютъ ей густоту сыропа, потомъ выливаютъ въ маленькія корзинки, сдѣланныя изъ листьевъ пальмы. Охлаждаясь, сыропъ кристализуется частями и превращается въ сахаръ темно-бураго цвѣта. Три литра тоддей производятъ около литра дчагхери среднею стоимостью до тридцати-пяти сантимовъ.

Аракъ приготовляется изъ перебродившаго и подвергнутаго перегонкѣ тоддей; съ дерева мужескаго пола получается соковъ только третья часть противъ того, что даетъ дерево женскаго пола.

Отъ Чинглепута до Садраса считается двадцать миль, но переѣздъ весьма дологъ по причинѣ дурнаго состоянія дороги. На пути лежитъ деревня, извѣстная у англичанъ подъ названіемъ Эгльсъ-Гилля, а у туземцевъ — Трикалликурну. Здѣсь находится храмъ, построенный у подошвы холма. Эгльсъ-Гилль небольшая, жалкая деревушка; жителей здѣсь немного, да и тѣ бѣдны. Стоитъ только взглянуть на пàгоду, чтобы понять какое удивленіе, какой восторгъ долженъ испытывать путешественникъ во время странствованій своихъ по полуострову Индіи, монументальную извѣстность которой по справедливости можно считать всемірною. Четверо большихъ воротъ ведутъ въ первую ограду, гдѣ стѣны расположены по обычаю всѣхъ индусскихъ храмовъ, по направленію сѣвера и юга, востока и запада; здѣсь видны колонады и портики. Черезъ дверь меньшихъ размѣровъ проникаешь во вторую ограду, заключающую въ себѣ главное святилище, святая святыхъ, и нѣсколько второстепенныхъ храмовъ. Какъ во всѣхъ маленькихъ пàгодахъ, прудъ омовеній расположенъ внѣ стѣнъ, въ самой деревнѣ.

Округъ Садрасъ мѣстоположенія красиваго и воздѣланъ хорошо; онъ производитъ въ большомъ количествѣ рисъ.

Каналъ соленой воды ведетъ изъ Садраса въ Мадрасъ, вдоль берега: я предпочелъ этотъ способъ переѣзда въ Магабалипуръ (буквально: городъ великаго Бали), извѣстный также подъ названіемъ *Семи-Пàгодъ*, и лежащій въ семи миляхъ къ сѣверу отъ Садраса.

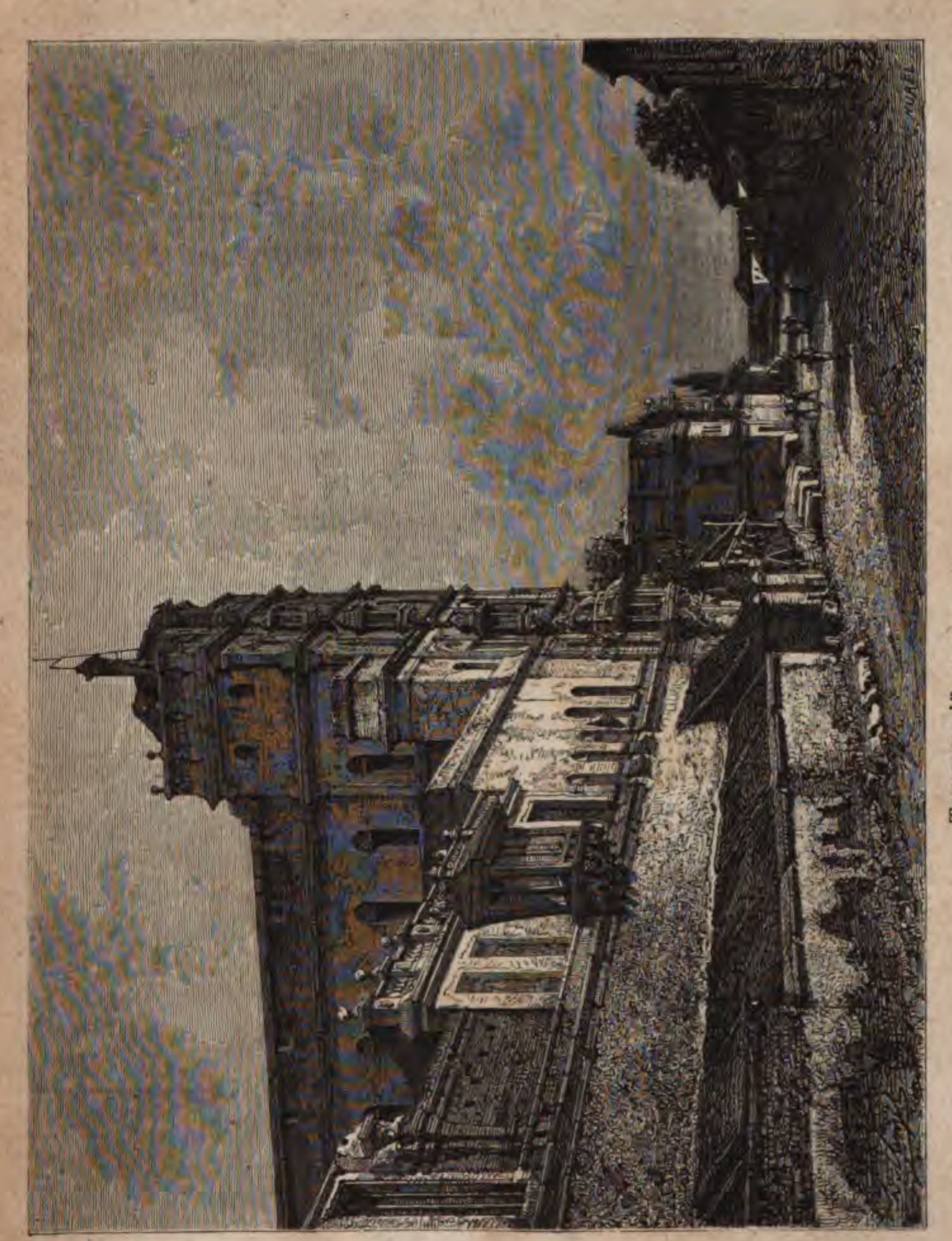
Здѣсь, на песчаной, пустынной низменности, омываемой волнами въ періодъ муссоновъ, существуетъ много мелкихъ храмовъ и пещеръ, заслуживающихъ вниманія путешественника. Большая часть этихъ монументовъ повидимому посвящалась Вишну, культъ котораго былъ нѣкогда сильно распространенъ на Коромандельскомъ берегу.

Пройдя латановую (вѣеровидная пальма) рощу, путешественникъ очутится у громадной гранитной массы, возвышающейся, подобно острову, посреди песчаныхъ равнинъ. Западный скатъ представляетъ сначала гротъ, передъ которымъ поставленъ портикъ, состоящій изъ двой-

наго ряда колонъ. Въ глубинѣ помѣщались пять святилищъ, заключавшихъ нѣкогда Лингамы; теперь же отъ нихъ осталась одна каменная ниша, содержащая въ себѣ идола. Двери этихъ святилищъ, не отличающихся впрочемъ ничѣмъ особеннымъ, фланкируются по бокамъ статуею въ четыре фута высоты. Прочія части всѣ изсѣчены въ цѣльной скалѣ. Наружный фризъ украшенъ колоколенками, характеристической чертою здѣшнихъ храмовъ, которые, по справедливому замѣчанію г. Фергюссона, играють роль монастырскихъ келій, гдѣ монашествующіе буддисты проводили жизнь. Влѣво отъ храма, на ближайшемъ возвышеніи, стоитъ другой храмъ, котораго неоконченныя скульптурныя работы носятъ еще слѣды ударовъ рабочаго рѣзца. Если огибать холмъ съ сѣверной стороны, то вы увидите полускрытый за двумя пальмами барельефъ, изображающій двухъ обезьянъ — одна изъ нихъ ищетъ въ головѣ у своего товарища. Странность ихъ позы возбуждаетъ невольное вниманіе. Затѣмъ вы подходите къ другому маленькому храму, также изсѣченному въ скалѣ и того же стиля, какъ и три предъидущіе. Внутреннюю залу занимаетъ теперь статуя Ганезы.

Я не знаю, описывать ли развалины сосѣдней пагоды, выстроенной изъ кирпича, такъ какъ она представляетъ собою мало интереса: передъ большой оградой находится маленькій мандапамъ, поддерживаемый четырьмя колонами изъ цѣльнаго камня. *Гопурамъ* или входная дверь, кажется, никогда не была окончена. За оградой находятся двѣ скалы въ полтора метра высотою, покрытыя барельефами; изображеніе слоновъ натурально и живо. Въ скульптурѣ вовсе нѣтъ холодности, свойственной этого рода барельефамъ: въ нѣкоторыхъ изъ головъ есть живое выраженіе. На первой скалѣ изображены животныя съ копытами, на второй существа съ поднятыми къ небу руками и съ выдающимися, какъ у скелета, ребрами. Между этими двумя скелетами помѣщена статуя женщины съ змѣинымъ хвостомъ; на головѣ у ней развивается cobra capella (гремучая змѣя).

Затѣмъ я посѣтилъ и другіе замѣчательные гроты. Одинъ изъ нихъ съ пьедесталомъ изъ львовъ стоитъ на двѣнадцати колонахъ, расположенныхъ въ три ряда. Въ глубинѣ барельефъ изображаетъ собою одну черту изъ жизни Кришны; божество это колоссальнаго роста, поддерживаетъ своею правою рукою сводъ храма; по всѣмъ сторонамъ изображены зебу; одинъ изъ нихъ, болѣе отдаленный, лижетъ телку, въ то время, какъ человѣкъ доитъ ее; это прекрасные барельефы. На правой сторонѣ сдѣланы изваянія чудовищъ, изъ



Танджорскій дворецъ.

которыхъ бросается въ глаза левъ съ человѣческою головою. Животныя наиболѣе всего заслуживаютъ вниманія артиста.

Со стороны моря находится гротъ, незначительный самъ по себѣ, но замѣчательный по небольшому храму со стѣнами, сохранившими еще нѣкоторыя слѣды скульптуры.

Еще южнѣе стоитъ большая скала, покрытая едва обозначенными барельефами, фигуры которыхъ имѣютъ отъ трехъ до четырехъ футовъ. Слѣва представлена женщина въ непристойной позѣ; четырехрукій богъ превышаетъ ростомъ всѣхъ своихъ сотоварищей, исключая одного, который скрестилъ руки надъ головою, и почти одинаковаго роста съ нимъ. Поднимаясь къ небольшому храму, на самой возвышенной точкѣ холма, проходишь мимо грота, заключающаго въ себѣ различные интересные барельефы; на лѣвой стѣнѣ представлено ложе, поддерживаемое тремя человѣками на колѣняхъ, и на немъ Вишну въ лежачемъ положеніи: рука спущена, на головѣ громадная выпуклая наійя; надъ богомъ парятъ два небесныхъ духа, одинъ похожій на коренастаго толстенькаго карлика, другой, — отличающійся стройными и граціозными формами женщины; у ногъ бога два человѣка стараются поднять что-то въ родѣ палицы. На правой стѣнѣ осьмирукая богиня, верхомъ на львѣ и подъ зонтикомъ, бросаетъ стрѣлу въ гиганта съ бычачьей головой, также защищеннаго отъ солнечныхъ лучей зонтикомъ; потрясая мечомъ, который находится въ другой рукѣ, гигантъ старается освободить человѣческое существо, лежащее головою внизъ, между двумя главными дѣйствующими лицами, и обращенное къ зрителямъ спиною; опрокинутый затылокъ этого человѣка, повидимому, опирается на мечь одного изъ сотоварищей богини. Подлѣ нея сражаются толстощекіе, безкрылые ангелы, толстые, приземистые, покрытые длинными щитами и вооруженные луками и индусскими саблями, съ кривымъ лезвіемъ, тонкимъ у рукоятки и расширящимся къ концу. Гигантъ съ бычачьей головой окруженъ воинами съ короткими щитами и римскими мечами. Лицо *минотавра* выражаетъ дикую энергію; судорожное сжатіе губъ показываетъ овладѣвшій имъ гнѣвъ. Вообще вся поза заслуживаетъ полной похвалы.

Въ срединѣ того же грота, въ маленькомъ святилищѣ, барельефъ представляетъ Шиву, стоящаго одной ногой на быкѣ; по лѣвую сторону представлена его супруга съ младенцемъ на рукахъ. Входомъ въ святилищѣ служитъ портикъ изъ двухъ колонъ, опирающихся на львовъ.

Далѣе къ сѣверу, у самого морскаго берега, стоятъ два храма въ

формѣ пирамидъ. Основаніе колонны, помѣщаемой обыкновенно передъ храмомъ Шивы, омывается теперь волнами.

Коромандельскій берегъ, почти на глазахъ всѣхъ, подтачивается съ каждымъ днемъ водою и заливается моремъ болѣе и болѣе. Съ другой стороны, совершенно противоположное явленіе происходитъ съ Цейлономъ, и обращаетъ на себя невольно вниманіе. Островъ Цейлонъ никогда не составлялъ части индѣйскаго континента и ничто не указываетъ, чтобы онъ былъ оторванъ отъ него наводненіемъ; а между тѣмъ разстояніе раздѣляющее его отъ полуострова неоспоримо уменьшается съ каждымъ годомъ, и не далекъ уже тотъ день когда совершится полное соединеніе. Въ самомъ дѣлѣ, провинціи лежащія на сѣверѣ Цейлона, впереди центральной массы гранитныхъ горъ, принадлежатъ къ мѣстамъ, мало по малу оставленнымъ океаномъ и обратившимся теперь окончательно въ сушу. Происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны съ одной стороны накопленію безчисленнаго множества полипняковъ, которыхъ известковыя выдѣленія такъ часто образуютъ въ индѣйскихъ моряхъ надводные рифы, извѣстные подъ названіемъ аттоловъ, а съ другой — наносамъ песку и мелкихъ камней, приносимыхъ сильными теченіями съ Коромандельскаго берега, пониженіе котораго осязательно; теченія отклоняются отъ своего прямаго направленія положеніемъ острова Цейлона, и вся масса наносовъ оставляется ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходится огибать восточный берегъ. Той же самой причинѣ слѣдуетъ приписать банки и острова Адамова моста въ Манаарскомъ заливѣ.

Магабалипурскіе храмы, воздвигнутые поодаль отъ моря и омываемые въ настоящее время волнами, являются любопытнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ тѣхъ интересныхъ геологическихъ перемѣнъ, которыя совершались въ теченіе вѣковъ на Коромандельскомъ берегу.

Въ бо̀льшемъ изъ двухъ храмовъ, со входомъ, обращеннымъ къ морю, находится колоссальный лингамъ призматической формы, въ настоящее время свергнутый съ своего пьедестала; въ глубинѣ, небольшой барельефъ изображаетъ Сиву вмѣстѣ съ его женою и сыномъ. Второй храмъ со входомъ, обращеннымъ въ противоположную сторону, содержитъ въ себѣ подобный же барельефъ. Между двумя пагодами находится капище, въ которомъ помѣщена колоссальная статуя Вишну, которая, кажется, имѣла первоначально иное назначеніе и поставлена сюда уже позднѣе.

Па̀годы выстроены изъ камня и окружены стѣною. Между основа-

ніемъ и пирамидмльною кровлею этихъ зданій существуетъ замѣтная несоразмѣрность; спѣшимъ однако прибавить, что если въ цѣломъ нѣтъ изящества, то въ отдѣльныхъ частяхъ нѣтъ недостатка въ красотѣ.

Мили на полторы южнѣе возвышаются пять храмовъ изъ цѣльнаго камня, безспорно самый замѣчательный памятникъ магабалипурскихъ развалинъ. Три пагоды имѣютъ пирамидальную форму и снабжены четырехугольными колоколенками. Четвертая — квадратная, увѣнчанная крышею съ криволинейнымъ сводомъ: только эта и окончена; въ святилищѣ представлена богиня съ четырьмя руками, у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ два человѣка; вокругъ богини летаютъ толстощекіе ангелы, при чемъ двое изъ нихъ съ усами. Крыша во многихъ мѣстахъ просвѣчиваетъ. На каждомъ фасѣ изваяны два стража-охранителя.

Изъ трехъ храмовъ, о которыхъ была сейчасъ рѣчь, второй болѣе древній и не имѣетъ никакой скульптуры. Четырехугольный храмъ въ ширину имѣетъ двадцать футовъ и въ длину сорокъ четыре; внутри онъ не выдолбленъ; сторона обращенная къ морю, погружена въ песокъ до самыхъ капителей колонъ. Трещина, тройная съ одной стороны и простая съ другой, равно какъ паденіе маленькихъ угловыхъ колоколенъ заставляетъ предполагать о большомъ сотрясеніи, происшедшимъ здѣсь послѣ или во время самой постройки. Не было ли здѣсь землетрясенія?

Послѣдній храмъ — самый большой изъ всѣхъ съ пирамидальною крышею: каждая сторона его въ двадцать футовъ, а онъ четырехугольный; вышиною въ двадцать восемъ футовъ; повидимому онъ не вполнѣ оконченъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изваянія только что начаты и колоны едва сдѣланы только въ грубомъ видѣ. На фасадѣ, обращенномъ къ морю, встрѣчается еще до сихъ поръ нѣсколько неразобранныхъ надписей.

На оконечности храмовъ поставленъ колоссальный зебу, полузасыпанный теперь песками и не представляющій, впрочемъ, ничего замѣчательнаго. Немного подальше высѣчены: левъ, лишенный всякаго выраженія, и слонъ, голова котораго издали поражаетъ сходствомъ съ настоящею.

При описаніи Буванесварскихъ пагодъ, мы говорили о причинахъ особеннаго интереса, представляемаго древними буддистскими зданіями, не потому только одному, что онѣ современны возникновенію религіи, имѣвшей большое вліяніе на человѣчес тво, и что онѣ принадлежатъ единственной архитектурѣ, стиль кото рой можно прослѣдить во всѣхъ ея преобразованіяхъ отъ самаго царствованія Асоки (263—242 г. до

Р. Х.) до нашихъ дней,—но въ особенности потому, что онѣ являются первобытнымъ типомъ, послужившемъ образцомъ для всѣхъ теперешнихъ индусскихъ зданій.

Есть и другой родъ памятниковъ и пагодъ, ведущій, повидимому, свое начало отъ буддистскихъ гротовъ. Разрушившіеся памятники Магабалипура представляютъ особенный интересъ для изученія, такъ-какъ по нимъ можно прослѣдить всѣ послѣдовательныя измѣненія въ религіозной архитектурѣ средневѣковой и новѣйшей Индіи, начиная съ натуральныхъ гротовъ и кончая гротами, стѣны которыхъ изваяны барельефами.

Въ началѣ буддистскіе священнослужители, жившіе въ уединеніи лѣсовъ, сообразно правиламъ своего учителя, чтобы святою жизнію удостоиться нирваны, должны были конечно пользоваться натуральными убѣжищами, представляемыми гротами. Страстная набожность царей, желавшая почтить религію въ лицѣ ея служителей, украсила въ послѣдствіи нѣкоторые изъ этихъ гротовъ фресками и скульптурою; другіе были расширены и высѣчены въ формѣ залъ, поддержанныхъ колонами, которыя покрывались рисунками самой тонкой и нѣжной работы. Такимъ образомъ, стремленіе пропагандировать нравственные принципы, проповѣдываемые Буддою, и поклоненіе послѣдователей ихъ болѣе или менѣе апокрифическимъ останкамъ своего учителя, повели къ сооруженію перваго рода памятниковъ—*стоповъ* и *дагобовъ*, такъ что существованіе подземныхъ жилищъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали по причинѣ орнаментовъ, покрывающихъ ихъ стѣны, объясняется вполнѣ уваженіемъ, оказываемымъ священникамъ царями.

Еще позднѣе возникъ третій родъ памятниковъ: *вигаре*, или монастыри, которые воздвигались съ величайшею роскошью изъ дерева. Наконецъ четвертую категорію архитектурныхъ типовъ составляютъ храмы, сооруженные изъ кирпича или высѣченные въ скалѣ: они извѣстны подъ названіемъ *чайтійясовъ*.

Во всѣхъ небольшихъ деканскихъ капищахъ съ плоскою крышею, въ которые проникаютъ чрезъ рядъ колонъ, не трудно видѣть рабское подражаніе храмамъ, выдолбленнымъ въ скалѣ.

Въ Магабалипурѣ четырехугольные храмы указываютъ на перемѣну, происшедшую въ архитектурѣ. Маленькія колокольни, которыя представляются простымъ украшеніемъ, суть жилища жрецовъ. Въ началѣ онѣ были пустыя, позднѣе служили мѣстомъ, куда ставились изображенія боговъ, которые замѣнили монаховъ съ бритыми головами.

Форма, даваемая нѣкогда монастырямъ, вигарамъ, и сохранившаяся

въ наше время въ гопурамахъ и въ пирамидальныхъ пагодахъ объясняется весьма естественно. Въ первыя времена камни употреблялись исключительно съ религіозною цѣлью: для постройки прочныхъ и величественныхъ храмовъ, тогда какъ царскіе дворцы, даже самые пышные, строились изъ дерева и, если колоны, поддерживавшія первый этажъ были не деревянныя, такъ это дѣлалось собственно для предотвращенія неблагопріятныхъ дѣйствій, причиняемыхъ дереву сыростью. Дерево на самомъ дѣлѣ было всего удобнѣе для самой разнообразной архитектуры, также и для позолоты и окраски, не нуждаясь при этомъ въ научной архитектурѣ. Такимъ образомъ, употребляя для своихъ построекъ одно дерево и къ тому же, не имѣя обыкновенія воздвигать домовъ въ нѣсколько этажей, по причинѣ восточнаго закона противъ роскоши, запрещавшаго ихъ для массы народонаселенія, тамошніе архитекторы установили для монастырей форму пирамидальную, болѣе легкую и болѣе прочную; и на самомъ дѣлѣ ихъ незначительныя познанія въ геометріи, не позволяли имъ воздвигать многоэтажныхъ деревянныхъ зданій съ перпендикулярнымъ фасадомъ, удалявшихся отъ фирмы пирамидъ.

Очевидно теперь, насколько интересно описаніе махабалипурскихъ памятниковъ, подобное тому, какое мы сдѣлали уже въ Буванесварѣ и какое намѣрены сдѣлать въ Эллорѣ и въ Аджунтахѣ. По нимъ можно судить о преобразованіяхъ въ буддистской архиректурѣ, къ которой впослѣдствіи браминская религія присовокупила и свои выдумки. Впослѣдствіи, познакомившись съ деканскими гротами, мы наглядно увидимъ различіе, какое существуетъ между памятниками той и другой религіи.

На возвратномъ пути изъ Магабалипура, я снова увидѣлъ деревню Трикалликурну, или Эгльсъ-Гилль, съ ея любопытной пагодой, Садрасъ съ зеленѣющими предмѣстіями, Чинглепутъ съ латановыми рощами, и добрался до Тиндеванама, въ семидесяти-пяти миляхъ къ югу отъ Мадраса. Здѣсь я свернулъ съ Трихинопольской дороги на Пондишери, лежавшій отсюда еще въ тридцати миляхъ.

Приближаясь къ французскимъ владѣніямъ, приходится проѣзжать громадныя пространства, покрытыя латановыми лѣсами. Окрестности Пондишери живописны и хорошо воздѣланы; дороги превосходны и окаймлены кокосовыми или другими деревьями. Обработка павна (pawn) или перца бетеля, здѣсь сильно распространена; въ довольно широкихъ бороздахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ небольшими ровиками, наполненными водою, красуется это растеніе съ блестящими листьями,

обвивающее жерди, которыя вбиваются въ землю съ цѣлью служить ему подпорою.

Пондишери красивый городъ съ широкими и чистыми улицами; на большой площади выстроенъ небольшой центральный павильонъ, маякъ и мачта для флага; къ сожалѣнію, прибрежье, съ разрѣшенія высшей администраціи, не такъ давно отведено подъ угольные магазины компаніи Messageries impériales, что чрезвычайно портитъ общій видъ. *Черный* городъ обладаетъ значительнымъ числомъ аллей, обсаженныхъ деревьями, дающими много тѣни; вообще здѣсь господствуетъ чистота, неизвѣстная въ другихъ городахъ Индіи.

Пондишери сохраняетъ креольскій видъ sui generis; онъ не похожъ ни на туземный, ни на французскій городъ; это счастливая смѣсь двухъ характеровъ, которая встрѣчается вездѣ, гдѣ французская или испанская раса принуждены жить съ чужеземными населеніями.

Въ отношеніи жителей, можно сдѣлать тоже замѣчаніе, что и въ отношеніи города: они устроили себѣ исключительную жизнь, примѣненную къ условіямъ здѣшняго климата. Они не хлопочутъ о введеніи въ Индіи французскихъ нравовъ, вовсе неумѣстныхъ подъ тропическимъ зноемъ. Южные народы нисколько не походятъ на англичанъ, попирающихъ всегда съ презрѣніемъ чужестранную землю; броситъ ли ихъ судьба въ Китай или въ Камчатку, они всегда полагаютъ, что стоятъ на британской почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, англичанинъ не путешествуетъ; онъ перемѣняетъ мѣсто, унося всюду съ собою свой home. Въ нравственномъ смыслѣ, разумѣется, хорошо обладать такимъ духомъ упругости и не допускать надъ собою безпричиннаго вліянія; съ точки зрѣнія нравовъ и обычаевъ, зависящихъ отъ климата, казалось бы гораздо проще и раціональнѣе измѣнить обычаи, усвоенные въ туманныхъ странахъ сѣвера и идущіе совершенно въ разрѣзъ съ климатическими условіями тропиковъ.

Слѣдуетъ во всякомъ случаѣ замѣтить, что мы не совсѣмъ то обладаемъ духомъ послѣдовательности и могли бы достигнуть несравненно лучшихъ результатовъ, если бы преслѣдовали свою цѣль съ болѣе упорною настойчивостью. Безъ всякаго сомнѣнія, смѣшно держаться крѣпко за вещи вовсе не важныя и придавать особую цѣну пустымъ частностямъ, какъ поступаютъ англичане сующіеся вездѣ, и кстати и не кстати, съ своею гордостью; — но точно также предосудительно не умѣть въ важныхъ случаяхъ сохранять неизмѣнно предначертанные принципы.

Мѣсто гулянья на морскомъ берегу обсажено вѣчно-зеленѣющими

Внутренняя колонада буддійскаго храма въ Мадурѣ.

деревьями; въ знойные дни хорошо пріютиться подъ ихъ тѣнью. Дома выстроены тѣснѣе другъ къ другу, чѣмъ въ городахъ англійской Индіи, и, повидимому, это служитъ признакомъ болѣе общительнаго характера и, слѣдовательно, болѣе частыхъ сношеній и общественныхъ сборищъ.

Дома въ Пондишери почти всѣ отдѣляются отъ улицы небольшими двориками, убранными премиленькими палисадниками цвѣтовъ и кустиковъ. Общій видъ, впрочемъ, сильно страдаетъ оттого, что стѣны жилищъ быстро покрываются криптогамами (тайнобрачными растеніями), которыя въ скоромъ времени образуютъ широкія черныя пятна, требующія ежегоднаго выбѣливанія. Но черезъ два, и самое большое, черезъ три мѣсяца, ярко-бѣлый цвѣтъ исчезаетъ подъ этими лишаями, раскидывающими свои тысячи порослей во всѣхъ направленіяхъ и быстро разростающимися по всей поверхности стѣнъ.

Французъ-путешественникъ, при видѣ этой небольшой колоніи, слабаго остатка нашихъ индѣйскихъ владѣній, не въ силахъ удержаться отъ чувства досады, припоминая тѣ ошибки, которыя пресѣкли для нашей страны источникъ столькихъ богатствъ и могущества, и его воображеніе само собою начинаетъ рисовать картину прошедшихъ французскихъ завоеваній и подвиговъ въ Индіи. Поэтому и я не могу пройти мимо, не сказавъ нѣсколько словъ о прошломъ.

Французскія владѣнія въ Индіи, до царствованія Людовика состоявшія всего изъ нѣсколькихъ факторій, быстро расширились при этомъ монархѣ, благодаря смѣлой инициативѣ сановника, политическій геній котораго могъ бы въ другую эпоху нашей исторіи, обогатить свое отечество пріобрѣтеніемъ обширной имперіи; но скиптръ Людовика Святаго не былъ въ то время въ рукахъ Генриха IV или Людовика XIV; на тронѣ Франціи сидѣлъ въ то время король изнѣженный и расточительный, болѣе преданный удовольствіямъ, чѣмъ заботамъ о славѣ и величіи своей націи. Такимъ образомъ богатая монархія Могола сдѣлалась наслѣдіемъ нашихъ счастливыхъ соперниковъ, англичанъ. Во всякомъ случаѣ, въ Индіи въ эту достопамятную эпоху, геній Франціи блисталъ достаточно значительно для того, чтобы не быть преданнымъ забвенію.

Жозефъ-Францискъ Дюплексъ, родомъ изъ Ландреси, былъ назначенъ въ 1730 году управителемъ Чандернагора, факторіи на Гангѣ; онъ не замедлилъ преобразовать эту несчастную деревушку на столько, что она обратилась въ цвѣтущій городъ. Немного спустя онъ устроилъ въ ней обширную корабельную верфь. Желая преградить англичанамъ торговлю въ Бенгаліи, онъ воздвигъ вторую факторію въ Патнѣ, въ

разстояніи тридцати восьми миль отъ Бенареса. Въ 1740 году, въ награду за оказанныя услуги, Дюплексъ былъ значительно повышенъ: онъ былъ назначенъ управителемъ Пондишери и въ тоже время занялъ мѣсто президента въ верховномъ совѣтѣ; наконецъ 23 октября 1742 года, онъ былъ сдѣланъ главнымъ управителемъ всѣхъ французскихъ владѣній въ Индіи.

Возведенный на этотъ постъ и получивъ въ свои руки начальство надъ войскомъ, Дюплексъ думалъ теперь о приведеніи въ исполненіе своего давно задуманнаго плана; его замыслы были безъ сомнѣнія обширны, но они находились въ зависимости не отъ одного только его генія. Имперія Могола пала: онъ полагалъ, что наступила благопріятная минута для того, чтобы распространить французскія владѣнія на этой части полуострова, чтобы обогатить свое отечество пріобрѣтеніемъ обширной территоріи, завоеваніе которой ему казалось легкимъ. Дюплексъ отнюдь не позволялъ себѣ обольщаться иллюзіями: онъ опирался на свѣжіе факты, ясно свидѣтельствовавшіе о безсиліи имперіи великаго Могола. Персидскій шахъ Надиръ вознамѣрился покорить его провинцію, но онъ легко разсѣялъ его армію и опустошилъ столицу; на югѣ были возмущены Маратты, на сѣверѣ Афганцы; управители провинцій отказали ему въ повиновеніи и искали независимости. Португальцы и голландцы являлись не слишкомъ-то опасными соперниками; одни англичане могли дать сильный отпоръ замысламъ Дюплекса. Но онъ и не останавливался ни передъ какимъ препятствіямъ: онъ отважно принялся за дѣло, и безъ сомнѣнія ему удалось бы водворить французское преобладаніе въ Индіи, еслибъ ему благопріятствовало министерство и индѣйская компанія, водворившаяся въ Парижѣ.

Его планъ заключался съ одной стороны въ томъ, чтобы оставаться во главѣ чужеземной и независимой колоніи, съ другой въ томъ, чтобы, не пропуская ни одного случая вмѣшиваться во внутреннія дѣла и раздоры индѣйскихъ князей не терять тѣмъ самымъ ни малѣйшей возможности увеличить свои владѣнія.

Въ 1745 году англійская компанія послала въ моря Индіи эскадру, съ цѣлью угрожать Пондишери, между тѣмъ какъ управитель Мадраса приготовился къ осадѣ со стороны суши. Но англичане должны были отказаться отъ своихъ намѣреній, вслѣдствіе объявленія набоба Карнатики о томъ, что онъ обложитъ Мадрасъ, если они сдѣлаютъ тоже самое относительно Пондищери. Искусные переговоры Дюплекса спасли французскую колонію отъ неминуемой гибели.

Не позже, какъ въ слѣдующемъ году, Бурдонне, управитель Иль-де-Франса и Бурбона, получивъ нѣсколько судовъ изъ Европы, могъ явиться на помощь Дюплексу съ девятью кораблями; англичане были оттѣснены и принуждены были укрыться въ Цейлонѣ. Бурдонне тотчасъ же осадилъ Мадрасъ и взялъ его послѣ незначительнаго сопротивленія (1746); картнатикскій набобъ, которому обѣщанъ былъ Мадрасъ, не принималъ участія въ войнѣ, и городъ остался за французами.

Взятіе Мадраса повлекло за собою неминуемое столкновеніе между двумя французскими начальниками. Дюплексомъ и Бурдонне, двумя вооруженными соперниками, власть которыхъ не имѣла опредѣленныхъ границъ. Бурдонне желалъ возвратить Мадрасъ англичанамъ, взявъ съ нихъ за то значительную контрибуцію, тогда какъ Дюплексъ желалъ сохранить это завоеваніе, необходимое для преслѣдуемой имъ цѣли. Между тѣмъ наступило неблагопріятное время года и ураганъ принудилъ Бурдонне возвратиться въ Иль-де-Франсъ вмѣстѣ съ остатками своихъ кораблей. Смѣненный съ должности губернатора Иль-де-Франса, онъ отправился для своего оправданія въ Парижъ; посаженный въ тюрьму, онъ успѣлъ оправдаться только по прошествіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Бастиліи, и умеръ спустя немного, удрученный печалью (1753 г.). Между тѣмъ карнатикскій набобъ требовалъ возвращенія Мадраса, и, недовольный отвѣтомъ Дюплекса, кончилъ тѣмъ, что сталъ собирать войско, чтобы завладѣть силою городомъ, который долженъ былъ перейти къ нему собразно съ формальными обѣщаніями Бурдонне. Никогда еще до сихъ поръ не происходило столкновенія между европейцами и моголами: счастіе благопріятствовало французамъ: они разсѣяли толпы враговъ. Эти успѣхи обязанные талантамъ Дюплекса и храбрости нашихъ войскъ, произвели ужасъ на всемъ полуостровѣ; одно имя французовъ производило страхъ; а дисциплина нашихъ войскъ пополняла недостатокъ въ ихъ числительной силѣ. Послѣ своей побѣды главный управитель взялъ Мадрасъ и обратилъ въ бѣгство англичанъ. Но здѣсь не остановились его замыслы: онъ постановилъ окончательно изгнать англичанъ изъ Карнатики. При извѣстіи о сдачѣ Мадраса, англичане поспѣшили отправить силы, достаточныя для того, чтобы ослабить своего врага, и взять съ него значительное вознагражденіе: съ этою цѣлью они осадили Пондишери. Дюплексъ, напередъ предвидѣвшій тѣ усилія, какія должны будутъ употреблять въ этомъ случаѣ его противники для того, чтобы возвратить потерянныя владѣнія, былъ готовъ къ самому сильнѣйшему

отпору: его маленькая армія, составленныя едва изъ тысячи четырехсотъ французовъ, нашла сильнѣйшую поддержку въ индѣйской, набранной изъ среды военнаго сословія и организованной по образцу европейской.

Прежде чѣмъ стану продолжать свой разсказъ, я долженъ указать на высочайшую и священнѣйшую преданность женщины, оказавшей Дюплексу геройское содѣйствіе въ его гигантской борьбѣ: я говорю о женѣ его, родомъ изъ Португаліи, о Жаннѣ-де-Кастро, болѣе извѣстной въ Индіи подъ именемъ Жанны Бегумъ.

Глубоко знакомая съ обычаями туземцевъ и съ большинствомъ ихъ нарѣчій, она оказывала значительную помощь своему мужу въ его предпріятіи тѣмъ, что вела самыя дѣятельныя сношенія съ туземными правителями.

Дюплексъ имѣлъ полнѣйшій успѣхъ: англичане потерпѣли неудачу на сушѣ и на морѣ, а муссонъ окончательно разсѣялъ ихъ флотъ. Побѣдитель получилъ поздравленіе отъ набоба и отъ самаго великаго Могола.

Къ несчастію Ахенскій миръ былъ подписанъ тюльерійскимъ кабинетомъ и по условію этого мира Мадрасъ былъ возвращенъ англичанамъ: это было горькой утратой для великаго политика, надѣявшагося покореніемъ этого города достичь окончательнаго паденія англійскихъ колоній. Отнынѣ, не находя возможности открытой войны съ англичанами, Дюплексъ сталъ дѣйствовать противъ нихъ косвеннымъ образомъ, помогая нашимъ союзникамъ противъ нихъ и всячески стараясь увеличить нашу территорію. Вскорѣ одно обстоятельство, издавна ожидаемое, дало случай главному французскому управителю продолжать свое предпріятіе: скончался престарѣлый деканскій вице-король, Низамъ-ель-Молюкъ. Англичане признали за наслѣдника его престола сына его Назиръ-Юнга, тогда какъ предъявитель правъ на престолъ въ силу завѣщанія покойнаго короля, племянникъ Назира, Мурзафа-Юнгъ просилъ помощи у французовъ; съ другой стороны Анаверды—ханъ былъ врагомъ Дюплекса; этотъ въ свою очередь старался представить ему соперника въ лицѣ Тхунда-Саиба, потомка стараго набоба этой страны. По наущенію французовъ и при ихъ содѣйствіи, соединенная армія Мурзафы-Юнга и Тхунда-Саиба завладѣла Карнатикой и разсѣяла войско Анаверды, который палъ въ битвѣ.

Между тѣмъ Назиръ-Юнгъ, во главѣ трехсотъ тысячъ человѣкъ устремился на Карнатику съ тѣмъ, чтобы своимъ многочисленнымъ войскомъ ослабить своего соперника Мурзафа-Юнга хана, находившагося во главѣ большаго отряда. Французы и Тхунды-саибъ отступили предъ

этимъ опустошительнымъ потокомъ къ Пондишери и скрылись за своимъ укрѣпленіемъ; для Мурзафа было лучше сдаться на капитуляцію, чѣмъ бѣжать съ декканскимъ знаменемъ и тѣмъ самымъ покрыть себя несмываемымъ позоромъ. Онъ сдался подъ условіями, сохранявшими его свободу; но, не смотря на торжественныя клятвы, Назиръ взялъ въ плѣнъ своего соперника и, сдѣлавъ внезапное нападеніе на его приверженцевъ, лишенныхъ начальника, разбилъ ихъ на голову.

Дюплексъ, видя невозможность взять силою, чтобы выиграть время, рѣшилъ войти въ переговоры съ Назиромъ, затѣмъ, напавъ на своего врага, во время сна послѣ продолжительной оргіи, принудилъ его снять лагерь и отступить. Далекій отъ мысли успокоиться послѣ такого успѣха своего оружія, онъ быстро стремился на встрѣчу Магомету-Али, сопернику Тхунда-Сапба нанесъ ему блестящее пораженіе и завладѣлъ укрѣпленіями Жанга. Узнавъ о такихъ быстрыхъ успѣхахъ своего врага, Назиръ поспѣшилъ со своимъ стотысячнымъ войскомъ, но начальники, недовольные его предводительствомъ, призвали французовъ, расположившихся по квартирамъ въ Жанга; эти неустрашимо бросаются на громадную толпу ратниковъ и наносятъ имъ полнѣйшее пораженіе. Въ пылу битвы Назиръ былъ убитъ набобомъ, мстившимъ за нанесенному ему оскорбленіе, и, по общему согласію, корона перешла въ руки Мурзафа (1750 г.).

Случайное обстоятельство открыло для Дюплекса и его товарищей новую блестящую эпоху величія. Мурзафа, въ сопровожденіи Дюплекса, свершилъ торжественное вступленіе въ Пондишери. Новый вице-король принялъ присягу отъ начальника арміи, воздвигшаго ему тронъ. Желая вознаградить французскаго управителя за оказанныя имъ ему услуги, Мурзафа сдѣлалъ его набобомъ всѣхъ провинцій, расположенныхъ къ югу отъ рѣки Кришны и обнимавшихъ собою Карнатику и югъ Деккана, пространство, равное почти цѣлой Франціи. Немного спустя, Мурзафа оставилъ Пондишери, чтобы вступить въ свои наслѣдственныя владѣнія: его сопровождало триста французовъ подъ начальствомъ Бюсси, друга Дюплекса, офицера, выдѣлившагося своими личными заслугами, такого генія, какъ и самъ Дюплексъ: это тотъ самый, которому поручено было завоеваніе центра Индіи, и на самомъ дѣлѣ, какъ по воинскимъ талантамъ, такъ и по храбрости и безграничной самоотверженности онъ стоялъ отнюдь не ниже своего порученія. Вступивъ въ Декканъ, Мурзафа палъ жертвою возстанія Патанейцевъ, и Бюсси, отмстивъ за его убійство, возвелъ на престолъ брата покойнаго, Салябутъ-Юнга. Но ему не суждено было оставаться спо-

койнымъ владѣтелемъ трона своего племянника: онъ встрѣтилъ врага въ лицѣ брата своего, устремившагося въ Декканъ во главѣ Маратовъ, съ цѣлью отнять у него корону. Къ счастію новый претендентъ внезапно скончался и Бюсси, во главѣ своихъ храбрыхъ товарищей и правильно устроенныхъ сипаевъ, оттѣснилъ непріятелей. Салябутъ наградилъ своихъ защитниковъ пятью провинціями, смѣжными съ Ориссой, со столицею липатамамъ Мазу.

Цѣлая треть Индіи находилась теперь въ полнѣйшей или въ вассальной зависимости Франціи; предъ нами открывалась блестящая будущность; но весьма скоро дѣло приняло совершенно иной оборотъ!

Въ должности губернатора Дюплексъ, въ награду за свой геній и патріотизмъ, не встрѣчалъ ничего инаго, кромѣ горькихъ непріятностей и низкаго пренебреженія. Англичане, устрашенные столь успѣшною политикою Дюплекса, послали значительную поддержку Магометъ-Али. Послѣ многочисленныхъ перемѣнъ успѣха и неудачъ, Дюплексъ, предоставленный самому себѣ и своимъ собственнымъ силамъ, Дюплексъ, который даже въ самую критическую эпоху ни на минуту не падалъ въ своей великой душѣ, былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы отчаяться преодолѣть надъ препятствіями и противодѣйствіями со стороны англичанъ, какъ наконецъ получилъ изъ Франціи поддержку въ 1200 солдатъ; побѣда была очевидна (1754 г.). Къ несчастію войско это находилось подъ начальствомъ директора компаніи, уполномоченнаго отъ правительства заключить миръ съ англичанами. Страшное безразсудство Версальскаго кабинета! или, вѣрнѣе, недостойная измѣна существеннымъ интересамъ страны.

Правительство, повидимому, было устрашено и приведено въ замѣшательство успѣхами Дюплекса, и извѣстіе о его побѣдахъ, вмѣсто того, чтобы возбудить гордость въ монархѣ, котораго долгомъ было заботиться объ участіи Франціи, казалось утомляло его, отвлекая отъ удовольствій. Для него былъ лучше всего миръ, будь онъ хоть въ ущербъ его чести и славы страны! Дюплексъ, былъ смѣненъ, за то что слишкомъ блистательно выполнялъ возложенное на его порученіе, и онъ не былъ утѣшенъ хоть тѣмъ бы, чтобъ на него мѣсто былъ назначенъ дорогой и вѣрный Бюсси, раздѣлявшій съ нимъ грезы о величіи и искуссно выполнявшій всѣ его порученія; Бюсси, который могъ бы продолжать его дѣло и укрѣпить его завоеванія былъ также смѣненъ. Послѣ смѣны Дюплекса съ Великобританіей былъ заключенъ миръ, и Индія была потеряна для Франціи, но за то для Людовика XV былъ обезпеченъ миръ.

Видъ долины близъ Коломбо.

Славное имя героя предшествовало во Франціи его появленію, и весь путь его, начиная отъ Лоріана, гдѣ онъ ступилъ на берегъ и до самаго Парижа, куда онъ былъ отозванъ, былъ ничто иное, какъ тріумфальное шествіе: дворъ не осмѣлился сдѣлать холодный пріемъ тому, кому устраивали столь полныя энтузіазма оваціи, и Дюплексъ могъ разсчитывать, что не всѣ еще надежды потеряны къ возстановленію его величія. Иллюзіи исчезли слишкомъ рано! Онъ умеръ въ 1763 году, не имѣя возможности снова приняться за начатое и будучи свидѣтелемъ свершившагося паденія нашихъ колоній и униженія своего дорогаго отечества. Онъ пережилъ двумя годами свою героиню-подругу. Компанія, виновница паденія Дюплекса, и дворъ, преслѣдовавшій его, старались предать забвенію его славное имя, и память объ этомъ геніальномъ человѣкѣ возстановлена была только послѣ того, какъ революція вполнѣ добросовѣстно открыла предъ Франціей достовѣрныя страницы ея исторіи. Въ настоящее время наши историки признали въ немъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей XVIII столѣтія, и вотъ какъ отзываются о немъ даже англичане: «Стоя по своимъ политическимъ талантамъ выше нашихъ агентовъ, онъ очевидно былъ бы виновникомъ того, что Индія принадлежала бы въ настоящее время Франціи, еслибъ получилъ такія же средства и поддержку отъ своего отечества, какъ наши *)».

Въ 1778 году англичане завладѣли почти безъ сопротивленія Чандернагоромъ и Мазулипатамомъ. Но Пондишери, защищаемый всего нѣсколькими солдатами, несмотря на дурныя укрѣпленія, сдался только послѣ шестидесяти-двухъ-дневной осады, благодаря энергической защитѣ ея управителя, мужественнаго Белькомба. Однакожъ побѣдамъ англичанъ положенъ былъ нѣкоторый предѣлъ новымъ ихъ противникомъ, послѣ Дюплекса, самымъ опаснѣйшимъ изъ всѣхъ, какихъ они только встрѣчали въ Индіи: это Гайдеромъ-Али, тѣснившимъ ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ; благодаря поддержки со стороны фран-

---

*) Campbell, Modern India. Въ ту минуту, какъ вышли изъ печати эти страницы, мы нашли въ другомъ англійскомъ сочиненіи, болѣе новомъ, слѣдующее мѣсто, которое считаемъ не лишнимъ привести: менѣе, чѣмъ въ продолженіе 25 лѣтъ, правительство старой Франціи, стараясь скрыть отъ общества бездарность и безнравственность, какая преобладала въ совѣтѣ индѣйской компаніи, погубила одного за другимъ, трехъ наиболѣе знаменитыхъ французовъ этой эпохи: Бурдонне погибъ въ оковахъ, Дюплексъ въ горести и Лалли на эшафотѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе это, оскверненное столь ужасными жертвами, справедливо понесло бѣдствія, постигшія ее вслѣдъ за тѣмъ. *Henry Beveridge.* A comprehensive hystory of India, vol. I, p. 644.

*

цузскихъ авантюристовъ, старыхъ товарищей Бюсси, онъ нѣсколько разъ доводилъ дѣло до того, что избавлялъ было родину свою отъ чужеземцевъ, желавшихъ захватить ее и выжимать изъ нея соки. Не смотря на то́, послѣ многихъ перемѣнъ счастія, англичане снова взяли верхъ, и знаменитый майсурскій султанъ принужденъ былъ заключить миръ съ своимъ врагомъ въ то время, какъ появилась въ моряхъ Индіи сильная эскадра подъ предводительствомъ знаменитаго Суффрена, славные подвиги котораго нашли себѣ мѣсто во всѣхъ мемуарахъ. Будучи всегда малочисленнѣе англичанъ, находившихся подъ начальствомъ Эдварда Гюйга, менѣе чѣмъ въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ далъ имъ пять славныхъ сраженій и принудилъ отказаться отъ владѣнія морями Индіи. Бюсси показался въ Деканѣ и, не смотря на свою слабость и лѣта, считался грознымъ и непобѣдимымъ.

Знаменитый Гайдеръ-Али умеръ, но сынъ его Типо-Саибъ, хотя и не имѣлъ талантовъ своего отца, вмѣстѣ съ трономъ наслѣдовалъ и отцовскую ненависть къ англичанамъ и былъ еще страшнымъ противникомъ ихъ. Дѣла могли бы принять для насъ прежній оборотъ, и французы могли бы еще утвердить свое преобладаніе въ Индіи, какъ заключенъ былъ Версальскій миръ и, въ ожиданіи нашихъ тріумфовъ, окончательно утверждено было преобладаніе англичанъ на Востокѣ. Этимъ договоромъ оканчиваются наши блистательныя похожденія въ Индіи: французы лишились всякаго вліянія на эту обширную мѣстность, предоставивъ англичанамъ мало-по-малу увеличивать свои владѣнія и неограниченно пользоваться ими.

Отъ индо-французской имперіи, задуманной великимъ Дюплексомъ и частію выполненной имъ относительно большей части Деккана, по Версальскому миру, признавшему независимость Соединенныхъ Штатовъ, осталось за нами едва нѣсколько слѣдующихъ клочковъ земли: Чэндернагоръ, на протяженіи отъ 700 до 800 гектаровъ, Янаонъ въ 200 гектаровъ, Пондишери около 20 или 23 тысячъ гектаровъ, Карикалъ — всего около 12 тысячъ гектаровъ и наконецъ портъ Маге, на Малабарскомъ берегу, съ четырьмя деревушками, въ сложности не болѣе 400 гектаровъ.

Все въ совокупности 36,400 гектаровъ или, круглымъ числомъ, 360 квадратныхъ километровъ или нѣсколько болѣе 23 лье: пространство, населенное двумя стами тридцатью жителями и разбросанное на протяженіи бо́льшемъ шестисотъ лье.

Одинъ изъ параграфовъ Версальскаго мира, не признавая за этими

клочками земли права окружать себя (объ укрѣпленіи не могло быть и рѣчи) ничѣмъ инымъ, кромѣ рвовъ, спеціально назначенныхъ для орошенія, достигъ такого рода результатовъ, что всегда во время войны достаточно было капрала и четырехъ сипайевъ, чтобы земли эти перешли во власть англичанъ. Это случалось въ 1793 и въ 1804 годахъ, послѣ нарушенія Аміэнскаго мира.

Десять лѣтъ спустя, при заключеніи общаго мира, послѣдовавшаго за страшною драмой 1815 года, Франціи предоставлено было на выборъ одно изъ двухъ: или сохраненіе своихъ странныхъ владѣній, или пріобрѣтеніе острова Маврикія. Лордъ Кастелри предложилъ этотъ договоръ нашему министру иностранныхъ дѣлъ. «Кто изъ двухъ, восклицаетъ Викторъ Жакмонъ (Jacquemont), былъ менѣе послѣдователенъ: тотъ ли, кто предложилъ это, или тотъ, кто, имѣя выборъ, отказался отъ острова Маврикія?».

ГЛАВА VI.

ЧИЛИМБАРАМЪ И ЕГО ПАГОДЫ. — ИНДѢЙСКОЕ ЧУДО. — КОМБАКОНУМЪ. — ИНДѢЙСКІЕ МИССІОНЕРЫ. — ФЕНОМЕНЫ ВЪ ИНДІИ. — ТАНДЖОРЪ И ЕГО ДВОРЕЦЪ. — САКАРАНЪ-САГИБЪ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРІЕМЪ. — САРЕРАО-САГИБЪ. — ЛЕГЕНДА. — ОМЕРЗИТЕЛЬНЫЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ. — ОБЕЗЬЯНЫ ВЪ ТРИВОДИ.

Разстояніе между Пондишери и Чилимбарамомъ, или, придерживаясь мѣстнаго произношенія, Чилумбрамъ, — около тридцати девяти миль.

Начиная съ Мунджикопама — дорога становится песчаной и затруднительною, а во время дождей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и вовсе непроходима. Путешественники должны благодарить небо, что оно не заливаетъ юго-восточный берегъ Индіи такъ сильно, какъ бомбейскій, а иначе, куда бы пришлось дѣваться съ телѣгами, запряженными быками, единственнымъ перевозочнымъ средствомъ въ Деканѣ? До сихъ поръ, забившись въ паланкинѣ, какъ черепаха въ свою скорлупу, я наслаждался всѣмъ, что необходимо для комфорта цивилизованнаго человѣка: безопаснымъ кровомъ, разнообразной пищей, всевозможными журналами; кромѣ того, мнѣ не было надобности безпокоиться о дурномъ состояніи дорогъ, обрывистости горъ или стремительности разлившихся потоковъ; за то, во время теперешняго путешествія я не разъ пожалѣлъ о прежнихъ удобствахъ, и мнѣ частенько приходилось призывать всю свою философію, чтобы равнодушно переносить ужасные толчки моей колымаги, влекомой двумя зебу.

Чилимбарамъ — большой городъ, съ широкими улицами, обсаженными кокосовыми деревьями. На самомъ бойкомъ мѣстѣ возвышается главная пагода, посвященная Шивѣ. Четыре гопурамы, — или пирамидальныхъ кирпичныхъ воротъ, — ведутъ въ первую ограду, наружная стѣна которой фланкирована грязными хижинами и бѣдными лавочками. Эти гопурамы, высотою въ семь этажей, самыя древнія изъ

всѣхъ памятниковъ подобнаго рода, украшающихъ различныя пагоды Декана. Густая растительность кристогамій съ ихъ безчисленными развѣтвленіями покрываетъ черными пятнами всю поверхность гопурамъ, что придаетъ имъ замѣчательно-ветхую наружность. Гопурама съ восточной страны совершенно обнажена отъ цѣлой арміи статуй и тысячи скульптурныхъ произведеній, которыми убраны остальныя. Недавняя реставрировка ни мало не прикрасила ихъ въ глазахъ археолога или туриста; что касается меня, то, признаюсь, мнѣ больше нравится видъ древней развалины, потемнѣвшей и полуразрушенной отъ времени, нежели новаго кирпичнаго строенія, въ однообразномъ красномъ цвѣтѣ котораго нѣтъ ровно никакой поэзіи.

Трое остальныхъ воротъ совершенно покрыты голыми статуями, сдѣланными изъ особеннаго рода цемента мелко зернистой извести. Эти статуи выравнены, какъ полкъ на ученьѣ. Особенно замѣчательна юговосточная дверь: головы очковыхъ змѣй, вырѣзанныя въ большомъ числѣ по всей ея поверхности, придаютъ ей изящный видъ, чего остальнымъ положительно недостаетъ.

Высота этихъ гопурамъ не пропорціональна ихъ массивному базису; тотъ же самый недостатокъ существуетъ также, хотя и въ меньшей степени, во всѣхъ большихъ позднѣйшихъ декканскихъ пагодахъ. Это не значитъ, чтобы общіе размѣры были не таковы, какъ слѣдуетъ, но, при видѣ этихъ высокихъ пирамидъ, если онѣ соединены между собою мрачными стѣнами безъ всякихъ украшеній, можно весьма легко вообразить, что находишься посреди развалинъ древнихъ монументовъ, изчезнувшихъ съ поверхности земли, вслѣдствіе какого либо сильнаго разрушенія. Можно подумать, что эти четыре башни, поставленны въ пустынѣ, ибо глазъ не видитъ ни цѣли, ни пользы этихъ обширныхъ грудъ кирпича, которыя на самомъ дѣлѣ служатъ помѣщеніемъ для невидимаго внутренняго святилища. Этого не замѣчается внутри, гдѣ то, что снаружи производитъ собой непріятное ощущеніе, устраняется частію рядомъ колонъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ, частію множествомъ святилищъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ залѣ, соединеніе которыхъ составляетъ собою прекрасное цѣлое.

Четыре столба западныхъ воротъ — истинныя чудеса скульптуры, и многія изъ нихъ покрыты древними надписями. Я ограничусь только тѣмъ, что предшествовало моимъ наблюденіямъ надъ чиламбарамскою пагодою, такъ какъ описаніе ея составляетъ предметъ особой строго научной монографіи, иллюстрированной прекрасными гравюрами.

Я посѣтилъ этотъ памятникъ, 3 февраля 1863 года, въ празднич-

ный день. Во дворѣ храма толпились мужчины и женщины; въ волосахъ у нихъ въ знакъ радости были воткнуты желтые цвѣты чрезвычайно пахучаго растенія, посвященнаго Кришнѣ, черному богу (у индѣйцевъ особенное пристрастіе къ соединенію чернаго и желтыхъ цвѣтовъ). Святоши, съ лицомъ выбѣленнымъ густымъ слоемъ известки, наперерывъ спѣшили падать ницъ передъ входомъ въ святилище: эти набожные люди, повертѣвъ нѣсколько разъ головой вправо и влѣво, подымались, скрестивъ на затылкѣ руки. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ нелѣпыя кривлянья злополучныхъ фанатиковъ, жертвъ слѣпаго суевѣрія.

Отъ времени до времени, священная труба, предназначавшаяся только для праздниковъ главныхъ боговъ, издавала рѣзкіе, нестройные звуки. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой странѣ мелочныхъ отличій, различія установились даже въ формѣ инструментовъ. Такъ напримѣръ, мѣдная труба представляетъ значительное число разнообразныхъ формъ, по величинѣ, рисунку, измѣняющихся не только для каждой касты особо, но и для каждаго употребленія: для богослуженія на праздникахъ высшихъ и низшихъ боговъ, для свадебъ, похоронъ, и т. д.

Наскучивъ пустыми церемоніями, при которыхъ уже не разъ присутствовалъ, я воротился къ своей колымагѣ, стоявшей у сѣвернаго гопурама, и снова отправился по дорогѣ къ югу.

Отъѣхавъ около мили отъ Чилимбарама, мое вниманіе привлечено было маленькою хижиною, окруженною зеленью, около которой толпилась сплошная масса народа. Здѣсь только что совершилось чудо: восемъ дней назадъ, въ этомъ скромномъ убѣжищѣ умеръ одинъ изъ браминовъ, человѣкъ строгой, безукоризненной жизни. Его тѣло покинуло землю, которая разверзлась, чтобы принять драгоцѣнный залогъ. Конечно, въ хижинѣ не было трупа; но кто былъ свидѣтелемъ необычайнаго погребенія? Напрасно я предлагалъ вопросы по этому поводу: никто не могъ дать мнѣ требуемыхъ свѣдѣній. Брамины не задумываются ни надъ какимъ обманомъ, какъ бы онъ ни былъ грубъ, если дѣло идетъ о поддержаніи набожности своихъ единовѣрцевъ и эксплуатированіи ихъ легковѣрія.

Отъ Чилимбарама до Комбаконума мнѣ предстояло проѣхать около сорока семи миль; дорога живописно и красиво оттѣняется мультипліанами и пальмами. Несмотря на то, наемные зебу не могли дѣлать среднимъ числомъ болѣе полуторы или двухъ миль въ часъ; мнѣ рѣдко удавалось проѣзжать три мили. Эти животныя не могутъ выдерживать продолжительной ѣзды рысью, и самое большое что они въ состояніи

Мужскіе и женскіе типы сингалезцевъ.

дѣлать этимъ аллюромъ — отъ пяти до семи миль; быстрота хода ихъ еще болѣе уменьшается, если приходится, какъ въ данномъ случаѣ прибѣгать къ зебу, доставленнымъ по приказанію властей, и набраннымъ силой у земледѣльцевъ, сообразно великому правилу, такъ много проповѣдываемому англичанами—уваженію личной собственности.

Комбаконумъ находится въ двухъ миляхъ отъ бунголоу путешественниковъ; это маленькій городокъ, застроенный множествомъ пагодъ. Съ вершины большаго гопурама главнаго храма можно полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на дельту Кавери; вдали зеленѣютъ прекрасныя рисовыя плантаціи, прорѣзанныя тамъ и сямъ группами пальмовыхъ деревьевъ. Равнина рѣдко имѣетъ живописный видъ, однако, я не помню, чтобы я, во все время моихъ долгихъ путешествій, наслаждался зрѣлищемъ болѣе волшебнымъ, чѣмъ этотъ необозримый горизонтъ, гдѣ кокосовые лѣса, поля, покрытыя яркою зеленью, храмы, опоясанные массивными башнями, всевозможныя колонады, представляютъ картину полную прелести и гармоніи.

Главная Комбаконумская пагода посвящена Сарангабани (одно изъ именъ, производныхъ отъ «Рами»). Передъ храмомъ, какъ это мы уже замѣтили еще въ Магабалипурѣ и въ Конджеверамѣ, находится каменный жертвенникъ на четырехъ столбахъ. Здѣсь въ большіе праздники зажигаютъ священный огонь, почитаніе котораго предписывается книгами Веды (par les Vedas); въ тоже самое время зажигается огонь и въ верхнемъ этажѣ гопурама, для того чтобъ вѣрные могли видѣть его издали.

Подлѣ этого мандапама, подъ обширной конической соломенной крышей, находится древняя деревянная колесница съ массивными колесами; покрывающая ее скульптура скрывается подъ густыми столбами дыма и пыли. Эта деревянная повозка назначена для того, чтобы возить по временамъ бога Сарангабани среди почитающаго его народа.

Храмъ Рамы, въ Комбаконумѣ, имѣетъ всего одинъ гопурамъ въ одинадцать этажей и съ одинадцатью же шарами сверху; различныя стороны этой парамидальной башни уставлены статуями; однѣ изъ нихъ, помѣщающіеся въ первомъ этажѣ, естественной величины, величина же прочихъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше онѣ помѣщаются.

Этотъ гопурамъ, по обширнымъ своимъ размѣрамъ и по множеству украшающихъ его статуй, привлекаетъ вниманіе путешественника; но если проникнуть во внутрь его, тамъ не найдешь ничего замѣчательнаго. Видъ въ немъ еще ограниченнѣе обыкновеннаго, на право возвышается мандапамъ, гдѣ не насчитывается даже и сотни колонъ грубой

орнаментуры. Святая-святыхъ весьма проста, также какъ и въ большинствѣ декканскихъ пагодъ.

На первый взглядъ кажется весьма страннымъ, что самое святилище, гдѣ тщательно установленъ идолъ, предметъ почитанія не одного милліона поклонниковъ, не представляетъ собою ничего замѣчательнаго, тогда какъ шультры, мандапамы, пруды, гопурамы отличаются обиліемъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ роскошныхъ украшеній. Здѣсь все сведено къ тому, чтобы поразить своею внѣшностію. Святилища эти, которыя мы видимъ окруженными множествомъ концентрическихъ круговъ, вмѣщающихъ въ себѣ столько нагроможденныхъ въ безпорядкѣ построекъ, какъ справедлво замѣтилъ Фергюссонъ, обязаны своимъ обильнымъ украшеніемъ какому-то особому уваженію къ святынѣ. Вѣрные не желали и не смѣли прикасаться къ храму, отличающемуся въ ихъ глазахъ преимущественно предъ другими своею святынею; они всѣми силами старались воздвигнуть вокругъ предмета своего суевѣрія постройки болѣе или менѣе обширныя и болѣе или менѣе украшенныя, насколько конечно позволяли имъ средства, которыми они располагали. Налѣво отъ пагоды Сорангабани, считающейся наиболѣе значительной по своему обширному гопураму и по множеству посѣщающихъ ее богомольцевъ, находится дверь, ведущая въ храмъ Шивы. За оградами этихъ двухъ святилищъ находится прекрасный прудъ Шивы, въ которомъ купаются индусы. Въ извѣстный день, повторяющійся каждые двѣнадцать лѣтъ, купанье въ этотъ день, по ихъ понятію, имѣетъ драгоцѣннѣйшее свойство очищать ихъ душу отъ всякаго грѣха.

Прудъ этотъ носитъ имя Мага-Коламъ. На другой сторонѣ находится другой храмъ Шивы, котораго гопурамы менѣе высоки и не такъ украшены, какъ въ храмѣ Рамы; но онъ окруженъ прекрасною стѣною, на которой размѣщены *нанду* (быки), занимаетъ обширное пространство и, какъ кажется, хорошо содержится. Его святилище расположено такъ, что только однажды въ годъ, въ извѣстный день, солнечные лучи, проникая до глубины длинной и мрачной галереи, находящейся передъ жертвенникомъ, падаютъ на изображеніе божества.

Проѣзжая по юго-восточной Индіи, я былъ удивленъ видомъ колосальныхъ построекъ въ странѣ, гдѣ населеніе, правда, велико, а прежде было и еще больше, но которое никогда не имѣло слишкомъ важнаго политическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ во всемъ свѣтѣ не найдется столько храмовъ, и многіе изъ нихъ по величинѣ, массивности постройки и работѣ могутъ соперничать съ самыми великими памятниками Египта.

Интересно было бы познакомиться съ подлинными лѣтописями, излагающими подробную исторію Декана. Къ сожалѣнію, и эта часть Индіи раздѣлила общую участь провинцій, лежащихъ по Гангу: для того чтобы установить хронологію всѣхъ индѣйскихъ земель, исключая острова Цейлона и Кашмирскаго царства, пришлось бы предаться продолжительному и трудному изученію надписей, отрытыхъ подъ вѣковыми развалинами, равно какъ скучному сравненію мѣдныхъ досокъ, на которыхъ государи записывали уступки земель, дѣлаемыя въ пользу своихъ подданныхъ.

Согласно древнѣйшимъ и наиболѣе вѣроятнымъ преданіямъ, тамульская нація, насчитывающая нынѣ отъ семи до восьми милліоновъ жителей и занимающая юго-восточную часть великаго Деканскаго полуострова, раздѣлялась прежде на три отдѣльныя государства, которыя назывались по именамъ царствовавшихъ въ нихъ династій: Чоласъ, Пандіасъ и Шевасъ. Эти государства процвѣтали и имѣли уже свою цивилизацію за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры, въ чемъ можно удостовѣриться изъ вполнѣ заслуживающихъ довѣрія цейлонскихъ лѣтописей.

- Королевство Пандіанское (Pondionis regio, Птоломея) обязано своимъ названіемъ вѣтви Пандхавасъ сѣверной Индіи; оно было самое южное изъ всѣхъ и простиралось отъ рѣки Кавери до мыса Комарина; въ этихъ границахъ оно оставалось до покоренія его англичанами. Самый цвѣтущій періодъ его повидимому относится къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. При описаніи знаменитыхъ памятниковъ Мадуры, намъ представится случай снова поговорить о немъ.

Королевство Чоласъ обнимало страну, лежащую на сѣверъ отъ предъидущей, до окрестностей Мадраса. Какъ кажется, наибольшей степени могущества оно достигаетъ въ продолженіе десятаго и двѣнадцатаго вѣка. Въ эту эпоху Чоласы увеличили свою территорію и раздвинули завоеванія до Эллоры; но затѣмъ они подпали подъ власть мусульманъ, потомъ марратовъ. Сооруженіе чиламбарамской пагоды, восходящее къ 1000 л. по Р. Х., слѣдуетъ приписать династіи Чоласовъ.

Что касается до Шевасъ, то они всегда уступали своимъ сосѣдямъ въ силѣ и числѣ; завоеванные около десятаго вѣка Чоласами, они подпали потомъ подъ власть Майсурскихъ раджей. Часть страны, занятая ими, лежала къ западу отъ Мадуры.

Отъ Комбаконума до Танджора, на разстояніи двадцати трехъ миль, дорога идетъ по плодородной странѣ; вездѣ отличныя рисовыя план-

таціи и тщательно-обработанныя поля. Провинція Танджоръ славится разнообразіемъ своихъ произведеній.

На дорогѣ я встрѣтился съ богомольцемъ, который несъ *кауди*, родъ тюка, изъ двухъ полукруговъ: отстоящихъ другъ отъ друга отъ пятнадцати до двадцати центиметровъ и прикрытыхъ красной матеріей, убранной сверху цвѣтами и колокольчиками; по концамъ бамбука, на которомъ несли этотъ драгоцѣнный ex-voto, висѣли два горшка съ молокомъ; богомолецъ далъ обѣтъ пронести ихъ до Самимале, небольшаго городка въ окрестностяхъ Комбаконума, и вылить ихъ на бога пагоды. Говорятъ, что здѣсь не рѣдкость, если богомольцы идутъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ кауди, причемъ обязаны соблюдать, чтобы, во время перехода, молоко не свернулось, не уменьшилось въ количествѣ, хотя бы часть его была разлита дорогою. Кромѣ того, богомолецъ обязанъ совершить путешествіе не ѣвши, для чего и ротъ у него забитъ тряпками; пить, впрочемъ, дозволяется. Если чудо не совершается, значитъ — душа его осквернилась какимъ нибудь дурнымъ помышленіемъ. Въ наказаніе онъ долженъ откусить себѣ зубами языкъ и смиренно положить его къ ногамъ идола для искупленіе своего грѣха. Но, о чудо! черезъ восемь дней совершеннаго безмолвія, языкъ снова отрастаетъ въ награду за чистосердечное раскаяніе и жертву пріятную божеству. Вотъ вамъ еще одинъ изъ ловкихъ фокусовъ, которыми смиренно набожные брамины эксплуатируютъ суевѣріе низшихъ классовъ и привлекаютъ къ себѣ всевозможные роды жертвоприношеній. Читатель, повѣрь мнѣ, они умѣютъ извлекать пользу. Индія — классическая земля плутовства и обмановъ; удаются они превосходно, а жрецы не пропускаютъ удобнаго случая поспекулировать на счетъ кошелька бѣдныхъ фанатиковъ.

Въ Танджорѣ я остановился у преподобнаго отца Кравана, апостолическаго миссіонера, принявшаго меня съ добродушіемъ и простотою древнихъ патріарховъ. Во время путешествій моихъ по Америкѣ, Азіи и Африкѣ, я всегда встрѣчался съ удовольствіемъ и не безъ нѣкотораго волненія, вдали отъ цивилизованныхъ странъ, съ этими великодушными, самоотверженными христіанами, которые вносятъ первыми свѣточъ прогресса въ среду дикихъ народовъ и стараются всѣми силами искоренить нелѣпые предразсудки, принимаемые невѣжествомъ на вѣру. Это безкорыстные апостолы, расчищающіе путь цивилизаціи. Честь имъ и слава.

Къ сожалѣнію, усилія ихъ не всегда вознаграждаются какъ бы слѣдовало. Съ давнихъ поръ значительное число индусовъ считается ка-

толиками, или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себѣ за католиковъ, но усердія къ вѣрѣ въ нихъ мало, и, молясь христіанскому Богу, они сохраняютъ въ тоже время въ душѣ привязанность къ идоламъ браминскаго пантеона. По ихъ мнѣнію, Іисусъ Христосъ такой же Богъ, какъ Вишну, Шива, Кали и прочія божества ихъ предковъ. Да развѣ мы не видимъ къ тому же, что даже язычники молятся, простершись ницъ въ католическихъ церквахъ, если любимый ихъ идоль не исполнитъ того, о чемъ они просятъ! Въ отношеніи обращеній, слѣдуетъ признаться, къ крайнему сожалѣнію, что они чрезвычайно рѣдки; нравственная сторона миссіонеровъ различныхъ христіянскихъ сектъ и доброта характера привлекаютъ общее уваженіе, но вліяніе ихъ на страну и идеи народа, къ несчастію, почти совершенно ничтожно. Католическая религія, благодаря пышности красивыхъ церемоній, имѣетъ, по нашему мнѣнію, гораздо больше условій на успѣхъ, чѣмъ холодный англиканизмъ. «Ну, что вамъ за польза проповѣдывать свою вѣру? — говорилъ одинъ индусъ миссіонеру; вѣдь и передъ вами были такіе же люди и говорили тѣже самые слова, что и вы. А развѣ мы бросили своихъ идоловъ? нѣтъ! Мы знаемъ сами, что толку отъ нихъ мало, но голосъ міра, милостивый государь, голосъ міра!» Миссіонеры часто обязаны выслушивать жалобы противъ правительства, такъ какъ ихъ считаютъ его агентами, обязанными заботиться о нуждахъ страны. Индѣйцы, не принадлежащіе къ кастамъ, охотнѣе прочихъ туземцевъ обращаются въ христіанство; хотя они теряютъ при перемѣнѣ меньше чѣмъ высшіе классы, однакоже и они не могутъ болѣе разсчитывать на дружбу и поддержку прочихъ единовѣрцевъ своихъ, не могутъ болѣе принимать участія въ священныхъ обрядахъ, не имѣютъ болѣе права мѣшаться въ празднества и довольно свободнаго свойства увеселенія, допускаемыя браманическимъ культомъ. Да и зачѣмъ мѣнять религію? Ради какого-то неизвѣстнаго бога, предписывающаго строгое воздержаніе, и служители котораго не въ состояніи изцѣлять болѣзни? Къ несчастію, тѣ, кто отрекается отъ заблужденій идолопоклонства, дѣлаютъ съ цѣлью получить награды или покровительство.

Говорили довольно часто объ обращеніяхъ, совершенныхъ святымъ Ѳомою на Коромандельскомъ берегу; исторія вовсе не выдаетъ за достовѣрный фактъ пребываніе апостола Христова въ Индіи; думаютъ, что проповѣдь слова Божія, которую приписывали до сихъ поръ святому Ѳомѣ, была дѣломъ одного купца, по имени Ѳома, приходившаго къ тамуламъ въ девятомъ вѣкѣ и получившаго отъ царей Пандіанскихъ привиллегіи въ пользу христіанской церкви. Съ другой

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Типы сингалезцевъ:

Средняго сословія. Высшаго сословія.

или, скорѣе, ужасомъ суевѣрные умы нашихъ предковъ. Иллюзія совершенно полна, я могу засвидѣтельствовать фактъ, въ качествѣ очевидца. Солнце садилось за горизонтъ, с ѳгка подернутый небольшими облаками; на востокѣ густыя и темныя тучи заволокли небо, сохранившее въ зенитѣ лазурную чистоту свою. При внезапно-разразившейся грозѣ, я увидѣлъ сначала какъ будто огненный дождь; мнѣ казалось, что искры зажгутъ землю. Не успѣло солнце скрыться совершенно за горизонтъ, какъ сверкающій, огненный блескъ водяныхъ капель преобразился въ густой красный, имѣвшій съ виду совершенное сходство съ кровью. Это явленіе, служившее, какъ полагали древніе, предвозвѣстникомъ страшныхъ бѣдствій, происходитъ вслѣдствіе отраженія солнечнаго цвѣта подъ извѣстнымъ угломъ паденія.

Есть еще и другой оптическій феноменъ, нерѣдкій на нѣкоторыхъ песчаныхъ дорогахъ Индіи. Пѣшеходы кажутся охваченными пламенемъ, точно грѣшныя души въ чистилищѣ. Облако густой желтой пыли, которую они поднимаютъ ногами, производитъ при освѣщеніи солнцемъ эту странную иллюзію, вслѣдствіе преломленія лучей. Въ подобную минуту можно вообразить, что участвуешь вмѣстѣ съ Дантомъ въ отважномъ путешествіи, спускаешься вмѣстѣ съ нимъ въ глубину ада и присутствуешь при мукахъ несчастныхъ, осужденныхъ горѣть въ вѣчномъ огнѣ.

Во время моего пребыванія въ Индіи 1863 г., желѣзная дорога соединяла уже Негопатамъ съ Танджоромъ и Трихинополемъ, размножая въ этихъ мѣстностяхъ сообщенія, торговлю и богатство. Негопатамъ сдѣлался теперь важнымъ портомъ: каждый день сюда приходитъ значительное число джонокъ и индѣйскихъ судовъ, нагруженныхъ различными продуктами; этотъ портъ производитъ дѣятельную торговлю съ Короманделькимъ и Малабарскимъ берегами. Тамулы — хорошіе моряки, и въ этомъ отношеніи разнятся отъ прочихъ народовъ восточнаго берега Индіи, особенно отъ сингалезцевъ, своихъ сосѣдей. Когда я присутствовалъ на Цейлонѣ при ловлѣ жемчужныхъ раковинъ, то сильно дивился, почему ни одно мѣстное судно не участвуетъ въ этомъ выгодномъ промыслѣ: люди и джонки принадлежали къ различнымъ портамъ противоположнаго континента, отъ Негопотама до мыса Комарина.

Въ Негопотамѣ существуетъ цѣлая каста рыбаковъ, живущая исключительно крабами и рисомъ. Способъ, которымъ они ловятъ этихъ ракообразныхъ, довольно интересенъ и заслуживаетъ особаго вниманія. Вооружившись длинной палкой, на концѣ которой привязанъ рядъ ра-

ковинъ, они потряхиваютъ ими передъ входомъ въ нору, гдѣ прячутся эти животныя; шумъ привлекаетъ ихъ, и они спѣшатъ выйти, чтобы посмотрѣть какая тому причина. Но ихъ здѣсь ждетъ наказанное любопытство: рыбаки пользуются неосторожностью крабовъ и прокалываютъ ихъ острымъ крючкомъ, снабженнымъ въ тоже время зацѣпомъ.

Танджорская станція построена внѣ англійскаго города, въ разстояніи болѣе мили отъ туземнаго форта. Конструкція форта относится ко временамъ найякирской династіи древнихъ царей Танджора, но впослѣдствіи онъ былъ увеличенъ маратскими завоевателями. Его составляютъ двѣ стѣнныя ограды: первая,—вся каменная, низка и зубчата; вторая,—одѣтая изнутри земляными укрѣпленіями, и прорѣзана амбразурами для пушекъ. Наружная ограда обнесена широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, гдѣ плаваютъ нѣсколько толстыхъ крокодиловъ, которые прежде тщательно откармливались раджами, смотрѣвшими на нихъ какъ на неподкупныхъ стражей города.

Въ одномъ изъ бастіоновъ второй ограды мое вниманіе было привлечено колоссальными размѣрами пушки; въ ней заключается не менѣе семи метровъ пятидесяти центиметровъ длины и трехъ метровъ въ окружности; діаметръ дула въ шестьдесять три центиментра. Пушка состоитъ изъ желѣзныхъ полосъ, скованныхъ вмѣстѣ и скрѣпленныхъ мѣдными ободами. Индѣйцы называютъ ее Раджа-Гопала (одно изъ именъ Голубаго бога, или Вишну); въ извѣстное время года ей воздаются почести какъ генію-хранителю форта. Можно опасаться, что этотъ богъ не будетъ такъ страшенъ для враговъ, какъ для тѣхъ, которые, полагаясь на него, вздумали бы пустить его въ дѣло. Говорятъ, что изъ пушки разъ уже стрѣляли, но опытъ показалъ, что гораздо благоразумнѣе не возобновлять попытку, а огромное каменное ядро, оставленное подлѣ орудія, свидѣтельствуетъ о свойствѣ снарядовъ, бросаемыхъ Раджею-Гопаломъ.

Внутри ограды форта живетъ болѣе двадцати тысячъ жителей. Тутъ же находится царскій дворецъ, громаднѣйшее соединеніе разнообразныхъ построекъ, связанныхъ между собою темными переходами, и пагода, которую послѣдній властитель обагрялъ кровью человѣческихъ жертвъ.

Подлѣ главнаго форта, въ сторонѣ, стоитъ отдѣльно другой, поменьше, сооруженный въ 1777 году французскимъ инженеромъ; въ его стѣнахъ заключается великолѣпная пирамидальная пагода, славящаяся во всемъ Деканѣ. Второй фортъ называется Севингви-Коттей: Севинг-

ви — названіе одного изъ внутреннихъ прудовъ, Коттей — значитъ цитадель.

Черезъ двое кирпичныхъ воротъ проникаешь въ обширную пагоду, посвященную Врыхатисварану (всемогущій властелинъ — одно изъ именъ Шивы). Верхняя часть дверей окаймлена шарами: дверей этихъ пять, по числу слоговъ, заключающихся въ священномъ изрѣченіи Slaviya nama, воззваніе къ Шивѣ. По бокамъ вторыхъ дверей находятся статуи съ грубыми головами и съ четырьмя руками, изъ которыхъ двѣ, какъ бы приглашаютъ вѣрныхъ войти въ священное мѣсто, тогда какъ двѣ другія заставляютъ принять положеніе, сообразное съ святынею его: поза и выраженіе лица этихъ стражей храма невольно напоминаютъ европейцу о тѣхъ гаерахъ, которые съ высоты эстрады, ведущей къ ихъ странствующему театру, кричатъ прохожимъ: «Войдите, войдите; подивитесь небывалыми чудесами!».

Ворота эти не высоки; они расписаны полукругами въ видѣ вѣера, украшены розетками, цвѣтами лотуса, раковинами, фигурами, но въ общемъ не представляютъ ничего замѣчательнаго, какъ относительно величины и матеріала, изъ котораго они сдѣланы, такъ и относительно живописи и вообще работы.

У входа въ великую пагоду стоитъ небольшой мандапамъ, котораго колоны, изъ цѣльнаго камня, выбѣлены мелкозернистою известкою по нелѣпой модѣ индѣйцевъ, воображающихъ, что очень красиво, когда камень исчезаетъ подъ разноцвѣтными слоями; на колонахъ высѣчены выпуклымъ кругомъ чудовища, готовые соскочить съ своихъ пьедесталовъ на защиту бога отъ всякаго грѣховнаго прикосновенія. Этотъ богъ — колоссальный быкъ, въ небрежно-лежащемъ положеніи съ головою повернутою къ святой святыхъ; онъ представляетъ величайшій и лучшій образчикъ *нанду*, существующихъ въ Индіи, и изсѣченъ изъ глыбы сіенита. Животное, не смотря на множество противорѣчій, возникшихъ по этому поводу, дѣйствительно имѣетъ четыре ноги, какъ подобаетъ всякому честному четвероногому; три совершенно явственны, а четвертой видно только копыто, выглядывающее изъ подъ брюха. Еслибъ у него было три ноги, какъ мнѣ случилось читать, не помню въ какомъ описаніи, то какже бы могъ онъ ходить пастись каждый вечеръ на зеленыхъ лугахъ, окружающихъ Танджоръ? Ни одинъ индусъ-шиваитъ не сомнѣвается въ ночныхъ прогулкахъ нанду, не смотря на легкость провѣрки точности или неточности факта. Они предпочитаютъ лучше вѣрить, чѣмъ идти смотрѣть.

Въ окрестностяхъ Танджора, даже въ окружности на сто миль, нѣтъ

ни одной скалы той же породы, изъ какой изваянъ священный быкъ; на этомъ основанiи индусскiя преданiя, столь жадныя до всего необыкновеннаго, говорятъ, что животное приведено было въ храмъ будучи маленькимъ теленкомъ, но стало рости такъ быстро, что брамины, испуганные колоссальными размѣрами, которыхъ онъ грозилъ достигнуть, забили ему въ голову гвоздь, чтобы остановить ростъ. Они боялись, что придется, пожалуй, перестраивать мандапамъ въ большихъ размѣрахъ, а это можетъ вовлечь въ расходы, а потому благоразумнѣе избавиться отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе животное пользуется превосходнымъ здоровьемъ, въ чемъ убѣдиться можетъ всякiй вѣрующiй собственными глазами.

Нанду изваянъ прекрасно; къ сожалѣнiю, онъ постоянно вымазанъ слоемъ гхи (разрѣженное коровье масло) или кокосоваго масла, на томъ основанiи, что съ каменными изображенiями, лингамами и прочими фетишами, обращаются такъ, какъ будто они ощущаютъ потребности жизни. Но здѣсь не излишне замѣтить, что въ числѣ гигiеническихъ мѣръ, принятыхъ индѣйцами, самая повсемѣстная и спасительная заключается въ вымазыванiи тѣла послѣ омовенiй какимъ нибудь жирнымъ продуктомъ, который бы могъ замѣнить натуральное выдѣленiе соковъ наружной оболочки.

На стѣнѣ ограды этой пагоды, на право, по направленiю къ глубинѣ, изображена галерея поддерживающая колоны и представляющая наимногочисленнѣйшiя коллекцiи лингамъ, какихъ я не видывалъ ни въ одномъ храмѣ. Мѣстами эта галерея пересѣкается небольшими святилищами, въ глубинѣ которыхъ сдѣланы барельефы, изображающiе боговъ, покрытыхъ елеемъ, постоянное обилiе котораго показываетъ ревностное благочестiе ихъ почитателей.

Между маленькой мандапамой, жилищемъ нанду, и святилищемъ, возвышается мачта съ маленькими колокольчиками, звукомъ которыхъ священнодѣйствующiй браминъ сзываетъ набожный народъ къ общественнымъ молитвамъ и церемонiямъ.

Передъ пагодой, расположенной въ центрѣ ограды, находится мрачный и узкiй проходъ съ плоской кровлей, поддерживаемой столбами; на кубическомъ каменномъ базисѣ, архиректура котораго отличается отъ архитектуры прочей части зданiя наибольшею простотою, возвышается обширная пирамида. Танджорскiй храмъ имѣетъ особый видъ отличающiй его отъ прочихъ декканскихъ пагодъ. Цокль имѣетъ около двадцати восьми, а башня въ вышину до восьмидесяти восьми метровъ: тутъ такъ разсчитано, чтобы тѣнь отъ вершины башни не падала никогда за ба-

зазисъ, условіе, которому индусы придаютъ, повидимому большую необходимость.

Замковымъ камнемъ свода служитъ огромная глыба гранита, взятая, какъ говорятъ, изъ сада пастуха деревни Веллюръ Сараполлюмъ, въ трехъ миляхъ отъ Танджора, по дорогѣ въ Комбаконумъ; она была помѣщена на чудовищную высоту, на которой находится, посредствомъ наклонной плоскости, составленной изъ связанныхъ между собою прутьевъ бамбука, въ родѣ того, какъ устраиваются настилки для моста, такъ что она могла скользить по ней. Индусы утверждаютъ, что эта наклонная плоскость начиналась въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдена была глыба, и подымалась до самой вершины башни; но, не останавливаясь на сказочной легендѣ, мы имѣемъ болѣе основанія предполагать, что она была перевезена къ храму на одной изъ тѣхъ древнихъ колесницъ, въ которыя впрягается толпа фанатиковъ, и затѣмъ поставлена была на занимаемое ею мѣсто посредствомъ значительно наклонной плоскости. Этотъ способъ поднятія огромныхъ камней на значительную высоту еще доселѣ въ употребленіи въ Индіи. (Извѣстно, по сочиненіямъ Геродота, что египтяне употребляли подобный же способъ при постройкѣ своихъ памятниковъ). На гранитной глыбѣ была заложена кирпичная сфера съ мѣднымъ шаромъ на верху.

Украшенія, покрывающія бока пирамиды, сдѣланы изъ шунама *); всѣ статуи исписаны или вѣрнѣе испещрены самыми яркими красками; это во вкусѣ послѣдняго царя, при которомъ были онѣ исполнены; наконецъ), ихъ формы и позы вполнѣ нелѣпы, и въ нихъ нѣтъ ничего граціознаго.

Не смотря на растительность, которая начала уже покрывать черными пятнами даже самую башню и скрывать мало артистическія подробности скульптуры **), встрѣчается еще тамъ и сямъ красный цвѣтъ кирпича, что непріятно дѣйствуетъ на глаза.

Изъ произведеній скульптуры, находящихся при входной двери, я упомяну о стражахъ, подобныхъ тѣмъ, которые украшаютъ фасадъ втораго гопурама. Вокругъ каменнаго цокля, сдѣлана надпись на древнемъ тамульскомъ нарѣчіи, по характеру своего алфавита имѣющемъ много сходства съ телугійскимъ; нѣкоторые ученые брамины утверждаютъ, что онѣ касаются исторіи Танджора и его королей.

---

*) Этотъ chounam имѣетъ часто блескъ самаго лучшаго гипса, особенно если онъ сдѣланъ изъ перезженныхъ мадрепоръ, смоченыхъ, вмѣсто воды, молокомъ кокосоваго орѣха.

**) Особенно много замѣчается опахалъ, столь обильно употребляемыхъ индусами при украшеніи храмовъ.

Если вѣрить преданію, зданіе это существуетъ съ четырнадцатаго столѣтія и построено было въ царствованіе Каду-веттія-Сарани (Kaduvettiya-Sarani), одного изъ царей Капхикурамы (тамульское названіе Конджеверама). При входѣ казалось очевиднымъ, что храмъ этотъ Вишны, но за тѣмъ не много далѣе онъ измѣняется на столько, что не бываетъ никакого сомнѣнія, что въ немъ свершается служеніе Шивѣ.

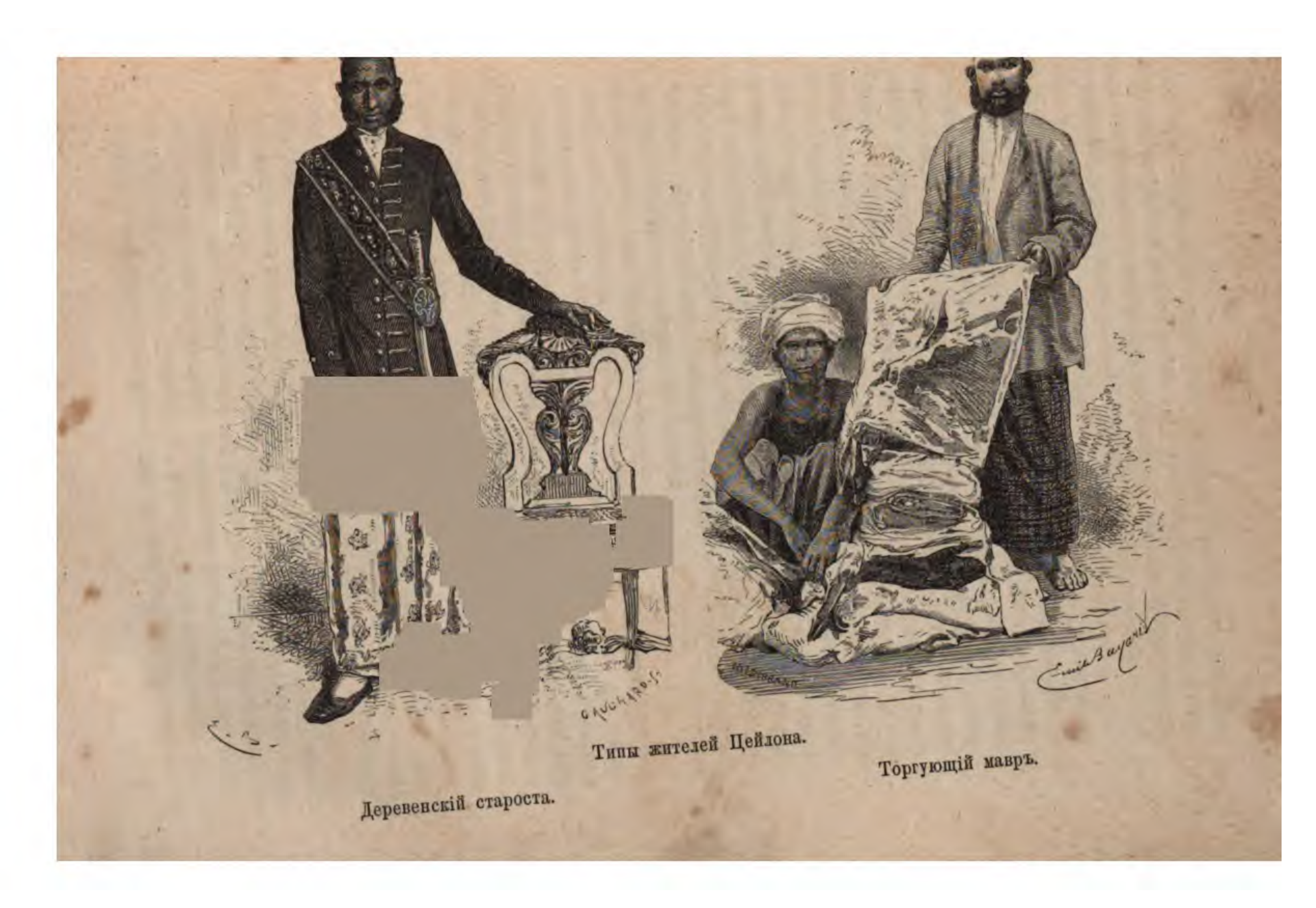
Посреди огромной пирамиды, по правую сторону, находится одинъ изъ наилучшихъ образчиковъ видѣнныхъ мною тамульскихъ храмовъ; онъ назначенъ для служенія Субраманѣ или богу-Павлину, индѣйскому богу войны. Какъ во многихъ декканскихъ святилищахъ, къ «святая-святыхъ», находящейся на верху обширной пирамидальной башни, ведетъ длинная темная и узкая лѣстница, поддерживаемая пилястрами. При входѣ въ притворъ, видны два столба, каждая сторона которыхъ украшена статуей человѣка съ когтями на ногахъ, съ бородой и усами: произведеніе индусской скульптуры.

Весь цокль храма Субраманы (Subramanya), или вѣрнѣе вся та часть, которая находится на равнѣ съ кровлею притвора, необыкновенной работы, вся изъ гранита и тщательно украшена. Статуи — каменныя, повсюду изображеніе павлиновъ, характеризующихъ это божество; изящное изваяніе этой прекрасной птицы какъ нельзя болѣе увеличиваютъ собою прелесть орнаментуры. Прибавлю, что пирамида покрыта всецѣло *шунамой*.

Храмъ этотъ верхъ совершенства; его размѣры изящны, подробности гармоничны и скульптура вполнѣ артистическая. Одинъ только красный цвѣтъ кирпича, изъ котораго выведены пирамиды, кладетъ нѣкоторую тѣнь на прелесть картины.

На право, противъ стѣны храма Субраманы, я замѣтилъ прекрасный каменный бассейнъ, украшенный фигурами танцовщицъ, высокими по своему исполненію. Этотъ бассейнъ снабжается водою, служившею для умовенія боговъ; такимъ образомъ вѣрные собираютъ съ благоговѣніемъ эту драгоцѣнную для нихъ жидкость. Въ той же самой оградѣ помѣщаются два небольшихъ капища, посвященныя божествамъ низшаго разряда; но они не представляютъ собою ничего замѣчательнаго.

При выходѣ изъ пагоды, я увидѣлъ двухъ маленькихъ слоповъ, пожирающихъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ цѣлую гору зелени, наваленную передъ ними; это стражи при входныхъ дверяхъ. Они имѣютъ опредѣленную роль въ торжественныхъ процессіяхъ, и брамины не брезгаютъ отдавать ихъ на прокатъ зажиточнымъ индусамъ для брачныхъ церемоній; это довольно прибыльный для нихъ источникъ дохода.



Типы жителей Цейлона.

Деревенскій староста.

Торгующій мавръ.

Великій танджорскій храмъ мало посѣщается теперь индусами. Шива въ настоящую минуту не въ ходу въ этой части Декана, и брамины, съ которыми я имѣлъ случай говорить, жалуясь на людское непостоянство даже въ дѣлѣ религіи, признавались мнѣ, что можетъ быть скоро придется совсѣмъ закрыть храмъ.

Распростившись съ пагодой, я отправился во дворецъ, построенный въ началѣ этого вѣка однимъ богатымъ индусомъ и сдѣлавшійся теперь собственностью наложницъ царя. Общее распредѣленіе, одинаковое во всѣхъ большихъ домахъ Индіи, не удобно: обширныя сводчатыя залы вымазаны легкой известкой, напоминающей съ виду гипсъ, и опираются на массивныя колоны, имѣющія вмѣсто капители кольцо, нарисованное красками, растертыми на водѣ съ клеемъ. Даже полъ оштукатуренъ известкой, отлично поддѣланной подъ мраморъ. Чистота безукоризненна, но общій видъ тяжелъ и неграціозенъ. Нѣкоторыя изъ комнатъ снабжены окнами со ставнями, гдѣ продѣланы небольшія дырочки, позволяющія смотрѣть на улицу и въ тоже время не быть самому видимымъ. Однѣ и тѣ же комнаты служатъ для всякаго употребленія — спальней, столовой и пріемной. Кромѣ оконъ на улицу, залы имѣютъ еще квадратныя отверстія на внутренній дворъ. Въ глубинѣ зданія есть еще другой дворъ, средина котораго занята жертвенникомъ; передъ нимъ совершаютъ моленія живущіе въ домѣ, а въ галереяхъ, выстроенныхъ вокругъ двора, живутъ женщины, такъ что онѣ выполняютъ назначеніе дортуара и салона. Третій дворъ предназначенъ для прислуги. Подобно всѣмъ восточнымъ жилищамъ, дворецъ представляетъ курьозную смѣсь отличныхъ покоевъ, меблированныхъ шелковыми подушками и превосходными зеркалами, темныхъ и узкихъ коридоровъ, грязныхъ и дурно содержанныхъ комнатъ, и жалкихъ лачугъ, кое-какъ крытыхъ соломою. Съ террасъ видъ обширный и панорама великолѣпна.

Въ одной изъ залъ нижняго этажа, я замѣтилъ барельефъ, представляющій двухъ крылатыхъ ангеловъ, парящихъ надъ индусскимъ богомъ. Безъ сомнѣнія, въ Деканѣ былъ какой нибудь христіанскій художникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Послѣ того я отправился съ визитомъ къ Сакаранъ-Сагибу, маратскому принцу, бывшему дважды зятемъ Сиваджи, послѣдняго танджорскаго царя: по смерти первой жены, онъ женился на младшей сестрѣ, теперешней наслѣдницѣ Танджорской маратской династіи.

Сакаранъ-Сагибъ, заявляющій претензіи на престолъ своего тестя, открыто высказываетъ предпочтеніе французамъ, въ надеждѣ, хотя

мало основательной, получить помощь отъ нашего правительства; мнимо-царственный пріемъ, оказанный ему однимъ изъ губернаторовъ Пондишери, поддерживаетъ въ немъ эту иллюзію. Меня онъ принялъ чрезвычайно ласково и называлъ старымъ другомъ, конечно ради требованій политики. При видѣ туриста, объѣзжающаго Индію рысцей на парѣ зебу, бѣдный принцъ, въ простодушномъ невѣдѣніи Запада, думалъ, что видитъ передъ собою одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ Наполеона III! Обратившись ко мнѣ по англійски съ привѣтствіемъ и выразивъ живѣйшее сожалѣніе о своемъ незнаніи *прекраснаго* французскаго языка, онъ разсыпался въ пышныхъ похвалахъ *своему другу великому Наполеону:* послѣ тысячи изворотовъ, онъ кончилъ конфиденціальнымъ порученіемъ къ е. в. императору французовъ. Я отвѣчалъ увѣреніями во всевозможной преданности; до сихъ поръ секретъ его хранится мною свято и рискуетъ никогда не вырваться изъ моихъ устъ.

Хитрый политикъ нашъ, довольный такою дипломатическою конференціею, распростился со мной по индѣйской модѣ. «Мой домъ—вашъ домъ, сказалъ онъ мнѣ съ восточною утонченною вѣжливостью, и всякій разъ, какъ вамъ будетъ угодно меня посѣтить, я буду считать себя весьма счастливымъ». Обращаясь ко мнѣ съ этимъ комплиментомъ, онъ налилъ мнѣ на пальцы нѣсколько капель *аттара* (розовой эссенціи) и надѣлъ на шею огромную гирлянду изъ цвѣтовъ, украшенную металлическими блестками. Въ этомъ шутовскомъ видѣ, я могъ бы напомнить каждому парижанину масляничнаго быка или, по крайней мѣрѣ, одного изъ дѣйствующихъ лицъ принадлежащихъ къ его кортежу. На нѣсколькихъ подносахъ подали мнѣ угощеніе, состоявшее изъ фруктовъ; я прикоснулся къ нимъ рукой, и слуги тотчасъ же отнесли ихъ въ мой экипажъ. Получивъ отъ раджи сверточекъ бетелю и нѣсколько кусковъ тростниковаго сахару, я распростился Визитъ былъ конченъ.

По моей просьбѣ, невольники повели показать мнѣ главный танджорскій дворецъ, который я такъ желалъ видѣть. Начали съ того, что съ гордостью показали нѣсколько залъ, гдѣ натасканы были безъ всякаго порядка самымъ уморительнымъ образомъ мебель краснаго дерева, раззолоченный фарфоръ, обыкновенная стеклянная посуда, маннекены въ натуральную величину, одѣтые въ европейскій костюмъ и годные фигурировать развѣ только у Курціуса. Одну минуту мнѣ казалось, что я очутился на квартирѣ коммисаровъ-оцѣнщиковъ, гдѣ случай собралъ самыя неподходящіе другъ къ другу предметы. Не обошлось безъ шкатулки съ музыкой, которою надо было восторгаться, пока одинъ изъ проводниковъ, согласно приказаніямъ раджи, давалъ мнѣ

на ней полный концертъ. Черезъ пять минутъ такой пытки, я едва уже сдерживался и чувствовалъ безумное поползновеніе кусаться. Принцъ милостиво подошелъ самъ ко мнѣ, потому что не могъ устоять противъ желанія послушать гармоническую вещицу, которую его люди исполняли въ честь мою, вертя рукоятку что есть силы; вмѣсто улыбки я удовольствовался тѣмъ, что заскрежеталъ зубами. Моя ли тутъ вина, что скверная музыка дѣйствуетъ на мою нервную систему такъ, какъ на систему собачьей породы? Туземецъ, которому небо поблагопріятствуетъ пріобрѣсти подобное сокровище, скорѣе позволитъ себя повѣсить нежели упустить случай угостить пріятелей маленькой серенадой. Затѣмъ возобновились рукопожатія по англійской модѣ, снова начались клятвы, положа руку на сердце, никогда не забывать другъ друга; было бы слишкомъ долго перечислять всѣ доказательства нѣжности, расточаемой въ подобныхъ случаяхъ.

Этотъ молодой человѣкъ, съ краснымъ маратскимъ типомъ, ведетъ изнѣженную жизнь въ лѣности и бездѣйствіи; его тѣло тучно и тяжело, умъ мало развитъ; все время онъ проводитъ въ мечтахъ о невозможной реставраціи при помощи самыхъ нелѣпыхъ средствъ, и рѣдко выходитъ изъ сераля. На немъ были узкія шелковыя панталоны съ богатыми узорами и *жамахъ*, или платье изъ тонкой кисеи поверхъ другаго шелковаго; великолѣпный тюрбанъ изъ *кинкабу*, превосходной работы, покрывалъ голову. Кинкабу — матерія вышитая золотомъ и серебромъ.

Я могъ осмотрѣть теперь дворецъ, или по крайней мѣрѣ часть дворца, гдѣ живетъ Сакаранъ Сагибъ. Онъ занимаетъ обширное пространство; въ отношеніи же архитектуры можно замѣтить, что постройка происходила не вся въ одну эпоху. Какъ всѣ частныя зданія въ Индіи, онъ представляетъ самую странную противуположность царской пышности и гнуснѣйшей скупости. Этотъ необыкновенный фактъ требуетъ поясненія. Въ Индіи, дѣйствительно, всякій раджа окруженъ тысячами служителей, раздѣляющихъ съ нимъ и удачи, и неудачи, и потребности которыхъ онъ обязанъ неминуемо удовлетворять; господинъ не можетъ оставить своихъ слугъ, также какъ и тѣ не могутъ покинуть своего господина. Отсюда является необходимость въ обширныхъ помѣщеніяхъ и значительныхъ доходахъ для содержанія многолюдной свиты. Мнѣ случалось часто выслушивать горькія жалобы раджей, лишенныхъ англичанами своихъ владѣній, и получающихъ отъ нихъ жалованье; Джонъ Булль замѣтилъ немножко поздно, если не въ отношеніи себя, то въ отношеніи этихъ бѣдныхъ принцевъ, несправедливость

своихъ поступковъ и недостаточность денежнаго содержанія, опредѣленнаго низведеннымъ съ престола государямъ. Если взглянуть на дѣйствительно громадную цифру пенсіона, то эти жалобы съ перваго раза кажутся неосновательными; но онѣ совершенно справедливы въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ жизнь индусскихъ вельможъ и огромные расходы, тяготѣющіе на нихъ. Получая милліоны, Великій Моголъ всетаки былъ доведенъ до нищенства и умиралъ съ голоду; чтобы удовлетворить кое-какъ потребностямъ, ему пришлось спекулировать на естественное желаніе иностранцевъ быть ему представленными; аудіенція давалась не ранѣе какъ по уплатѣ извѣстной суммы, замаскированной названіемъ подарка; правда, обычай Востока не дозволяетъ приближаться къ лицу высшему иначе, какъ съ подаркомъ въ рукахъ, но Великій Моголъ пользовался обычаемъ, чтобы пополнить какъ нибудь постоянно возрастающій дефицитъ своего бюджета.

Въ танджорскомъ дворцѣ меня повели сначала нѣсколькими узкими и темными корридорами, за которыми слѣдовали офиціальные покои раджи: это небольшія комнаты съ расписанными блестящею живописью стѣнами; то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ фрески изображаютъ различныя сцены танцевъ, охоту за слонами, божество, все по индѣйской модѣ, съ полнымъ отсутствіемъ формъ и перспективы. Притомъ же комнаты почти не меблированы: единственная мебель здѣсь — циновки и постель съ очень тоненькимъ матрацомъ. Полъ сдѣланъ изъ раскрашенной извести.

Снаружи дворецъ не имѣетъ никакого вида; двое воротъ (одни очень высокія для прохода слоновъ) и семи-этажная башня, любопытный образчикъ индо-мусульманской архитектуры, служатъ единственнымъ отличіемъ королевскаго жилища отъ окружающихъ хижинъ.

Башня, извѣстная вслѣдствіе гипсовыхъ мордъ львовъ, украшающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верхнюю часть оконъ, подъ персидскимъ именемъ схерзы (льва), была выстроена Серфоджи 1-мъ, замѣтившимъ подобную же принадлежавшую одной изъ баядерокъ храма, во время своего пилигримства въ Кази (Бенаресъ). Для постройки ея потребовалось не менѣе тридцати пяти лѣтъ. Издали кажется, что она хорошо сохранилась, но вблизи оказывается, что превратилась въ развалины. Изъ семи этажей, пять украшены балконами. Нѣсколько грубыхъ фигуръ баядерокъ, написанныхъ краскою на стѣнѣ и такъ же смѣшныхъ, какъ и тѣ рисунки, какими въ Парижѣ уличные мальчишки пачкаютъ стѣны, весьма плохи и недостойны быть по бокамъ большой двери.

Главный дворъ окруженъ, какъ во всѣхъ туземныхъ постройкахъ, грязными и развалившимися строеніями, гдѣ помѣщается толпа слугъ раджи. Я долженъ упомянуть здѣсь о невиданномъ для меня доселѣ зрѣлищѣ, которое, кажется, способно возбудить своимъ восточнымъ отпечаткомъ вниманія европейца: это присутствіе прекрасныхъ живыхъ слоновъ, находящихся по обѣ стороны двери, на каменномъ пьедесталѣ, къ которому они привязаны за ногу: могущественные гиганты—стражи царскаго дворца.

Пройдя черезъ безчисленное множество дворовъ и крытыхъ переходовъ, самаго печальнаго и невзрачнаго вида, я добрался наконецъ до маленькихъ темныхъ коридоровъ, гдѣ въ различныхъ мѣстахъ валялись подлѣ выпавшихъ камней статуи боговъ, которымъ воздаютъ поклоненіе принцы. При выходѣ изъ лабиринта, я пожелалъ имѣть аудіенцію у Сорерао-Сагиба, представителя другой маратской отрасли. Этотъ принцъ-соперникъ Сакарана-Сагиба: оба претендуютъ на наслѣдство престола и спорятъ о медвѣжьей шкурѣ, раньше чѣмъ звѣрь убитъ.

Сорерао-Сагибъ братъ первой королевы; послѣдній король имѣлъ четырнадцать законныхъ женъ и пятьдесятъ наложницъ, живущихъ и теперь еще во дворцѣ. Мараты чрезвычайно строго наблюдаютъ затворничество женщинъ. Единственная законная дочь Сиваджи, оставшаяся теперь въ живыхъ, вовсе не дочь первой королевы, но по смыслу закона страны, за исключеніемъ извѣстной доли въ пользу другихъ женъ, она, какъ первая королева пользуется пожизненно имуществами, возвращенными англичанами, и употребляетъ свое вліяніе и богатство на поддержку притязаній Сорерао-Сагиба на корону. Эти мелкіе внутренніе раздоры не приведутъ въ будущемъ къ желанному результату; власть маратовъ умерла навсегда въ Танджорѣ. Сорерао-Сагибъ занятъ только поглощеніемъ опіума и никогда почти не выходитъ изъ летаргіи, въ которую его погружаетъ чрезмѣрное употребленіе этого наркотическаго вещества; вѣрный своимъ привычкамъ, онъ спалъ глубокимъ сномъ во время моего посѣщенія и не могъ меня принять.

Королева весьма милостиво разрѣшила снять для меня печати, наложенныя во время процесса ея съ индо-англійской администраціей на четвероугольной дворъ, гдѣ стоитъ статуя Сиваджи. Къ сожалѣнію, западный фасадъ выстроенъ изъ кирпича и извести, матеріяловъ непрочныхъ, особливо у безпечнаго народа; во всякомъ случаѣ это красивѣйшій и самый чистый образецъ индѣйскаго искусства въ эпоху туземной династіи найякировъ. Орнаменты поражаютъ изящнымъ сти-

лемъ и разнообразіемъ рисунка. Съ той стороны, гдѣ находится мраморная статуя Сиваджи, обводныя арки (архивольты) черезъ-чуръ обременены украшеніями, а колоны нѣсколько массивны, что производитъ далеко не такой удовлетворительный эфектъ, какъ балконы и своды простѣйшаго стиля, которые украшаютъ другой фасадъ.

Когда найякирскіе цари, окруженные дворомъ и воинами, возсѣдали на гранитной глыбѣ, служащей теперь пьедесталомъ у статуи послѣдняго маратскаго государя, это должно было представлять красивую и величественную картину. Глыба имѣетъ восемъ метровъ длины, около шести ширины и одного метра высоты; стороны украшены барельефами, изображающими войны демоновъ. Во время древней монархіи здѣсь чинились судъ и расправа.

Въ сторонѣ возвышается пирамидальная башня, напоминающая формой нѣкоторыя пагоды; это арсеналъ, гдѣ свято бережется военное оружіе, которому мараты воздаютъ божескіе почести. Общій видъ башни довольно эфектенъ, но внутри она заброшена и служитъ теперь пріютомъ и мѣстомъ сборища обезьянъ, летучихъ мышей и другихъ вредныхъ животныхъ. Если вѣрить преданію, то сооруженіе ея произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя я передаю слово-въ-слово. Одинъ изъ найякирскихъ царей, имѣвшій особенную вѣру въ Вишну, часто отправлялся на богомолье въ Срирингамъ, славнѣйшій вишнувитскій храмъ въ Деканѣ. Трихинопольскій царь подарками подкупилъ жреца, обыкновенно подававшаго благородному пилигриму пить священную воду, которая низливалась на бога. Браминъ согласился отравить воду, но въ послѣднюю минуту у него не хватило духу, и онъ сознался въ преступномъ замыслѣ. Царь спросилъ только, служила ли вода эта для возліяній на бога и, получивъ утвердительный отвѣтъ, выпилъ ее и не испыталъ ни малѣйшаго вреда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не захотѣлъ подвергать себя на будущее время подобной опасности, и чтобы избѣжать ее, велѣлъ построить арсеналъ, откуда могъ, не выходя изъ дворца, созерцать храмъ своего бога и молиться ему безопасно.

Въ томъ же дворцѣ есть другой четырехугольный дворъ, гдѣ древніе цари любили отдыхать въ тѣни галлереи, опиравшейся на позолоченныя колоны и имѣвшей вмѣсто крыши маленькіе граціозные куполы. Болѣе всего поражаетъ археолога при разборѣ этой архитектуры, ненависть индуса къ симетріи; всѣ арки различаются между собою формою, а разнообразные орнаменты слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ всякой гармоніи. Танджорскій дворецъ имѣетъ довольно большую

библіотеку, однако не многіе изъ путешественниковъ посѣщали ее; она богата тамульскими и санскритскими манускриптами; всѣ они писаны на латановыхъ листьяхъ; кромѣ того въ библіотекѣ находится много европейскихъ сочиненій, но онѣ не имѣютъ никакого значенія и состоятъ по большей части изъ разрозненныхъ томовъ.

Послѣ продолжительнаго осмотра древнихъ остатковъ найякирскаго величія, я вышелъ изъ дворца сѣверными воротами. Король никогда не проходитъ этими воротами во время своей жизни; они служатъ ему только послѣ смерти, и чрезъ нихъ выносятъ посмертныя останки его къ мѣсту сожженія. Для того, чтобы познакомиться со всѣми танджорскими рѣдкостями, мнѣ оставалось теперь осмотрѣть внутри ограды большаго форта пагоду, посвященную Раджѣ-Гопалу или Вишну; она въ особенности славится набожнымъ поклоненіемъ, которое оказывалъ ей послѣдній царь, о чемъ я упоминалъ уже выше. Онъ имѣлъ привычку ходить сюда по ночамъ въ строжайшей тайнѣ и приносить въ жертву любимымъ богамъ своимъ, Шивѣ и Вишну, молоденькихъ дѣвочекъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, которыхъ покупалъ и приказывалъ приводить во храмъ, скрывая отъ нихъ печальную участь приготовленную имъ. Эти омерзительныя жертвы, повторявшіяся слишкомъ часто, подали англичанамъ предлогъ овладѣть особою раджи, судить его и приговорить къ вѣчному тюремному заключенію. Въ описываемую нами эпоху изъ всѣхъ владѣній этого государя у него оставался одинъ городъ Танджоръ.

Въ день моего проѣзда, collector (сборщикъ податей) дистрикта расплавлялъ престолъ и паланкинъ изъ массивнаго золота, принадлежавшіе королевской фамиліи; добычу эту онъ присвоилъ себѣ несправедливо, въ вознагражденіе имуществъ, земель, дворца и увеселительныхъ резиденцій, которыя англійскій законъ принудилъ его возвратить прямымъ наслѣдникамъ. Важный сановникъ, весь поглощенный заботами надзора за этой капитальной работой, не могъ удѣлить мнѣ нѣсколькихъ минутъ аудіенціи.

Выѣзжая изъ Танджора, я завернулъ въ загородную виллу раджей, Тривади, лежавшую на берегу священной рѣки Кавери, въ шести миляхъ отъ форта. Королевская фамилія пріѣзжала сюда брать очистительныя ванны, предписываемыя веддами всѣмъ индусамъ.

Въ эту прелестную деревню ведетъ дорога нѣкогда весьма хорошая, въ настоящее же время запущенная англійскимъ правительствомъ; на нее было потрачено не менѣе 71,000 рупій (117,500 франковъ). При входѣ въ Тривади, обращаютъ на себя вниманіе двѣ башни или ма-

ленькіе шестиугольные пирамиды, полныя оригинальности; онѣ въ нѣсколько этажей, которые идутъ, начиная отъ основанія до вершины, постепенно уменьшаясь въ ширину, и прорѣзаны нишами, гдѣ по торжественнымъ праздникамъ зажигаются свѣтильники; видъ ихъ живописенъ; вершины высоко царятъ надъ зеленью окружающихъ ихъ котіеровъ (cowtiers) и мюльтипліянтовъ (multipliants), но вблизи онѣ не такъ хороши, ибо выстроены изъ шунамы, рыхлаго вещества, весьма употребительнаго при индѣйскихъ постройкахъ. Даже глыбы цоклей пагодъ и ихъ колонны изъ цѣльнаго камня не избавлены отъ этого рода штукатурки, имѣющей недостатокъ вывѣтриваться и разрушаться отъ времени и дѣйствія воздуха.

Между этими двумя башнями, похожими на китайскія, возвышается зданіе, два флигеля котораго украшены фантастическими изображеніями львиныхъ мордъ. Зданіе это служитъ раджѣ мѣстомъ отдыха послѣ купанья.

Далѣе, на берегу рѣки и въ томъ-же самомъ саду, находится другой загородный павильонъ; но самое главное изъ царскихъ жилищъ помѣщается въ центрѣ деревни и окружено индѣйскими хижинами съ навѣсомъ изъ пальмовыхъ листьевъ, сосѣдство котораго отнимаетъ много отъ вида и безъ того уже мало грандіознаго. Здѣсь обширныя залы съ двумя или тремя рядами массивныхъ круглыхъ колоннъ безъ пьедесталовъ и капителей, соединенныя между собою полукруглыми сводами; затѣмъ маленькія комнаты, выходящія на улицу своими окнами съ ставнями, въ которыхъ сдѣланы отверстія, для того что бы женщины могли видѣть, что дѣлается на улицѣ, не будучи видимыми сами; длинныя, мрачныя и узкія проходы ведутъ во внутренніе дворы; одни изъ нихъ, съ сотнями галерей, поддерживаемыхъ колонами и съ окнами, запираемыми рѣшетчатыми ставнями, принадлежатъ къ комнатамъ женщинъ, другіе содержатъ колодцы и все необходимое для кухни и слугъ: таково внутреннее расположеніе княжескаго жилища въ Индіи.

На берегу Кавери (Kavery) есть мѣсто, предназначеннео для умовенія вѣрныхъ; это четырехугольное пространство, запираемое съ трехъ сторонъ галереями, за которыми располагаются купальщики, и открытое со стороны рѣки, куда ведетъ обширная лѣстница. На концѣ каждой галереи, опускающейся въ рѣку, выстроенъ многоугольный павильонъ на колесахъ весьма похожій на колесницу царя Танджора. Два изваянія лошадей въ ихъ естественную величину такъ и хотятъ урваться и увлечь массу, къ которой прикрѣпила ихъ фантазія архитектора. Этого рода постройки распространены всюду въ тандарскомъ цар-

ствѣ, гдѣ встрѣчается нѣсколько дворцовъ въ формѣ подковы; съ боку съ ихъ колесами въ родѣ известковыхъ, они представляютъ видъ колоссальной колесницы, влекомой гигантскими конями. Въ центрѣ четырехугольника помѣщается маленькій мандапамъ, въ которомъ по большимъ праздникамъ ставится на нѣкоторое время божество.

Изъ всѣхъ индѣйскихъ деревень, Тривади страдаетъ наиболѣе отъ обезьянъ. Куда бы ни взглянулъ, вездѣ видишь какъ они прогуливаются стаями по крышамъ домовъ и въ садахъ, съ важностію присущею ихъ священному характеру. Злобное и вредное животное не останавливается ни передъ какою проказою; одно изъ любимыхъ развлеченій ихъ состоитъ въ томъ, чтобы срывать черепицы съ кровель, вѣроятно съ цѣлью уподобиться хромоногому бѣсу, изучать человѣка въ его внутреннемъ бытѣ и подсматривать различныя семейныя тайны. Надобно было избавиться отъ такихъ скверныхъ шутокъ, и вотъ придумали сводчатыя кирпичныя крыши, связанныя цементомъ. Эти милые звѣрьки, увѣренные въ безнаказанности, и сознательно чувствующіе почтеніе къ себѣ индусовъ, организовали открытый грабежъ во всѣхъ святыхъ городахъ, которые они удостоиваютъ своимъ присутствіемъ; англійская полиція, и та даже отказалась препятствовать ихъ ежедневному воровству плодовъ и овощей. Какое униженіе для гордаго Альбіона! Справиться съ тугизмомъ — этой ассоціаціей набожныхъ душителей, и съ даконтами — индѣйскими поджаривателями, и въ тоже время признать себя побѣжденнымъ отъ четверукаго скота и терпѣливо сносить его грабительства!...

Въ окрестностяхъ Тривади растетъ въ изобиліи плодъ, величиною съ орѣхъ, весьма обыкновенный въ Деканѣ; онъ имѣетъ странное свойство очищать самую тинистую воду и дѣлать ее прозрачною какъ хрусталь. Въ сосудъ съ грязной и мутной водой, вы вливаете сокъ этого плода, и тотчасъ же всѣ постороннія примѣси въ жидкости выдѣляются изъ нее и осѣдаютъ на дно, въ формѣ запекшейся крови, совершенно такъ какъ отъ дѣйствія квасцовъ. Драгоцѣнный плодъ этотъ растетъ на низенькомъ деревцѣ, strychnos potatorum. Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что онъ можетъ превращать соленую и гнилую воду въ годную; онъ дѣйствуетъ только на землистыя и растительныя примѣси.

ГЛАВА VII.

ТРИХИНОПОЛИ.—МАДУРА.—ИНДІЙСКІЯ ЗРѢЛИЩА.—БОЙ МЕЖДУ ДИКИМИ ЗВѢРЯМИ.—ОХОТНИЧІЙ ЭПИЗОДЪ СЪ БУЙВОЛОМЪ.—РАМНАДЪ.—АДАМОВЪ МОСТЪ.

Переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Танджора въ Трихинополи совершается въ два часа, вдоль рукава Кавери. Миновавъ прекрасно воздѣланную страну, путешественникъ вступаетъ въ обширную, безплодную долину, на отдаленномъ горизонтѣ которой обрисовывается Трихинопольская скала. Дорога эта имѣетъ всего только одинъ рельсовый путь и вообще построена, повидимому, довольно небрежно, судя по сильнымъ толчкамъ, происходящимъ отъ неравномѣрной настилки, которые безпрерывно приходится испытывать пассажирамъ. Англійскія войска въ Трихинополи расположены въ разстояніи одной мили отъ дебаркадера желѣзной дороги. Самый городъ, отнесенный еще на одну милю далѣе, окруженъ стѣною, нѣкогда приспособленною къ оборонѣ, но теперь полуразвалившейся, надъ которой господствуетъ въ центрѣ огромная скала, увѣнчанная маленькой пагодой, посвященной Шивѣ, и двумя мандапамами. Эта скалистая масса, испещренная въ самыхъ утесистыхъ частяхъ своихъ широкими бѣлыми полосами, представляетъ суровое, но вмѣстѣ величественное зрѣлище.

Направляясь къ лѣстницѣ, ведущей на вершину скалы, я прошелъ близъ пруда, въ срединѣ котораго стоитъ развалившаяся мандапама, а вдоль самаго берега тянется сводчатая галлерея найлучшей архитектуры, поддерживаемая тяжелыми, массивными колоннами и украшенная нѣсколькими прекрасно сдѣланными мистическими изображеніями. У входа съ правой стороны галлереи я обратилъ вниманіе на овальный щитъ съ вырѣзанными на немъ скрещенными мечами на заднемъ полѣ; онъ увѣнчанъ царственной короной, отъ которой теперь остаются лишь обломки, и съ каждой стороны его развѣвается

трехъугольная хоругвь. Я не могъ узнать, что это за обрушившаяся постройка, но она несомнѣнно была воздвигнута позднѣе танджорскаго дворца, такъ какъ архитектура ея представляетъ явные слѣды христіанскаго вліянія. Продолжая слѣдовать вдоль широкой улицы, окаймленной маленькими и низкими домами, я вскорѣ достигъ широкой, массивной лѣстницы, ведущей на вершину скалы. Въ прежнее время здѣсь возвышалась галлерея, крытая широкими плитами, поддерживавшимися скульптированными колонами, но все это представляетъ теперь одну лишь груду развалинъ. Взобравшись на самый верхъ лѣстницы, состоящей изъ трехсотъ ступеней, изсѣченныхъ въ скалистой массѣ, я былъ вознагражденъ за испытанное утомленіе открывшейся предо мною великолѣпной панорамой. Вдали извивалась лентою Кавери. посреди орошаемыхъ ею зеленѣющихъ рисовыхъ полей; внизу виднѣлся городъ съ его домами, осѣняемыми кокосовыми деревьями и живописной мечетью, и, наконецъ, на заднемъ планѣ, простиралась песчаная равнина, сѣрые камни которой представляютъ изумительный контрастъ съ роскошной зеленью танджорской деревни; такова была восхитительная картина, представившаяся взорамъ моимъ и какъ бы ослѣпившая ихъ въ первую минуту. Въ разныхъ мѣстахъ лѣстницы устроены маленькія святилища, украшенныя барельефами, представляющими разнаго рода причудливые рисунки, или божества индусскаго пантеона. Доступы въ эту естественную крѣпостцу охраняются англійскими солдатами. Скала имѣетъ двѣ вершины: одна менѣе возвышенная, окружена стѣною, и на ней воздвигнутъ небольшой храмъ, посвященный Шивѣ, внутреннія стѣны котораго украшены множествомъ статуй Нанду, Ганезы и др. Въ самой выдающейся части скалы возвышаются двѣ мандапамы, изъ коихъ одна, съ пирамидальной крышей, увѣнчана обычной индусскимъ храмамъ мачтой, увѣшанной колокольчиками. Меня чрезвычайно заинтересовали обезьяны, обитающія на этой скалѣ, гдѣ онѣ ведутъ, можно сказать, чисто воздушную жизнь.

Такъ какъ Трихинополи не представляло болѣе ничего любопытнаго, достойнаго вниманія наблюдателя, то я спустился по красивому мосту, перекинутому чрезъ Агунда-Кавери, и отправился на расположенный посреди рѣки островъ, на которомъ находится знаменитый храмъ Срирингамъ. Шесть рядовъ концентрически расположенныхъ построекъ окружаютъ здѣсь святилище бога Вишну; главныя, такъ называемыя, царственныя врата, до сихъ поръ еще не вполнѣ отсроенныя *), ведутъ въ первую

*) Въ этихъ вратахъ до сихъ поръ отстроенъ одинъ лишь первый этажъ изъ камня, весьма красиво.

[illegible]

[illegible]

[illegible] Въ этой [illegible]

для бога; я видѣлъ только бѣлый дымъ, выходящій клубами изъ этой священной лабораторіи и очень жалѣлъ, что мнѣ не удалось хоть разъ въ жизни поѣсть за однимъ столомъ съ индѣйскимъ богомъ.

Кругъ изъ позолоченной мѣди ограничиваетъ маленькій и по обычаю немного возвышенный алтарь, въ которомъ покоится идолъ.

Нужно пройти пять пирамидальныхъ воротъ, считая тутъ же неконченный Раджа-гопурамъ, чтобы проникнуть въ святилище, куполъ котораго составляетъ центръ зданія; на право отъ него три самыхъ высокихъ гопурама, на лѣво же только два. Ихъ всѣхъ было бы двадцать, еслибъ храмъ былъ конченъ.

Миляхъ въ шести приблизительно къ юго-западу отъ Трихинополи стоитъ, какъ мнѣ говорили, среди пустыни, пагода, носящая странное названіе Саттанъ-Ровилль (царственная обитель сатаны), совершенно оставленная въ настоящее время и неизвѣстная даже большей части мѣстныхъ жителей. Она построена, какъ кажется, изъ камня, по крайней мѣрѣ частью, и украшена скульптурными изображеніями болѣе изящной и утонченной отдѣлки, чѣмъ скульптурныя работы субрамайскаго храма въ Танджорѣ, о которомъ шла рѣчь. Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось посѣтить этой интересной развалины.

Мадура расположена въ восьмидесяти двухъ миляхъ къ югу отъ Трихинополи; къ ней ведетъ прекрасная дорога, усаженная въ разныхъ мѣстахъ вѣковыми деревьями. Въ сѣверной части города находится огромная масса сіенита, расположенная совершенно отдѣльно отъ окружающихъ холмовъ и представляющая, если смотрѣть на нее съ южной стороны, довольно живое подобіе лежащаго слона съ протянутымъ по землѣ хоботомъ, впереди головы. Индусы серьезно увѣряютъ, что въ одинъ достопамятный день,—въ какой именно, это было скрыто отъ меня, по причинамъ, которыя излишне было бы подробно приводить здѣсь,—гигантскій слонъ чудесно появился, среди молній и пламени, изъ священнаго колодца, въ который царь Конджеверама имѣлъ обыкновеніе кидать смертныя останки несчастныхъ жертвъ, приносимыхъ имъ въ жертву Вишну. Сопровождаемый этимъ звѣремъ-великаномъ и восмью тысячами вишнувитовъ, набожный монархъ, твердо разсчитывавшій на заступничество своего привиллегированнаго бога, напалъ на Мадуру, но Шива, естественный покровитель Пандіанскаго царя и къ тому же разгнѣванный тѣмъ, что спокойствіе, которымъ онъ наслаждался въ своемъ величественномъ храмѣ, было нарушено, поразилъ страшнаго слона своимъ могучимъ дуновеніемъ. Остовъ этого чудовищнаго звѣря до сихъ поръ выставляется на показъ всѣмъ въ мадурской

четырьмя громадными столбами изъ цѣльнаго камня, въ семнадцать метровъ вышины; столбы покрыты прекрасными арабесками, между которыми встрѣчаются и мистическія личности. На каждой сторонѣ стѣны узкаго прохода есть углубленіе для сторожа, окруженное, то квадратными, то многоугольными колонами.

Нижняя часть Раджа-Гопурама — самая красивая изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось видѣть и изучать, посѣщая храмы Декана. Мѣстное преданіе приписываетъ его постройку Тирумалайю-Наякиру. Онъ имѣетъ пятьдесятъ три метра въ длину и тридцать пять въ ширину (отъ востока къ западу). Вышина его въ данное время равняется девяти съ половиной метрамъ; проходъ же въ шесть съ половиной метровъ.

Изъ Раджа-Гопурама мы проходимъ въ самый красивый въ Деканѣ Путу-Мандапамъ, болѣе извѣстный на югѣ Индіи подъ именемъ *Шультри Тирумалайя Наякира*. Только въ Конджеверамѣ и Срирингамѣ есть сооруженія подобнаго стиля; но все таки они не могутъ сравняться съ тѣмъ, что въ Мадурѣ.

Путу-Мандапамъ есть портикъ, ведущій къ Гопураму съ священнымъ алтаремъ. Воздвигнутый королемъ Тирумалайемъ, именемъ котораго и называется, онъ служитъ грандіознымъ входомъ въ пагоду и можетъ сравняться по красотѣ съ сфинксовыми аллеями, ведущими къ египетскимъ храмамъ. Строить его начали, говорятъ, въ 1623 году, на второй годъ царствованія знаменитаго монарха Наякира. Работа продолжалась двадцать три года и стоила больше двадцати пяти милліоновъ франковъ. Этотъ мандапамъ весь изъ камня и имѣетъ больше девяноста шести метровъ длины и восемьдесятъ ширины; разстояніе отъ пола до потолка равняется шести метрамъ. Онъ состоитъ изъ средняго пространства и двухъ низкихъ боковъ съ поперечной галлереей на каждой оконечности. Потолокъ сдѣланъ изъ ста восьмидесяти громадныхъ сводовъ, укрѣпленныхъ на столбахъ.

Колонны фасада покрыты самыми лучшими во всей Индіи скульптурными украшеніями, изображающими всадниковъ, бросающихся внизъ, чтобы пронзить копьемъ несчастныхъ, раздавленныхъ ихъ лошадями. На лѣвомъ столбѣ сдѣланъ одноногій богъ, изъ бедра котораго выходятъ Шива и Брама; на правомъ же—Шива, покрытый шкурой съ убитаго имъ льва, голова котораго лежитъ у его ногъ.

Три большія галлереи этого мандапама, особенно средняя, положительно грандіозны, и были бы еще лучше, еслибъ выгнали толпу купцовъ, расположившихся тамъ съ своими матеріями и тысячами другихъ товаровъ. Каждый изъ столбовъ входнаго портика украшенъ статуей;

капители во всемъ шультри изображаютъ чудовищъ съ звѣрскими взглядами; всѣ они лежатъ свернувшись, какъ кошки, и имѣютъ видъ стражей святаго алтаря, готовыхъ броситься на посѣтителя, если онъ вздумаетъ оскорбить святыню мѣста.

Въ средней галлереѣ кромѣ барельефовъ и арабескъ, съ избыткомъ покрывающихъ всякую колонну, есть также и статуи нѣсколькихъ монарховъ, въ томъ числѣ Везунаты, родоначальника династіи Наякировъ; противъ него на право стоитъ статуя Тирумалайя, извѣстнаго въ общежитіи подъ именемъ Трималь-Наяка, основателя этого прекраснаго зданія; по бокамъ стоятъ двѣ изъ его женъ и одна служанка.

Любя все сверхъ естественное, индусы разсказываютъ по этому поводу слѣдующую исторію: Тирумалайя, женившись на дочери короля Танджорскаго, привезъ ее послѣ свадьбы въ свой дворецъ и съ удовольствіемъ показывалъ ей все его великолѣпіе. Тоскующая по родинѣ королева не выказала никакого удивленія при взглядѣ на такія богатства и на всѣ вопросы отвѣтила только, что конюшни ея отца были роскошнѣе дворца Наякира. Эти оскорбительныя слова такъ разсердили короля, что онъ ударилъ жену кинжаломъ. Въ послѣдствіи онъ воздвигнулъ въ своемъ шультри статую этой несчастной королевы, кровь которой оставила на мраморѣ пятна, не смывшіяся, не смотря ни на какія усилія; они и до сихъ поръ служатъ ужаснымъ предостереженіемъ для мужей, слишкомъ предающихся гнѣву.

На восточномъ концѣ возвышается тронъ изъ чернаго гранита. Тронъ, балдахинъ котораго поддерживается колоннами и покрытъ кружевомъ, сдѣланъ изъ камня. Въ извѣстные дни года идола ставятъ на этотъ тронъ.

Портикъ, расположенный въ глубинѣ мандапама, украшенъ статуями и придаетъ фасаду съ этой стороны очень красивый видъ. Украшенія колоннъ тѣ же, что и на главномъ фасадѣ. На одномъ изъ угловыхъ столбовъ изображены Шива и его жена, раздавливающіе Равана, великана о ста головахъ, на другомъ — тотъ же богъ, ссорящійся съ своей любезной супругой. Эти милыя супружескія сцены не рѣдкость между индѣйскими богами и доставляютъ даже, признаюсь, не малое утѣшеніе простымъ смертнымъ, не такъ щедро надѣленнымъ дарами природы, какъ ихъ порочные боги.

Не безъ сожалѣнія покинулъ я этотъ образецъ индѣйскаго искусства и вошелъ черезъ восточный гопурамъ въ священный алтарь. На лѣво отъ дверей—храмъ Минакчи или Кали, украшенный пестрыми и

яркими барельефами, на которые такъ щедры индѣйцы. По бокамъ стоятъ статуи Ганезы и Субраманіи.

Въ пагодѣ четыре концентрическихъ алтаря. Гарба-гріа или внутренній священный алтарь украшенъ лингамомъ и статуями многихъ другихъ боговъ и богинь меньшаго достоинства, сопровождающихъ Шиву въ религіозныхъ процессіяхъ. У входа въ гарба-гріа стоитъ *дуажастамба* деревянный или каменный столбъ, крытый мѣдью, на который богомольцы вѣшаютъ свои приношенія, состоящія изъ разныхъ матерій. Такъ какъ этотъ дуажастамба стоитъ при входѣ въ маленькіе храмы, то брамины не пропускаютъ туда не только европейцевъ, но даже и своихъ парій.

Лингамъ Мадуры, подобно другимъ лингамамъ въ большихъ храмахъ Шивы, покрывается во время религіозныхъ церемоній изгибами найи или очковой змѣи, голова которой свѣшивается надъ богомъ. Эти змѣи дѣлаются обыкновенно изъ драгоцѣнныхъ металловъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугомъ и другими каменьями.

Я вошелъ черезъ гопурамъ въ длинную галлерею, наполненную купцами и поддерживаемую богато украшенными колоннами. На право расположенъ мандапамъ, въ которомъ совершается каждый годъ бракосочетаніе бога съ богиней. Индѣйскимъ богамъ полезно почаще устраивать эту церемонію, потому что они забываютъ слишкомъ скоро свои супружескія обязанности. Немного подальше расположенъ другой портикъ, состоящій изъ шестнадцати колоннъ; на наружной сторонѣ переднихъ сдѣланы выпуклыя фигуры идоловъ, держащихъ въ рукѣ странной формы трубы.

На сѣверъ отъ брачной залы построенъ портикъ изъ нѣсколькихъ тысячъ колоннъ, образующихъ очень красивыя аллеи, идущія наискось вдоль стѣны алтаря; пространство между столбами равняется одной двадцатой метра; они то четыреугольны, то многоугольны и покрыты фестонами изъ листьевъ. Этотъ каменный лѣсъ долженъ быть прелестенъ при свѣтѣ факеловъ во время ночныхъ празднествъ. Я насчиталъ двадцать девять колоннъ съ передней стороны и тридцать пять боковыхъ; (четырнадцать изъ этихъ послѣднихъ соединены стѣной) нѣкоторыя изъ нихъ не кончены и носятъ еще слѣды рѣзца работника. Центральная галлерея, параллельная восточной стѣнѣ и ведущая къ маленькому алтарю, вся испещрена изображеніями чудовищъ, боговъ и людей. Портикъ изъ колоннъ, покрытыхъ выпуклыми скульптурными украшеніями, предшествуетъ этой галлереѣ, въ которую ведутъ двѣ лѣстницы съ перилами изъ каменныхъ

какъ будто бы выдвинули изъ колоннъ, чтобы поражать ужасомъ суевѣрныхъ богомольцевъ.

Общій видъ грандіозенъ и производитъ глубокое впечатлѣніе на посѣтителя. Подобный храмъ не требуетъ спеціальнаго изученія каждой статуи: достаточно бросить на все бѣглый взглядъ и быстро подвигаться впередъ среди чудовищъ всѣхъ сортовъ и различныхъ существъ, съ причудливыми формами, звѣрскимъ взглядомъ и странными позами. Можно подумать, что видишь все это во снѣ. Дѣйствительно, пагоды Декана—произведенія художниковъ, никогда не занимавшихся серьезнымъ изученіемъ прекрасныхъ и пропорціональныхъ формъ; они совершенно незнакомы съ установившимися у насъ законами искусства и не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Слѣдовательно, нечего искать въ каждой статуѣ идеальныхъ формъ, простоты и естественности выраженія, какими отличаются произведенія великихъ художниковъ. Лица или дышутъ звѣрствомъ, или лишены жизни и неподвижны; формы тѣла искажены и точно вывихнуты. Индѣйскіе артисты не рисовали съ моделей, отыскивая въ нихъ прекрасное, и не старались какъ можно больше приблизиться къ совершенству. Они вырѣзывали изъ камня фигуры, являющіяся только больному среди бреда; но и эти образы, не возможные на яву, не лишены нѣкотораго величія, несмотря на свою чудовищность.

Чье воображеніе не разыгрывалось иногда и не строило міровъ, наполненныхъ фантастическими существами? И вотъ эти-то невѣроятныя выдумки и лишенныя смысла фантазіи олицетворились въ храмѣ Мадуры и предстали предъ глазами путешественника, написанныя на гранитѣ. Жаль только, что весь эффектъ, какъ мы уже говорили, портится пестрыми красками, которыми брамины покрыли большинство статуй, придающихъ полу-тьмѣ галлерей странный и даже страшный видъ.

Когда подумаешь, что всѣ эти колоны, покрытыя выпуклыми скульптурными произведеніями и разными другими украшеніями въ видѣ маленькихъ фигурокъ, гирляндъ и листьевъ, сдѣланы изъ цѣльнаго камня, невольно удивляешься количеству труда, времени и денегъ, употребленныхъ цѣлыми поколѣніями на эти гигантскія постройки, архитекторы которыхъ какъ будто задались цѣлью преодолѣть всѣ препятствія.

Дворецъ Тирумалайя Наякира — лучшая постройка въ Мадурѣ, послѣ храма Вишны и одно изъ самыхъ интересныхъ зданій во всей Индіи, гдѣ мало подобныхъ произведеній. Онъ занималъ въ дни оны огромное пространство, теперь же приходитъ въ разрушеніе. Къ счастью,

сохранилась еще прекрасная зала *дурбара*, или тронная зала, которая, не смотря на разрушеніе, даетъ путешественнику понятіе о своемъ прежнемъ величіи и о томъ, каковъ былъ этотъ дворецъ во времена могущества въ Мадурѣ Наякировъ.

Наружный видъ этого зданія одинъ изъ самыхъ живописныхъ, благодаря черному цвѣту, въ который окрасило его время, и растеніямъ, растущимъ въ щеляхъ между камнями и покрывающимъ полуразрушенныя стѣны. Прямоугольные или квадратные куполы, покрытые множествомъ дыръ, еще больше усиливаютъ эффектъ. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы онъ былъ когда нибудь такъ грандіозенъ, какъ большія европскія зданія. Индѣйскіе художники не могли никогда достигнуть однородности въ произведеніяхъ: повинуясь минутной фантазіи, они нисколько не заботились о томъ, что уже было сдѣлано, и о томъ, что еще будетъ сдѣлано. Такъ какъ они умѣли только соединять постройки, то внѣшній видъ ихъ зданій въ большинствѣ случаевъ плохъ. Индусы, вслѣдствіе своей обстановки, привычекъ и религіи, мастера на подробности, а никакъ не архитекторы, способные составить общій планъ. Строя съ постоянными добавленіями къ сдѣланному, они не могутъ придать своимъ зданіямъ единства, требующаго извѣстной широты взглядовъ и заранѣе обдуманнаго плана.

Дворецъ Мадуры построенъ Тирумалайемъ, десятымъ раджей изъ династіи Наякировъ, царствовавшихъ отъ 1621 года по 1660 годъ, и состоитъ изъ множества залъ, покрытыхъ терассами и куполами, укрѣпленными на столбахъ мусульманскаго стиля.

Засѣданія двора происходятъ въ древней тронной залѣ королей Наякировъ, и дверь, ведущая туда, сдѣлана новая.

Эта зала также, какъ и танджорская, окружена колонадой, къ которой ведутъ каменныя ступени; насчитываютъ тря ряда колонъ, достаточно высокихъ, но не производящихъ особеннаго впечатлѣнія вслѣдствіе отсутствія пьедестала. Благодаря неизмѣнной привычкѣ индусовъ, она покрыта слоемъ исвести. Потолокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сводовъ; два изъ нихъ составляютъ прямой уголъ съ центромъ боковыхъ галлерей; четыре же, находящіеся на оконечностяхъ, квадраты. Множество оконъ придаетъ имъ особенный видъ. На этомъ строеніи ясно отразилось вліяніе мусульманства: тонкія украшенія на наличникахъ, круглая форма колоннъ, почти полное отсутствіе человѣческихъ фигуръ и харь животныхъ, куполы съ поперечнымъ готическимъ разрѣзомъ, все это доказываетъ знакомство индѣйскихъ художниковъ семнадцатаго вѣка съ мусульманскими постройками въ Риджа-

нагурѣ и другихъ городахъ, подпадшихъ подъ владычество моголовъ.

Потолокъ галереи немного вогнутъ, мѣстами даже совершенно плоскъ и сдѣланъ по индѣйскому обычаю изъ кирпичей, положенныхъ стойкомъ одинъ возлѣ другаго и скрѣпленныхъ между собою известковымъ растворомъ. Мы уже видѣли, что этотъ способъ построекъ употребляется также и въ Танджорѣ.

Я не безъ удивленія замѣтилъ съ обѣихъ сторонъ центральной арки, передъ которой въ дни оны стоялъ королевскій тронъ, барельефъ, изображающій ангела съ крыльями, совершенно такого же, какъ его рисуютъ христіанскіе живописцы; въ рукахъ у него конецъ гирлянды, украшающей наличникъ. Между арками на васъ какъ будто бросаются чудовища, не имѣющія, впрочемъ, того страшнаго вида, какъ у индѣйскихъ статуй. Здѣсь нѣтъ ни Ганумана, бога обезьянъ, ни другихъ болѣе или менѣе смѣшныхъ божествъ, встрѣчающихся на барельефахъ танджорскаго дворца и галлереѣ Трихинополи. Обѣ послѣднія постройки носятъ болѣе ясный индѣйскій отпечатокъ и относятся, вѣроятно, къ древнѣйшей эпохѣ.

Надъ громадною плитою изъ чернаго мрамора, на которую клали королевскія подушки, устроенъ болдахинъ имѣющій больше восемнадцати метровъ въ діаметрѣ, вышина же купола надъ трономъ около двадцати метровъ.

Общее впечатлѣніе, производимое этой залой съ колоннами, грандіозно. Картина эта особенно эффектна подъ прекраснымъ тропическимъ небомъ, когда раджа въ роскошныхъ одеждахъ изъ шелка и золота, окруженный толпою царедворцевъ и тысячами солдатъ, величественно садится на тронъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и обнесенный балюстрадой изъ слоновой кости.

Замѣчу здѣсь кстати, что всѣ дворцы, о которыхъ я говорилъ, построены изъ камня, что, впрочемъ, совершенно незамѣтно вслѣдствіе того, что индѣйцы обмазываютъ известью всѣ свои общественныя и даже частныя зданія. Камни въ ихъ глазахъ только болѣе прочный матерьялъ для сырагo климата, чѣмъ дерево и кирпичъ, и они предпочитаютъ гипсъ, изъ котораго удобнѣе дѣлать разныя украшенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Мадуры я пошелъ посмотрѣть маленькую, но богатую пагоду, о которой стоитъ упомянуть, потому что она служитъ, по вѣрному опредѣленію Фергюссона, звѣномъ, соединяющимъ архитектуру древнихъ буддистовъ, или скорѣе поклонниковъ Вишну, съ только что изученной мною архитектурой храмовъ на югѣ Индіи.

Въ ней есть нѣчто общее съ высѣченными изъ камня пагодами Магабалипура. Алтарь обширнѣе, нежели въ другихъ храмахъ Декана и ограниченъ кругомъ, какъ будто пересеннымъ изъ дагобасъ буддистовъ.

Индусъ, показывавшій мнѣ всѣ чудеса этого города, настоялъ на томъ, чтобы я посѣтилъ еще больницу и старинную передовую постройку форта, въ которой помѣщается теперь городской судья. Въ былое время раджи устраивали здѣсь звѣриныя побоища. Подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, индусы питали во всѣ времена пристрастіе къ кровавымъ зрѣлищамъ звѣриныхъ битвъ, и для доставленія себѣ этого удовольствія собирали въ тѣсной оградѣ разныхъ хищныхъ животныхъ: тигровъ, буйволовъ и др. Бою быковъ, которому такъ восторженно рукоплещутъ испанцы, и ратоборству силачей, поощряемому гинеями и одобрительными кликами человѣколюбивыхъ англичанъ, восточные монархи предпочитали зрѣлище ужасныхъ побоищъ тигра съ буйволомъ, или слона со слономъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, что нибудь болѣе ужасное зрѣлища разъяренныхъ звѣрей, исторгнутыхъ изъ тропическихъ лѣсовъ и напущенныхъ одинъ на другаго на отгороженной для нихъ тѣсной аренѣ. Предъ человѣческими взорами разыгрываются тутъ сцены еще болѣе ужасныя чѣмъ тѣ, которыя происходятъ скрытно отъ всякаго живаго взора въ дебряхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Не смотря на всю свою гибкость и характеризующую его хитрость, тигръ рѣдко торжествуетъ надъ буйволомъ, страшная сила котораго, вспомоществуемая ужасными рогами, даетъ ему возможность выходить почти всегда побѣдителемъ изъ борьбы. Иногда два или три тигра спускаются противъ одного или двухъ буйволовъ на тѣсной аренѣ, на которой всѣ поражающія перепетіи кровавой драмы раскрываются передъ глазами зрителей во всѣхъ ихъ малѣйшихъ подробностяхъ. Тигры побѣждаютъ обыкновенно буйволовъ только въ случаѣ своего численнаго превосходства. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по окончаніи битвы, побѣдитель чувствуетъ себя мало чѣмъ лучше побѣжденнаго. Читатель, надѣюсь, повѣритъ этому безъ труда.

По моему мнѣнію, дикій буйволъ представляетъ самаго опаснаго звѣря для охотника. Охота на львовъ, тигровъ, пантеръ далеко не сопряжена съ такими опасностями, какъ обыкновенно думаютъ, основываясь, конечно, на разсказахъ самихъ охотниковъ. Человѣкъ — своей осанкой, своимъ ростомъ и вертикальнымъ положеніемъ внушаетъ невольный ужасъ всѣмъ хищнымъ звѣрямъ, и самые страшные изъ нихъ ощущаютъ при видѣ человѣка, по крайней мѣрѣ такой же ужасъ, ка-

кой мы сами чувствуемъ при внезапной встрѣчѣ съ кровожаднымъ звѣремъ. Правда, побуждаемый голодомъ, или въ полной увѣренности, что онъ остается незамѣченнымъ, звѣрь кидается иногда на человѣка; но это бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Изъ всѣхъ ихъ дикій буйволъ поддается, какъ кажется, страху менѣе другихъ. При видѣ стада буйволовъ, спокойно подымающихъ головы надъ камышами, гдѣ они любятъ скрываться во время дневнаго зноя, слѣдя за охотникомъ своимъ грознымъ и безстрашнымъ взоромъ, послѣдняго невольно начинаетъ одолѣвать какое-то трепетное смущеніе. Буйволовъ, въ самомъ дѣлѣ, можно назвать ужаснѣйшими изъ звѣрей, и я невольно вспоминаю при этомъ разсказъ о ярости ихъ, переданный мнѣ однимъ изъ знаменитѣйшихъ охотниковъ въ Индіи. Ему случилось однажды устроить, въ компаніи нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ, охоту на пантеру въ камышахъ Декана. Одинъ изъ путниковъ его, увидѣлъ дикихъ буйволовъ, пасшихся въ прогалинѣ, прицѣлился въ самаго огромнаго изъ нихъ и ранилъ его: то былъ старый буйволъ, который, завидѣвъ своего противника, устремился на него съ опущенной внизъ головою, заставляя дрожать землю подъ тяжестью своего стремительнаго шага. Бросивъ на землю находившійся при немъ карабинъ, офицеръ поспѣшилъ взобраться на близъ стоявшее дерево, чтобы обезопасить себя отъ нападенія своего ужаснаго противника. Окровавленный буйволъ, испуская страшный ревъ, вызываемый яростью и болью, сначала пытался повалить дерево, на которомъ англійскій офицеръ искалъ убѣжища, ударяя по стволу своими могучими рогами, а потомъ сталъ подрывать своими копытами корень. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ усилій, онъ внезапно удалился отъ преслѣдуемой имъ жертвы и углубился въ густой тростникъ. Успокоенный уходомъ противника, офицеръ сошелъ съ дерева и нагнулся, чтобы поднять карабинъ, который онъ поспѣшилъ бросить, въ виду грознаго звѣря: въ эту самую минуту несчастный услышалъ за собою ускоренное дыханіе и стремительный бѣгъ быстро возвращавшагося къ дереву буйвола. Офицеръ обернулся, хотѣлъ бѣжать, но было уже поздно. Разъяренный звѣрь повалилъ и разорвалъ его своими рогами на мелкіе куски. Другой уже, маіоръ Гинасъ, отмстилъ смерть несчастнаго, убивъ своей, недававшей промаха, пулей буйвола на растерзанномъ имъ трупѣ офицера, но, увы! — это позднее отмщеніе ни къ чему не послужило.

Рамнадъ расположенъ къ югу отъ Мадуры, въ разстояніи шестидесяти восьми миль; мѣстность, раздѣляющая эти два города, не представляетъ ничего интереснаго; по обѣ стороны дороги тянется одно-

образная безплодная пустыня. Вообще, начиная съ самаго Танджора, деревни попадаются рѣдко, и дорога пролегаетъ по дурно воздѣланной мѣстности; исключенія составляютъ только ближайшія окрестности Мадуры и Трихинополя. Сдѣлавъ двадцать три мили на западъ отъ Рамнада по песчаной и болотистой дорогѣ, я достигъ маленькой деревни Мандапамы, отдѣляемой рукавомъ моря, въ три мили отъ острова Рамизуерама, самаго западнаго изъ многочисленныхъ острововъ, соединяющихъ материкъ Индіи съ Цейлономъ и образующихъ такъ называемый Адамовъ мостъ. Имя это дано упоминаемой остальной группѣ индусскими магометанами, признающими Цейлонъ библейскимъ земнымъ раемъ, въ которомъ жилъ до своего грѣхопаденія первый человѣкъ. Англичане сохранили это названіе неизмѣненнымъ. Я переплылъ на маленькой лодкѣ въ портъ Памбенъ, служащій резиденціей англійскаго администратора, которому ввѣрено управленіе Рамизуерамскимъ округомъ. Домъ окружнаго управленія находится между тюрьмой, въ которой содержатся мѣстные преступники, и маякомъ, предназначеннымъ служить руководителемъ для многочисленныхъ туземныхъ лодокъ, направляющихся вдоль пороговъ Манаарскаго залива, совершая переѣзды отъ Кормандельскаго берега, въ Негапотамъ, въ особенности отъ Коломбо, или Кочинъ, и обратно. Онѣ проходятъ черезъ Адамовъ мостъ, по направленію канала, прорываемаго англичанами въ продолженіе уже двадцати пяти лѣтъ. Въ настоящее время ширина памбенскаго прохода простирается до тридцати метровъ, при глубинѣ четырехъ съ половиною, но его предстоитъ углубить еще на полметра. Нѣсколько далѣе къ востоку находится другой, менѣе глубокій, каналъ. Эти подводныя работы могутъ быть производимы только въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и лишь изрѣдка въ маѣ мѣсяцѣ. Въ продолженіе всего остальнаго времени года ихъ приходится прерывать, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ, господствующихъ на этихъ берегахъ и производящихъ иногда сильныя морскія бури. Водолазы, остающіеся подъ водою, въ теченіе сорока четырехъ секундъ, пробуравливаютъ на днѣ отверстія, наполняемыя двадцатью килограммами пороха. При сообщеніи этой пороховой массѣ огня, вода подымается на нѣсколько метровъ вверхъ. Чрезъ Памбенскій каналъ могутъ проходить суда вмѣстимостью въ триста тоннъ. Въ портѣ ежемѣсячно кидаютъ якорь среднимъ числомъ не менѣе шести сотъ судовъ. Цѣпь острововъ и пороговъ, разсѣянныхъ въ Манаарскомъ заливѣ, между южной оконечностью Индіи и сѣверной Цейлона, весьма замѣчательна съ геологической точки зрѣнія. Пороги эти образовались послѣдовательно, по-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Типы цейлонскихъ евреевъ.

вой, весьма удобной въ столь песчаной странѣ, устроенъ на счетъ набожныхъ лицъ, съ цѣлью облегчить пилигриммамъ ихъ богомольное странствованіе. Щедротами тѣхъ же самыхъ лицъ устроены расположенные вдоль дороги фонтаны, наполняемые ежедневно водою приставленными къ нимъ особыми служителями; фонтаны эти даютъ возможность усталымъ прохожимъ утолять въ пути жажду. Я встрѣтилъ на дорогѣ около двадцати пилигриммовъ — мужчинъ и женщинъ, шедшихъ изъ Кази (Бенаресъ) съ легкой ношей на спинѣ. Широкая улица, обстроенная красивыми, выбѣленными известью домами, ведетъ къ храму, въ оградѣ котораго устроено четыре входа. Къ каждому изъ нихъ примыкаетъ галлерея ведущая къ центральному святилищу. Концентрическая колоннада внутренней ограды, окружающей *вимана*, священный прудъ и нѣсколько маленькихъ храмовъ, пересѣкаетъ посрединѣ всѣ эти галлереи, поддерживаемыя въ извѣстныхъ мѣстахъ двумя и иногда даже и тремя или четырьмя рядами колонъ.

Многія изъ этихъ колоннъ изъ цѣльнаго камня и покрыты выпуклыми скульптурными украшеніями, изображающими покровителей храмовъ — раджей и королевъ, въ позѣ молящихся съ сложенными руками. Къ несчастію, многія изъ этихъ громадныхъ колоннъ и статуй въ человѣческій ростъ покрыты такимъ толстымъ слоемъ извести, что основное вещество и линіи формъ исчезаютъ подъ этой грубой штукатуркой и ихъ можно принять за дешевыя гипсовыя издѣлья. Это еще не все: брамины не утерпѣли, чтобъ не окрасить колонны въ яркій красный цвѣтъ, какъ это дѣлается на индѣйскихъ домахъ. Общее впечатлѣніе уничтожено, и нужно пылкое воображеніе, чтобы отыскать подъ жалкой окраской прежній грандіозный характеръ храма. По моему, легче было бы видѣть его разрушеннымъ, чѣмъ оскорбленнымъ работой туземныхъ каменьщиковъ.

Эта пагода пользуется за свою святость большимъ почетомъ во всей Индіи; тѣмъ не менѣе ни одна изъ ея галлерей не можетъ сравняться съ галлереями Мадуры по фантастическимъ впечатлѣніямъ, переносящимъ путешественника въ совершенно другой міръ. Здѣсь въ особенности нечего искать такихъ граціозныхъ и красивыхъ рисунковъ, какъ на берегахъ Тумбудры, въ величественныхъ развалинахъ древняго города Вижайанагора и въ самомъ почитаемомъ на югѣ Декана храмѣ Трипетти, скрывающемся въ восьмидесяти метрахъ на сѣверо-западъ отъ Мадраса и построенномъ въ ущельѣ Гатскихъ горъ, куда съ трудомъ проникаютъ нечестивые взгляды мусульманъ и европейцевъ.

Островъ Рамизуерамъ весь усаженъ огромными деревьями (Adansonia digitata), которыя можно, безъ преувеличенія, назвать растительными слонами; массивныя формы ихъ, составляющія характеристическое свойство африканской флоры, указываютъ на африканское происхожденіе этихъ деревьевъ, и тутъ невольно возникаетъ вопросъ, какъ и кѣмъ перенесены онѣ въ Азію? Они кажутся слишкомъ старыми, чтобы насажденіе ихъ можно было приписать португальцамъ; быть можетъ, вѣрнѣе было бы предположить, что они доставлены сюда аравійскими купцами, которые вели торговлю съ Цейлономъ гораздо ранѣе европейцевъ.

ГЛАВА VIII.

ГОРОДЪ КОЛОМБО. — НАСЕЛЕНІЕ ЦЕЙЛОНА. — ФИЗИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА СИНГАЛЕЗЦЕВЪ. — ИХЪ ОДЕЖДА, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И НРАВЫ. — ДОРОГА МЕЖДУ КОЛОМБО И КАНДИ. — РОДІИ, ИХЪ ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И ОТНОШЕНІЯ КЪ ДРУГИМЪ КАСТАМЪ. — ГОРОДЪ КАНДИ. — ЗУБЪ БУДДЫ. — КОФЕЙНЫЯ ПЛАНТАЦІИ НА ЦЕЙЛОНѢ. — ГОРНЫЕ ЦЕЙЛОНЦЫ. — ХРАМЫ. — РЫБЫ, ХОДЯЩІЯ ПО СУШѢ.

Коломбо, расположенный на западномъ берегу Цейлона, служитъ мѣстопребываніемъ губернатора и главной администраціи острова. Первоначально онъ назывался Каламотта, или Калани, по имени рѣки впадающей въ море въ сѣверной части города; но европейцы последовательно измѣняли это названіе по своему, пока оно не обратилось, наконецъ, въ Коломбо. До занятія его европейцами, это былъ уже весьма важный и многолюдный городъ, и въ числѣ жителей его находилось много мавровъ. Въ настоящее время онъ раздѣляется на три отдѣльныя части: въ центрѣ расположенъ фортъ, въ которомъ помѣщаются всѣ правительственныя зданія и торговыя конторы; къ сѣверу отъ эспланады, окружащей фортъ, тянется часть города, заключающая туземные базары; наконецъ, на южной сторонѣ безпорядочно разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, среди садовъ, европейскіе бунгалоу. Каждый изъ этихъ трехъ кварталовъ представляетъ свои характеристическія особенности. Фортъ, воздвигнутый голландцами съ цѣлію ограждать жизнь и имущество первыхъ колонистовъ отъ непрестанныхъ нападеній и грабежей со стороны туземцевъ, заключаетъ въ себѣ обширное пространство, покрытое домами въ нѣсколько этажей, построенными одновременно со стѣнами форта. Въ настоящее время, когда весь островъ, подвластный англичанамъ, наслаждается полнѣйшимъ спокойствіемъ, не прерывавшимся въ теченіе многихъ лѣтъ, крѣпостная ограда стала совершенно излишней мѣрой предосторожности, и теперь почти ни одинъ европеецъ не живетъ уже въ самомъ фортѣ. Прежніе голландскіе дома

обращены въ магазины и конторы, въ которыхъ негоціанты проводятъ каждое утро, занимаясь своими дѣлами. Къ обѣду они возвращаются въ свои бунгалоу, представляющіе какъ бы загородныя дачи, устроенныя несравненно удобнѣе городскихъ помѣщеній и къ тому же лучше приспособленныя къ климатическимъ условіямъ. Внутренность форта не представляетъ ничего замѣчательнаго. На главной площади, покрытой травой, которая бываетъ зелена только въ дождливое время года, возвышается такъ называемый дворецъ губернатора, — зданіе чрезвычайно простое въ архитектурномъ отношеніи. Съ лѣвой стороны къ нему примыкаетъ обширный домъ, въ которомъ помѣщаются всѣ присутственныя мѣста. Отъ сѣвернаго угла тянутся двѣ улицы, пересѣкающія городъ; посреди одной изъ нихъ устроенъ маякъ. Общій видъ зданій не представляетъ ничего, характеризующаго вкусы англичанъ. Ограниченное пространство, на которомъ стѣснилось многочисленное населеніе, заставило строить дома въ нѣсколько этажей, что весьма неудобно въ знойномъ климатѣ. Они выстроены весьма массивно изъ камня, безъ малѣйшихъ претензій не только на какое нибудь архитектурное изящество, но даже и на внутреннее удобство, такъ какъ комнаты въ нихъ узки и тѣсны. Англійскіе негоціанты сдѣлали, впрочемъ, разныя измѣненія во внутреннемъ расположеніи этихъ зданій, приспособивъ ихъ, по возможности, для торговыхъ цѣлей. Я не стану говорить о внутренней обстановкѣ ихъ, такъ какъ каждому извѣстно, что въ торговыхъ заведеніяхъ роскошь вообще стараются устранить. Городъ плохо освѣщается по вечерамъ, и нельзя не удивиться, что администрація этого прекраснаго острова, обладающая значительными средствами, до сихъ поръ не позаботилась еще освѣтить городъ газомъ, на европейскій образецъ. Черный, или туземный городъ, представляетъ кучу построекъ, которыя гораздо приличнѣе назвать лачугами, чѣмъ домами. Расположенный на берегу рѣки Палани, онъ пересѣкается во во всю длину широкой улицей, съ обѣихъ сторонъ которой тянутся ряды всякаго рода лавокъ. Я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ о внутренней обстановкѣ индусскихъ жилищъ, я не стану вновь возвращаться къ этому предмету, здѣсь же замѣчу только, что жители Цейлона, въ противоположность обычаямъ, существующимъ у другихъ индусовъ, употребляли еще до христіанской эры стулья, кровати, шерстяныя ковры и украшали свои жилища инкрустаціями изъ слоновой кости. Они приготовляли даже бритвы и стальныя иголки. Всѣ эти предметы до сихъ поръ не вышли изъ употребленія, но только они доставляются теперь большею частію англичанами.

Коломбо удовлетворялъ всѣмъ условіямъ административнаго центра въ то время, когда европейскія поселенія существовали лишь на западномъ берегу острова, и когда торговля корицей производилась въ весьма обширныхъ размѣрахъ; но теперь положеніе этого города оказывается не столь благопріятнымъ. Въ пользу его, какъ административнаго центра, можно привести только центральное положеніе его относительно самой населенной части острова, но не относительно всей страны вообще, а бухта его, представляющая мало безопасности во время югозападныхъ муссоновъ, нисколько не соотвѣтствуетъ его важному торговому положенію, какъ складочнаго пункта кофе. Прекрасная тринкомальская бухта представила бы для торговли несравненно болѣе выгодъ, особенно если бы этотъ пунктъ приведенъ былъ въ сообщеніе съ Канди посредствомъ дороги, удобной для перевозки тяжестей. Климатъ въ Коломбо здоровый, но если бы Тринкомале былъ гуще населенъ и окружающая его мѣстность воздѣлана, онъ былъ бы также весьма здоровымъ городомъ, особенно при устройствѣ европейскихъ бунгалоу на возвышенныхъ мѣстахъ, а не въ низменныхъ, или въ долинахъ, какъ это дѣлается теперь.

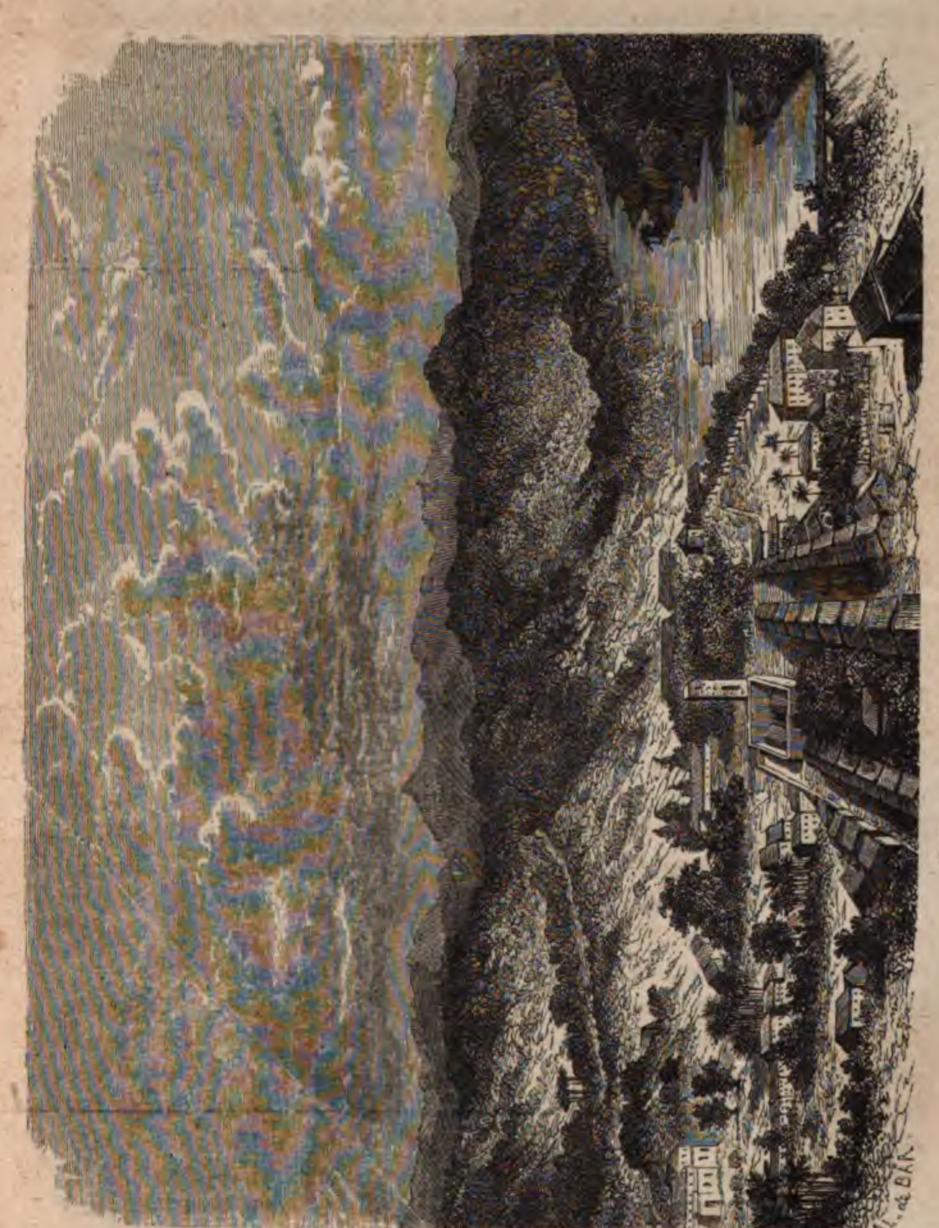
Населеніе Цейлона представляетъ свои характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ населенія континентальной Индіи, и невольно поразившія меня при моемъ прибытіи. По мѣрѣ того, какъ я ознакомливался съ этимъ народомъ, онъ заинтересовывалъ меня болѣе и болѣе. Цейлонцы — вообще средняго роста, круглолицы, смугловаты, съ тонкими и нѣсколько женственными чертами и красивыми курчавыми волосами чернаго цвѣта. Сложены они довольно стройно, но не отличаются крѣпостью и развитіемъ мышечной силы. Женщины чрезвычайно стройны, гибки и граціозны, наружность ихъ весьма привлекательна, но взоры выражаютъ какую-то постоянную робость и тревогу, — естественный результатъ угнетеннаго положенія женщины на востокѣ. Изнѣженность составляетъ характеристическую черту ихъ характера. Живое воображеніе своеобразно соединяется въ цейлонцахъ съ рѣдкою солидностью; въ нихъ нѣтъ и слѣда того рѣзваго увлеченія, которое мы привыкли встрѣчать у европейцевъ. Недостатокъ энергіи весьма ощутителенъ въ нихъ, являясь естественнымъ результатомъ климатическихъ условій страны. Лѣнивые, трусливые и безпечные, они вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются замѣчательною хитростью и сообразительностью. На Цейлонѣ вы не найдете ни искренности, ни предупредительности, ни великодушія. Недостатки эти нельзя приписывать исключительно вліянію почвы и климата, обусловливающихъ питаніе и фи-

рода, то уже изъ состоянія Цейлона въ періодѣ доисторическомъ, можно было вывести заключенія, подобныя только что приведеннымъ нами. Поселенцы, которые привили къ существовавшему раньше языку большое число словъ палійскихъ и санскритскихъ, должны были внести свой алфавитъ или по крайней мѣрѣ видоизмѣненіе этого алфавита въ языкѣ народа, у котораго не было ни одного условнаго знака для выраженія своихъ понятій. Но сингалезскій алфавитъ сходится съ алфавитомъ нагари (санскритскій алфавитъ) только въ расположеніи буквъ; въ рукописяхъ и древнихъ надписяхъ встрѣчаются различные знаки, употребляющіеся и нынѣ, но всѣ они довольно похожи на тамульскіе.

Такимъ образомъ сингалезскій языкъ по своему духу относится къ группѣ языковъ сѣверной Индіи, а по письму приближается къ языкамъ южнымъ. Вѣроятно, сингалезцы въ самыя древнія времена, имѣли частыя сношенія съ тамулами и заимствовали у нихъ нѣкоторые условные знаки, порядокъ которыхъ установился болѣе разумнымъ и методическимъ образомъ уже въ послѣдующее время.

Сообщеніе между Коломбо и городомъ Канди, находящимися одинъ отъ другаго въ разстояніи десятичасоваго пути, поддерживается посредствомъ дилижанса, регулярно отправляющагося дважды въ день. Я очень обрадовался представившейся мнѣ возможности отправиться въ дилижансѣ, — что составляетъ такую рѣдкость на востокѣ, — въ древнюю столицу острова Цейлона. Переѣздъ совершается по прекрасной, хотя и гористой дорогѣ. Содержаніе подобныхъ дорогъ стоитъ весьма дорого, и съ этою цѣлію взимается особый налогъ, въ видѣ пошлинъ, у заставъ, устроенныхъ въ различныхъ мѣстахъ.

Вообще можно сказать, что онѣ содержатся отлично, но плата за проѣздъ довольно высока, и ей одинаково подвергаются экипажи, телѣги и упряжныя животныя. Конечно, за содержаніе дороги всего естественнѣе платить тѣмъ, кто ею пользуется, но взимаемая за проѣздъ пошлина должна быть разсчитана въ строгой сообразности съ суммой, потребной для ежегодной ремонтировки: иначе дорога не удовлетворитъ прямому своему назначенію — облегчать сообщеніе и удешевлять доставку товаровъ. На Цейлонѣ весьма высокія дорожныя пошлины взимаются у заставъ, мостовъ и перевозовъ; дорога изъ Канди въ Коломбо доставила въ 1855 году не менѣе восьми сотъ тысячъ франковъ сбору, а въ 1865 году сборъ этотъ простирался до милліона двухъ сотъ тысячъ. Вся эта сумма не только не была издержана на ремонтировку дороги, но она не была употреблена даже на улучшенія



Видъ города Канди на островѣ Цейлонѣ.

[illegible] [illegible]. Этотъ [illegible] [illegible] [illegible] ни [illegible], ни [illegible] и [illegible] [illegible] ихъ [illegible]. Во время моего пребыванія на Цейлонѣ этотъ послѣдній обычай соблюдался въ прежней силѣ. При встрѣчѣ съ [illegible] [illegible], родія обязанъ былъ [illegible] себя [illegible] [illegible] листьями, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] предупреждалъ бы прохожихъ о приближеніи родія. Кромѣ того, онъ долженъ былъ предупреждать прохожаго самимъ крикомъ, дабы послѣдній могъ пріостановиться и выждать, пока родія скроется. Во время господства туземныхъ царей однимъ изъ самыхъ тяжкихъ наказаній для женщинъ высшаго класса служило то, если имъ приходилось получить бетель изъ руки родія. Это считалось неизгладимымъ пятномъ. Англичане установили полнѣйшую равноправность между всѣми жителями страны, и родіи не подчинены болѣе унизительнымъ законамъ, тяготѣвшимъ надъ ними при прежней монархіи. Тѣмъ не менѣе варварскіе обычаи старины сохраняли до сихъ поръ еще такую силу, что родія, не приходящій въ ежедневныя столкновенія съ европейцами, ни сколько не старается выйти изъ своего униженія. Слѣдующій фактъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, всего лучше показываетъ, какъ сильны еще въ странѣ старинные предразсудки. Одинъ изъ этихъ отверженцевъ, побуждаемый голодомъ, приблизился къ жилищу благороднаго цейлонца, чтобы попросить милостыню. Ему кинули издалека горсть рису съ строгимъ повелѣніемъ немедленно удалиться и не заражать долѣе воздухъ своимъ присутствіемъ. Несчастный умолялъ жестокосердаго богача всѣмъ святымъ для него въ мірѣ дать ему еще нѣсколько рису для отца и матери. Послѣ неоднократно повторенныхъ приказаній удалиться, благородный швырнулъ въ несчастнаго камнемъ, попавшимъ ему въ голову. Въ отвѣтъ на это, родія разсыпалъ въ воздухѣ находившійся въ рукахъ его рисъ и поспѣшилъ скрыться. Теперь вся плантація, находившаяся въ предѣлахъ пространства, на которомъ разбросанъ былъ этотъ рисъ, оказалась какъ бы зараженною и потерянною для своего владѣльца. Раздраженный плантаторъ обратился къ англійскимъ властямъ съ требованіемъ отправить солдатъ для убіенія несчастнаго, дерзнувшаго нанести ему такое нравственное оскорбленіе и вмѣстѣ матеріальный уронъ. Каково было, однако, удивленіе его, когда англійскія власти объявили ему, чтобъ онъ и не думалъ о какомъ либо мщеніи, иначе ему самому можетъ грозить смертная казнь.

Родіи показались мнѣ довольно сильными; у нихъ выразительныя

черты лица; но жизнь, исполненная уничиженія и лѣни, убиваетъ въ нихъ всякую энергію. Они чувствуютъ рѣшительное отвращеніе ко всякой работѣ и предпочитаютъ поддерживать свое жалкое существованіе милостыней, воровствомъ, разсказываніемъ сказокъ, вмѣсто того, чтобы заниматься какимъ нибудь честнымъ трудомъ. Они позволяютъ даже

Чортова пляска на Цейлонѣ.

своимъ женамъ и дочерямъ, отличающимся, нужно замѣтить, рѣдкою красотою, свободно предаваться за деньги разврату. Самые трудолюбивые изъ нихъ приготовляютъ плети и ремни, другіе воздѣлываютъ небольшія поля, за право пользованія которыми они обязаны бываютъ доставить владѣльцу извѣстное количество ремней. Мужчины ходятъ съ непокрытыми головами и подбираютъ свои длинные, никогда непод-

сдѣлана духовенствомъ, которое замѣнило искусственнымъ зубомъ настоящій зубъ Будды, захваченный въ Яфнѣ португальцами въ 1560 году и уничтоженный въ Гоа, въ присутствіи португальскаго вице-короля. Колпаки, подъ которыми онъ хранится, украшены золотыми цѣпями и осыпаны драгоцѣнными каменьями, оцѣниваемыми свыше 300,000 франковъ; всѣ эти драгоцѣнности пожертвованы вѣрующими, ежегодно стекающимися въ огромномъ числѣ на поклоненіе подложнымъ мощамъ. Святилище не велико; снаружи оно окружено колоннадой, посреди которой довольно крутая лѣстница ведетъ въ часовню, вознесенную надъ поверхностью земли. Всѣ стѣны, потолки и колонны покрыты барельефами, изображающими попеременно солнце и луну, окруженныя львами; это эмблемы царственнаго достоинства, которыя можно было видѣть только въ храмахъ и во дворцахъ раджей.

Когда англичане овладѣли дворцомъ въ Канди, они постарались захватить въ свои руки знаменитыя мощи, — этотъ палладіумъ, обезпечивающій владѣльцу его верховную власть надъ островомъ. До самаго послѣдняго времени одинъ ключъ отъ мощей находится въ рукахъ агента англійскаго правительства, а другой — въ рукахъ главнаго храмоваго священника. Священный зубъ съ великою торжественностью выставляется ежегодно на поклоненіе вѣрующимъ, притекающимъ сюда въ огромномъ количествѣ, при чемъ каждый пилигримъ считаетъ свою обязанностью сдѣлать какое нибудь существенное приношеніе, составляющее обильный источникъ дохода для духовенства. Въ настоящее время, только лица, принадлежащія къ высшей кастѣ на Цейлонѣ, — къ *гойванзе*, или земледѣльцамъ, возводятся въ санъ священниковъ, во время полнолунія *весака* (время, приходящееся въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ), въ одномъ изъ двухъ буддистскихъ монастырей въ Канди — *Астири*, которому предоставленъ въ духовномъ отношеніи высшій надзоръ за сѣверной частью острова, и *Мюлтте*, которому предоставленъ надзоръ за южной частью; право посвященія не предоставляется, какъ прежде, особому капитулу, состоявшему изъ десяти священниковъ. Эта привиллегія, столь противная принципамъ буддизма, взволновала *халліасовъ*, или ремесленниковъ западнаго берега, и нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Бирманію для полученія тамъ священническаго сана. Такимъ образомъ возникла борьба между двумя классами, заставляющая халліаскихъ священниковъ прилежно изучать древнія книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ, на которомъ онѣ написаны. Благодаря этому обстоятельству, они оказываются болѣе свѣдущими, чѣмъ священники высшей касты, не знающіе большею частью истинныхъ принциповъ

Еврейскіе типы западнаго берега Индіи.

буддизма и предающихся самому грубому суевѣрію. Приготовляющіеся къ священству лица называются въ Цейлонѣ *ганнунанзе*, или членами конгрегаціи, а возведенные въ священническій *санъ-теронназе*, или почтенными старцами.

Городъ Канди пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ большее и большее значеніе и развитіе, вслѣдствіе разведенныхъ вокругъ него англичанами многочисленныхъ кофейныхъ плантацій. Въ настоящее время европейское населеніе сосредоточивается по преимуществу въ центральной области. Кофейныя плантаціи способствуютъ, безспорно, развитію на островѣ богатства, но всѣми выгодами отъ этого торговаго развитія пользуется не туземное населеніе. Рабочіе прибываютъ обыкновенно изъ чужихъ мѣстъ и спѣшатъ возвратиться на родину тотчасъ, какъ только имъ удастся скопить сколько нибудь деньжонокъ. Сами владѣльцы плантацій — англичане пріѣзжаютъ на Цейлонъ на время, для того лишь, чтобы разжиться, и потомъ возвращаются обратно въ Англію. Такимъ образомъ не только произведенія цейлонской почвы потребляются внѣ острова, но и сбытъ ихъ обогощаетъ исключительно иностранцевъ, употребляющихъ, во время пребыванія своего на островѣ, одни лишь продукты, доставляемые извнѣ.

Первыя плантаціи кофе насаждены были на Цейлонѣ голландцами, слишкомъ два вѣка назадъ, но вслѣдствіе голландской торговой системы, старающейся поддерживать всюду монополію, голландцы нисколько не старались о размноженіи кофейныхъ плантацій на островѣ, изъ опасенія повредить успѣхамъ того же самого производства въ другой колоніи ихъ Явѣ. Къ тому же они разводили кофейныя плантаціи исключительно на западномъ берегу острова, естественныя условія котораго всего менѣе благопріятствуютъ этого рода производству. Кофейное дерево, нужно замѣтить, было завезено на Цейлонъ арабами гораздо ранѣе покоренія этого острова голландцами, но употребленіе кофейныхъ зеренъ, извѣстное съ незапамятныхъ временъ въ Абиссиніи, — откуда кофейное дерево развезено было по разнымъ странамъ міра, — оставалось неизвѣстнымъ цейлонцамъ. Кофе ввезенъ былъ въ Персію въ 875, въ Сирію, Египетъ, въ Константинополь и Венецію 1615, въ Марсель въ 1644, въ Лондонъ въ 1652 и въ Парижъ въ 1675 году.

Не ранѣе какъ въ 1825 году, въ Гамполѣ сдѣланъ былъ первый опытъ правильнаго разведенія кофейныхъ плантацій; съ тѣхъ поръ цѣнность цейлонскаго кофе удвоилась, вслѣдствіе значительнаго улучшенія плантаторами его качества. Во время моего пребыванія на Цейлонѣ, въ немъ считалось шестьсотъ сорокъ четыре кофейныхъ планта-

[illegible]

[illegible]

ботало не менѣе ста тысячъ тамуловъ. Цифра эта, кажется, впрочемъ, преувеличенною. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ на Цейлонъ доставлено было изъ разныхъ мѣстъ Индіи 950,000 рабочихъ, изъ коихъ обратно возвратилось не болѣе 480,000. Среднимъ числомъ на Цейлонъ ежегодно доставляется отъ 40 до 55,000 рабочихъ, треть которыхъ становится жертвой сыраго и, сравнительно съ другими мѣстностями Индіи, холоднаго климата гористаго Цейлона, куда рабочихъ побуждаетъ отправляться не столько нищета, сколько жажда поживы. Лихорадки составляютъ истинный бичъ иностранныхъ рабочихъ. Задѣльная плата ихъ можетъ быть опредѣлена среднимъ числомъ въ три четверти франка; кромѣ того, имъ выдается не въ зачетъ рисъ, привозимый изъ Индіи. Они могутъ отказаться отъ работы во всякое время, даже въ ту минуту, когда въ нихъ наиболѣе нуждаются. Все это ставитъ иногда плантаторовъ въ весьма затруднительное положеніе; нѣкоторые изъ нихъ совершенно разоряются, особенно тѣ, которые, въ спекулятивномъ увлеченіи своемъ, купили за высокія цѣны каменистыя, ни къ чему негодныя земли, расположенныя въ юго-западной части горъ. Воздѣлываніе ихъ оказывается неблагопріятнымъ какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ и относительно производительности самой почвы. Климатъ становится менѣе сырымъ, но за то болѣе знойнымъ, а почва менѣе оплодотворяется дождевою влагою.

Кофейныя зерна сушатъ на солнцѣ и отправляютъ потомъ въ Коломбо, гдѣ ихъ очищаютъ отъ шелухи и подвергаютъ вторично сушкѣ въ особо устроенныхъ для этого сушильняхъ. Недостатокъ рабочихъ рукъ не составляетъ, впрочемъ, главной причины убытковъ, претерпѣваемыхъ плантаторами; обезьяны, крысы, бѣлки и разнаго рода насѣкомыя зачастую совершенно опустошаютъ кофейныя плантаціи и дѣлаютъ эту эксплуатацію довольно рискованною. Кромѣ того, плантаціи повреждаются также дождями. Одинъ гектаръ даетъ среднимъ числомъ пятнадцать мѣръ кофе. Количество ежегодно добываемаго туземнаго кофе мало измѣняется; обыкновенно его собираютъ около тридцати тысячъ квинталовъ; но количество кофе, добываемаго на плантаціяхъ, подвержено сильнымъ колебаніямъ.

Такимъ образомъ, раздѣляя производительность послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ и на пятилѣтніе періоды, получаемъ: для перваго періода 274,360 центнеровъ, для втораго 701,104, для третьяго 1.575,254, для четвертаго 2.056,330 и для пятаго 2.965,655 центнеровъ; слѣдовательно, количество кофе, собраннаго въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ,— болѣе чѣмъ удесятерилось; кромѣ того, благо-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

можно тѣсное сближеніе между людьми могло бы, повидимому, обезпечить счастіе всѣхъ, а между тѣмъ оно признается совершенно излишнимъ, и туземцы всего болѣе дорожатъ своимъ одинокимъ положеніемъ, при которомъ они по своему пользуются дарами жизни и природы.

Цейлонскіе горцы питаютъ къ своимъ вождямъ традиціонное уваженіе, и чрезвычайно привязаны къ обычаямъ старины. Нарядъ ихъ отличается отъ наряда береговыхъ жителей тѣмъ, что они не носятъ жилета, въ который наряжаются одни только избранные между ними, да и то не иначе, какъ при какой нибудь торжественной церемоніи. Они никогда не стригутъ волосъ и не поддерживаютъ прически своей гребнемъ. Особые законы и религіозныя постановленія опредѣляютъ родъ одежды для каждаго класса; законы эти сохраняются большею частію въ полной силѣ до сихъ поръ, не смотря на отмѣну кастъ, провозглашенную англійскимъ правительствомъ. Длина юбокъ, носимыхъ безразлично мужчинами и женщинами въ горахъ и равнинахъ, и составляющихъ, какъ кажется, главную принадлежность національнаго костюма, которой цейлонцы придаютъ всего болѣе значенія, длина этихъ юбокъ, говорю, соотвѣтствовала нѣкогда соціальному положенію горца. Паріи не смѣли носить юбокъ, спускающихся ниже колѣнъ. Мужчины и женщины нисшей касты не прикрывали груди; даже между старшинами сохранился обычай наблюдать между собою извѣстное различіе въ способѣ ношенія платья, смотря по іерархическому положенію ихъ. Высшій классъ отличается, кромѣ того, своимъ головнымъ уборомъ, представляющимъ родъ берета изъ бѣлаго полотна. Нисшіе классы просто покрываютъ голову платкомъ, оставляя обнаженною одну лишь маковку. Одинъ царь пользовался привиллегіей ношенія сандалій. Запрещеніе нисшимъ классамъ носить цѣпи и золотыя и серебряныя украшенія сохраняется въ полной силѣ по настоящее время.

Въ сѣверной части острова Цейлона, гдѣ дорожныя тропинки узки и находятся вообще въ весьма дурномъ состояніи, для переѣздовъ и перевозки тяжестей невозможно пользоваться никакимъ другимъ животнымъ, кромѣ коня. Я досталъ себѣ поэтому верховую лошадь и отправилъ ее въ Метеллу, куда я предпочелъ отправиться въ дилижансѣ, въ которомъ производится почтовое сообщеніе между двумя городами. Изъ Меателлы я быстро проѣхалъ въ Дамбулъ, деревню, расположенную въ сорока пяти миляхъ отъ Канди и славящуюся буддистскими храмами, устроенными въ естественныхъ гротахъ, находящихся вблизи скалъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Скалистаго холма*. Скала эта, стоящая совершенно отдѣльно въ долинѣ, походитъ на островокъ, отдѣ-

ленный отъ массы окрестныхъ горъ. Буддистскіе гроты прикрыты сводами скалы, къ которымъ никогда не прикасалась рабочая рука; только въ отдѣляющихъ стѣнахъ и стѣнахъ фасада замѣтенъ трудъ человѣка. Скалы эти имѣютъ около 160 футовъ вышины; онѣ покрыты въ разныхъ мѣстахъ тощими и немногочисленными кустарниками; особенно унылое зрѣлище представляетъ сѣверный, совершенно обнаженный склонъ ихъ.

Лишенный трона малабарскими узурпаторами и принужденный искать въ теченіе многихъ лѣтъ убѣжища въ этихъ естественныхъ гротахъ, Валагамъ Багу преобразилъ ихъ въ храмы, по возвращеніи утраченной имъ власти за восемьдесятъ шесть лѣтъ до Р. Х. Упоминаемые гроты, къ которымъ ведетъ весьма крутая тропинка, открываются въ южномъ склонѣ скалы, срѣзанной въ видѣ конуса. Передъ храмомъ произрастаетъ нѣсколько кокосовыхъ деревьевъ и растеніе (messua ferrea), бѣлые душистые цвѣты котораго ежедневно настилаются у подножія статуи Будды. Тутъ же замѣтны развалины другаго священнаго зданія, воздвигнутаго также Валагамомъ Багу. Ведущая въ гроты галерея покрыта простой соломенной крышей. Я насчиталъ пять святилищъ, устроенныхъ на выдающейся части скалы и раздѣленныхъ между собою кирпичными стѣнами. По неровностямъ и наклоненію потолка можно легко видѣть, не смотря на покрывающіе его рисунки, что рабочій инструментъ никогда не прикасался къ нему. Первое изъ этихъ святилищъ извѣстно подъ именемъ Мага-Дева-Вигаре, или храмъ Великаго Бога; оно имѣетъ $17\frac{1}{2}$ метровъ вышины. Въ глубинѣ его устроенъ алтарь въ одиннадцать съ половиною метровъ длины, на которомъ покоится колоссальная статуя Будды, въ состояніи нирваны, т. е. полнѣйшей смерти. Увѣряютъ, что алтарь и статуя изсѣчены въ скалѣ, въ чемъ я не могъ убѣдиться, вслѣдствіе толстаго слоя покрывающей ихъ смазки. Противъ головы Будды помѣщенъ образъ Вишну, представленный чернымъ, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился при смерти Готамы, когда ему препоручено было бодрствовать надъ династіей Виджайа. Въ этомъ же самомъ святилищѣ находятся три другія статуи Будды и двухъ возлюбленныхъ учениковъ его. Другой храмъ, или Магараделa-Бахаре, имѣетъ пятдесятъ два метра длины, при тридцати трехъ съ половиною глубины; у входа потолокъ его возвышенъ на семь метровъ, но онъ постепенно понижается по мѣрѣ углубленія внутрь храма. Полъ покрытъ многочисленными медальонами, изображающими Будду, сидящимъ въ глубокомъ размышленіи. Это безконечное повтореніе одного и того же об-

Бомбейскій парсъ.

раза въ орнаментахъ зданій составляетъ характеристическую черту азіатской архитектуры, свидѣтельствуя о крайней бѣдности воображенія туземныхъ художниковъ. Въ упоминаемомъ храмѣ нарисовано также нѣсколько сценъ изъ исторіи Цейлона, перемѣшанныхъ въ разныхъ мѣстахъ съ изображеніями буддистскихъ святыхъ. Фрески эти интересны не только какъ образчики цейлонской живописи, но также и потому, что по нимъ можно изучать древніе обычаи; въ художественномъ отношеніи онѣ не выдерживаютъ никакой критики; въ нихъ не соблюдены правила перспективы, и нѣтъ никакой соразмѣрности въ частяхъ; изображенныя на нихъ человѣческія лица поражаютъ отсутствіемъ всякаго выраженія. На оконечности грота, выступающая сквозь трещины вода набожно собирается вѣрующими для религіозныхъ цѣлей. Ни одинъ послѣдователь буддизма не рѣшился бы напиться этой воды, несмотря на ея прозрачность, дабы не навлечь на себя гнѣва Будды. Монахи, попеченію которыхъ ввѣрены эти храмы, устроили жилища свои на южной покатости скалы; они владѣютъ многочисленными деревнями и обширными имѣніями, подаренными имъ прежними царями При посѣщеніи описываемыхъ гротовъ, мнѣ привелось присутствовать при одной религіозной церемоніи, произведшей на меня весьма сильное впечатлѣніе своей простотой и величіемъ. Внѣшніе обряды буддизма напоминаютъ нѣкоторыя обрядныя стороны католической церкви. Культъ буддизма отличается своей простотой: во всѣхъ восточныхъ странахъ искони установленный обычай требуетъ, чтобы младшій не приближался къ старшему безъ какого либо приношенія; поэтому-то цейлонцы никогда не вступаютъ въ свои храмы безъ разнаго рода приношеній, состоящихъ изъ цвѣтовъ, рису, матерій или мелкой монеты. Вѣрующіе слагаютъ приношенія свои въ алтарѣ къ подножію Будды, держа въ это время руки соединенными надъ лбомъ. Воззвавъ затѣмъ къ заступничеству Садгу — добраго, несравненнаго владыки, и поклонившись священникамъ, они падаютъ ницъ, слушая въ такомъ положеніи священника, который, стоя среди преклоненной толпы, прочитываетъ ясно и громко главнѣйшія религіозныя обязанности, возлагаемыя Буддою на его послѣдователей, при чемъ присутствующіе повторяютъ ихъ. Такимъ образомъ, внѣшній культъ буддизма ограничивается, какъ мы видимъ, приношеніями и общественными проповѣдями. Строго говоря, въ культѣ Будды нѣтъ внѣшней обрядной стороны. Только одно невѣжество заставило видѣть въ Буддѣ—бога, а торжественныя церемоніи, ежегодно устраиваемыя во славу его, обязаны своимъ началомъ смѣшенію буддизма съ браминскими суевѣріями.

*

Во дни *поя* и *орепасата*, т. е. во дни новолунія и полнолунія, буддисты отправляются въ храмъ, чтобы сложить тамъ свои приношенія и слушать чтеніе рѣчей Будды и объясненіе его доктринъ; часть этого дня должна быть посвящена религіознымъ размышленіямъ. Монахи ходятъ съ бритой, обнаженной головой: правило это установлено съ цѣлью обуздывать ихъ тщеславіе, такъ какъ у цейлонцевъ прическа составляетъ украшеніе, способное возвышать красоту человѣческаго образа. Они носятъ трехъ родовъ платья, называемыя *сангати*, *уттавасана* и *антаравасако*, состоящіе изъ кусковъ матеріи желтаго цвѣта (священный цвѣтъ въ Цейлонѣ), которыми монахи обертываютъ свое тѣло разными способами, оставляя обнаженными плечо и правую руку. Не смотря на то, что священническая одежда должна, по настоящему, походить на саванъ, покрывающій скелетъ, и удовлетворять условіямъ приличія, не привлекая вниманія, она оказывается однако весьма нарядною. Матерія на платье должна быть скроена и выкрашена въ одинъ день. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Цейлона хлопчатникъ по утру собираютъ и въ тотъ же день до заката солнца ткутъ и красятъ его.

Съ вершины Дамбульскаго холма, господствующаго надъ окрестной мѣстностью, открывается великолѣпный видъ, особенно въ ясную погоду, когда прозрачная атмосфера позволяетъ видѣть горы и долины Метеллы и лѣсистыя равнины Ніура-Кальва.

Продолжая путь мой къ сѣверовостоку, я достигнулъ возвышающейся посреди равнины скалы Сигири, остроконечныя ребра которой представляютъ весьма своеобразное зрѣлище. Тутъ въ 478 году Сигири Касумбу укрывался отъ мщенія своего брата, прозваннаго Косіага-отцеубійца, въ воспоминаніе ужаснаго злодѣянія, при помощи котораго онъ овладѣлъ трономъ, замуровавъ въ стѣну живымъ своего роднаго отца. Развалины старинной крѣпости существуютъ до сихъ поръ, но теперь онѣ представляютъ одинъ лишь историческій интересъ. На вершину этой скалы можно взобраться лишь при помощи веревочной лѣстницы. Прежде чѣмъ я успѣлъ достигнуть Сигири, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одного феноменальнаго явленія, о которомъ многіе говорили уже до меня, именно, выхожденія рыбъ изъ естественнаго элемента ихъ—воды. Солнце только что восходило и обильная роса покрывала еще травы, когда на поворотѣ дороги я очутился посреди группы небольшихъ рыбъ (anabas scandens), пробиравшихся изъ высохшаго пруда въ другой, наполненный водою. Рыбы эти имѣли въ длину 10—15 сантиметровъ; онѣ удерживались въ равновѣсіи посредствомъ плавательныхъ грудныхъ перепонокъ, протянутыхъ гори-

зонтально; самое же движенiе ихъ производится при помощи жабръ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что изъ воды могутъ выходить лишь тѣ породы рыбъ, у которыхъ жабры остаются нѣкоторое время влажными послѣ извлеченiя ихъ изъ воды. Въ головной части этихъ рыбъ, подробно описываемыхъ въ зоологiи, находятся особые мѣшечки, наполняемые водою и служащiе истинными резервуарами, въ которыхъ рыбы могутъ сохранять долгое время воду для увлаженiя своихъ дыхательныхъ органовъ. Увѣряютъ, будто случалось видѣть, какъ рыбы эти взбирались на деревья при помощи своихъ нарѣзанныхъ зубцами жаберъ и плавательныхъ перепонокъ; но это явленiе, во всякомъ случаѣ, совершенно исключительное. Выхожденiе рыбъ изъ воды извѣстно было уже грекамъ: о немъ говорятъ въ своихъ сочиненiяхъ Геродотъ, Аристотель и Теофрастъ. Другой, не менѣе замѣчательный феноменъ, который мнѣ пришлось наблюдать здѣсь, это появленiе въ прудахъ, на другой день послѣ проливныхъ дождей, множества совершенно развитыхъ рыбъ, которыхъ прежде не замѣчали. Это объясняется характеристическимъ свойствомъ нѣкоторыхъ цейлонскихъ рыбъ засыпать, во время продолжительныхъ засухъ, какъ бы летаргическимъ сномъ, углубляясь въ дно озера, и пробуждаться изъ своей летаргiи при первомъ сильномъ дождѣ. Туземные жители, знакомые со всѣми этими явленiями, не ловятъ обыкновеннымъ способомъ рыбъ во время засухи; они просто вооружаются лопатой, раскапываютъ дно высохшаго пруда до глубины 25—50 сантиметровъ; иногда стоитъ только дотронуться до земли заступомъ, чтобы достать нѣсколько рыбъ, которыя, пробуждаясь въ эту минуту, начинаютъ обнаруживать свойственное рыбамъ порывистое движенiе. Во время засухи жизненныя функцiи ихъ временно прекращаются, вслѣдствiе недостатка воды. Тоже самое случается съ нѣкоторыми моллюсками (Ampullaria и Melania). Если нѣкоторыя характеристическiя особенности цейлонскихъ рыбъ способны заинтересовать путешественника, то съ матерiальной точки зрѣнiя рыбы эти представляютъ для него мало привлекательнаго, такъ какъ мясо ихъ довольно грубо и безвкусно.

превосходные водолазы, хотя обыкновенно они остаются подъ водою не долѣе сорока или пятидесяти секундъ; нырять же они могутъ до осьмидесяти и даже осьмидесяти-четырехъ разъ сряду; но продолжительное пребываніе подъ водою сильно утомляетъ ихъ и они не могутъ вскорѣ послѣ того приниматься за работу. При всякомъ погруженіи, они набираютъ отъ тридцати пяти до сорока пяти раковинъ, но въ этомъ числѣ очень много мертвыхъ, слѣдовательно открытыхъ и не стоющихъ ровно ничего. Каждая пара водолазовъ откладываетъ добычу своего улова отдѣльно, такъ что доля каждаго опредѣляется вмѣстѣ трудомъ и жребіемъ. Бывали случаи, что суда привозили съ собой до тридцати шести тысячъ раковинъ, что, впрочемъ, составляетъ исключеніе, между тѣмъ какъ средній уловъ равняется отъ четырехъ до осьми тысячъ. По возвращеніи, всякій сноситъ добычу свою въ *коту*, или правительственный складъ, и дѣлитъ ее на четыре ровныя части, изъ которыхъ одна, по назначенію инспектора, выдается водолазу, въ видѣ поденной платы за работу. Послѣдній же выдаетъ изъ своей доли одну пятую тиндалю и треть остающейся части двумъ помощникамъ. Изъ семи дней улова добыча одного дня предоставляется водолазами и капитаномъ хозяину дгонея. Всѣ эти доли продаются въ розницу спекуляторамъ, которые не имѣютъ средствъ купить тысячу раковинъ у правительства; прибыль водолаза мѣняется отъ шести до тринадцати франковъ въ день. Если ремесло тяжело, по крайней мѣрѣ оно оплачивается. Предоставленіе одной четвертой части улова въ пользу водолазовъ даетъ вѣрное средство запастись рабочими руками, заставить индѣйцевъ въ короткое время выполнить значительную работу и избавиться на будущее время отъ всякихъ скучныхъ притязаній. Приманка значительнаго, хотя и не всегда опредѣленнаго барыша, дѣйствуетъ на ихъ жадность гораздо больше, чѣмъ меньшая, но постоянная задѣльная плата. Такъ какъ суда и водолазы обозначаются нумерами по порядку, а коту раздѣляютъ на нумерованныя же отдѣленія, то каждый экипажъ и матросъ знаетъ точное мѣсто, куда онъ долженъ складывать свои раковины; затрудненій при этомъ не случается.

Продажа принадлежащихъ правительству жемчужныхъ раковинъ производится въ Катчерри, гдѣ инспекторъ опредѣляетъ паи, въ тысячу раковинъ каждый, въ пользу объявившаго высшую цѣну, который имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право брать по той же цѣнѣ извѣстное число паевъ, лишь бы только заявилъ объ этомъ тутъ же на торгахъ. Покупки дѣлаются на чистыя деньги, и инспекторъ выдаетъ ассигновку на полученіе условнаго числа паевъ въ коту. Цѣна чрезвычайно мѣняется,

Парсы: мать и дочъ.

и не только въ теченіе извѣстнаго времени года, но въ теченіе даже одного дня, средняя цѣна за тысячу почти полтораста франковъ. По полученіи раковинъ, покупщики складываютъ ихъ въ мѣшки и развѣшиваютъ на солнцѣ; въ продолженіе трехъ или четырехъ дней черви объѣдаютъ все мясо. Впрочемъ, въ началѣ улова разложеніе совершается лишь въ восемь или десять дней, потому что число мухъ и личинокъ слишкомъ недостаточно для этой цѣли; затѣмъ тщательно промываютъ остатки и выбрасываютъ створки раковины, очищенныя отъ нечистотъ; остальныя части, состоящія изъ песку, обломковъ раковинъ, кораловъ и жемчужинъ, просушиваются на солнцѣ и просѣваются; рабочіе осматриваютъ, горсть за горстью, эту пыль и выбираютъ изъ нея жемчугъ, который и откладываютъ въ сторону; каждая горсть проходитъ черезъ послѣдовательный осмотръ трехъ человѣкъ.

Нѣтъ надобности говорить, что, отправляясь на прогулку подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ, я далеко обходилъ всѣ частныя коту, гдѣ перебираютъ эти животные продукты.

Ловля нерѣдко прерывается эпидемическими болѣзнями, порождаемыми коту, этими настоящими гнѣздами заразы, и тогда эксплоатація по необходимости прерывается.

Къ составу инспекціи улова жемчужныхъ раковинъ въ Сельваторре придается одинъ англійскій водолазъ; одѣтый въ пробковую фуфайку, онъ опускается на дно съ цѣлью опредѣлить число и возрастъ жемчужныхъ устрицъ. Я могъ бы воспользоваться случаемъ для совершенія подводной прогулки, но лихорадка помѣшала мнѣ выполнить этотъ планъ. Притомъ же, снарядъ самъ по себѣ негодится для ловли, потому что движенія совершенно связаны при такой толстой кожаной одеждѣ.

При позднихъ ловахъ почти семь осьмыхъ устрицъ подбираются мертвыми, слѣдовательно открытыми и безъ жемчугу. По истеченіи опредѣленнаго двѣнадцати-дневнаго срока ловли, если банка не вся еще выбрана, какъ случилось и во время моего проѣзда, дозволяютъ всѣмъ безъ различія судамъ участвовать въ ея эксплоатаціи.

Когда мое любопытство удовлетворилось знакомствомъ съ знаменитыми жемчужными ловлями, я вернулся въ Анурадхапуру, нѣкогда столицу цейлонской монархіи, замѣчательную по древности своихъ построекъ и по множеству священныхъ развалинъ и храмовъ, имѣющихъ важное религіозное значеніе въ странѣ. Дорога изъ Сельваторре въ Анадхапуру ведетъ по плотинѣ *Исполиноваго-Пруда*, одного изъ великолѣпнѣйшихъ озеръ, вырытыхъ трудами рукъ человѣческихъ, знаменитаго образчика прежней индѣйской индустріи; подобные памятники

существуютъ вездѣ въ Деканѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ Цейлона. Туземцы умѣли обращать безплодные пески въ плодородную мѣстность они избороздили ихъ каналами и прудами, поддерживавшими здѣсь растительность и жизнь; они расчищали ихъ и засаживали деревьями.

Но что создалъ человѣкъ, то разрушила природа. Теперь вы видите блѣдные слѣды гигантскихъ работъ, заслуживающихъ нашего удивленія тѣмъ болѣе, что онѣ свидѣтельствуютъ о стремленіи государей къ благу и счастью своихъ подданныхъ.

Способъ постройки заключался въ поднятіи плотины черезъ долину, въ которую впадалъ потокъ; плотина состояла изъ земляной насыпи, нерѣдко одѣтой внутри камнемъ. При видѣ Исполиноваго-Пруда, который, впрочемъ, никогда не былъ оконченъ, можно только удивляться могуществу народа, способнаго предпринимать такія обширныя гидравлическія работы. Плотина тянется въ длину на нѣсколько миль, ширина же ея превосходитъ сто метровъ.

Онъ долженъ былъ составлять часть обширной системы орошенія, которая дѣйствовала бы посредствомъ Шитъ-Аара, канала, снабжаемаго рѣкою Арипо; но такъ какъ эти работы относятся къ концу сингалезской монархіи, къ эпохѣ, когда искусства уже упадали, то уровни были измѣрены плохо, и догадались уже слишкомъ поздно, что русло канала было ниже пруда; такимъ образомъ изъ этого не вышло никакой пользы.

Анурадгапура (городъ Анурады) *), расположенный въ густомъ лѣсу на лѣвомъ берегу Арипо, въ двадцати миляхъ отъ ея устья, былъ основанъ въ 504 году до Рождества Христова Анурадою, министромъ Виджайо и зятемъ царя Пандувазы; онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ правительства царей Ланки (древнее имя Цейлона) при Панду Кабгайѣ, пятомъ царѣ Виджайской династіи, въ 370 до Р. Х., и оставался столицею сингалезскаго царства до 769, когда Агграбоди IV сталъ искать убѣжища отъ безпрестанныхъ набѣговъ малабаровъ въ Полланарруа.

Возвратимся теперь къ древней столицѣ сингалезской монархіи. Въ одной изъ древнихъ лѣтописей мы читаемъ слѣдующее описаніе города, какимъ онъ былъ до начала христіанской эры:

«Анурадгапура наполненъ храмами и дворцами, золоченые шпицы которыхъ блестятъ на солнцѣ; улицы усыпаны въ срединѣ бѣлымъ, а

*) Или Анараджапура, городъ девяноста раджей. Впрочемъ, въ этой столицѣ царствовали только восемьдесятъ два царя туземныхъ; если же считать узурпаторовъ, то войдетъ девяносто восемь монарховъ.

по бокамъ чорнымъ пескомъ и на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга возвышаются арки изъ бамбуковыхъ деревьевъ, украшенныя цвѣтами и знаменами. Тысячи жителей, слоновъ, лошадей, зебу, паланкиновъ, колясокъ запружаютъ эти улицы безъ конца. Среди толпы проходящихъ, которые идутъ по своимъ дѣламъ, встрѣчаются люди, которыхъ ремесло — забавлять другихъ, какъ напр. плясуны, фокусники и музыканты.

«Главныхъ улицъ двѣ: Шандраванъ Калангъ (съ сѣвера къ югу) и Магелланамъ Вадія (отъ запада къ востоку); въ каждой изъ нихъ не менѣе десяти тысячъ домовъ, большею частію большихъ и богато отдѣланныхъ; а малыхъ улицъ безчисленное множество.

«Царскій дворецъ — зданіе замѣчательное и построенъ въ обширныхъ размѣрахъ. Нѣкоторыя строенія въ два и даже въ три этажа. Кто могъ бы опредѣлить пространство земли, занятой этимъ городомъ»?

Тамъ, гдѣ возвышался нѣкогда богатый и многолюдный городъ, я встрѣтилъ лишь убогія хижины, служащія жилищами небольшому числу туземцевъ. Однѣ только развалины свидѣтельствуютъ о древнемъ величіи Анурадгапуры.

Планъ этихъ двухъ главныхъ улицъ, о которыхъ говоритъ приведенное нами пышное описаніе, замѣтенъ еще и понынѣ. Вдоль этихъ-то главныхъ улицъ подымались самые лучшіе памятники священнаго города.

Главнѣйшія изъ этихъ развалинъ суть: Лога-Пазадо и Тупы. Лога Пазадо, или Лова Магапайя (бронзовый дворецъ), былъ построенъ въ 164 г. до Р. Х. княземъ Дуттагамини, который съ добродѣтелями царя соединялъ благочиніе инока. Это былъ монастырь въ тысячу келій, который, возвышаясь на тысячи шестистахъ колоннахъ, весь былъ покрытъ золочеными изваяніями. Преемники Доттагамини часто реставрировали и перестраивали его. Чтобы дать понятіе объ этомъ дворцѣ, мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ Магавансо, памятника, написаннаго въ пятомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія *).

«Самодержавный государь Ланни, щедрый раджа Дуттагамини составивши проэктъ построить Лога Пазадо, назначилъ на каждые ворота по восьми лаковъ (два милліона франковъ), по тысячѣ платьевъ и сосудовъ, наполненныхъ одни — сахаромъ, другіе масломъ или медомъ, чтобы платить такимъ образомъ рабочимъ, ибо онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ прибѣгать къ вынужденному труду, и рѣшилъ, чтобы

*) Мѣсто это извлечено изъ англійскаго перевода Тэрнура.

рабочіе получали справедливое вознагражденіе. Дворецъ, квадратной формы, мѣрою былъ по сто локтей съ каждой стороны; по девяти этажей возвышались на такую же высоту. Въ каждомъ этажѣ было по сто комнатъ, украшенныхъ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Стѣны были отдѣланы орнаментами изъ стеклянныхъ перловъ, блестѣвшихъ, какъ драгоцѣнные камни, и золотыми гирляндами, которыя соединялись между собою цвѣтами изъ инкрустацій драгоцѣнныхъ камней.

«Въ срединѣ дворца была зала, вся золоченая;—ее поддерживали колонны, украшенныя деватами (боги), львами и различными животными. Въ глубинѣ этой залы, по стѣнамъ шла лиственная рѣзьба, украшенная настоящимъ жемчугомъ; изъ угловъ свѣшивались букеты цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣнныхъ камней; стѣны убраны стеклянными перлами. Въ срединѣ ея возвышался тронъ изъ слоновой кости, украшенной эмблемами солнца (изъ золота), луны (изъ серебра) и звѣздъ (изъ перловъ). Около этого трона, покрытаго чрезвычайно дорогой матеріей, было опахало изъ слоновой кости необыкновенной красоты (знакъ великаго жреца) и былъ растянутъ бѣлый зонтикъ - эмблема царской власти.

«Центральная зала, тронъ, зонтикъ—все отличалось чрезвычайнымъ великолѣпіемъ.

«Раджа велѣлъ поставить въ комнатахъ диваны, стулья, разостлать цѣнные шерстяные ковры. Ложка, употреблявшаяся въ кухнѣ для рису, была золотая. Трудно было бы описать всѣ затѣи этого дворца.

«Зданіе это, въ которое вели четверо воротъ, было окружено гипсовою стѣною, покрытою бронзовыми бляхами, отчего и происходитъ названіе Лога Пазадо, или бронзовый монастырь. Онъ блисталъ, какъ небесныя обители.»

Отъ Лога Пазадо, этого дворца — монастыря, осталось въ настоящее время только тысяча шестьсотъ колоннъ, на которыхъ возвышались нѣкогда девять, столь богато украшенныхъ этажей. Эти колонны всѣ четырехгранной формы и занимаютъ квадратное пространство, по четыреста колоннъ съ каждой стороны, длиною въ шестьдесятъ одинъ метръ пятьдесятъ сантиметровъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ колоннъ, обтесанныхъ тщательно и даже украшенныхъ сверху скульптурною работою, на всѣхъ нихъ почти сохранились знаки кирки, употреблявшейся работниками при обтесываніи камней въ четырехгранную форму. Онѣ размѣщены безъ правильнаго порядка и, принадлежа нѣкоторому разрушившемуся зданію, были перенесены Дату-Сеною во время возстановленія части Логи Па-

задо. Онѣ были когда-то покрыты штукатуркой. Нѣсколько каменныхъ архитравъ указываютъ на то, что въ срединѣ существовала квадратная зала съ восмью колоннами по сторонамъ, можетъ быть та самая золотая зала, въ которой былъ тронъ изъ слоновой кости.

Проходя этимъ каменнымъ лѣсомъ, заросшимъ настоящею чащею, я былъ удивленъ неравномѣрностью высотъ, окружности и размѣщенія колоннъ различныхъ рядовъ. Окружность ихъ постепенно увеличивается отъ наружи дворца къ центру; высота центральныхъ колоннъ почти на одинъ метръ больше высоты остальныхъ. Изъ такого оригинальнаго расположенія колоннъ я естественно заключилъ, что вся тяжесть зданія опиралась на центръ, и что дворецъ имѣлъ пирамидальную форму — размѣры каждаго этажа уменьшались по мѣрѣ возвышенія.

Такой родъ строенія, встрѣчающійся во многихъ восточныхъ странахъ, имѣетъ свое начало въ трудности построить изъ дерева дворецъ въ нѣсколько этажей, съ перпендикулярнымъ фасадомъ. Архитекторы, не привыкшіе строить такія зданія въ странахъ, гдѣ только одинъ царь могъ имѣть домъ въ нѣсколько этажей, должны были по своей неопытности предпочитать наиболѣе легкій и наиболѣе прочный способъ постройки.

На краю площади, часть которой занимаетъ Лога Пазада, возвышался храмъ Магавигаре, который въ настоящее время не представляетъ никакого другаго интереса, кромѣ того, что въ глазахъ буддистовъ всѣхъ націй онъ считается предметомъ священнымъ, ибо за оградой его находится *богага*, или священное дерево, отрасль смоковницы Урувелы (*Urastigma religiasum*), подъ которымъ Готама достигъ достоинства Будды. Вѣтвь этого на вѣки благословеннаго дерева была принесена Сангамиттою, дочерью императора Асоки, и посажена въ царствованіе Деванапійатиссы, за двѣсти пятьдесят лѣтъ до Р. Х. Магавансо представляетъ длинный разсказъ о чудесахъ, совершившихся при этомъ достопамятномъ обстоятельствѣ: тамъ можно прочесть, какимъ образомъ вѣтвь смоковницы Урувелы сама собою отдѣлилась отъ дерева; какъ она принесена была моремъ, и потомъ посажена въ Анурадгапурѣ. Съ того времени, какъ его посадили, и до нашихъ дней, это *побѣдоносное, славное, высшее, священное, почитаемое* дерево не переставало привлекать благоговѣніе и поклоненіе буддистскихъ пилигримовъ, приходящихъ изъ всѣхъ частей Азіи. Нѣтъ ни одного другого фетиша, какъ замѣтилъ М. Эмерсонъ Теннентъ, который былъ бы предметомъ обожанія людей въ теченіе двадцати одного вѣка подрядъ.

[illegible]

[illegible] [illegible] на коротенькихъ. [illegible]

[illegible] въ которыхъ со- [illegible] изъ четырехъ ра- [illegible] украшеній [illegible]

Дѣтскія типы индѣйскихъ огнепоклонниковъ.

представляютъ каріатидъ, которыя поддерживаютъ крышу какъ бы для того, чтобы возвысить священное значеніе жрецовъ. Наружная часть колоннъ, за исключеніемъ четырехъ, стоящихъ въ углахъ, безъ скульптурныхъ украшеній; залу окружала стѣна, оштукатуренная известкой.

Нельзя удалиться отъ этихъ античныхъ мѣстъ пилигримства, не упомянувъ о двухъ высѣченныхъ изъ цѣлыхъ кусковъ гранита чанахъ, стѣнки которыхъ снаружи украшены простыми античными пилястрами. Одинъ изъ нихъ болѣе трехъ метровъ въ длину и имѣетъ вмѣстимость четырехъ тысячъ четырехъ сотъ пятидесяти двухъ литровъ; онъ служитъ для рису, который посылали раджи для кормленія монаховъ Вигаре-Тупарамы; размѣры этой крашеной чаши не удивятъ васъ, когда вы узнаете, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Анурадгапуры считалось до пяти тысячъ жрецовъ, и все одаренныхъ сильнымъ аппетитомъ, какъ это подобаетъ людямъ, свободнымъ отъ труда и заботъ. Еще и нынѣ, въ іюньское полнолуніе, когда пилигримы приходятъ посѣтить священную смоковницу и дагобы, они, проходя мимо этихъ челновъ, бросаютъ въ нихъ по горсти поджаренаго риса.

Углубляясь въ чащу, я видѣлъ также два корыта изъ монолитовъ: одно въ пятнадцать метровъ длины, а другое въ восемнадцать метровъ и пятьдесят сантиметровъ,—они служили для корма слоновъ раджей.

Переходя черезъ Арипскую дорогу для того, чтобы попасть на сѣверную и южную дорогу изъ города, вы сейчасъ же замѣтите *рюанвелли*, храмъ, построенный для храненія множества апокрифическихъ реликвій Будды. Онъ теперь въ развалинахъ. Издали этотъ памятникъ представляется въ видѣ холма, покрытаго чащею, и только приближаясь къ дагобѣ можно замѣтить въ этой огромной грудѣ кирпича, совершенно спрятаннаго въ зелени кустарниковъ и растеній, слѣды человѣческой руки. Разсматривая внимательно очертанія теперешняго рюанвелли, можно опредѣлить еще мѣсто гробницъ и догадаться о полу-сферической формѣ, которую должна была имѣть дагоба. Высота, приписываемая сингалійскими лѣтописями этому Рюанвелли-Саи, — равняется ста двадцати локтямъ, или восемьдесяти тремъ метрамъ; но тутъ вѣроятно принимается линія, проведенная наискось отъ вершины къ основанію. Нынѣшняя высота составляетъ пятьдесят шесть метровъ, а діаметръ сто шестьнадцать метровъ и шестьдесят сантиметровъ.

Въ сѣверо-западномъ углу перекрестка, образованнаго встрѣчею двухъ большихъ улицъ древней и священной митрополіи, возвышается наиболѣе почитаемая изъ всѣхъ цейлонскихъ дагобъ *Туппарама*. Она была построена первымъ буддистскимъ царемъ острова Деванпирца-

тиссою, около двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ до Р. Х., было священное хранилище ключицы Будды спасенной, какъ говорятъ, изъ пламени костра, на которомъ сожжено тѣло святаго Готамида. Она возвышается на срединѣ круглой площадки; нижняя часть зданія сдѣлана изъ доломита, бѣлаго известковаго камня, который законы, изданные на Ланкѣ противъ роскоши, позволяли употреблять только на постройку царскихъ дворцовъ и священныхъ зданій. Полуэллипсоидальный куполъ построенъ отступя отъ края его подножія на два метра тридцать пять сантиметровъ, и въ нижней части своей украшенъ гладкими карнизами и недавно отштукатуренъ вновь.

Магаванео сообщаетъ, что ключица Будды, послѣ того какъ она совершила многія чудеса, была положена на вершинѣ Тупарамы, вѣроятно въ гробничкѣ. Куполъ дагобы надстроенъ черезъ двѣсти сорокъ лѣтъ послѣ Рождества Христова.

Въ чертѣ Тупарамы, къ югу отъ дагобы, находятся развалины маленькаго строенія, въ которомъ въ 400 г. по Р. Х. былъ положенъ *далада*, или правый глазной зубъ Будды, принесенный на Цейлонъ изъ Дантапуры дочерью калингасскаго князя Гугасевы, по распоряженію царя ся отца, который, боялся, чтобы этотъ священный реликвій не попалъ въ руки невѣрнаго, войска котораго угрожали его владѣніямъ. Отъ Далады Малигаве остаются теперь только колонны; нѣкоторыя изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе любопытною формою своихъ капителей, бока которыхъ глубоко выдолблены, а ребра имѣютъ форму дугъ круга.

Я упомяну еще о полукругломъ камнѣ, находящемся внизу лѣстницы и раздѣленномъ на концентрическія полукруглыя полосы; на которыхъ сдѣланы замѣчательные барельефы: на одной изъ нихъ вырѣзаны львы, слоны, лошади, зебу; по другой—проходитъ гирлянда цвѣтовъ лотуса, затѣмъ гуси, несущіе въ клювахъ своихъ зерна и корни того же растенія, и различныя другія украшенія. Рисунокъ этихъ изображеній чистъ и изященъ; животныя изображены съ рѣдкимъ совершенствомъ, они кажутся полными жизни, и позы ихъ совершенно естественны. Но что меня удивило всего болѣе и что составляетъ рѣдкое достоинство въ произведеніяхъ азіатскаго искусства, это — простота барельефа, которая въ настоящее время уже не соотвѣтствовала бы вкусу и духу индѣйскихъ народовъ.

Среди этихъ мертвыхъ развалинъ меня ждала еще одна живая развалина, немного западнѣе Ланка Рамайи. Тамъ-то на маленькомъ обработанномъ и огороженномъ пространствѣ, на скромно расчищенной ча-

стицѣ земли, переходящей въ дѣвственный лѣсъ, живетъ въ званіи князя и съ титуломъ Сюрійя-Курнера-Синга (сынъ солнца и льва), владѣтель нынѣшней области Анурадгапуры. Его генеалогическое дерево восходитъ до того предка, который сопровождалъ священный отсадокъ дерева Будды изъ Магады на Цейлонъ въ 289 году до Рождества Христова. Что значатъ родовыя претензіи самыхъ древнѣйшихъ европейскихъ фамилій въ сравненіи съ такою древностью рода? Я видѣлъ въ его рукахъ сокровищницу, которая до конца послѣдняго вѣка украшала, говорятъ, штицъ рюанвелли. Она отчеканена чудесно, открывается посредствомъ замка особой системы и должна была заключать въ себѣ многія реликвіи и богатые дары. Весьма любопытно было бы знать въ точности древность этой вещи, работа которой и интересный запоръ указываютъ на весьма развитое состояніе искусства золотаго и серебрянаго производства и механики.

Во время моего пребыванія въ Анурадхапурѣ заболѣлъ великій жрецъ этихъ развалинъ и умеръ въ нѣсколько дней. Я присутствовалъ при его похоронахъ. Когда буддистъ умираетъ, — посылаютъ за жрецомъ читать у изголовья постели *бану* (священное писаніе). Если тонъ речитатива и дѣйствуетъ благопріятно на слухъ умирающаго, за то совершенно непонятныя для него слова, разумѣется, не могутъ быть ему значительною религіозною поддержкою. Тѣла жрецовъ и лицъ, принадлежащихъ къ высшей кастѣ, однѣ удостоиваются почестей сожженія; прочія зарываются въ садахъ своего дома или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, по выбору родственниковъ. При обрядѣ сожженія или погребенія, тѣла безразлично кладутъ лицомъ къ землѣ и головою на западъ, потому что у цейлонцевъ обычай спать головою къ востоку, какъ бы созерцая индѣйскій материкъ, откуда явился Будда, —а они считаютъ неприличнымъ давать мертвымъ одинаковое положеніе съ живыми. Но какъ, по ихъ понятіямъ, трупъ оскверняетъ жилище, то они стараются перенести какъ можно скорѣе умирающаго въ другое мѣсто и не оставлять его въ домѣ. Послѣ его смерти, родственники, съ распущенными волосами, начинаютъ длинныя причитыванія и плачъ, ударяя себя въ грудь.

Тѣло великаго жреца, одѣтое въ желтое платье, перенесено было къ погребальному костру на открытомъ паланкинѣ, который несли родственники и друзья въ траурѣ, то есть въ темносинихъ одеждахъ, такъ какъ этотъ цвѣтъ считается на Цейлонѣ траурнымъ; ноги трупа были связаны, а руки скрещены на груди; впереди погребальной процессіи шелъ человѣкъ, выбивавшій на тамтамѣ (этотъ инструментъ упо-

требляется только при погребеніи); за нимъ слѣдовали слуги съ знаменами и различными эмблемами; а жрецы и родственники шли за гробомъ. Костеръ былъ приготовленъ въ джунгляхъ: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ рядовъ сухаго дерева и возвышался на одинъ метръ и двадцать центиметровъ отъ земли; по четыремъ угламъ вбиты были колья, а на оконечности ихъ развивался кусокъ бѣлой матеріи; маленькія восковыя свѣчки горѣли въ глиняныхъ сосудахъ; легкая бамбуковая постройка составляла сводъ и убрана была кокосовыми листьями. Тѣло помѣстили на кострѣ и покрыли бѣлымъ саваномъ, послѣ чего первый жрецъ, воздѣвъ руку, прочелъ молитву; по окончаніи послѣдней саванъ сняли, а тѣло покрыли нѣсколькими рядами дровъ. Тутъ же, въ честь покойника, роздали нѣсколько кусковъ матеріи и немного мелкихъ денегъ, бросили на костеръ поджаренаго рису, а жрецы, въ видѣ почести, воздаваемой главѣ ихъ, обошли вокругъ костра, становясь на колѣни и кланяясь до земли; одинъ изъ родственниковъ покойника обошелъ три раза съ топоромъ въ рукѣ около костра и, останавливаясь у каждаго фаса, ударялъ желѣзомъ о костеръ. «Что ты дѣлаешь», спрашивали у него! — «Истребляю тѣло великаго жреца». Потомъ, взявъ въ руки два факела и, повернувшись спиною къ костру, онъ поджегъ его, причемъ оставилъ одинъ изъ факеловъ въ ногахъ, а другой въ головахъ у покойника. Въ эту минуту раздались сильнѣйшія рыданія; именно послѣдней части церемоніи цейлонцы придаютъ наибольшую важность. «Воздайте мнѣ, послѣ моей смерти, должныя почести», говорятъ обыкновенно умирающіе. Когда тѣло обратится въ пепелъ, вокругъ сгорѣвшаго костра втыкаютъ небольшія кокосовыя вѣточки, для обозначенія, что это мѣсто священно. На седьмой день, жрецы и родственники собираютъ пепелъ, зарытый предъ тѣмъ въ томъ же освященномъ мѣстѣ, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ въ мавзолей. Передъ собираніемъ праха одинъ изъ жрецовъ произноситъ рѣчь, въ которой изображаетъ всѣ превратности жизни и приглашаетъ присутствующихъ быть добродѣтельными, особенно же щедро подавать милостыню и посѣщать храмы, дабы достигнуть высшаго блаженства.

Въ Кандіанской монархіи по смерти царя соблюдался особый, весьма интересный церемоніалъ. Тѣло въ царской одеждѣ, и со всѣми атрибутами власти, переносилось въ величайшею торжественностью и пышностью на костеръ изъ сандальнаго дерева. Когда огонь, поддерживаемый въ теченіе одиннадцати дней монахами, обращалъ трупъ въ пепелъ, тогда его заливали молокомъ буйволицы, смѣшаннымъ съ кокосовою водою. Часть пепла заключалась въ урну, которую везъ на

берегъ рѣки одинъ изъ служителей верхомъ на королевскомъ слонѣ и съ мечемъ въ рукѣ. Достигнувъ берега, онъ погружался съ драгоцѣнной ношей въ воду и всплывалъ на поверхность уже съ пустыми руками, послѣ чего онъ достигалъ противопожнаго берега и исчезалъ въ глубинѣ лѣсовъ; слонъ бросался къ лѣсу и обращался въ дикое состояніе; носильщики и молодыя дѣвушки, составлявшіе часть кортежа, переходили рѣку и не смѣли возвращаться назадъ подъ страхомъ смертной казни, полагавшейся за то закономъ. По исполненіе означенныхъ формальностей, вельможи и сановники возвращались въ столицу и доносили новому царю, что все кончено, послѣ чего очищались ванною.

Буддизмъ до такой степени зараженъ предразсудками, что даже великіе жрецы твердо вѣрятъ въ заклинанія Дивовъ и Іаккосовъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ простыми и внушительными церемоніями буддизма стоятъ шарлатанство и фокусы, посредствомъ которыхъ *аноматтіа* и *іаккодурса* думаютъ исцѣлять болѣзни, насланныя на людей Дивами и Іаккосами, въ наказаніе за ихъ пороки и нечистую совѣсть. Мы говорили уже, что по цейлонскимъ вѣрованіямъ Дивы и Іаккосы обладаютъ сверхъестественною властію; невидимые людскимъ взорамъ, они тѣмъ не менѣе живутъ на землѣ: слѣдуя правиламъ Будды, они обязаны охранять священныя мѣста и наказывать святотатство; прочіе стараются вредить людямъ, въ такой мѣрѣ, что самая чистая, безукоризненная добродѣтель не защищаетъ отъ ихъ злобныхъ нападокъ. Нѣкоторые цейлонцы, слывущіе за людей одержимыхъ Дивами, увѣряютъ, будто имѣютъ надъ ними вліяніе; другіе считаются колдунами, имѣющими власть только надъ іаккосами. Замѣтимъ также, что каждый изъ такъ называемыхъ *аноматтіа* и *іаккодурса* имѣютъ власть только надъ однимъ извѣстнымъ дивомъ или іаккосомъ, и когда ихъ призываютъ къ больному, то они и безъ особеннаго старанія умѣютъ угадывать, что совѣсть больнаго не совсѣмъ-то покойна въ отношеніи койкакихъ дѣлъ и кой-какихъ обидъ, совершенныхъ безъ всякаго сомнѣнія въ той священной оградѣ, гдѣ властвуетъ ихъ дивъ.

Передъ смертью великаго жреца, похороны котораго описаны выше, я присутствовалъ при церемоніи аноматтія. Способъ дѣйствія ихъ отличается отъ способа іаккодурса. Двери дома, гдѣ находится больной, украшены бамбуковой аркой; скорлупа кокосоваго орѣха, наполненная масломъ, служитъ для иллюминаціи фасада. Когда служитъ аноматтія, передъ нимъ ставятъ жертвенникъ, зажигаютъ на немъ свѣчи, кладутъ ладанъ, бетель и арековые орѣхи. Сложивъ руки, онъ начинаетъ молиться и черезъ нѣсколько времени имъ овладѣваетъ трепетъ: одинъ

изъ присутствующихъ, называемый *капурале*, поддерживаетъ его и кладетъ ему въ руку *паради*, или каменный амулетъ; вслѣдъ за тѣмъ быстро наступаютъ конвульсивныя подергиванія эпилептическаго свойства: это значитъ, говорятъ цейлонцы, что богъ вошелъ въ его тѣло и обнаруживаетъ свое присутствіе необыкновенными движеніями. Дѣйствительно, всѣмъ существомъ аноматтія овладѣваетъ волненіе и безпорядокъ, какъ будто имъ двигаетъ какая-то неудержимая сила. Голова живо вертится во всѣ стороны, волосы разсыпаются, покрываютъ плечи и лицо; испуганный видъ, непонятныя, отрывистыя слова показываютъ, что богъ собирается вѣщать его устами. Тогда ему задаютъ вопросы о причинѣ болѣзни, и онъ прописываетъ лекарство. По окончаніи консультаціи, онъ испускаетъ глухіе крики, голова его начинаетъ вертѣться скорѣе и скорѣе, зубы колотятся другъ о друга, глаза смыкаются, онъ шатается и падаетъ на руки своего ассистента. Богъ удалился.

Предписанія состоятъ въ нравоучительныхъ совѣтахъ; иной разъ эти шарлатаны даютъ больному волшебную нить или *олу* (латановый листъ), покрытую іероглифическими письменами, которую слѣдуетъ обвязать вокругъ руки. Народъ, непонимающій причины и свойства этихъ движеній, облачающихъ вполнѣ конвульсивную болѣзнь, сталъ приписывать подобнымъ фокусамъ сверхъестественную силу. Іаккодурса, или *чортовъ плясунъ*,—по выраженію англо-индѣйцевъ, дѣйствуетъ иначе: сгибаясь подъ тяжестью цѣпочекъ и драгоцѣнныхъ украшеній, онъ употребляетъ заклинанія, чтобы выгнать Іаккосовъ изъ тѣла больнаго. Заклинанія изображаются странными, эксцентрическими танцами; церемоніи предшествуетъ обыкновенно принесеніе пѣтуха въ жертву. Ставятъ жертвенникъ, и вокругъ него іаккодурса исполняютъ свои пляски; посреди быстрыхъ эволюцій они кричатъ: «убейте пѣтуха» —и животное немедленно убивается, а кровь его, собранная на кучѣ риса, кладется на жертвенникъ на листѣ туземнаго дерева. Къ концу пляски пѣтухъ и рисъ относятъ въ джунглъ, гдѣ и выставляютъ на треножникѣ, зажигая столько лампъ, сколько было принесенныхъ въ жертву предметовъ.

Въ извѣстныхъ болѣзняхъ жертвоприношеніе, подъ названіемъ *де-лимуне*, состоитъ только изъ лимоновъ, которые чортовъ плясунъ разрѣзываетъ ножницами надвое и бросаетъ всякій разъ, когда проходитъ мимо больнаго, во время своихъ замысловатыхъ эволюцій. Потомъ куски лимона подбираются и относятся въ джунгли. Аноматтія, также какъ іаккодурса, признаютъ, что не имѣютъ вліянія на обык-

Мужскіе типы Нильгерійскихъ горцевъ.

новенныя болѣзни; вмѣшательство ихъ полезно лишь тогда, когда болѣзнь наслана Дивомъ, или Іаккосомъ.

Происхожденіе чертовской пляски относится ко временамъ царствованія Сиризанъ-ха-Бодги 1-го (838 год. по Р. Х.). Въ ту эпоху случился великой голодъ и вслѣдъ за нимъ страшная чума, приписанная нѣкоему красноглазому Іаккосу; для умилостивленія его и придумали пляску, пользующуюся и доселѣ такимъ почетомъ. Буддистское ученіе противно подобнымъ обрядомъ, хотя Будда и признавалъ за богами и духами сверхъестественную власть и даже самъ установилъ церемонію для заклятія и избавленія порочныхъ людей отъ ихъ нападеній. Послѣдняя церемонія длится не менѣе семи дней, въ теченіе которыхъ два жреца читаютъ безпрерывно *пиритъ*, или церковный уставъ, написанный нарочно съ этою цѣлью. На эстрадѣ помѣщаются мощи, а напротивъ становятся жрецы; подъ конецъ первой ночи комнату обводятъ освященной ниткой, конецъ которой прикрѣпляется къ реликвіи. Всѣ созванные жрецы собираются по три раза въ день и каждый произнося изреченіе пирита, держа въ рукахъ нитку; въ теченіе сутокъ двое жрецовъ смѣняются, чтобы не прерывать чтенія.

Культъ *нага*, или змѣй, не въ такомъ теперь почетѣ, какъ культъ Іаккосовъ, однакоже не такъ давно, на небольшомъ островѣ, подлѣ Жафферы, существовалъ храмъ, посвященный богинѣ Нага-Тамбиранъ; здѣсь воспитывались священныя змѣи.

ГЛАВА X.

АНУРАДХАПУРСКІЙ ОКРУГЪ.—МѢСТНЫЕ ЗАКОНЫ О БРАКѢ И НАСЛѢДСТВѢ.—СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.—ДИКОЕ ПЛЕМЯ ВЕДДАХОВЪ.—ИХЪ ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.—КОРИЦА НА ЦЕЙЛОНѢ.—ПУАНЬ-ДЕ-ГАЛЛЬ.—МАВРЫ НА ЦЕЙЛОНѢ.—ЛОВЛЯ ЧЕРЕПАХЪ.—ГОА.—БОМБЕЙ.—ПАРСЫ ИЛИ ОГНЕПОКЛОННИКИ.—ИХЪ ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ БОМБЕЙСКОМЪ ПРЕЗИДЕНТСТВѢ.

Вѣрный руинамъ и обломкамъ прошлаго, дистриктъ Анурадхапурскій былъ на островѣ единственнымъ, гдѣ въ 1862 году дѣйствовали еще въ полной силѣ древніе цейлонскіе законы о бракѣ и о наслѣдованіи. Трудно отыскать другую страну, гдѣ бы обычаи въ этомъ отношеніи были болѣе интересны. Мужчины, начиная съ шестнадцати лѣтъ, могутъ, безъ родительскаго согласія, вступать въ бракъ по собственному усмотрѣнію. Когда родители молодой дѣвушки повѣстили публикѣ посредствомъ особеннаго семейнаго празднества о томъ, что дочь ихъ можетъ быть невѣстой, тогда всякій, желающій получить ея руку, имѣетъ право открыть переговоры съ ея семействомъ черезъ своего дядю или двоюроднаго брата. Если уполномоченные приняты благосклонно, отецъ молодаго человѣка идетъ уже самъ обо всемъ освѣдомиться и уговориться на счетъ приданаго. Если партія кажется выгодною, то дѣлается формальное предложеніе, послѣ котораго родители молодой дѣвушки отплачиваютъ визитъ, причемъ собираютъ также свѣдѣнія о положеніи жениха. Затѣмъ остается только удостовѣриться не имѣетъ ли невѣста какихъ нибудь недостатковъ въ тѣлосложеніи или болѣзней; обязанность эта выпадаетъ только на долю матери молодаго человѣка. Немедленно послѣ освидѣтельствованія, послѣдній посылаетъ въ подарокъ листья бетеля, и принятіе ихъ составляетъ уже торжественное обязательство. День и часъ свадьбы опредѣляются въ такомъ случаѣ астрологомъ, который, передъ указанными выше послѣдними формальностями, обязанъ сравнить гороскопъ будущихъ су-

пруговъ и заявить о томъ, не противится ли этому союзу вліяніе планетъ. Свадьба празднуется въ *манду*, или временномъ бамбуковомъ строеніи, обитомъ цыновками и сооруженномъ по близости дома невѣсты. Здѣсь обыкновенно собираются мужчины, пока женщины ѣдятъ однѣ въ домѣ. Въ день свадьбы женихъ, въ сопровожденіи пріятелей и слугъ, отправляется къ невѣстѣ съ подарками, напримѣръ драгоцѣнными вещами, матеріями, плодами и блюдами всѣхъ возможныхъ сортовъ. У дверей ожидаетъ невольникъ и умываетъ ему ноги. Послѣ того глава семейства беретъ его за руку и сажаетъ подъ манду; женщины идутъ за матерью внутрь дома, гдѣ послѣ обѣда совершается брачная церемонія.

Посреди главной комнаты на возвышеніи, обтянутомъ бѣлымъ полотномъ, ставится груда рису въ видѣ конуса; ее окружаютъ молодые кокосовые орѣхи, вѣтки съ плодами банана и листья бетеля; вершину ея вѣнчаютъ золотыя, серебряныя и мѣдныя деньги. Въ благопріятный моментъ, тщательно вычисленный астрологомъ, разбиваютъ одинъ изъ кокосовыхъ орѣховъ однимъ ударомъ на двѣ части, и молодую дѣвушку вводятъ мать и ближайшая родственница, имѣющая также многочисленное потомство. Когда невѣста взойдетъ на возвышеніе и обернется лицомъ къ той сторонѣ неба, гдѣ находится звѣзда, покровительница ея союза, тогда она получаетъ изъ рукъ жениха свадебныя драгоцѣнности, которыя тотчасъ же и надѣваетъ. Матеріи мать беретъ для себя; подарки, сдѣланные до женитьбы составляютъ собственность жены и не могутъ быть требуемы обратно ни подъ какимъ предлогомъ. Окончивъ туалетъ, невѣста раздаетъ листья бетеля всѣмъ присутствующимъ; затѣмъ подходитъ женихъ, наливаетъ на нее нѣсколько масла, сандальнаго дерева, или коричной эссенціи и вытаскиваетъ изъ своего комбойя нитку, которою отецъ одного изъ брачущихся связываетъ обоимъ имъ мизинцы. Женихъ помогаетъ молодой дѣвушкѣ сойти съ возвышенія, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они разъединяютъ руки, разрывая нитку. Вслѣдъ за тѣмъ новобрачные, въ сопровожденіи самыхъ близкихъ родственниковъ, идутъ въ другую залу, гдѣ накрытъ обѣденный столъ; въ знакъ равенства кастъ, они ѣдятъ съ одного блюда. По окончаніи пира молодой бросаетъ нѣсколько монетъ. Скатерть и различныя приношенія становятся собственностью прачки, моющей на все семейство. До третьяго и даже иногда до седьмаго дня послѣ свадьбы молодые, днемъ и ночью, носятъ свадебное платье; въ эти же дни родные новобрачной приносятъ въ подарокъ плоды, рисъ, карри, цвѣты; эстрада воздвигается снова и на ней садятся молодые.

Нерѣдко случается, что издерживаютъ на свадебные пиры и подарки всѣ свои сбереженія предшествующихъ лѣтъ. У цейлонцевъ нѣтъ многоженства, но зато другой замѣчательный обычай многомужества, дозволенный закономъ и религіей, господствовалъ здѣсь повсемѣстно до декрета, обнародованнаго англичанами въ Канди, въ 1859 году. Теперь подобные союзы признаются незаконными, но въ Анурадхапурскомъ дистриктѣ, гдѣ администрація смотритъ сквозь пальцы, этотъ старинный обычай еще упорно держится. Многомужство — слѣдствіе нищеты и лѣности, а также результатъ общественныхъ бѣдствій, терзавшихъ Цейлонъ, начиная съ пятаго вѣка. Жизнь въ коммунѣ дешевле жизни въ отдѣльныхъ семьяхъ и, кромѣ того, при подобныхъ союзахъ нечего было бояться, что дѣти умрутъ съ голода. Къ тому же дѣвочекъ чаще всего умерщвляли, запихивая имъ въ горло, тотчасъ по рожденіи, рисовый колосъ.

Изъ Анурадхапуры я углубился въ джунгли для того, чтобы осмотрѣть знаменитый прудъ Калавеве, лежащій къ юго-западу. Вырытый въ 459 г. по Р. Х. Дату-Сеною, онъ имѣлъ въ окружности до пятнадцати миль; поперечная плотина вмѣстѣ съ боковою насыпью Балалувеве простиралась въ длину до пяти миль. Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей, я бы могъ указать на остатки озера Пракрама, въ Элисгавѣ, подлѣ Метеллы и на десятимильную плотину вдоль шлюза Амбанганскихъ водъ. Каналы связываютъ это внутреннее море съ озеромъ Минери, которое заключаетъ восемь миль въ окружности и славится великолѣпными видами.

Нѣтъ страны, гдѣ бы развитіе каналовъ и водныхъ резервуаровъ достигало такой степени. Впрочемъ, ни одна страна не нуждается такъ въ искусственномъ орошеніи какъ сѣверныя области Цейлона и Деканъ; здѣсь дожди рѣдки и случаются не періодически. Обработка риса, основной пищи азіатскихъ народовъ, требовала созданія обширныхъ резервуаровъ для оплодотворенія песковъ, которые въ противномъ случаѣ не могли бы ничего произращать.

Очень сильная болотная лихорадка, въ которую я впалъ, изслѣдуя развалины, разсѣянныя по нездоровой низменности Анурадгапуры, и которая не оставляла меня больше трехъ лѣтъ, заставила меня возвратиться поскорѣе въ Коломбо. Я крайне сожалѣлъ, что не могъ посѣтить памятниковъ Полланарруа, которая была столицею острова, со времени Аггрdébади IV-го, т. е. съ 769 по 1318 годъ. Зданія, привлекающія еще и нынѣ вниманіе путешественниковъ, построены при Пракрамѣ-Багу 1-мъ (въ 1153) и Кирти-Миссангѣ.

Въ лѣсахъ, простирающихся между Ватиколою съ одной стороны и тринкомальскою дорогою — съ другой, живутъ *веддахи*, дикія племена, вполнѣ заслуживающія вниманіе путешественника. Веддахи — аборигены Цейлона, дѣйствительно потомки Ракхазасовъ, Рамаяны и Іаккосовъ Махаванзо; возмущенные противъ владычества, пришедшаго къ нимъ съ сосѣдняго материка, они сохранили до сихъ поръ первобытные нравы. Двадцать четыре вѣка прошли, развивая вокругъ нихъ цивилизацію, но не вывели ихъ изъ состоянія врожденнаго варварства; они бродятъ среди джунглей, убѣгаютъ всякаго общества и прячутся въ пещерахъ скалъ; при небольшомъ ростѣ, они сильны и дѣятельны; кормятся тѣмъ, что добудутъ на охотѣ, преимущественно обезьянами и большими ящерицами, ямсомъ и дикимъ медомъ. На мѣсто бетеля, веддахи жуютъ кору нѣкоторыхъ древесныхъ породъ. Волокна и листья деревьевъ доставляютъ имъ одежду. Ихъ единственнымъ оружіемъ служитъ лукъ, отсюда и названіе веддахи, что значитъ лучники. Хотя они и не людоѣды, но имѣютъ другіе пороки дикихъ — между прочимъ многоженство. Черезъ годъ совмѣстнаго сожитія, мужъ пользуется правомъ отослать свою жену къ ея роднымъ безъ всякихъ объясненій. Убійство наказывается только пеней въ тридцать франковъ, суммою равною стоимости невольника.

Веддахи вѣрятъ въ существованіе всемогущаго бога; но этотъ богъ не внушаетъ имъ никакого страха: они молятся только духамъ лѣсовъ и водъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они воображаютъ, что души умершихъ ихъ родственниковъ являются на землю и могутъ имъ вредить, почему они и прибѣгаютъ къ заклинаніямъ для умилостивленія ихъ тѣней.

Съ нѣкоторыхъ поръ англійское правительство вышло изъ бездѣйствія и старается привить веддахамъ начало цивилизаціи. Но, по отзывамъ англійскихъ миссіонеровъ, посѣтившихъ это племя и сообщившихъ подробности о его любопытныхъ нравахъ, предстоитъ не малая борьба съ вкоренившеюся въ немъ привычкою къ независимости и любовью къ кочующей жизни.

Мы говорили о лѣсныхъ веддахахъ; но есть еще веддахи сельскіе и веддахи прибрежные; послѣдніе отъ соприкосновенія съ своими цивилизованными собратьями — не такъ дики, болѣе гостепріимны и живутъ селеніями, при которыхъ обрабатываютъ небольшія поля. Они мѣняютъ сушеную дичь, воскъ, оленьи рога, слоновую кость на рисъ и прочіе предметы первой необходимости.

Изъ Канди я поспѣшилъ вернуться въ Коломбо, гдѣ долженъ былъ лечиться три мѣсяца отъ лихорадки, которой пароксизмы возвраща-

[illegible]

[illegible]

[illegible] Иногда [illegible] ... [illegible] разложе-
нія [illegible] часть кора, положенная по-
[illegible] сама собою и разщепляется на пучки
[illegible]

Женскіе типы Нильгерійскихъ горцевъ.

Еще не такъ давно восемдесятъ гектаровъ, засаженные коричнымъ кустарникомъ, давали ежегодно болѣе двухъ сотъ сорока тысячъ килограммовъ корицы, на сумму трехъ мильоновъ пяти сотъ тысячъ франковъ. Теперь пятьсотъ гектаровъ едва производятъ среднимъ числомъ четыреста тысячъ килограммовъ, представляющихъ цѣнность въ одинъ мильонъ франковъ; приводимыя цифры достаточно показываютъ какъ понизилась на европейскихъ рынкахъ цѣна на эту пряность и какъ мало заботятся теперь объ этой промышленности, потому что въ шесть разъ большее пространство даетъ только вдвое противъ прежняго сбора.

Мальпостъ, отходящій два раза въ сутки, одинъ днемъ, другой ночью, — доставилъ меня въ десять часовъ изъ Коломбо въ Пуань-де-Галль. Дорогою я не могъ налюбоваться до сыта кокосовымъ лѣсомъ, который окоймляетъ эту часть острова зеленою полосою и между высокими стволами котораго виднѣлась синева моря. Не много странъ на землѣ, берега которыхъ были бы столь живописны. Кокосовое дерево— самое полезное: житель Востока любитъ перечислять всевозможныя употребленія его различныхъ частей. Въ англійскихъ лѣтописяхъ имя его начинаетъ упоминаться съ 161 года до Р. Х.; но какъ плодъ съѣдобный оно стало извѣстно повидимому только съ одиннадцатаго вѣка (1053). Съ тѣхъ поръ каждая хижина стала осѣняться его изящными листьями. Систематическія кокосовыя плантаціи начались только съ 1841 на югозападномъ берегу въ Яффнѣ и Баттикалоа. Нынѣ кокосовое дерево воспитываютъ въ разсадникахъ и затѣмъ уже пересаживаютъ; въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ его нужно поливать ежедневно, и часто бываетъ необходимо перемѣнять землю. Работники, занимающіеся на такой плантаціи молодыхъ деревьевъ, получаютъ по пяти франковъ за дерево или пользуются половиною продукта; вообще одинъ гектаръ земли, засаженный двумя стами сорока кокосниками, даетъ годоваго дохода отъ шестидесяти до ста двадцати пяти франковъ. Каждое дерево приноситъ отъ двадцати пяти до семидесяти пяти кокосовъ. Если кокосовая плантація и не даетъ дохода сразу, то, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ она составитъ имущество весьма цѣнное и, сверхъ того, не требующее никакихъ затратъ. Изъ кокосоваго орѣха извлекаютъ сухое ядро, или *копра* и добываютъ изъ него превосходное масло для горѣнія. Изъ кокосовыхъ волоконъ дѣлаютъ веревки, сбытъ которыхъ значителенъ. Плетеные листья его, или *каджаны*, продаются отъ двухъ франковъ до двухъ франковъ пятидесяти сантимовъ для покрышки домовъ, для изгородей, и пр. Вотъ главные торговые продукты, доставляемые кокосникомъ; но деревья, сверхъ того,

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] — все [illegible]

[illegible] представляетъ [illegible]

[illegible] времена онъ [illegible] — и нельзя [illegible] до начала [illegible] изъ Пер- [illegible] съ кораб- [illegible]

[illegible] построенныхъ, [illegible]. Онъ почти [illegible] чиновниками правительства. [illegible] на улицу, прикрытыми отъ солнечныхъ лучей и отъ [illegible] взоровъ толстыми цы-

новками. Вездѣ встрѣчаются мавры и даже дѣти Израиля, привозящіе па продажу украшенія, драгоцѣнные камни, издѣлія изъ чернаго дерева, слоновой кости и черепахи, по возмутительно высокимъ цѣнамъ. Притомъ же слѣдуетъ остерегаться поддѣльныхъ камней, потому что они вообще примѣшиваются въ весьма значительной пропорціи къ настоящимъ.

Злосчастные путешественники чаще всего платятъ безъ торгу запрошенную цѣну потому только, что Цейлонъ обладаетъ копями драгоцѣнныхъ камней и стадами слоновъ; они воображаютъ что камни и слоновая кость здѣсь дешевле чѣмъ гдѣ нибудь. Ошибка громадная.

Мавры живутъ на Цейлонѣ съ осьмаго столѣтія; болѣе дѣятельная жизнь, болѣе питательная пища, религія болѣе удовлетворительная для человѣческаго ума, чѣмъ буддизмъ, нравственность болѣе высокая, чѣмъ нравственность шиваитовъ, — все это оказываетъ замѣтное вліяніе на ихъ физическое сложеніе и нравы. Они сильны и храбры; мужественныя и выразительныя черты лица придаютъ имъ видъ сознательный и не имѣющій въ себѣ ничего рабскаго.

Изъ всѣхъ жителей острова, безъ сомнѣнія, они самый промышленный классъ, и занимаются постоянно торговлею. Вѣрные принципу исламизма, они примѣшали къ своимъ религіознымъ обрядамъ много суевѣрія, заимствованнаго у господствующихъ въ Индіи культовъ.

Ловля *каретъ* (chelonia imbriata) производится на восточной сторонѣ Галля, особенно въ Гамбанглотѣ. Створки этихъ морскихъ черепахъ доставляютъ черепаховую кость, одну изъ важныхъ отраслей торговли для Цейлона. Ихъ ловятъ въ то время, когда онѣ выходятъ класть яйца на берегъ, въ чемъ удостовѣрился и г. Теннанъ. Цейлонцы полагаютъ, что черепаховая кость цѣнится только тогда, если снимается съ живой черепахи, въ такомъ убѣжденіи они вѣшаютъ несчастное животное надъ огнемъ, пока створки не отдѣлятся, а потомъ бросаютъ ее назадъ въ море; по ихъ словамъ, таже самая черепаха, забывъ прошлыя мученія, возвращается снова на берегъ и снова подвергается пыткѣ.

На островахъ Полинезіи, также какъ на Мадагаскарѣ, животное убивается и потомъ уже съ него снимаютъ створки погруженіемъ въ кипятокъ; послѣдній процессъ придаетъ имъ много красоты.

Несмотря на то, что юго-западной берегъ Цейлона славится своимъ здоровымъ климатомъ, болѣзнь моя не прекращалась; пароксизмы лихорадки слѣдовали не прерываясь и лишили меня послѣднихъ силъ. Тогда посовѣтовали мнѣ совершить поѣздку въ Ніуру-Элліа, деревню, лежа-

шла въ горахъ на высотѣ тысячи-девяти-сотъ-футовъ; свѣжесть и чистота воздуха привлекаютъ сюда изъ низменностей тѣхъ больныхъ, которые по своему положенію не могутъ ѣхать лечиться въ Европу. Я предпочелъ скорѣе оставить страну и вернуться въ Бомбей.

Переѣздъ совершенъ былъ на пароходѣ англійской компаніи *Гор-мисъ*, дѣлающей ежемѣсячные рейсы между Сингапуромъ, Малайскимъ полуостровомъ и Басрою (Персидскій заливъ), заходя на берега Бирманскій, Коромандельскій, Арабскій и Персидскій. Такія средства быстраго и легкаго сообщенія чрезвычайно полезны для развитія торговли и промышленности указанныхъ странъ; онѣ обнаруживаютъ даже замѣтное вліяніе на нравственную сторону характера и на предразсудки народовъ посредствомъ взаимныхъ отношеній. Ежедневное соприкосновеніе людей различной расы и религіи, до почти неизвѣстныхъ обычаевъ, оказываетъ, вѣроятно, могущественное дѣйствіе на цивилизацію Востока и совершитъ перемѣны, которыя время было до сихъ поръ безсильно произвести.

Мы огибаемъ слѣва мысъ Коморинъ, мысъ знаменитый по древнимъ морскимъ путешествіямъ. Флотиліи, отправлявшіяся ежегодно изъ Краснаго моря или Персидскаго залива, пользовались попутными муссонами для плаванія къ берегамъ индійскихъ полуострововъ, и именно отъ этого мыса направлялись къ Цейлону, который по своему географическому положенію уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ былъ естественнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли Востока съ западными народами. Авторъ книги «Исаіи» упоминаетъ о корицѣ, какъ объ одномъ изъ благовонныхъ веществъ, входившихъ въ составъ священныхъ маслъ; въ Притчахъ и Псалмахъ встрѣчается упоминаніе драгоцѣнной коры, которая вывозилась вѣроятно изъ Цейлона. Индія снабжала слоновою костью, обезьянами, павлинами, деревьями, о которыхъ говоритъ Библія и которыя перечислены въ книгѣ Царствъ, X. 22 — *ебн, кофи, тукхіимъ* — слова заимствованныя изъ санскритскаго языка. Когда Эзекіилъ говоритъ о черномъ деревѣ, какъ о предметѣ, вывезенномъ изъ той же области, то не хочетъ ли онъ этимъ сказать такъ объ одномъ изъ тѣхъ вывозовъ, которые совершались кораблями, ходившими въ Индію, огибая мысъ Коморинъ?

Мы огибаемъ владѣнія траванкорскаго раджи, данника англичанъ, и бросаемъ за нѣсколько часовъ якорь передъ Кочиномъ, городомъ населеннымъ евреями, выходцами изъ Іерусалима. Наружныя болѣзни — проказа, элефантіазисъ — получили право гражданства въ этомъ уголкѣ; ихъ приписываютъ дурному качеству воды, но мнѣ кажется, что они

происходятъ скорѣй отъ чрезмѣрной распущенности и нечистоплотности жителей.

Я ничего не знаю пріятнѣе поѣздки на пароходѣ, когда не теряешь изъ виду береговъ. Я не могъ налюбоваться красивыми горами, обросшими вѣковымъ лѣсомъ, которыя развертывались длинною цѣпью вдоль берега; долинами, пестрѣвшими богатыми нивами и составлявшими своею яркою зеленью контрастъ съ синевою волнъ; небольшими городками, слѣдовавшими другъ за другомъ непрерывно, и гдѣ выбѣленные глиной домишки рѣзко выдѣлялись на живописномъ фонѣ лѣсистыхъ склоновъ.

Малабарскій берегъ вовсе не похожъ видомъ на Коромандельскій. Тутъ нѣтъ уже песчаныхъ степей, испещренныхъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ группами латановъ, или обращенныхъ человѣкомъ съ страшными усиліями въ плодородныя земли. Западныя части открыты всей силѣ юго-западныхъ муссоновъ, дующихъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ сряду, и оплодотворяются проливными дождями, увлажинающими почву въ это время года; вообще же эти мѣста, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гористыми частями Гималаевъ, славятся лучшими видами въ Индіи. Напротивъ, сѣверо-восточные муссоны, дѣйствующіе главнымъ образомъ на восточный берегъ, знойны и сухи; земля выгораетъ отъ нихъ, и только индусское терпѣніе могло преобразить безплодные пески Коромандельскаго берега въ цвѣтущія селенія.

Мимоходомъ, бросимъ взглядъ на Гоа. Изъ обширныхъ колоній, основанныхъ португальцами нѣкогда въ Индіи, теперь остался у нихъ небольшой клочекъ земли, на которомъ построенъ этотъ городъ. Прежнее ихъ могущество исчезло въ Индіи, такъ же какъ и повсюду.

Гоа — небольшой городъ, безъ всякаго значенія, гдѣ развѣ только церкви могутъ привлечь вниманіе. Мнѣ кажется, что въ монастырскихъ библіотекахъ можно здѣсь найти манускрипты и старинныя сочиненія, драгоцѣнный матеріалъ для исторіи португальскихъ колоній и для изысканій о первоначальномъ появленіи христіанства въ Индіи; къ сожалѣнію, я не могъ посвятить нѣсколькихъ недѣль на спеціальное изученіе этихъ источниковъ, потому что торопился въ Бомбей, чтобы заняться радикальнымъ леченіемъ лихорадки.

На всемъ пространствѣ юго-западнаго берега Индіи существуетъ каста, брачные обычаи которой заслуживаютъ вниманія, какъ одно изъ заблужденій ума человѣческаго, бросающее такое безславіе на учрежденія Индіи. Я говорю о *наирахъ* и многомужствѣ, сохраняющемся у нихъ въ такой же силѣ, въ какой оно было нѣкогда на Цейлонѣ и

въ какой еще существуетъ въ нѣкоторыхъ гималайскихъ долинахъ. Результатомъ этого необыкновеннаго обычая бываетъ то, что право наслѣдства у малабарцевъ переходитъ отъ главы семейства не къ дѣтямъ его жены, но къ дѣтямъ его сестеръ.

Бомбей (отъ португальскихъ словъ Boon bahia хорошая гавань), построенъ на юго-восточной оконечности маленькаго островка того же имени, лежащаго на Конканскомъ берегу. Рейдъ его, лучшій и безопаснѣйшій въ Индіи, защищенъ многими островами; общій видъ такъ живописенъ, что въ этомъ отношеніи немного найдется гаваней, которыя могли бы съ нимъ поспорить. На заднемъ планѣ горы материка выдѣляющіяся рѣзкими очертаніями на синевѣ неба, а у подножія ихъ холмы и острова покрытые въ продолженіе [illegible] роскошнѣйшею растительностію, составляютъ одну изъ очаровательнѣйшихъ картинъ.

Островокъ Бомбей узокъ, низменъ и болотистъ; шоссе соединяетъ его съ островами Сальзеттомъ и Колаббою. Къ несчастію, для жизни онъ далеко не здоровъ, несмотря на дренажныя работы и устройство плотинъ, предпринятыхъ съ похвальною цѣлью улучшенія санитарныхъ условій.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей, стараго, или крѣпости, и новаго города. Крѣпость построена на крайнемъ пунктѣ острова, на узкой косѣ, выдающейся въ рейдъ; стѣны, воздвигнутыя португальцами, еще уцѣлѣли. Внутри крѣпостной ограды есть нѣсколько красивыхъ зданій, но улицы узки и грязны, и большинство деревянныхъ домовъ имѣетъ наружность самую невзрачную; верхніе этажи построены надъ нижними въ видѣ боковъ расходящейся корзины, такъ что и комнаты здѣсь больше, чѣмъ въ нижнемъ, и во многихъ мѣстахъ улицы становятся точно сводчатыя отъ выдающихся стѣнъ верхнихъ этажей. Англо-индѣйская полиція мало заботится о чистотѣ улицъ, а потому въ сухое время вы натыкаетесь здѣсь на груды вонючей пыли, въ дождливое — вязнете въ грязи.

Тунъ-Галль (городская дума) единственное замѣчательное зданіе. Это обширная постройка съ перистилемъ, къ которому ведетъ длиннѣйшая лѣстница. Залы весьма красивы. Въ думѣ имѣется богатая библіотека сочиненій объ Индіи; нѣкоторые парсы сдѣлали весьма важныя пожертвованія въ пользу этого заведенія, не потому чтобы сами были литераторами или учеными (это не болѣе какъ добрые, честные и разумные негоціанты), но потому, что преисполнились того тщеславія, которое дается богатствомъ, потому-что стоитъ пообѣщать, что ихъ имена сохранятся въ лѣтописяхъ науки, или посвятятъ имъ книгу,—и

Махаблесварскіе храмы.

они готовы жертвовать съ истинно-царскимъ великодушіемъ и на издержки ученыхъ работъ, и на изданія спеціальныхъ сочиненій, которымъ иначе суждено было бы пролежать весь вѣкъ въ портфелѣ автора, по недостатку денежныхъ средствъ. Тутъ же находится и интересный музей: онъ заключаетъ въ себѣ коллекцію всѣхъ туземныхъ медицинскихъ растеній, употребляемыхъ индусами; при музеѣ есть и модели различныхъ мѣстныхъ ремесленныхъ издѣлій.

Въ крѣпости можно еще посѣтить монетный дворъ, отличные доки, гдѣ строятся и чинятся суда, и хлопчато-бумажный рынокъ (строенія Гранта).

Бомбей не напоминаетъ по внѣшности ни Калькуту, ни Мадрасъ, но разумѣется интереснѣе ихъ въ отношеніи разнообразія расъ, попадающихся на каждомъ шагу по улицамъ, и привлекающихъ вниманіе путешественника пестротою своего костюма. Возлѣ индуса, сына земли, и англичанина, завоевателя ея, вы увидите и араба съ волосами выкрашенными известкой, завернувшагося въ свой бурнусъ, персіянина въ черной одеждѣ и въ мерлушечьей шапкѣ, джаина и баніана въ высокой чалмѣ, бора и каджіа, абиссинца съ нубійскимъ типомъ, армянина въ длиннополой хламидѣ, еврея, португальскаго метиса, парса въ черной митрѣ, скинда въ четвероугольной шапкѣ, наира и т. д.

Не будемъ останавливаться на арабахъ, персіянахъ, абиссинцахъ — временныхъ жильцахъ въ Бомбеѣ по дѣламъ торговли; мы отдалились бы отъ цѣли разсказа, если бы стали описывать здѣсь обычаи этихъ народовъ. Удовольствуемся упоминаніемъ о жителяхъ Индіи.

Парсы, или Гебры — уроженцы Хоросана и вышли изъ отечества въ слѣдствіе преслѣдованій завоевателей Персіи, мусульманъ. Парсовъ можно встрѣтить во всей Азіи, начиная отъ Адена до Китая, но новымъ отечествомъ своимъ они считаютъ, преимущественно, Бомбейское президенство; дѣйствительно, здѣсь они находятся въ наизначительнѣйшемъ числѣ, здѣсь имѣютъ свои храмы и свои послѣднія жилища. Они готовы идти хотя на край свѣта за поживою, потому что промышленны и трудолюбивы, но постоянно питаютъ надежду вернуться въ прежнее отечество.

Всякому извѣстно, что древняя религія парсовъ преобразована была Зороастромъ въ эпоху, которую исторія не можетъ въ точности опредѣлить. Зендъ-Авеста, или священная книга парсовъ, приписывается Зороастру. Парсы признаютъ существованіе верховнаго существа, предвѣчнаго, всеблагаго, творца всего въ природѣ; они поклоняются и молятся ему. Два противоположныя начала борятся за господство надъ

міромъ, Ормуздъ, геній добра, и Ариманъ — ангелъ зла; кто изъ нихъ восторжествуетъ въ борьбѣ предпринятой противъ человѣчества? Священныя книги оставляютъ этотъ вопросъ безъ отвѣта и не предрѣшаютъ его заранѣе.

Парсы вѣрятъ въ первоначальный грѣхъ, въ безсмертіе души, въ награду добродѣтели и наказаніе порока въ будущей жизни. Поклоненіе Богу, подъ видомъ солнца или огня, предписывалось славнымъ Зороастромъ своимъ сектаторамъ: «Солнце все оживляетъ; земля обязана ему своими плодородіемъ, одушевленное существо — жизнью, растеніе—прозябаніемъ; оно даетъ всѣмъ не только движеніе, но позволяетъ входить въ отношенія другъ съ другомъ, его вліяніе также древне какъ міръ.»

Одна изъ характеристическихъ чертъ большаго семейства огнепоклонниковъ — это ихъ безграничная привязанность къ своимъ первобытнымъ обычаямъ. Можно сказать, что въ теченіе двадцати вѣковъ огнепоклонники отталкивали всякія нововведенія, которыя были бы противны ихъ вѣрованію и древнимъ обычаямъ. Поэтому нельзя было бы ожидать, что у этого столь робкаго народа есть секты, — а между тѣмъ у нихъ ихъ двѣ: сагансагисы, или расмисы, и кадимисы. Одинъ высокомудрый и многоученый жрецъ, Джамаспъ, прибывъ изъ Персіи въ началѣ семнадцатаго вѣка, нашелъ, что годъ у индѣйскихъ огнепоклонниковъ и годъ у огнепоклонниковъ персидскихъ разнится на одинъ мѣсяцъ. Вопросъ былъ весьма спорный, и г. Иствику была предложена значительная сумма за переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги Гайда (de Religione Persarum), которыя нужны были въ спорѣ. Одни изъ огнепоклонниковъ сохранили свое древнее лѣтосчисленіе и богослуженіе, которымъ они слѣдуютъ со времени своего прибытія въ Индію — это сагансагисы, или расмисы; другіе же, напротивъ, кадимисы, приняли реформу Джамаспа.

Нынѣшнее лѣтосчисленіе огнепоклонниковъ восходитъ къ той эпохѣ, когда вступилъ на престолъ Іезджидъ, послѣдній изъ царей Сассанидской династіи, свергнутый съ престола въ 640 калифомъ Омаромъ; въ годъ моего пребыванія въ Бомбеѣ 1862—63 у нихъ былъ 1230 годъ. Годъ у нихъ имѣетъ двѣнадцать мѣсяцевъ по тридцати дней каждый; къ концу такого года они прибавляютъ пять дней, а въ каждыя сто двадцать лѣтъ вставляютъ дополнительный мѣсяцъ.

Во всѣхъ городахъ, гдѣ проживаютъ парсы, можно видѣть какъ они съ зарею направляются въ поле, становятся здѣсь на колѣни при восходѣ солнца и молятся Богу, создателю жизни. Вообще зрѣлище, ко-

торое представляютъ тысячи гебровъ, собирающихся, по утрамъ и по вечерамъ, на эспланадѣ, смежной съ Бомбейской крѣпостью, — поразительно и трогательно: склонившись къ землѣ, они возносятъ всѣ вмѣстѣ свои молитвы и благодаренія верховному существу. Одни мужчины молятся на открытомъ воздухѣ.

На сѣверномъ берегу Конкана существуетъ много храмовъ огнепоклонниковъ. Огни, поддерживаемые въ нихъ днемъ и ночью, суть двоякаго рода: одинъ огонь, *берамъ*, зажженный отъ естественныхъ смолистыхъ огней на берегахъ Каспійскаго моря, говорятъ, никогда не угасалъ. Разложенный на дорогой серебряной рѣшеткѣ, онъ поддерживается сандальнымъ деревомъ. Другой огонь, *адаранъ*, пользуется меньшимъ уваженіемъ. По Эрскину, храмовъ огня берама считается только три: одинъ въ Юдипурѣ, маленькомъ городкѣ, находящемся около Дамана, другой въ Назари, третій въ Бомбеѣ; храмы адарана весьма многочисленны по всему берегу.

По святцамъ кадимисовъ, праздники у огнепоклонниковъ бываютъ слѣдующіе: 1) Наврозъ, или день новаго года, который приходится въ первое число мѣсяца Фаруардина. День этотъ посвящается чествованію памяти царя рода Сассанидовъ Іезджиду, молитвамъ въ храмахъ и визитамъ къ своимъ родственникамъ и друзьямъ. 2) Праздникъ ангела хранителя, бывающій 19-го числа того же мѣсяца Фаруардина. 3) Ардибигистъ, или праздникъ ангела носящаго ключи рая (3-го числа втораго мѣсяца года); — это время считается благопріятнымъ для войны. 4) Курдадъ-Саль, или день годовщины рожденія Зороастра (1-го числа мѣсяца Курдада, третьяго мѣсяца года). 5) Наврозъ-и-Жамшидъ, или карнавалъ огнепоклонниковъ, сопровождается всякаго рода увеселеніями; его празднуютъ въ мѣсяцѣ Мирѣ (февраль-мартъ), во время равноденствія. 6) Праздникъ умершихъ — въ концѣ каждаго года; въ этомъ случаѣ гебры приносятъ свои молитвы передъ сосудами, наполненными водою; — вода у нихъ есть символъ чистыхъ душъ, живущихъ на небесахъ. Впрочемъ, весьма трудно уговорить огнепоклонниковъ, чтобы они разсказывали о своей религіи и нравахъ. Все, что извѣстно о нихъ — еще весьма неполно.

Костюмъ парсовъ отличается отъ индусскаго только головнымъ уборомъ въ формѣ митры: они носятъ бѣлое платье и панталоны, а по торжественнымъ днямъ, сверхъ того, надѣваютъ и дорогую шаль, но пирамидальная шапка изъ чернаго лакированнаго полотна съ небольшими желтоватыми узорами отличаетъ ихъ съ перваго взгляда отъ прочихъ сектъ; дома они замѣняютъ этотъ неудобный уборъ черною

шелковою ермолкою съ черными и желтыми рисунками, столь же характеристическими. Жрецы носятъ бѣлую митру. Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности видѣть многихъ парсовъ, чтобы узнать ихъ типъ даже тогда, когда бы они ходили въ партикулярномъ платьѣ. Цвѣтъ кожи посвѣтлѣе чѣмъ у индусовъ и другихъ тропическихъ народовъ, убѣгающій назадъ лобъ, придающій ихъ лицу нѣкоторое сходство съ птичьей головою, умные, живые глаза, спокойная походка, выбритая середина щекъ и, наконецъ, много другихъ мелкихъ особенностей обличаютъ ихъ происхожденіе и не дозволяютъ смѣшивать съ другими народами. Обычай заключать браки въ своей средѣ придаетъ имъ всѣмъ семейное сходство, какого невозможно нигдѣ встрѣтить въ подобной степени: это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что изъ всѣхъ законовъ, наслѣдственность менѣе прочихъ подвержена исключеніямъ; если въ Европѣ сходство ребенка съ родителями рѣдко и никогда не бываетъ совершеннымъ, то это слѣдуетъ приписать смѣшенію крови различныхъ семействъ.

Женщины парсовъ носятъ небольшой корсажъ и *сари* индѣйскихъ женщинъ вмѣстѣ съ мусульманскими панталонами. Онѣ граціозно драпируются въ сари, покрывая имъ голову. Волосы тщательно прикрываются бѣлою полотняною куафюрою, что придаетъ ихъ и безъ того кроткимъ лицамъ смиренный и покорный видъ европейскихъ монахинь.

Съ семилѣтняго возраста дѣти обоихъ половъ носятъ *садру*, или священный стихарь, представляющій кольчугу, которую гебры носили до прихода своего въ Индію, съ цѣлью предохранить себя отъ Аримана, духа зла.

Трудно представить что нибудь патріархальнѣе семейства парса; отецъ съ важнымъ лицомъ, мать съ покорнымъ взглядомъ, дѣти съ живымъ выраженіемъ — составляютъ такую картину, которой не налюбуешься. Я любилъ смотрѣть на рѣзвыя и веселыя игры мальчиковъ, одѣтыхъ въ красивыя шелковыя платья, усѣянныя золотыми и серебряными блестками.

Я читалъ у Геродота, что древніе парсы отдавали тѣла умершихъ своихъ родственниковъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ древній обычай сохранился, несмотря на столько протекшихъ столѣтій, и до настоящаго, девятнадпадцатаго вѣка между парсами. Дѣйствительно, въ Малабаръ-Гиллѣ, подлѣ одного изъ бомбейскихъ предмѣстій, есть двѣ *дакмы*, или *башни безмолвія*, окруженныя каменною стѣною; здѣсь именно и оставля-

ются трупы парсовъ въ пищу коршунамъ. Башни круглы и съ открытымъ сводомъ.

Такъ какъ только одни гебры могутъ входить въ жилище мертвыхъ, то лэди Фальклandъ, жена бывшаго губернатора Бомбейской провинціи, велѣла принести себѣ модель этихъ дакмасовъ; въ изданной ею небольшой книгѣ *) она разсказываетъ свои впечатлѣнія, и говоритъ, что у этихъ башень три выстланные камнемъ этажа, склоняющіеся всѣ къ одному отверстію, въ которое бросаютъ кости скелетовъ. Въ первомъ этажѣ кладутъ тѣла мужчинъ, во второмъ женщинъ, въ третьемъ дѣтей. Въ городахъ, огнепоклонническое населеніе которыхъ не многочисленно, повидимому бываетъ только одна простая площадка, раздѣленная стѣнами на три отдѣленія. Счастливъ тотъ, говорятъ огнепоклонники, кому прежде всего коршуны выклюютъ глаза: душа того будетъ на небѣ! Есть также обыкновеніе, что родственники умершаго присутствуютъ при началѣ мрачнаго пира этихъ отвратительныхъ птицъ. Около дакмасовъ всегда виднѣются цѣлыя тучи коршуновъ, съ лысою головою, длиннымъ и тонкимъ клювомъ и испачканными вонючею жидкостью ноздрями:—они дожидаются погребальной процессіи огнепоклонниковъ. Эти, столь обыкновенныя во всѣхъ теплыхъ странахъ стараго Свѣта птицы уважаются по справедливости за ихъ заслуги, которыя онѣ оказываютъ, очищая страну отъ труповъ и нечистотъ.

Почему огнепоклонники оставляютъ своихъ покойниковъ въ добычу хищнымъ птицамъ? Погребать ихъ, по ихъ мнѣнію, значитъ марать землю, нашу *alma parens*; жечь ихъ — значитъ пачкать огонь—элементъ самый чистый, символъ вѣчнаго и всемилостиваго Бога.

Въ комнату умирающаго парсы впускаютъ постоянно собаку, которая, по ихъ мнѣнію, одарена свойствомъ отгонять злыхъ духовъ, стремящихся овладѣть душою покойника. Подлѣ тѣла кладутъ съѣстные припасы на нѣсколько дней, пока душа бродитъ вокругъ своей тѣлесной оболочки, въ надеждѣ вернуться въ нее. На кладбища свои парсы никогда не ходятъ, исключая того раза, когда провожаютъ мертвые останки своихъ родственниковъ или друзей.

Между обитателями Индіи парсы самый промышленный и въ тоже время самый нравственный народъ. Между ними нѣтъ ни одного, который бы кормился нищенствомъ; нѣтъ ни одной женщины или дѣвушки, которая бы заработывала средства къ жизни развратомъ; всѣ трудятся и обезпечиваютъ свое существованіе въ потѣ лица. Если случится кому

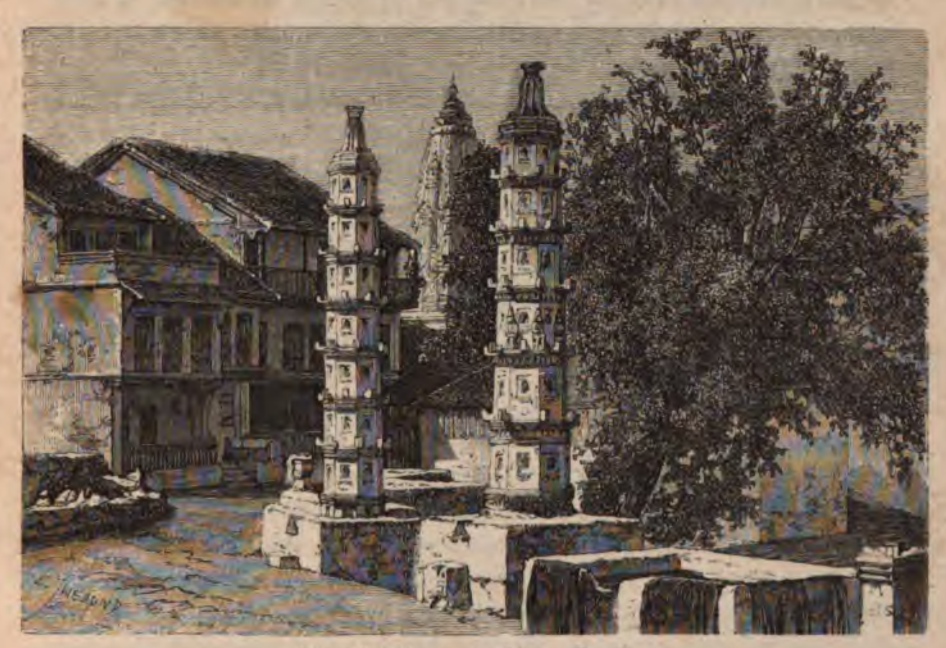
*) Chow-Chow лэди Falkland. Лондонъ, 1858.

либо изъ ихъ единовѣрцевъ впасть въ нищету, онъ получаетъ немедленную помощь, дозволяющую ему предпринять небольшую торговлю и жить ея барышами; одни держатъ лавку или дѣлаются маклерами, другіе поступаютъ въ служители или чиновники какого нибудь бюро, многіе управляютъ отелями, и вообще нѣтъ той деревушки, той станціи желѣзной дороги, гдѣ бы вы не встрѣтили парса, продающаго съѣстное или питейное. Самые богатые негоціанты Бомбейскаго президентства и даже всей Индіи принадлежатъ къ числу парсовъ; въ 1863 году я зналъ изъ нихъ очень многихъ, которые нажили въ прошедшемъ году, каждый, мильоны, спекулируя на хлопчатую бумагу. Вслѣдствіе этого большинство ихъ выказываютъ въ образѣ жизни совершенно европейскую роскошь; они любятъ по вечерамъ кататься по эспланадѣ въ великолѣпныхъ экипажахъ, блестящихъ металлическими украшеніями. Одинъ ежедневно выѣзжаетъ въ коляскѣ, запряженной четвернею превосходныхъ чистокровныхъ лошадей, съ англичаниномъ-кучеромъ на козлахъ; это сэръ Джемситджи Джеджибгой (Jamcetjes Jejiesbgoy), сынъ единственнаго уроженца Индіи, которому англійское правительство дало благородный титулъ баронета; онъ употребилъ свое колоссальное богатство на благотворительныя дѣла, прославившія его имя между его соотечественниками и между европейцами. Изъ числа полезныхъ учрежденій, возникшихъ, благодаря его царской щедрости, болѣе всего обращаетъ вниманіе госпиталь, названный по его имени, въ знакъ признательности.

Съ живѣйшимъ интересомъ присутствовалъ я при визитаціи англійскихъ медиковъ и хирурговъ, служащихъ при этомъ филантропическомъ заведеніи, и не будь тутъ черныхъ физіономій, которыя казались еще чернѣе отъ бѣлыхъ простынь, право я бы подумалъ, что нахожусь въ Европѣ. Мужскія палаты отдѣлены отъ женскихъ; вездѣ соблюдается необыкновенная чистота, вездѣ превосходнѣйшая вентиляція. Въ этомъ госпиталѣ очень часто случаются интересныя съ научной стороны операціи, не безполезныя для изученія нашимъ европейскимъ хирургамъ. Особаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что индусы переносятъ самыя страшныя муки съ замѣчательною покорностью и терпѣніемъ. Нельзя сказать, чтобы они вовсе не чувствовали боли, но нѣтъ сомнѣнія, что они чувствуютъ ее гораздо меньше чѣмъ европейцы. Чувствительность человѣка зависитъ отъ его нервной системы; если крѣпость тѣла къ страданію зависитъ нѣсколько отъ привычки, то невозможно отрицать, что главнѣйшая причина ея происходитъ отъ малаго развитія проводящихъ впечатлѣнія нервныхъ волоконъ. Образъ жизни и осѣд-

лое воспитаніе цивилизованныхъ народовъ сѣвера оказываютъ безспорное вліяніе на нервы и мышцы, и эта впечатлительность, передающаяся намъ наслѣдственно отъ нашихъ отцовъ, увеличивается для каждаго индивидуума, смотря по свойственному ему образу жизни. Я всегда замѣчалъ, что маленькія страданія кажутся для насъ гораздо невыносимѣе, чѣмъ большія для восточныхъ жителей, одаренныхъ сравнительно слабѣйшею нервною чувствительностью.

Къ госпиталю Джемсиджи принадлежитъ медицинская школа, названная по имени сэра Роберта Гранта, одного изъ прежнихъ губер-



Карлійскій храмъ близъ Бомбея.

наторовъ Бомбея. Анатомическій музей при школѣ только что началъ формироваться во время моего пріѣзда и заключалъ ужь въ себѣ нѣсколько любопытныхъ предметовъ.

Я долженъ упомянуть еще объ Эльфинстонской коллегіи, которая носитъ это названіе въ память губернатора Эльфинстона, сдѣлавшаго многое для возвышенія уровня образованія туземцевъ. Многія сотни ихъ получаютъ въ этой коллегіи, подъ руководствомъ превосходныхъ англійскихъ профессоровъ, европейское образованіе, такъ что вы можете видѣть здѣсь молодыхъ браминовъ и огнепоклонниковъ, разсуж-

дающихъ о Шекспирѣ и Мильтонѣ, или разбирающихъ совершенно новые научные вопросы.

Однимъ словомъ, въ сорокъ лѣтъ образованіе въ Бомбейскомъ президентствѣ сдѣлало въ высшей степени замѣчательные успѣхи.

Кромѣ медицинской школы, коллегіи, о которой мы только что говорили, и еще школы, находящейся въ Пуна, гдѣ воспитанники получаютъ высшее образованіе, существуютъ цѣлыя тысячи школъ, одни — подъ управленіемъ англійскаго епископа, какъ напримѣръ Байкульская сиротская школа, устроенная по образцу европейскихъ, множество другихъ, содержимыхъ на счетъ Society of native Education, и, наконецъ, третьи, назначенныя спеціально для извѣстныхъ кастъ и содержимыя богатыми туземцами.

Изъ всѣхъ этихъ заведеній, школы огнепоклонниковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

ГЛАВА XI.

ЖЕНСКІЯ ШКОЛЫ ВЪ БОМБЕѢ. — ХРАМЪ ЭЛЕФАНТЫ. — БОМБЕЙСКІЕ БАЗАРЫ. — БАНІАНЕ. — ДЖАИНЫ. — РЕЛИГІОЗНЫЯ ПРАВИЛА ДЖАИНОВЪ. — ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ. — ГОРОДЪ ПУНА. — ПРАЗДНЕСТВО ДУССЕРАХЪ. — ГАТСКІЯ ГОРЫ. — НИЛЬГЕРІЙСКІЕ ГОРЦЫ. — ТОДИ. — НРАВЫ, РЕЛИГІЯ И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ЭТИХЪ ДИКАРЕЙ. — СЛОНЫ И ОХОТА НА НИХЪ. — УМЕНЬШЕНІЕ ИХЪ ВЪ ИНДІИ.

Въ Бомбеѣ есть женскія школы — вещь неслыханная на Востокѣ. До сихъ поръ ничего подобнаго не существовало во всей остальной Индіи, и, по моему мнѣнію, устройство этихъ школъ есть лучшее доказательство умственнаго развитія жителей Бомбея. Не думайте, впрочемъ, чтобы бомбейскіе индусы особенно поощряли женское воспитаніе; напротивъ, они придерживаются мнѣнія, что для супруги вовсе не важно умѣть читать и писать; тѣмъ не менѣе, они, въ этомъ отношеніи, отличаются отъ другихъ туземныхъ жителей Индустана, у которыхъ еще недавно однѣ только баядерки, подобно гетерамъ древней Греціи, могли получать общее и артистическое образованіе.

Даже на семейныхъ отношеніяхъ отразилось вліяніе этого прогресса въ развитіи общества. Вездѣ и во всѣ времена, индусы жестоко и деспотически обращались съ своими женами, называли ихъ рабами, служанками и тому подобными лестными эпитетами. Теперь же въ Бомбеѣ къ нимъ относятся несравненно снисходительнѣе и уважительнѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Индіи. Во время моего пребыванія въ Бомбеѣ, происходилъ митингъ, по вопросу о положеніи вдовъ и объ улучшеніи ихъ участи, во главѣ котораго стояли самые вліятельные по богатству и положенію индусы. Извѣстно, что по древнимъ индѣйскимъ законамъ, вдова должна была сжигать себя по смерти мужа на кострѣ. Она бросалась въ огонь, или лучше сказать, ее ввергали въ пламя, такъ какъ рѣдкая изъ женъ приносила себя добровольно въ жертву умершему владыкѣ и господину. Жертва эта называется «sutti». Я слы-

лѣстницы, называется Валлькешвуръ, что значитъ «хозяинъ песка». Полубогъ Рама, говорятъ индѣйцы, былъ въ странствіи и шелъ съ разсвѣта дня, не встрѣтивъ ни одного источника; его жестоко мучила жажда. Взявъ изъ колчана стрѣлу, онъ вонзилъ ее въ береговый песокъ — и сейчасъ же брызнула изъ него вода, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится озерко. На полупути лѣстницы, спускающейся къ морю, видѣнъ маленькій храмъ, который представляетъ прелестный видъ.

Кромѣ католическихъ и протестантскихъ церквей, индусскихъ пагодъ и храмовъ огнепоклонниковъ, въ Бомбеѣ есть еще синагоги, джаинскіе алтари, армянскія церкви, и мечети. Всѣ эти разнообразныя вѣрованія уживаются въ полномъ мирѣ между собою. Здѣсь никому не приходитъ въ голову порицать или осмѣивать вѣрованія или обряды чужаго исповѣданія; вообще такой полной свободы совѣсти, какую мы видимъ здѣсь, не существуетъ ни въ одномъ государствѣ Европы, въ которой такъ медленно укореняется идея вѣротерпимости.

Мы уже имѣли случай говорить объ островѣ Элефантѣ, лежащемъ въ юговосточномъ углу Бомбейскаго залива. Названіе это дали ему португальцы по поводу колоссальнаго каменнаго слона, возвышающагося около того мѣста, гдѣ обыкновенно пристаютъ къ берегу, и изображеннаго въ борьбѣ съ тигромъ; — теперь это безформенная масса, въ которой глазъ едва распознаетъ слѣды руки человѣческой. Туземцы даютъ этому островку названіе *гарапури*, т. е. городъ пещеръ. Окружность его составляетъ около шести миль; на немъ возвышаются два холма, раздѣленные узенькою долиной. Въ іюлѣ мѣсяцѣ и холмы, и долина были покрыты настоящимъ ковромъ зелени, и видъ ихъ былъ дѣйствительно живописенъ.

Послѣ столькихъ споровъ о древности этихъ памятниковъ, новый споръ о томъ же былъ бы, вѣроятно, менѣе интересенъ, нежели описаніе бомбейскихъ рынковъ, гдѣ я прогуливался довольно часто съ интересомъ и пользою.

Тамъ выставлены образцы того терпѣнія, которому мы удивлялись на всемірной выставкѣ въ залахъ, назначенныхъ спеціально для Индіи. У каждой провинціи есть своя промышленная спеціальность, которою она славится: Цейлонъ производитъ разныя вещи изъ чернаго дерева и брильянты, Куттакъ — золотыя, серебряныя и филигранныя издѣлія, Визигопатамъ — издѣлія изъ оленьяго и буйволоваго рога, Трихинополи — металлическія цѣпи, Пондишери — кресла изъ индѣйскаго

тростника и деревянныя статуэтки, Орунгабадъ — серебряныя инкрустаціи на металлѣ.

Бомбейцы имѣютъ свою особую промышленность; они спеціально занимаются выдѣлкою «blackwood» чернаго дерева, — ажурной работой, совершеннымъ подобіемъ кружевъ; жаль только, что рисункамъ ихъ недостаетъ большой прозрачности и граціи. Изъ сандальнаго дерева они дѣлаютъ шкатулки, пюпитры и ящики всевозможныхъ формъ и величинъ, украшая ихъ арабесками или барельефами. Самыя замѣчательныя работы изъ слоновой кости; бомбейцы берутъ нѣсколько пластинокъ слоновой кости и пучекъ какихъ нибудь металлическихъ пластинокъ, располагаютъ ихъ по рисунку, а потомъ выпиливаютъ изъ нихъ маленькіе блестящіе кружечки, составляя такимъ образомъ прелестныя мозаики, украшающія наши салоны. Магазины этихъ рѣдкостей преимущественно находятся въ рукахъ парсовъ (огнепоклонниковъ) или баніановъ.

Мы уже въ подробности описали нравы парсовъ; теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о *баніанахъ*, составляющихъ зажиточную часть бомбейскаго населенія.

Баніане, подобно батіасамъ, одной изъ сектъ джайновъ, носятъ высокую чалму, съ маленькимъ рогомъ надъ лбомъ, и исповѣдуютъ *джаинскую* религію. Ученые расходятся во мнѣніяхъ относительно джаинизма; одни считаютъ его самостоятельною религіею, другіе, напротивъ, — одною изъ сектъ буддизма. Происхожденіе и начало его въ точности неизвѣстны; но какъ прежде, такъ и въ настоящее время, джаинизмъ распространенъ болѣе всего въ провинціяхъ Гуджератской и Майсурской, хотя много его поклонниковъ находится также въ Бомбеѣ и въ остальной части Индіи.

Изъ предшествовавшаго видно, что буддистъ не доискивается происхожденія вещей, а принимаетъ все существующее въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется ему въ настоящее время. Его боговъ нельзя сравнивать съ тѣмъ верховнымъ существомъ, которому поклоняются другія религіи, какъ творцу неба и земли, какъ центру, вокругъ котораго вращается вся вселенная. Джаинъ, допуская существованіе Бога-творца, въ тоже время полагаетъ (въ этомъ случаѣ уже проглядываетъ вліяніе буддійскихъ доктринъ), что человѣкъ можетъ понять или познать Бога не иначе, какъ переставъ быть самимъ собою, и погрузившись весь въ созерцаніе божества. Подобно буддистамъ, джаины думаютъ, что человѣкъ путемъ добродѣтели и безукоризненнаго поведенія можетъ достигнуть всевѣдѣнія и непогрѣшимости. Какъ буддисты

считаютъ у себя отъ начала вѣковъ неисчислимое количество Буддъ, изъ которыхъ только послѣдніе восемнадцать стали извѣстны, такъ и джаины вѣрятъ двадцати-четыремъ *Тиртанкарамъ* — преобразователямъ всего человѣчества: два послѣдніе Тиртанкара извѣстны подъ именемъ *Парасната* и *Магавира*. Отъ буддистовъ заимствовали они также правило воздерживаться отъ мясной пищи и не умерщвлять ни одного живаго существа. Поэтому, приходя на молитву, они часто обметаютъ то мѣсто, на которомъ садятся, чтобъ не раздавить нечаянно какого нибудь насѣкомаго, и покрываютъ ротъ покрываломъ, чтобы муха не влетѣла въ него.

Баніане доводятъ свое уваженіе къ животнымъ до такой степени, что въ Бомбеѣ существуютъ особые госпитали, содержащіеся на счетъ богатыхъ негоціантовъ, гдѣ помѣщаются старые зебу (индѣйскіе быки), увѣчныя собаки, хворыя черепахи и столѣтніе попугаи, за которыми ухаживаютъ съ необыкновенною заботливостью. Я посѣтилъ одно изъ этихъ филозоическихъ заведеній, расположенное на пространствѣ около десятины и обнесенное большими сараями или навѣсами, подъ которыми укрывались ночью и во время дождя всѣ эти хворыя животныя, а посреди обширныхъ пыльныхъ дворовъ имъ ежедневно выдавался хорошій кормъ и пойло — добровольныя приношенія благочестивыхъ джаиновъ. Такъ какъ въ глазахъ джаина одинаково священны какъ самыя крупныя животныя, такъ и самыя мелкія насѣкомыя, то блохи, клопы и другія несносныя творенья не могутъ быть уничтожены безъ преступленія противъ природы. Предоставляю читателю судить о моемъ положеніи, среди всего этого кишащаго животнаго царства. Даже самыя зловредныя и опасныя животныя пользуются такимъ же расположеніемъ со стороны этихъ зоофиловъ. Не смѣя ослушаться повелѣній Тиртанкара, джаины покровительствуютъ очковой, смертоносной гремучей змѣѣ; впрочемъ, нѣкоторые смѣлые новаторы разрѣшили эту задачу такимъ образомъ: они сажаютъ страшное пресмыкающееся въ ивовую корзинку и пускаютъ ее потомъ въ волны рѣки.

Здѣсь я разскажу одинъ анекдотъ, за достовѣрность котораго впрочемъ, не ручаюсь, и который какъ нельзя лучше характеризуетъ религіозный педантизмъ индусовъ. Одинъ англійскій офицеръ, любившій посвящать свои досуги научнымъ изслѣдованіямъ и привезшій изъ Англіи солнечный микроскопъ, желая убѣдить джаинскаго жреца въ нелѣпости догматовъ его религіи, показалъ ему въ каплѣ воды множество маленькихъ животныхъ, невидимыхъ простымъ глазомъ, но которыя являются въ огромныхъ размѣрахъ подъ сильно-увеличивающимъ

Колонада храма въ Карли.

оптическимъ приборомъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, жрецъ горько заплакалъ: — «Зачѣмъ отравили вы мое существованіе, сказалъ онъ обращаясь къ офицеру, смотрѣвшему съ изумленіемъ на его странное волненіе; я теперь не могу пить больше воды, да кромѣ того долженъ умереть мучимый раскаяніемъ за то, что всю жизнь былъ ослушникомъ перваго правила нашей вѣры. Горе вамъ! наше невѣдѣніе дороже вашихъ знаній!» И дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, несчастный джаинъ, оставаясь строго послѣдовательнымъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, умеръ отъ жажды, отказываясь пить даже самую чистую воду, съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что въ ней находятся живыя созданія.

Г. Форбсъ передаетъ анекдотъ въ томъ же родѣ, но съ менѣе трагическою развязкою. Когда одному индусу показали микроскопъ, онъ такъ настойчиво просилъ, чтобъ ему его отдали, что, наконецъ добился своего желанія. Только что микроскопъ попался ему въ руки, какъ онъ вынулъ изъ него стекла и разбилъ ихъ камень, въ мелкія дребезги.

— Я не хочу чтобъ эти стекла дѣлали еще новыхъ несчастныхъ, кромѣ меня, — проговорилъ онъ въ объясненіе своего поступка.

Жрецы джаиновъ, называемые *iотисами*, или нищими, носятъ одежду буддійскихъ монаховъ, и, подобно имъ, всю жизнь проводятъ въ аскетизмѣ и самосозерцаніи.

Въ Эллорѣ есть колосальная статуя Будды, извѣстная подъ именемъ *Параснатa* двадцать третьяго Тиртанкара, къ которой ежегодно приходятъ на поклоненіе множество богомольцевъ. Здѣсь же находится група подземныхъ храмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Индра-Субра, которая древнѣе Конласа и которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, была воздвигнута поклонниками джаинизма; очень можетъ быть, что это самый древній памятникъ архитектуры этой религіи, уцѣлѣвшій до нашего времени, и что эти зданія ведутъ свое начало отъ временъ отпаденія джаинизма отъ буддизма.

Въ джаинскихъ храмахъ, такъ же какъ и въ буддистскихъ шантіасахъ, противъ входной двери находится обширная ниша, въ которой помѣщается, въ сидячемъ положеніи, статуя послѣдняго Тиртанкара. Передъ каждымъ храмомъ возвышается портикъ съ куполомъ, утвержденнымъ на восьми колоннахъ, а подъ колоннадой устроена ниша для помѣщенія статуй различныхъ боговъ.

Обрядъ похоронъ у джаиновъ сходенъ съ тѣмъ же обрядомъ у буддистовъ и у индусовъ: тѣло покойника сжигаютъ, и у пепла ставятъ

[illegible] взятъ и [illegible] съ того тѣла, чтобъ душа нигдѣ [illegible]. Не теряя ни въ чемъ [illegible]. [illegible] Этотъ обрядъ называется «Сагдидъ», и [illegible] увѣренные [illegible] тогда какъ [illegible] душу своихъ родственниковъ изъ чистилища, въ которомъ должна пребывать каждый умершій прежде чѣмъ попасть въ рай Патріарховъ или прародителей человѣческаго рода.

Островъ Шалсетъ или Сальсетта лежитъ къ сѣверу отъ острова Бомбея, съ которымъ онъ соединяется узкою плотиною. Длина его — восемнадцать миль, а средняя ширина тринадцать; народонаселеніе около 50,000 человѣкъ. Главный городъ Танна расположенъ въ красивой мѣстности, но Гора-Бандаръ еще живописнѣе — тамъ есть развалины старой португальской церкви, построенной около 1605; она стоитъ на маленькомъ холмѣ, покрытомъ густою зеленью.

Внутри острова Сальсетта существуетъ множество группъ пещеръ — самая замѣчательная изъ нихъ группа Кангери, находящаяся на западномъ склонѣ холмовъ, противоположномъ тѣмъ, которые занимаетъ Танна. По желѣзной дорогѣ я въ полтора часа доѣхалъ до станціи Бандупъ, отстоящей на семь миль отъ этихъ подземелій, но, вопреки свѣдѣніямъ, даннымъ мнѣ въ Бомбеѣ, я не нашелъ тамъ ни экипажа, ни коня для дальнѣйшей ѣзды и потому долженъ былъ отправиться въ Кангери пѣшкомъ.

На обоихъ склонахъ холма Кэнэри есть много пещеръ. Большая часть храмовъ и монастырей относится къ началу нашей эры; нѣкоторые изъ нихъ напоминали мнѣ древніе гроты Буткала и Юдайя-Гири — это простыя квадратныя кельи, высѣченныя въ скалѣ, передъ которыми идетъ галерея съ колоннами или безъ колоннъ. По изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ оріенталистовъ, пытавшихся разобрать отрывки непонятныхъ надписей, изображенныхъ на стѣнахъ этихъ монастырей, одинъ изъ самыхъ древнихъ былъ построенъ греческимъ архитекторомъ, по имени Ксеандратомъ, въ 65 г. до Р. Х.; — онъ долженъ былъ служить драгоцѣннымъ хранилищемъ зуба Будды: зубъ этотъ былъ положенъ въ дагобѣ спустя два съ половиною вѣка однимъ изъ царей династіи Андра.

Гора-Бандазъ лежитъ недалеко отъ горы Кэнэри: туристу непремѣнно слѣдуетъ посѣтить эту деревню и полюбоваться живописностью пейзажа, часть котораго она составляетъ. На другой сторонѣ маленькаго рукава моря вы замѣтите знаменитый въ исторіи Индіи древній фортъ *Бассейнъ*. Мѣсто это, уступленное въ 1534 г. царями Гудже-

рата португальцамъ, подпало подъ власть маратовъ въ 1739 г. Развалины, густо заросшія теперь чащею, свидѣтельствуютъ о значеніи, которое имѣлъ этотъ городъ въ древнія времена: улицы, храмы, дворцы рисуются и теперь еще среди терновыхъ кустарниковъ, покрывающихъ ихъ своими иглистыми побѣгами;—стѣны собора и остатки коллегіи іезуитовъ привлекаютъ вниманіе въ особенности.

Когда мараты осаждали фортъ Бассейнъ, гарнизонъ былъ весьма немногочисленнъ и защищался геройски. Полководецъ маратскій, Шимнаже Аппа, не хотѣлъ принять никакихъ условій, кромѣ полной сдачи города со всѣми его жителями. Португальскій комендантъ, когда враги уже одолѣвали его, неоднократно посылалъ гонцовъ умолять о помощи англійскія власти въ Бомбеѣ. Но къ стыду Остъ-Индской компаніи надо сказать, что просьбы эти были отвергаемы:—она грубо отказывала подать руку помощи несчастнымъ, находившимся въ опасности смерти. Самый грубый эгоизмъ преобладалъ часто въ дѣйствіяхъ этой компаніи. Однакоже, въ концѣ концовъ, уступили повторенвымъ неоднократно просьбамъ португальцевъ, изъ страха возбудить негодованіе Англіи и другихъ странъ Европы, и ссудили осажденнымъ тридцать семь тысячъ пятьсотъ франковъ, впрочемъ вынудивши ихъ обезпечить заемъ всѣмъ серебромъ и золотомъ церквей и нѣсколькими мѣдными пушками, которыя защищали бастіоны форта. «Не этимъ орудіямъ я довѣряюсь всего болѣе, сказалъ комендантъ Бассейна, посылая бомбейскимъ властямъ требуемый ими залогъ, но мужеству моихъ солдатъ.»

Португальцы не могли между тѣмъ продолжать долго своей геройской защиты — нужно было сдаться. Во вниманіе къ храбрости осажденныхъ, мараты согласились на почетныя условія: было постановлено, что побѣдители не потревожатъ ни одного жителя области, ни европейца, ни туземца, и что имъ будетъ гарантирована свобода культа.

По возвращеніи въ Бомбей, я поспѣшилъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ маленькому путешествію во внутренность губернаторства, такъ какъ я боялся, чтобъ меня не задержали дожди. Я запасся билетомъ въ воксалѣ главной Остъ-индской желѣзной дороги «Great Indian peninsular railway» до станціи Панвель. Всѣ отправляющіеся въ Пунахъ должны были, по крайней мѣрѣ такъ было въ 1863 г., нанимать паланкинъ или пони, чтобъ проѣхать черезъ Гатскія горы и попасть по другую ихъ сторону на почтовую станцію Кандаллы.

По многимъ причинамъ, я отпустилъ безъ сожалѣнія моихъ путевыхъ товарищей, спѣшившихъ, какъ всѣ дѣловые люди, не опоздать

на пунахскій поѣздъ. а самъ расположился въ маленькомъ трактирѣ, который содержалъ одинъ парсъ, плотно позавтракалъ, и затѣмъ вскочилъ на лошадь, приведенную мнѣ хозяиномъ, помахивавшимъ надъ нею палкою.

Гатскія горы, по которымъ мнѣ предстояло проѣзжать, состоятъ изъ рыхлой земли и конгломерата базальтовой породы: въ нихъ встрѣчается также много агата и халцедона и крупныхъ неправильныхъ кусковъ известковой земли, арагонита, и особенно зеолита, образующихъ бѣлые и розовые кристаллы, поразившіе меня своими необыкновенно большими размѣрами.

Городъ Пуна расположенъ въ живописномъ мѣстѣ, среди фруктовыхъ садовъ, плодовыхъ деревьевъ въ особенности манговыхъ. Бомбейское губернаторство прославилось у англо-индѣйцевъ своими прекрасными плодами, изъ которыхъ манговые плоды, какъ извѣстно, самые лучшіе между тропическими произведеніями, и удовлетворяютъ вкусу самыхъ прихотливыхъ гастрономовъ. Дерево даетъ великолѣпнѣйшую тѣнь, неоцѣненную въ этихъ знойныхъ странахъ, а яркая зелень его листьевъ пріятно нѣжитъ взоръ.

Въ Пуна находятся казармы для англійскихъ войскъ, протестантская церковь, шотландская «кирка» и католическій костелъ. Подобно всѣмъ зданіямъ англо-индѣйскихъ городовъ, они выкрашены известью и не имѣютъ никакого архитектурнаго стиля. Обширное Марсовое поле, обнесенное кофейнями, расположенными среди пальмъ и цвѣтовъ, служитъ въ одно и тоже время для смотровъ, парадовъ, конскихъ бѣговъ, устраиваемыхъ англійскими офицерами во всѣхъ ихъ стоянкахъ, и для игры въ крикетъ, служащій спортсменамъ отличнымъ предлогомъ для веселыхъ пирушекъ.

Англичане, даже въ жаркихъ странахъ Индіи, продолжаютъ вести свой обыкновенный образъ жизни, и предаются такимъ же усиленнымъ занятіямъ какъ и въ Европѣ. Вѣроятно, благодаря этой дѣятельной и энергической жизни, пользуются они, по большей части, превосходнымъ здоровьемъ подъ тропическимъ небомъ Индіи, разумѣется, если имъ не приходится жить въ сырыхъ джунгляхъ, вредныя испаренія которыхъ производятъ чрезвычайно опасныя въ тропикахъ лихорадки, не смотря на то, что вообще говоря климатъ въ этой странѣ — здоровый.

Одинъ парсъ, нѣкто сэръ Джемсетжи Джеджебгой, устроилъ въ Пуна великолѣпный прудъ, который приноситъ огромную пользу бѣдному населенію города. Прудъ этотъ стоилъ огнепоклоннику-фи-

лантропу весьма значительной суммы, цифра которой выгравирована на мраморной плитѣ.

Съ вершины холма Парбутти (одно изъ многочисленныхъ названій, подъ которымъ извѣстна въ Индіи страшная богиня Кали), можно хорошо разсмотрѣть веселую деревушку, окруженную прелестными деревьями. На этомъ холмѣ возвышается нѣсколько маленькихъ храмовъ, сооруженіе которыхъ относится къ послѣднему столѣтію, также какъ развалины дворца пейхваховъ. Отсюда мнѣ показали въ отдаленіи мѣсто древней казни, гдѣ преступниковъ кидали подъ ноги слоновъ, которые затаптывали ихъ до смерти. Пагода, стоящая на вершинѣ холма, въ прежнее время пользовалась содержаніемъ отъ пейхваха; нынѣ же англійское правительство не выдаетъ ей ни съѣстныхъ припасовъ, ни шелковыхъ тканей, ни военнаго караула, но ежегодно уплачиваетъ сумму въ сорокъ пять тысячъ франковъ, которая идетъ на жалованье священникамъ, баядеркамъ и жертвоприносителямъ. Въ прежнее время существовалъ обычай, по которому однажды въ годъ пейхвахъ раздавалъ милостыню бѣднымъ, приходившимъ въ этотъ храмъ на поклоненіе. Моръ говоритъ, что въ 1797 году въ его присутствіи роздано было полтораста тысячъ франковъ на этой церемоніи, извѣстной подъ именемъ «дачмы».

Дорога изъ Пуна въ Вай и въ Магабалесгуръ довольно затруднительна, но чрезвычайно живописна. Какъ только горы достигнутъ высоты полуторы тысячи метровъ надъ уровнемъ моря, такъ воздухъ становится очаровательнымъ; вдыхая его, вамъ кажется, что вы молодѣете и крѣпнете:— подобной чистоты и свѣжести невозможно найдти въ низменныхъ земляхъ Индіи. Бомбейскіе англичане любятъ проводить лѣтніе мѣсяцы на дачахъ въ окрестностяхъ Магабалесгура, а мадрасскіе переѣзжаютъ въ Нильгирійсъ — въ Утакамандѣ. Всѣ эти мѣста отличаются необыкновенно живописными окрестностями, съ которыми могутъ сравниться развѣ только нѣкоторыя изъ странъ Гималайевъ.

Долина Ваи орошается рѣкою Кришною, которая изливается на Коромандельскомъ берегу къ югу отъ Мазулипатама; на берегахъ ея построены маленькіе храмы оригинальнаго стиля, скульптурныя украшенія которыхъ вырѣзываются на яркой зелени окружающихъ деревьевъ. Это одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній восточныхъ Гатовъ. Миляхъ въ восьми отъ Ваи, есть одно изъ самыхъ большихъ деревьевъ породы мюльтипліановъ, какое только извѣстно: своими листьями оно покрываетъ полтора гектара земли и поддерживается

значительнымъ числомъ второстепенныхъ столбовъ. Ничто не можетъ быть величественнѣе этой естественной колоннады, возвышающейся надъ густою зеленью, куда никогда не проникали лучи солнца.

Деревня Магабалешуръ (что значитъ Всемогущій Господь) находится къ западу отъ Вая — это куча грубыхъ хижинъ, среди которыхъ возвышается нѣсколько маленькихъ храмовъ интересной формы. Пять рѣкъ, въ числѣ которыхъ и Кришна, берутъ начало въ долинѣ, которая пользуется у индусовъ совершенно особенною репутаціею по ея здоровому климату.

Стоитъ побывать также въ фортѣ Пратабгарѣ, расположенный къ западу отъ Магабалешура; онъ господствуетъ надъ всею окрестною мѣстностью. До вершины, на которой онъ расположенъ, взобраться не легко. Онъ построенъ былъ въ 1656 году основателемъ Маратской имперіи Сиваджи.

Ближе къ югу, въ пятидесяти шести миляхъ отъ Пуна, я осмотрѣлъ городъ Сатарру, бывшій долгое время резиденціею маратскихъ раджей. Мѣстность, въ которой расположенъ этотъ городъ, окружена съ трехъ сторонъ высокими горами, и напоминаетъ форму сифона съ усѣченнымъ стволомъ на южной сторонѣ.

Послѣдній пейшвахъ, или глава маратскаго союза, былъ побѣжденъ и свергнутъ съ престола въ 1818 году; его услали на житье за Гангъ, гдѣ онъ прожилъ въ ссылкѣ болѣе тридцати лѣтъ, живя въ прекрасномъ помѣстьѣ Битуръ, неподалеку отъ города Каунпура. Эта мѣстность была мало извѣстна Европѣ до тѣхъ поръ, пока имя ея не соединилось съ страшнымъ именемъ пріемнаго сына послѣдняго пейхвата — Нена-Сагиба, прославившагося своими страшными жестокостями.

Послѣ побѣды и изгнанія послѣдняго пейхваха англичане взяли подъ свое покровительство двухъ юныхъ принцевъ, которые хотя и носили королевскій титулъ, но были заключены въ тюрьму и содержались въ городѣ Сатаррѣ. По словамъ англійскихъ историковъ, старшій изъ нихъ составилъ заговоръ противъ Остъ-индской компаніи, вслѣдствіе чего былъ замѣщенъ своимъ меньшимъ братомъ. По смерти послѣдняго бомбейское правительство забрало его владѣнія и имущество въ казну.

Сатаррскій фортъ расположенъ въ живописной мѣстности на холмѣ, возвышающемся на восемсотъ футъ надъ долиною, гдѣ разстилается городъ. Въ городѣ шестнадцать храмовъ, изъ которыхъ четыре посвя-

щены Шивѣ, а пять Бгавани,—первобытной богинѣ ночи, культа кушитовъ, низведенной нынѣ на степень богини чумы и холеры.

Жители разсказываютъ, что прежде чѣмъ построить этотъ фортъ, Сиваджи принесъ въ жертву своей любимой богинѣ сына и дочь начальника марсовъ *), которые и похоронены живые у входной двери. Говорятъ, что подъ каждою башнею покоятся другія человѣческія жертвы. Поэтому неудивительно, что марсы считаютъ фортъ населеннымъ привидѣніями и духами, и устраиваютъ въ честь ихъ особое празднество «Дуссерахъ», во время котораго совершается церемонія, имѣющая цѣлью снискать ихъ благосклонность. Вотъ въ чемъ состоитъ эта церемонія: къ храму Бгавани, богинѣ покровительницѣ крѣпости и патронессѣ Сиваджи, приводятъ молодаго буйвола, надъ которымъ сначала читаютъ какія-то молитвы, а потомъ начальникъ марсовъ ударяетъ его по затылку, и заставляетъ бѣжать. Буйволъ бѣжитъ; за нимъ гонятся всѣ присутствующіе; каждый старается ударить его оружіемъ, или просто рукою, чтобы сообщить ему такимъ образомъ грѣхи свои. Животное, испуганное преслѣдованіями и осыпаемое градомъ ударовъ, бѣгаетъ вокругъ стѣнъ крѣпости и возвращается къ храму, гдѣ ему мгновенно отсѣкаютъ голову, потому что обезглавленіе быка или козла—есть непремѣнная принадлежность всякой очистительной жертвы. Для нанесенія послѣдняго смертельнаго удара, совершаемаго съ необыкновенною ловкостью, употребляютъ особое оружіе непальскихъ горцевъ—такъ называемый *куртли* съ широкимъ и тяжелымъ лезвіемъ, которое толще въ концѣ, чѣмъ у рукоятки, и представляетъ нѣчто среднее между саблей и кривымъ ножомъ.

Обезглавивъ буйвола, марсы разрываютъ по частямъ тѣло своей жертвы и начинаютъ вызывать духовъ и привидѣній, прося ихъ придти и отвѣдать мяса и крови отъ жертвоприношенія. Обмотавъ шею внутренностями буйвола, главнѣйшіе члены секты, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, обходятъ церемоніальнымъ маршемъ вокругъ крѣпости.

Привожу здѣсь образчикъ нѣкоторыхъ духовныхъ гимновъ, сопровождающихъ церемонію преслѣдованія буйвола, который, по ихъ понятіямъ, принимаетъ на себя грѣхи и беззаконія всего народа. Начальникъ восклицаетъ громкимъ голосомъ:

«Бейте, марсы, бейте»!

А хоръ отвѣчаетъ: «Мы бьемъ».

---

*) Племена, обитающія на Малабарскомъ берегу — представители коромандельскихъ паріевъ.

Затѣмъ начальникъ повторяетъ снова:

«Бейте, бейте его сильнѣе»!

На вопросъ: кого бить? — онъ отвѣчаетъ: «врага!» и хоръ подхватываетъ:

«Мы бьемъ его, братъ нашъ»!

Послѣ обезглавленія буйвола, марсы обращаются къ духамъ, и начальникъ торжественно произноситъ:

«Капля по каплѣ, пейте эту кровь»!

Хоръ подхватываетъ: «Пейте, пейте эту кровь»!

Затѣмъ начальникъ снова возвышаетъ голосъ:

Кусокъ по куску, ѣшьте это тѣло»!

и хоръ повторяетъ за нимъ послѣднія слова. Наконецъ, всѣ вмѣстѣ начинаютъ пѣть:

«Вотъ печень, вотъ хлѣбъ, вотъ табакъ!

«Возьмите, возьмите, и будьте къ намъ добры!»

При названіи каждаго изъ этихъ предметовъ, марсы берутъ съ блюда куски и перекидываютъ ихъ черезъ плечо за противоположную стѣну. Они положительно убѣждены, что духи и привидѣнія ловятъ эти куски на лету, и разказываютъ, что въ прежнее время, когда духи были гораздо ручнѣе, они сами приходили за этой подачкой и брали ее изъ человѣческихъ рукъ, но что они теперь одичали и довольствуются тѣмъ, что слѣдятъ за каждымъ кускомъ и не даютъ ему упасть на землю.

Въ Сатаррѣ находится знаменитая шпага Сиваджи, почитаемая фетишемъ, покровителемъ семейнаго очага. Она имѣетъ превосходный клинокъ.

Горы, огибающія западный берегъ Индіи, населены полудикими народами, которые отличаются отъ другихъ индѣйцевъ какъ типомъ, такъ и цвѣтомъ лица. Волосы—какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, падаютъ длинными локонами до плечъ, и, кромѣ того, мужчины отпускаютъ себѣ длинныя бороды. Привычки и образъ жизни ихъ сходны съ привычками и образомъ жизни пастуховъ и номадовъ. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что это потомки древнихъ скиѳовъ, и увѣряютъ, что можно найдти слѣды переселенія этихъ племенъ на всемъ пространствѣ отъ Нильгейриса до Европы.

Каково бы ни было вѣроятіе этой гипотезы, во всякомъ случаѣ, есть основаніе предполагать, что Пуліи, или дикіе лѣсники Конкана, горные Наиры, Гуркасы долины Меркары, и тодасы Нильгейриса — послѣдніе остатки народовъ, населявшихъ Индію передъ завоеваніемъ ея

арійцами. На нихъ можно смотрѣть какъ на рѣдкіе, уцѣлѣвшіе до нашихъ временъ, экземпляры людей изъ эпохи, предшествовавшей періоду земледѣлія и осѣдлой жизни.

На всемъ протяженіи западнаго Деккана, у подножія горъ виднѣется лѣсистый поясъ, простирающійся до вершины Гатскихъ горъ и спускающійся по обоимъ ихъ склонамъ. Во всякое, даже и въ самое сухое время года, нельзя безопасно проникать въ эти страны, гдѣ недостатокъ чистаго воздуха, скопленіе разныхъ остатковъ гніющихъ растеній и стоячая вода въ узкихъ рвахъ и ложбинахъ заражаютъ вредными испареніями воздухъ *).

Несмотря на то, нѣкоторыя племена дикарей ведутъ здѣсь кочующую жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто съ каждымъ новымъ сезономъ «Когда эти люди избираютъ мѣсто для своего временнаго жилища, они прежде всего обносятъ заборомъ небольшой клочекъ земли, который потомъ распахиваютъ кускомъ твердаго дерева, обожженнаго на концѣ. Кромѣ того, они занимаются какимъ нибудь жалкимъ ремесломъ, какъ, напримѣръ, торговлей корзинъ или производствомъ угольевъ, что и составляетъ всѣ средства ихъ къ существованію; что касается до лука и стрѣлъ, столь употребительныхъ у африканскихъ негровъ — они имъ неизвѣстны.

«Дѣти этихъ несчастныхъ скитальцевъ, съ первой минуты своего существованія, подвергаются самымъ ужаснымъ лишеніямъ. Такъ какъ матери, на другой же день послѣ родовъ, должны идти заработывать себѣ хлѣбъ. то, покормивши грудью ребенка, онѣ вырываютъ для него яму въ землѣ, обкладываютъ ее листьями тиковаго дерева, до такой степени жесткими, что при малѣйшей неосторожности, они изрѣзываютъ пальцы въ кровь, и на это-то суровое ложе укладываютъ новорожденнаго младенца, оставляя его одинокимъ и безпомощнымъ до прихода, возвращаясь съ работы не прежде вечера.

«На пятый или шестой день рожденія, ребенка уже пріучаютъ къ твердой пищѣ и къ холодной росѣ, омывающей его каждое утро. Такимъ образомъ онъ проводитъ иногда цѣлые дни одинокими, подъ солнцемъ, вѣтромъ или дождемъ, до тѣхъ поръ, пока не выучится, наконецъ, ходить.

«Религія этихъ дикарей состоитъ въ поклоненіи фетишамъ. Ихъ любимое занятіе — выжиманье соку изъ пальмоваго дерева, который они пьютъ, а также оставляютъ часть на продажу. Мужчины и жен-

*) Inde contemporaine, p. 464.

щины лазятъ по деревьямъ какъ обезьяны и имѣютъ съ ними поразительное сходство по причинѣ своей наготы; у нихъ однѣ только женщины, вмѣсто всякой одежды, подвязываютъ къ поясу какую нибудь тряпку. Разсказываютъ, что когда Типпо-Саибъ, возвращаясь однажды съ военнаго похода, встрѣтилъ этихъ дикарей на своей дорогѣ, онъ, какъ истинный мусульманинъ, былъ возмущенъ ихъ наготою. Позвавъ къ себѣ начальниковъ племени, онъ спрашивалъ, почему жители этихъ лѣсовъ не одѣваются скромнѣе? Тѣ отвѣчали, что причиной тому бѣдность, и отчасти—привычка. Типпо-Саибъ объявилъ, что желаетъ ихъ видѣть отнынѣ также одѣтыми, какъ и другихъ своихъ подданныхъ, прибавивъ, что будетъ высылать имъ каждый годъ необходимый матеріалъ для одежды, а между тѣмъ приказалъ раздать имъ тутъ же, весь, находившійся при немъ, запасъ холста. Дикари пришли въ страшное волненіе, и, собравшись кучками, начали держать совѣтъ. «Одѣваться! какое страшное неудобство! Какое посягательство на ихъ права, на ихъ привычки, на обычаи, завѣщанные имъ предками. Нѣтъ!—лучше уже переселеніе,—лучше даже смерть!» разсуждали они. Типпо-Саибъ терпѣливо выслушалъ ихъ жалобы, но не казался нисколько поколебленнымъ и уже собрался продолжать свой путь, когда къ нему бросился одинъ старикъ, и, положивъ къ ногамъ его доставшійся на его долю кусокъ холста, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:—«Султанъ! ты живешь по примѣру твоихъ отцевъ!.. Оставь и насъ жить по примѣру нашихъ!» Говорятъ, что Типпо-Саибъ не настаивалъ болѣе послѣ этихъ словъ *).

Вмѣстѣ съ этими дикарями, въ глубинѣ лѣсовъ, живутъ огромныя толстокожія и хищныя плотоядныя, скитающіяся по склонамъ Гатскихъ горъ.

Я все надѣялся, что можетъ быть въ Сатаррѣ мнѣ удастся поохотиться за слонами, и съ этою цѣлью я примкнулъ къ обществу охотниковъ, которые отправлялись въ южные джунгли, на большую слоновую охоту. Послѣ нѣсколькихъ дней пути по непроходимому лѣсу, мы увидѣли наконецъ одно или два стада слоновъ, но, къ несчастью, неудобство мѣстности не позволило намъ подойти къ нимъ и вступить въ сраженіе.

По оттиску переднихъ ногъ слона, можно узнать общую вышину его, которая почти всегда равняется дважды взятой окружности ногъ. Поэтому мы приблизительно могли сказать, что попали на слѣдъ слоновъ

*) Баршу де Понеэнъ. Исторія англійскаго владычества въ Индіи.

отъ девяти до десяти футовъ вышины. Въ слона стрѣляютъ на разстоянiи десяти или пятнадцати шаговъ; ему обыкновенно цѣлятся въ хоботъ, въ високъ или въ глазную впадину.

Стада дикихъ слоновъ неопасны; они отличаются робостью и бѣгутъ при видѣ человѣка. Смѣлый охотникъ, какъ напр., маiоръ Роже Сейланъ, убившiй ихъ на своемъ вѣку тысячи, говоритъ, что они никогда не нападаютъ на человѣка цѣлымъ стадомъ. Раненые слоны приходятъ иногда въ бѣшенство и преслѣдуютъ охотника, который конечно не можетъ состязаться съ ними въ открытомъ полѣ, но легко ускользаетъ отъ ихъ преслѣдованiя, дѣлая извороты и скрываясь за кустарниками; притомъ слонъ вообще такъ неловокъ, что даже, овладѣвъ своею жертвою, часто выпускаетъ ее безъ особеннаго вреда. Во время нашего похода на слоновъ, очень много разсказывали объ одномъ англичанинѣ, побывавшимъ въ теченiе нѣсколькихъ минутъ на хоботѣ у слона, который всячески старался раздавить его, но безуспѣшно, и спортсмену удалось-таки ускользнуть, отдѣлавшись только неопасными ранами, продержавшими его нѣсколько дней въ постелѣ. Самые клыки этихъ животныхъ имѣютъ такое устройство, что не могутъ способствовать нанесенiю смертельныхъ ранъ врагу.

Мясо слона жестко; единственныя съѣдобныя части — это языкъ, нѣжный на вкусъ, и ноги, изъ которыхъ варятъ довольно вкусный супъ.

Слоны, живущiе въ одиночку, несравненно опаснѣе тѣхъ, которые ходятъ стадами; охотники чрезвычайно опасаются встрѣчь съ первыми, такъ какъ онѣ рѣдко проходятъ безъ особенныхъ несчастiй. Одинокiе слоны — по большей части или вырвавшiеся изъ плѣна, или выгнанные изъ стада; они чрезвычайно свирѣпы: — вѣроятно одиночество ожесточаетъ ихъ характеръ.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о ручныхъ слонахъ, которыхъ индусы стараются прiучить къ исполненiю разныхъ должностей, полезныхъ для человѣка. Такъ какъ эти животныя мало размножаются въ неволѣ, то ихъ добываютъ въ лѣсахъ и потомъ уже дѣлаютъ ручными.

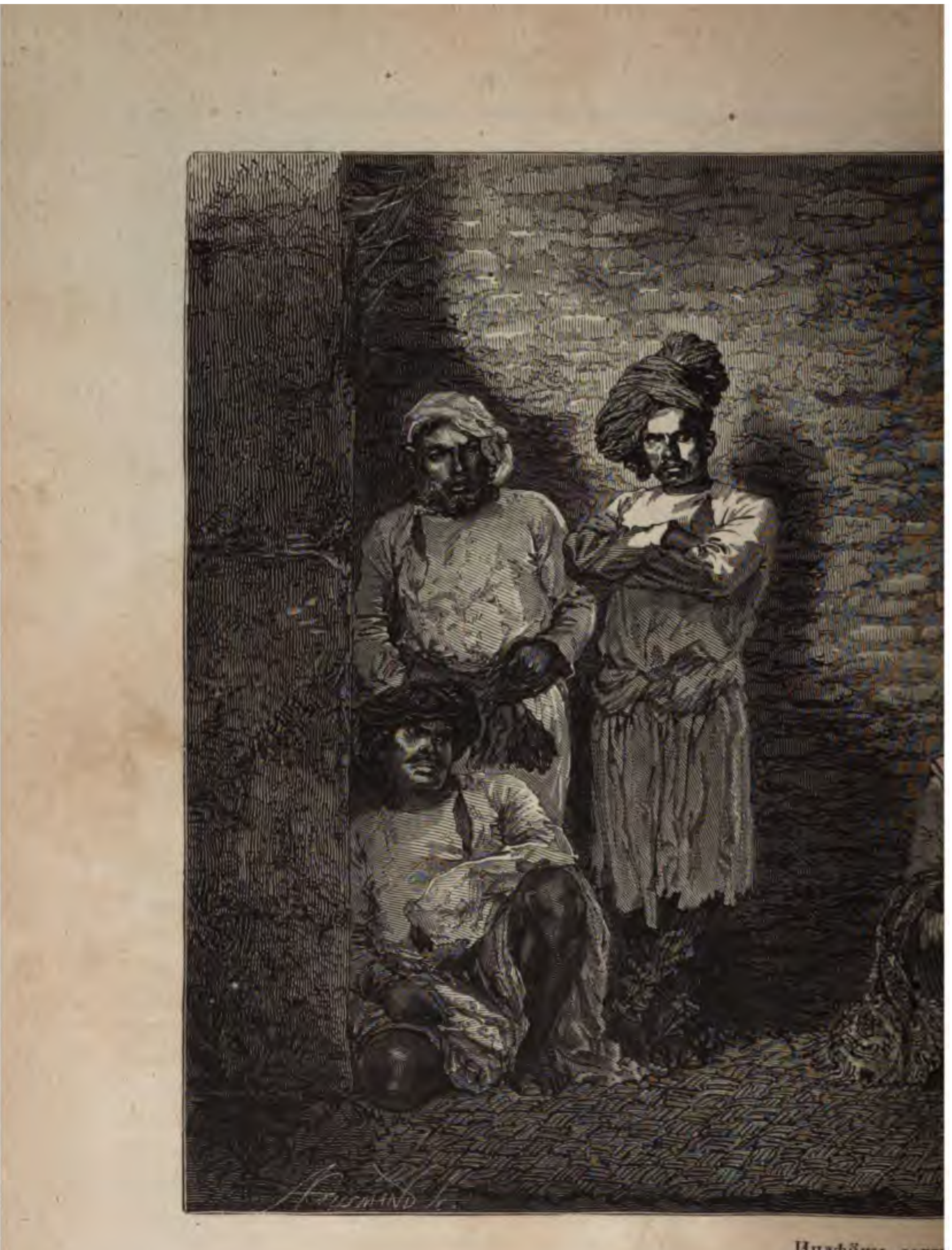
Въ Индiи, также какъ и въ Индо-Китаѣ, употребляютъ слѣдующiй способъ для поимки слоновъ. Берутъ нѣсколько ручныхъ слоновъ и нѣсколько загонщиковъ, которые общими силами стараются направитъ стадо дикихъ слоновъ въ такъ называемую «кедда», или «корраль», — родъ загона, въ которомъ ихъ запираютъ, а затѣмъ уже начинается обыкновенная система моренья голодомъ и уроковъ со стороны ручныхъ

слоновъ, съ помощію которыхъ человѣкъ окончательно покоряетъ себѣ дикихъ животныхъ.

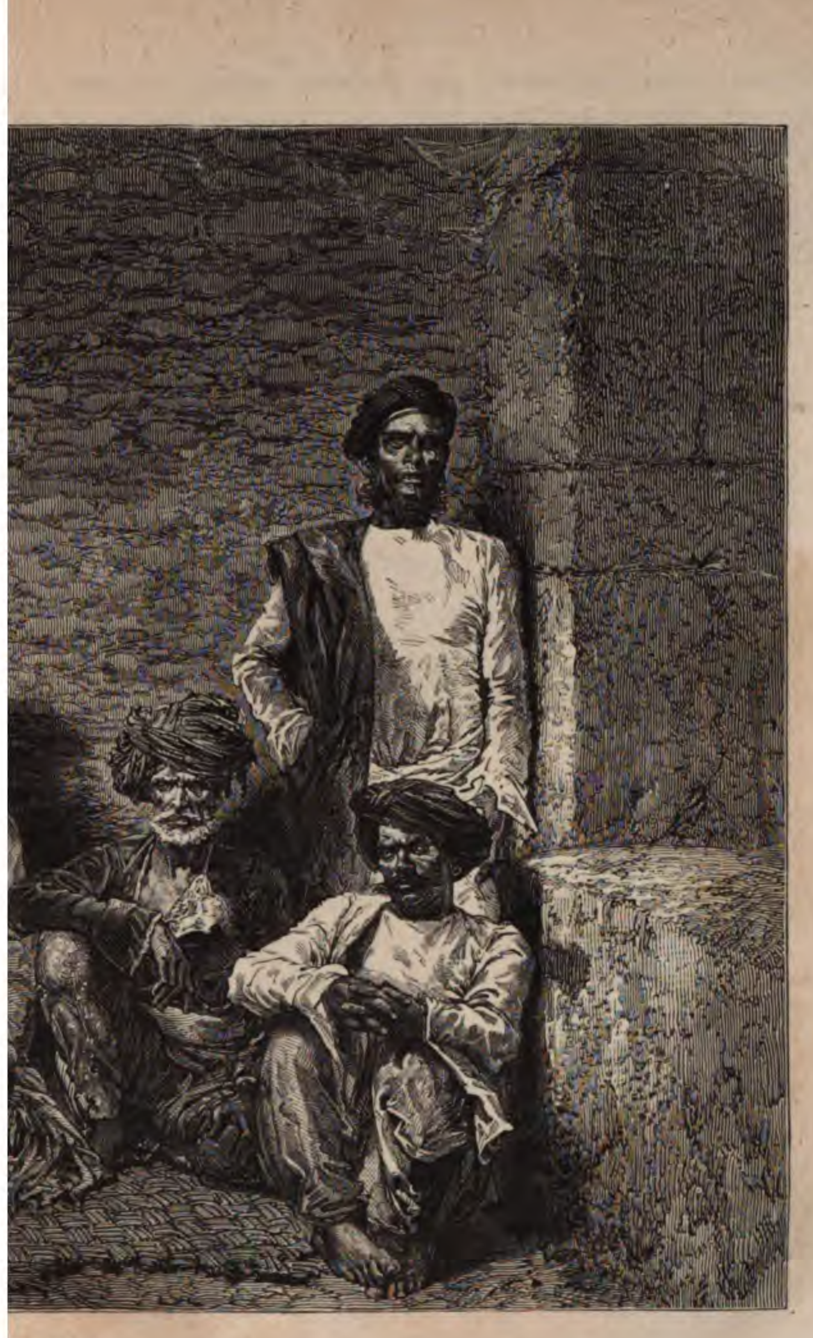
Въ Индіи слоны, по крайней мѣрѣ относительно прежняго, становятся рѣдки. Европейское оружіе повсюду оставило свои слѣды: вездѣ, гдѣ оно появлялось, крупная и мелкая дичь рѣдѣла, и въ настоящее время охотнику часто приходится терпѣть неудачу. Впрочемъ и надобность въ слонахъ исчезаетъ мало по малу, и вѣроятно вскорѣ совсѣмъ исчезнетъ вмѣстѣ съ улучшеніемъ путей сообщенія между азіатскими странами.

Въ Индіи слоны рѣдко достигаютъ трехъ метровъ вышины, и только немногіе изъ нихъ могутъ похвастаться хорошими клыками. Туземцы выгодно продаютъ слоновую кость, и потому употребляютъ всѣ средства для пріобрѣтенія ея. Притомъ уничтоженіе этихъ колоссальныхъ животныхъ имѣетъ свою выгоду въ томъ отношеніи, что спасаетъ отъ поврежденій воздѣланныя поля плодородныхъ кантоновъ, въ которыхъ слоны производятъ жестокія опустошенія. Вотъ, что говоритъ по этому поводу одинъ изъ русскихъ путешественниковъ, Салтыковъ бывшій въ Гатскихъ горахъ:

«Послѣ труднаго пути отъ двѣнадцати до пятнадцати миль и бивака въ густомъ дѣвственномъ лѣсу, я постучался на другой вечеръ въ дверь одного англичанина, или, скорѣе, шотландца, который выстроилъ себѣ въ этой пустынѣ деревянный домъ и жилъ въ немъ со своею женою, дѣтьми и многочисленными слугами изъ туземцевъ обоего пола. Онъ занимается воздѣлываніемъ кофе, корицы, мускатнаго орѣха, гвоздики, кардамона, краснаго перца и пр., находя, что земля и тѣнь, господствующая въ этихъ лѣсахъ, благопріятны для всѣхъ этихъ продуктовъ, которые онъ посылаетъ для продажи въ Европу и которые обогащаютъ его. Онъ былъ на своей террасѣ и расхаживалъ вокругъ стола, накрытаго скатертью,—ибо онъ зналъ, что я пріѣду, и дожидался. Онъ предложилъ мнѣ различныя газовыя питья, теплую ванну, хорошую закуску, хорошаго вина изъ Эрмитажа, первый владѣлецъ котораго былъ бы весьма удивленъ, если бы нашелъ его тамъ. Плантаторъ исполнялъ всѣ эти обязанности гостепріимства какъ - то сумрачно, взглядъ его, да и весь видъ былъ совершенно грустенъ, озабоченъ, отзывался сплиномъ. На мои сочувственные вопросы онъ отвѣчалъ жалобами на сосѣдство хищныхъ звѣрей, слоновъ, которые опустошали его фруктовые сады и разрушали очарованіе его Эдема. Наканунѣ ночью онъ пробудился вдругъ отъ сильнаго треска. Кинувшись къ окну съ ружьемъ, онъ увидѣлъ слона, который забавлялся тѣмъ, что ломалъ



Индѣйцы сект



.ушители.

его домъ. Обхвативши хоботомъ одну изъ колоннъ того самаго балкона, съ котораго эта удаленная семья высматривала постоянно путешественниковъ и предлагала имъ свое гостепріимство, ужасное животное разшатывало ее изо-всей силы, чтобы выдернуть колонну, какъ будто это было дерево. Онъ уже успѣвалъ-было въ этомъ, когда хозяинъ помѣшалъ ему. Тѣмъ не менѣе, нужно было нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, чтобы онъ оставилъ свою забаву».

который можно было бы сравнить съ этимъ по простотѣ и красотѣ соотношенія размѣровъ. Весьма высокій сводъ чрезвычайно эффектенъ. Онъ обшитъ ребрами изъ тека (самое твердое изъ мѣстныхъ деревьевъ), которыя вѣроятно такъ же древни, какъ и самый храмъ. Я не раздѣляю мнѣнія нѣкоторыхъ писателей, которые думаютъ, что это чистое подражаніе деревяннымъ постройкамъ — ни одно такое зданіе въ Индіи въ первые вѣка нашей эры не строилось сводомъ, вѣроятнѣе, по моему мнѣнію, эти дуги служили для того, чтобы обтягивать шантію бѣлыми матеріями, какъ это было въ обычаѣ вначалѣ, когда еще не умѣли употреблять шунамъ, или гипсъ, какъ штукатурку.

Въ глубинѣ храма стоитъ дагоба, настоящій алтарь, на который вѣрные клали свои приношенія, обращая свои молитвы къ Буддѣ. На цилиндрическомъ основаніи, отступя нѣсколько отъ его краевъ, возвышается полушаръ, окруженный внизу каменною рѣшеткою; коробка, или параллелопипедъ, съ рѣшетчатою поверхностью, составляющій подражаніе гробницѣ, увѣнчиваетъ этотъ алтарь и поддерживаетъ четыре, положенныя другъ на друга, плиты увеличивающейся кверху величины, на которыхъ помѣщается деревянный царственный зонтикъ, покрывавшійся нѣкогда бѣлою матеріею, какъ объ этомъ легко догадаться по его формѣ.

Тридцать колоннъ отдѣляютъ боковыя галереи отъ средней части зданія; восемь колоннъ восьмигранныя, безъ пьедесталовъ и капителей; ниши какъ и окружаемая имъ дагоба имѣетъ полукруглую форму.

Посѣтивъ Карли и его замѣчательные гроты и храмы, я отправился въ Кальянъ, расположенный у сѣверо-восточнаго развѣтвленія «great Indian peninsula Railway». Неподалеку отъ этого города находятся замѣчательныя развалины Амбернаута, нѣсколько напоминающія любопытные храмы Буванезгуара. На станціи Деолали я нанялъ маленькую телѣжку, запряженную парой зебу, которые отвезли меня къ холму, извѣстному у индѣйцевъ подъ названіемъ Панду Лену (гроты Панду), находящемуся въ семи миляхъ разстоянія отъ города. Монастыри и храмы, высѣченные въ нѣдрахъ этого холма, извѣстны у англичанъ подъ именемъ погребовъ Нассика, хотя Нассикъ отстоитъ отсюда по крайней мѣрѣ на пять миль разстоянія по направленію къ юго-юго-западу.

Холмъ Панду-Лену замѣтенъ еще издали своимъ остроконечнымъ фасадомъ, высѣченнымъ, въ срединѣ рукой человѣка. Онъ имѣетъ видъ обширной каменной ограды съ нѣсколькими углубленіями. Эта ограда заключаетъ въ себѣ три главные монастыря. Самый древній изъ нихъ, отличающійся простотою постройки, находится въ центрѣ;

по правую его руку возвышается другой монастырь, сооруженный нѣсколькими столѣтіями позднѣе; въ немъ устроенъ «chaitia», или алтарь, а по лѣвую находится третій монастырь современной постройки, отличающейся разнообразіемъ и красотою украшеній.

Изъ Панду-Лену я отправился на станцію Деолалія, откуда поѣздъ желѣзной дороги умчалъ меня на всѣхъ парахъ на станцію Нандгаумъ (шестнадцатичасовой переѣздъ). Желѣзная дорога отстоитъ на сорокъ миль отъ горы Розаха, на которой расположены значительные храмы Эллоры, отличающіеся отъ всѣхъ остальныхъ громадными размѣрами, красотою, и спорами, возникшими между учеными по поводу ихъ происхожденія и древности.

Я проѣхалъ эти сорокъ миль на телѣгѣ, запряженной зебу, которую мнѣ нанялъ одинъ парсъ на станціи Нандгаумъ, затѣмъ, осмотрѣвъ рѣдкости храмовъ Эллоры, я на тѣхъ же зебу отправился въ городъ Аурунгабадъ, отстоящій въ двадцати миляхъ отъ горы Розахъ. На полпути мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Даулатабадъ, крѣпость котораго выстроена на очень живописномъ мѣстѣ. Холмъ, отдѣльно стоящій отъ сѣверной цѣпи горъ, возвышается надъ обширной равниной, въ которой расположена живописная деревушка. На зеленѣющемъ конусѣ его, выступающемъ изъ груды скалъ, вырѣзываются черныя стѣны многочисленныхъ оградъ и минаретъ, сквозящій между деревьевъ, составляя все вмѣстѣ прелестный видъ. Холмъ, деревня и ея окрестности обнесены оградой.

Аурунгабадъ—главный городъ одной изъ провинцій, отпавшихъ отъ Низамскаго королевства, — расположенъ въ двѣнадцати миляхъ отъ этого мѣста. Единственное зданіе, заслуживающее вниманія путешественника,—это гробница, въ которой заключается тѣло любимой супруги или любимой дочери Аурунгзеба.

Издали эта гробница кажется чудомъ совершенства но, подойдя къ ней ближе, первое впечатлѣніе смѣняется разочарованіемъ: вмѣсто арабесковъ изъ бѣлаго мрамора вмѣсто мозаики изъ разноцвѣтныхъ камней, вы видите передъ собою простую лѣпную работу, замѣнившую прежнее великолѣпіе.

Этотъ памятникъ расположенъ среди обширнаго четыроугольнаго сада, обнесеннаго зубчатою стѣною съ брустверами, имѣющими стрѣльчатую форму, какъ всѣ зданія, сооруженныя поклонниками Великаго Могола. Въ каждомъ углу этого сада устроены осмиугольные павильоны, съ высокими четыреугольными дверями, къ которымъ ведетъ дорога изъ каменнаго шоссе съ каменною балюстрадою ажурной работы.

Среди большой платформы, окруженной по угламъ восьмиугольными минаретами съ круглыми куполами на верху, возвышается прекрасный мавзолей. Вся платфома обнесена каменною рѣшеткою, замѣчательной по разнообразію своего рисунка; четыре высокія двери въ стрѣльчатомъ вкусѣ ведутъ во внутренность мавзолея. Съ каждой стороны его возвышается по круглой башенкѣ, заканчивающейся наверху маленькою четыреугольною залою. Главный куполъ имѣетъ форму еловой шишки, и окруженъ четырьмя другими куполами нѣсколько меньшаго размѣра. Увѣряютъ, что эти купола высѣчены всѣ изъ бѣлаго мрамора; надъ ними помѣщается на самомъ верху желѣзное копье.

Мраморный трельяжъ необыкновенной красоты, покрывающій всѣ входныя двери, подобенъ тончайшему кружеву. Гробница обнесена такою же рѣшеткою и спускается нѣсколько ниже уровня почвы. За исключеніемъ этихъ мраморныхъ рѣшетокъ и куполовъ, все остальное покрыто простыми гипсовыми украшеніями, не представляющими никакого интереса.

Въ одной милѣ отъ Аурунгабада расположены англійскія войска. Аурунгабадъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ англо-индѣйскихъ городовъ, и я остановился въ немъ только за тѣмъ, чтобы осмотрѣть тюрьмы, въ которыхъ содержались еще во время моего прибытія нѣсколько человѣкъ изъ секты душителей, заключенныхъ здѣсь уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

Кто не знаетъ той страшной и таинственной ассоціаціи мистическихъ убійцъ, посвятившихъ себя служенію Кали, богинѣ смерти, которые приносили въ жертву этому страшному идолу, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Они никогда не проливали крови, но удушали свои жертвы, накидывая имъ на шею шнурокъ или затягивая петлю на шарфѣ. Мнѣ удалось достать фотографію съ этихъ душителей, изъ которыхъ одинъ признался во множествѣ убійствъ, совершенныхъ его руками.

Эти страшныя факты уже получили европейскую извѣстность, черезъ романическія и драматическія произведенія, и потому я ограничусь только выпиской изъ книги полковника Слимана, озаглавленной «Прогулки и воспоминанія», такъ какъ онъ первый открылъ ужасную истину, и такъ какъ книга его служила единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали свѣдѣнія всѣ романисты и драматурги.

«Въ 1822, 23 и 24 годахъ, пишетъ онъ, когда я былъ начальникомъ Мерзингпура, въ долинѣ Нербудды, какъ по судебной, такъ и по административной части, до моего свѣдѣнія доводили о всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ воровства и убійства. Не было ни одного мошенни-

ка, ни одного вора, о которомъ мнѣ не были бы извѣстны всѣ малѣйшія подробности, т. е. его убѣжище, характеръ и даже его планы. И если бы въ это время кто нибудь сказалъ мнѣ, что въ подгородной деревнѣ, находящейся всего въ какой нибудь полуверстѣ отъ мѣста засѣданія окружнаго суда, живетъ цѣлая шайка злодѣевъ, спеціально занимающихся убійствомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и что великолѣпные сады Мундлезура, находящіеся только на одинъ день разстоянія отъ моей резиденціи, служили театромъ самыхъ чудовищныхъ убійствъ, какія когда-либо совершались въ Индіи;—еслибъ мнѣ сказали, что шайка разбойниковъ изъ Ауда и Декана ежегодно назначаетъ себѣ свиданіе подъ роскошною тѣнью этихъ садовъ, и проводитъ цѣлыя недѣли, упражняясь въ своемъ гнусномъ искусствѣ на большихъ дорогахъ, вокругъ этой мѣстности; что земиндары:—предки которыхъ сами взростили эти деревья, были ихъ соучастниками, я принялъ бы такого человѣка за сумасшедшаго или за глупца, вѣрящаго дѣтскимъ росказнямъ! И однакожъ не было ничего справедливѣе этого! Сотни прохожихъ и проѣзжихъ находили каждый годъ преждевременную могилу подъ садами Мундлезура. Цѣлое племя убійцъ жило у моихъ дверей, пока я былъ главнымъ начальникомъ провинціи, и они безнаказанно совершали преступленія, распространяя свои набѣги до границъ Пуны и Гайдерабада.

«Когда Фарингеа, одинъ изъ главныхъ членовъ секты душителей, разсказалъ мнѣ въ первый разъ о существованіи этой шайки, я не хотѣлъ вѣрить его словамъ; но онъ велѣлъ вырыть въ моемъ присутствіи подъ моимъ порогомъ и подъ моимъ ковромъ тридцать труповъ, въ различной степени разложенія, прибавивъ, что я могу, если пожелаю, откопать въ окрестности несмѣтное количество такихъ же труповъ. Я былъ пораженъ какъ громомъ; разумъ мой помутился; но сомнѣваться не было никакой возможности, я не могъ отвергать страшной истины, въ виду осязательныхъ доказательствъ, которыя вставали передо мною какъ тѣнь Банко!

«Съ помощью Фарингеа, мнѣ удалось овладѣть многочисленною шайкою душителей, которые уже начали-было стекаться въ окрестности Ражпутана, приготовлялась къ своей обычной годовой экспедиціи.»

Англійское правительство, какъ только получило извѣстіе о существованіи секты, такъ сейчасъ же приняло мѣры для искоренія зла. Походъ, предпринятый противъ туговъ, если и не истребилъ окончательно секты, то во всякомъ случаѣ значительно уменьшилъ число убійствъ.

Изъ Аурунгабада я отправился въ Аджунтахъ, гдѣ находятся буд-

дійскіе памятники, самые знаменитые въ исторіи Индіи. Дорога эта пустынна, какъ вообще всѣ дороги Низамскихъ штатовъ, къ которымъ Аджунтахъ принадлежалъ довольно долгое время. По временамъ, впрочемъ, мнѣ попадались маленькія деревушки, похожія на всѣ деревни Бомбейскаго президентства, съ тою только разницею, что между домами возвышались небольшіе алтари, на которыхъ «райоты», или крестьяне, помѣщаютъ въ глиняной вазѣ священное растеніе «тулси», которому они благоговѣйно поклоняются. Это «тулси» небольшое тощее растеніе, почитаемое во всей Индіи какъ святыня. Вотъ что говоритъ Вардъ, по поводу этого поклоненія: «Тулси была женщина примѣрной жизни: она подвергала себя самымъ суровымъ лишеніямъ и испытаніямъ и, наконецъ, въ награду за свою добродѣтель, потребовала, чтобы Вишну женился на ней. Тогда Лаксми, супруга Вишны, узнавъ объ этой дерзновенной просьбѣ, прокляла Тулси и превратила ее въ жалкое некрасивое растеньице. Не смотря на то, Вишну не оставилъ Тулси въ ея несчастіи, и обѣщалъ ей принять образъ шалграмы, чтобы жить вмѣстѣ съ нею».

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что такое «шалграма».

Это особый видъ ископаемой раковины, извѣстной подъ названіемъ аммонита. Моръ въ книгѣ своей «Pantheon Indu» (индусскій пантеонъ), говоритъ, что счастливый обладатель этой драгоцѣнной раковины благовѣйно хранитъ ее въ драгоцѣнной обертке, и вынимаетъ только за тѣмъ, чтобы смыть и надушить ее; вода, въ которой моютъ священную раковину, имѣетъ свойство очищать душу отъ грѣховъ.

Форма служенія «тулси» состоитъ въ томъ, что вокругъ алтаря обходятъ нѣсколько разъ, приговаривая какія-то кабалистическія молитвы.

Подземные храмы Аджунты были послѣдними буддистскими, памятниками, которые я посѣтилъ въ Индіи. Послѣ того, какъ я провелъ читателей по лабиринту склеповъ, которыми такъ богато Бомбейское президентство, да будетъ мнѣ позволено представить нѣкоторыя общія соображенія объ этомъ предметѣ. Уже было сказано, что первые монастыри были простыми естественными гротами, въ которые удалялись буддисты, чтобы жить въ уединеніи отъ міра, согласно предписаніямъ своего учителя. Впослѣдствіи ихъ увеличили, высѣкли кельи вокругъ центральной залы, въ которой собиралась *санга*, или дума. Когда же религія Будды начала извращаться, и когда народъ, неспособный понять ея метафизическихъ догматовъ, сталъ примѣшивать къ ней свои собственныя суе-

вѣрія, то она приняла различныя формы въ различныхъ странахъ, гдѣ, она проповѣдывалась. Принятая всюду въ Индіи по своимъ великимъ гуманнымъ началамъ, но не представлявшая обожанію народовъ того Бога, существованіе котораго всѣ они сознавали инстиктивно, она не могла жить сама собою и должна была слиться съ существовавшею до нея релегіею.

Прослѣдимъ видоизмѣненія религіи на подземныхъ храмахъ западной Индіи, которые мы пробѣжали наскоро. Что видѣли мы во время нашего путешествія? Сперва естественныя пещеры, затѣмъ высѣченныя въ скалѣ кельи, передъ которыми шли галереи, поддерживаемыя восьмигранными колоннами, наконецъ *вигаре*,—четырехугольная зала, съ колоннами или безъ колоннъ, болѣе или менѣе украшенная, окруженная небольшими колоннами.

Вигаре безъ внутреннихъ колоннъ и *безъ изваяній* относятся всѣ къ древности и никогда не имѣютъ алтаря, одни только монастыри извращеннаго стиля имѣютъ статуи Будды.

Шаитіи Карли, Кангери, Аджунтаха всѣ со сводами, фасадъ ихъ всего чаще украшенъ подковообразными дугами, форма свода и арокъ воспроизводитъ форму дагобъ, вертикальный разрѣзъ которыхъ она представляетъ собою. Эти буддистскіе соборы, какъ монастыри, представляютъ слѣдующіе переходы: шаитіи съ тиковыми дугами подъ сводами, служившими для обтягиванія бѣлыми матеріями, которыми было обыкновеніе украшать храмы въ праздники; шаитіи безъ дугъ, отштукатуренныя шунамомъ, или бѣлымъ гипсомъ (въ Нассикѣ, въ Аджунтахѣ); шаитіи съ каменными или даже и деревянными ребрами, отштукатуренными и составлявшими клѣтки, въ котрыхъ узоры выдавались лучше среди возвышающихся рамъ арабесокъ. Нетрудно опредѣлить себѣ послѣдовательныя перемѣны, которыя вводились такимъ образомъ въ эти памятники. Бѣлая матерія, которою въ первыя времена покрывался грунтъ подземныхъ храмовъ, была замѣнена штукатуркою, также бѣлою, затѣмъ штукатурка украсилась всевозможными фресками, самые фрески вдругъ замѣнились барельефными и символическими орнаментами, которыми такъ богаты новѣйшія зданія.

Самыя дагобы отличаются однѣ отъ другихъ смотря по времени ихъ постройки, равно какъ и статуи Будды, которыя сперва были совершенно просты, безъ всякихъ украшеній, впослѣдствіи же стали окружаться различными аттрибутами.

Вспомнимъ, что первыя дагобы воздвигались на болѣе или менѣе подлинныхъ реликвіяхъ Готамы, какъ свидѣтельство уваженія и призна-

*

тельности. Эти простые монументы, воздвигаемые въ память, вскорѣ сдѣлались предметами поклоненія для невѣжественной и суевѣрной толпы. Большія дагобы Магады и Цейлона, вскорѣ послѣ принятія буддизма въ западной Индіи, стали предметомъ подражанія въ этой странѣ, гдѣ онѣ разсматривались уже какъ алтари, или скорѣе какъ идолы, которымъ народъ приносилъ дары и возносилъ свои молитвы. Затѣмъ буддисты весьма естественно пришли къ мысли возводить надъ предметами своего обожанія пышные храмы, своды которыхъ принимали форму заключаемой ими дагобы. Боготвореніе изображеній и статуй рапространилось еще позднѣе.

Простая дагоба первыхъ вѣковъ буддизма, какъ дагоба Карли и Кангери, превратилась въ родъ ковчега, на которомъ ставилась статуя Будды. Всѣхъ этихъ измѣненій, о которыхъ мы говоримъ, нигдѣ нельзя прослѣдить лучше, нежели въ Аджунтахѣ. Я не думаю, чтобы буддистскіе памятники украшались барельефами ранѣе втораго вѣка нашего лѣтоисчисленія; дагобы съ изображеніемъ Готамы относятся не ранѣе какъ къ пятому или шестому вѣку, когда религія эта начала падать на индійскомъ материкѣ. Буддистскіе храмы и монастыри покрыты скульптурными изображеніями уже послѣ ихъ изсѣченія, колонны ихъ подновлены, алтари пристроены вновь. Монахи, обитатели этихъ вигаре, весьма естественно старались украсить постепенно свое жилище, когда первобытная простота буддизма стала выходить изъ обыкновенія.

Въ Карли, на Сальсеттѣ, въ Нассикѣ, наружныя изваянія сдѣланы уже долго спустя послѣ самыхъ шаитій, и я убѣжденъ, что барельефы абаковъ карлійской шаитіи сдѣланы относительно недавно.

Будистская религія, какъ мы сказали, всюду смѣшалась съ существовавшими до нея культами, которые кончили тѣмъ, что восторжествовали надъ нею. Если на Цейлонѣ поклонялись особо демонамъ и духамъ; если на Коромандельскомъ берегу конды и другія первобытныя племена во всѣ времена обращали свои молитвы къ богу смерти и зла, которому одному только приносились человѣческіе жертвы, то жители западной Индіи исповѣдывали культъ животныхъ. Именно эти-то мѣстныя суевѣрія, эти-то грубыя религіи, прививаясь къ буддизму, мало по малу и поглотили его такъ, что исчезаютъ и самые слѣды его. Не встрѣчается ли еще и въ наше время у джайновъ и баніянъ почитаніе животныхъ, неизвѣстнее нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, почитаніе, которое кажется существовало въ этой странѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Одна изъ многочисленныхъ надписей на нассикскихъ скалахъ, относящаяся къ 337 году послѣ Рождества Христова, причисляетъ

къ числу самыхъ похвальныхъ дѣлъ милосердія устройство госпиталей для животныхъ. Все заставляетъ думать, что именно этотъ культъ, смѣшиваясь съ буддистской религіей, вдохновилъ къ созданію барельефовъ баснословныхъ животныхъ, антилопъ, львовъ и пр., которые окружаютъ изображенія Будды во многихъ алтаряхъ западной Индіи.

Въ честь Будды у дверей святилищъ или по бокамъ его изображены особыя фигуры, йакки или духи, одаренные нечеловѣческими силами; они держатъ въ рукахъ гирлянды цвѣтовъ, чтобы показать, что великому мудрецу воздаютъ честь всѣ, и боги, и люди.

Лотусъ, это эмблема чистоты, по своей красотѣ и безукоризненной бѣлизнѣ, всегда считался въ Индіи самымъ драгоцѣннымъ и самымъ священнымъ изъ всѣхъ цвѣтовъ, и я думаю, что бѣлый зонтикъ, который имѣли право носить одни только цари, взятъ именно съ лотуса: это даетъ мнѣ возможность представить себѣ форму зонтиковъ, помѣщенныхъ надъ дагобами или раскрытыхъ надъ головою Будды въ склепахъ, гдѣ стоятъ его изображенія.

Не менѣе любопытно, что въ древнихъ шаитіяхъ встрѣчается *шакра*, или символическій кругъ міровой силы, который въ настоящее время составляетъ аттрибутъ Вишну и который я видѣлъ въ храмахъ Ориссы, гдѣ почитаютъ лингамъ. Здѣсь видно новое доказательство первоначальнаго сродства вѣрованій шиваитскаго и буддійскаго, какъ мы говорили объ этомъ при описаніи пагодъ Буванесвара и высказали мнѣніе, что онѣ, какъ и большая часть другихъ индусскихъ храмовъ, происходятъ отъ дагобъ.

Я посѣтилъ подземные храмы Аджунтаха подъ покровительствомъ майора Джиля. Этотъ анлійскій офицеръ былъ назначенъ остъ-индскимъ правительствомъ консерваторомъ памятниковъ; онъ занимался уже нѣсколько лѣтъ воспроизведеніемъ на холстѣ фресокъ, которыя съ каждымъ годомъ линяли и стирались. Я съ удовольствіемъ посѣтилъ мастерскую этого художника, въ которой нашелъ множество почти уже готовыхъ картинъ.

Майоръ Джиль былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ спортсменовъ въ Индіи. Онъ славился своею смѣлостью и рѣшительностію на охотѣ. Не менѣе ста тигровъ или пантеръ и двадцати слоновъ и носороговъ пали жертвами его страсти. Я обѣщалъ ему заѣхать за нимъ на будущій годъ въ мартѣ мѣсяцѣ и присоединиться къ обществу офицеровъ, которые предпринимали каждый годъ большую охоту на дикихъ звѣрей. Къ несчастію, вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Аджун-

таха, болѣзнь и мои научныя занятія увлекли меня на восточный берегъ Африки, такъ что я не могъ исполнить моего обѣщанія.

Ничего не можетъ быть занимательнѣе охоты на тигра, когда сотни «сипайевъ» гонятъ хищнаго звѣря на охотниковъ, спокойно возсѣдающихъ на охотничьихъ слонахъ, или вскарабкавшихся на вершины деревьевъ, откуда они ждутъ, почти безъ малѣйшаго опасенія за себя, появленія тигра. Нельзя но упомянуть также о тѣхъ удобствахъ, которыя встрѣчаютъ англичане по возвращеніи съ охоты. Усталый и измученный треволненіями дня, каждый джентльменъ увѣренъ, что найдетъ у себя въ палаткѣ превосходную постель и многочисленную прислугу. Для тѣхъ, кто желаетъ умственныхъ развлеченій, есть особый кабинетъ для чтенія, наполненный новѣйшими романами и только что полученными съ почты журналами.

Столъ ихъ сервированъ съ такою роскошью, какой едва ли можно ожидать отъ лучшихъ столовъ самаго богатаго и населеннаго города Европы; на немъ сверкаетъ великолѣпный хрусталь и блестящее серебро. Англичане по три раза въ день собираются за этими столами, и, изъ-за страсти къ охотѣ, нисколько не забываютъ своихъ гастрономическихъ наслажденій: самыя лучшія вина, самые драгоцѣнные ликеры льются рѣкою, и страшно даже выговорить число тѣхъ пустыхъ бутылокъ, которыя остаются послѣ этихъ веселыхъ пирушекъ англійскихъ офицеровъ.

Изъ Аджунтаха я поспѣшилъ вернуться въ Бомбей: приближался конецъ іюля и начинались дожди. Злокачественная лихорадка до такой степени разстроила мое здоровье, что мнѣ необходимо было лечиться; но такъ какъ при самомъ строгомъ леченіи припадки лихорадки безпрестанно возобновлялись, то я счелъ за лучшее оставить, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, эти края и возвратиться въ Занзибаръ, въ полной увѣренности, что морское путешествіе поможетъ мнѣ лучше всякихъ лекарствъ.

Прежде чѣмъ распрощаться съ Остъ-Индіей, по которой я такъ долго странствовалъ вмѣстѣ съ читателемъ, считаю не лишнимъ представить здѣсь краткій историческій очеркъ этой страны.

Индія занимаетъ весь обширный треугольникъ, простирающійся отъ Гималлайскихъ горъ до мыса Коморина. Слово Индія заимствовано изъ персидскаго языка и означаетъ «земля черныхъ». У здѣшнихъ обитателей не было общаго названія для всего полуострова, они и понынѣ называютъ Индустаномъ только ту часть территоріи, которая нахо-

Буддис

ающіе проповѣдь.

сится лишь въ 1756—1765 годахъ, когда интриги, скорѣе чѣмъ оружіе лорда Клайва, доставили Индійской компаніи всю бенгальскую *Навабію*, самую богатую изъ могольскихъ провинцій.

Объ основаніи этой могущественной имперіи, какая когда либо существовала въ мірѣ, мы находимъ слѣдующія подробности въ одной книгѣ, за которою сами англичане признаютъ безпристрастное отношеніе къ описываемымъ въ ней событіямъ. Это тѣ самыя подробности, которыя лордъ Клайвъ въ 1772 г. спокойно изложилъ передъ слѣдственною коммиссіею палаты общинъ.

«Мы условились, говоритъ лордъ Клайвъ, съ Миръ-Джафиромъ, генераломъ набоба Сураджа-Довла, что онъ, въ назначенное время, возстанетъ противъ послѣдняго, свергнетъ его съ престола и провозгласитъ себя его преемникомъ. Оставалось только выбрать день и часъ возстанія, какъ вдругъ мы получили отъ своего агента, находившагося при дворѣ, извѣстіе, что одинъ изъ знатнѣйшихъ индусовъ по имени Омишундъ, узнавъ о существованіи нашего заговора, грозитъ открыть его Сураджа-Довла, если мы не пріобрѣтемъ его молчанія письменнымъ обязательствомъ уплатить ему три процента со всѣхъ сокровищъ его государя и сверхъ того тридцать лаковъ серебряныхъ рупіевъ наличными деньгами. Такъ какъ нельзя было терять ни минуты времени, то совѣтъ директоровъ компаніи полагалъ, что позволительно противопоставить хитрость притязаніямъ подобнаго злодѣя, и одобрилъ представленный мною проектъ фиктивнаго обязательства, на которомъ была подпись одного изъ нашихъ низшихъ чиновниковъ. Я думаю, что этотъ образъ дѣйствія былъ какъ нельзя болѣе законенъ, потому что прежде всего нужно было разрушить вредные замыслы жаднаго измѣнника».

Какъ видно, лордъ Клэйвъ и его сообщники не чувствовали ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, когда дѣло шло о томъ, чтобы измѣнить вѣроломнымъ образомъ своему союзнику, составивъ заговоръ, направленный къ низверженію съ престола Бенгальскаго набоба и присвоить себѣ всѣ его богатства, но они глубоко возмутились противъ притязаній третьяго лица, требовавшаго своей доли изъ ихъ громадной добычи.

Послѣдствія этого заговора были слѣдующія: Клайвъ, убѣжденный въ измѣнѣ Миръ-Джафара, самъ выступилъ въ походъ противъ набоба, предварительно издавъ манифестъ, гдѣ перечислялъ всѣ поводы къ войнѣ, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Непріятельскія арміи встрѣтились на равнинѣ Гугли; силы бенгальцевъ состояли изъ

пятидесяти тысячъ солдатъ при ста пушкахъ. Англичанъ было всего три тысячи, изъ которыхъ только третья часть европейцы; не смотря на то, они вышли побѣдителями, такъ какъ во время сраженія половина непріятельскаго войска перешла на ихъ сторону, остальная часть бенгальцевъ взбунтовалась и снялась съ позиціи почти безъ боя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цифра урона побѣдителей: у англичанъ выбыло изъ строя всего сорокъ пять человѣкъ.

Такова была знаменитая Плассейская битва, за которую лордъ Клайвъ впослѣдствіи былъ награжденъ титуломъ барона Плассе.

Нѣсколько дней спустя, Миръ-Джафиръ вступилъ въ столицу своего прежняго государя, но не въ качествѣ побѣдителя, а какъ одинъ изъ членовъ въ свитѣ Клайва. Сураджа-Довла, окруженный со всѣхъ сторонъ западнями, былъ схваченъ однимъ изъ заговорщиковъ въ то время, когда пытался бѣжать. На другой день его не стало. Клайвъ назначилъ ему преемника, которому по наружности оказывалъ должный почетъ; тѣмъ не менѣе, благодаря этой узурпаціи, онъ упрочилъ за компаніею, на будущее время, право располагать престоломъ этой богатой провинціи.

Нѣтъ надобности говорить, что обѣщанія, данныя Омишунду, не были исполнены. Англичане ссылались на то, что подпись на представленномъ обязательствѣ — подложная. Торжественныя клятвы, которыя давались щедрою рукою Миръ-Джафиру, имѣли тотъ же исходъ. Онъ былъ въ свою очередь свергнутъ съ престола посредствомъ новаго заговора, а съ преемника его взяли громадныя суммы за возведеніе на престолъ. Но и этотъ преемникъ былъ свергнутъ, и Миръ-Джафиръ, снова возведенный на престолъ, долженъ былъ щедро отблагодарить англичанъ за эту реставрацію.

Продолжая систему вѣроломства и насилія, которыя такъ хорошо удавались, Клайвъ, въ соединеніи съ совѣтомъ Калькуты, отнялъ въ скоромъ времени изъ рукъ слабыхъ туземныхъ князей всѣ ихъ торговыя выгоды и сборъ таможенной пошлины, позволившій имъ вмѣшаться во внутреннюю администрацію страны, пока наконецъ, истощенные всевозможными притѣсненіями и вымогательствами, князья, лишенные всякихъ матеріальныхъ средствъ и всякой нравственной силы, одинъ за другимъ стали продавать свои земли и своихъ подданныхъ компаніи, выговоривая себѣ только ежегодную пенсію. Такъ, въ 1765 г. бенгальскій набобъ, видя, что *каждая рупія, полученная имъ въ видѣ налога, непремѣнно попадаетъ въ руки англичанъ*, отказался навсегда въ ихъ пользу отъ своихъ владѣтельныхъ правъ и доходовъ за

ежегодную пенсію въ двѣнадцать милліоновъ, которые въ 1772 г. были уменьшены до четырехъ милліоновъ. Наконецъ и самъ императоръ согласился уступить компаніи за семь милліоновъ (сумма эта впослѣдствіи тоже была уменьшена) свою верховную власть надъ тремя богатыми провинціями: Бенгальскою, Бахарскою и Орисскою.

Такимъ образомъ Остъ-Индская компанія превратилась изъ простаго торговаго общества въ могущественную державу, имѣющую сорокъ милліоновъ подданныхъ и семьдесятъ милліоновъ франковъ ежегоднаго годоваго дохода. И такъ управленіе британскою Остъ-Индіею находилось въ рукахъ торговой компаніи. Каждый годъ акціонеры этой компаніи избирали двадцать четыре директора, которымъ они ввѣряли исполнительную власть, оставляя за собою законодательную. Три президентства, составляющія нынѣ Англо-Индѣйскую имперію: Калькутта, Мадрасъ и Бомбей, существовали уже въ 1707 г., находясь каждое подъ начальствомъ губернатора и совѣта, назначаемаго особою грамотою отъ компаніи; всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ.

Хартія, дарованная англійскимъ правительствомъ въ 1726 г. компаніи, учредила, чтобы въ каждомъ президентствѣ былъ судъ, состоящій изъ предсѣдателя и девяти альдерменовъ, вѣдѣнію которыхъ подлежали всѣ гражданскія дѣла. Губернаторъ совѣта, которому можно было апеллировать жалобы на рѣшенія гражданскаго суда (mayor's court), былъ облеченъ властью судить всѣ уголовныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, и учреждать особый судъ, такъ называемый «court of requests» для разбирательства дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собою значительные денежные штрафы. Такимъ образомъ, чиновники колоніи были въ одно и тоже время судьями и сторонами въ различныхъ дѣлахъ, и такъ какъ часто случалось, что членъ совѣта исполнялъ низшія должности, то изъ этого возникли важныя злоупотребленія, породившія тѣ затрудненія, которыя впослѣдствіи въ такой сильной степени запутали дѣла компаніи.

Въ продолженіе всего этого періода царствовала общая анархія, сопровождаемая непрерывными войнами, цѣль которыхъ была далеко не честная. Англійское правительство шло по стопамъ своихъ азіятскихъ предшественниковъ, назначало налоги съ чисто-татарскою алчностью, и управляло своими дѣлами съ меньшею честностью и меньшимъ пониманіемъ, чѣмъ мусульмане. Завоеваніе Остъ-Индіи компаніею не принесло пользы не только туземцамъ, но и англичанамъ.

Наконецъ, въ 1773 году, англійское правительство обратило свое вниманіе на обширность территоріальныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ

Остъ-Индскою компаніею. Тогдашнее минитерство, воспользовавшись финансовыми затрудненіями компаніи и злоупотребленіями ея администраціи, представило въ парламентъ два билля, которые были благосклонно приняты, и которые, утверждая за англійскою короною права на всѣ земли, завоеванныя англичанами въ Индіи, лишили совѣтъ директоровъ и акціонеровъ компаніи части ихъ прежней власти.

Нѣсколько лѣтъ спустя, знаменитымъ биллемъ, предложеннымъ Питтомъ, былъ учрежденъ такъ называемый контрольной департаментъ по дѣламъ Остъ-Индіи, состоявшій изъ шести членовъ (conseil privé). Назначеніе этихъ членовъ, въ числѣ которыхъ всегда должны были находиться два министра тайнаго совѣта,—зависѣло отъ короля.

Предсѣдатель этого департамента былъ въ сущности настоящимъ министромъ по дѣламъ Ость-Индіи и отвѣтствовалъ за правильный ходъ администраціи въ этой обширной колоніи, потому что въ этомъ наблюдательномъ совѣтѣ сосредоточено было высшее управленіе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ дѣлъ Остъ-Индіи. Онъ просматривалъ всѣ депеши, письма, инструкціи, которыя совѣтъ директоровъ компаніи предполагалъ послать колоніальному правительству; онъ имѣлъ право самъ посылать какія угодно депеши, могъ даже прямо давать приказанія губернаторамъ безъ предварительняго соглашенія съ директорами компаніи. Поэтому можно сказать, что съ 1784 г. верховная власть надъ британской Остъ-Индіею на дѣлѣ была отнята у компаніи и переведена въ руки министровъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, дѣла компаніи находились въ незавидномъ положеніи, и правительство метрополіи принуждено было сложить съ нея большую недоимку, простиравшуюся на нѣсколько мильоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Хартія 1833 г. подтвердила привиллегіи компаніи «board of control», за исключеніемъ однако же права монополіи, при чемъ сохраненъ былъ высшій надзоръ контрольнаго департамента. Европейцы получили право пріобрѣтать въ Остъ-Индіи земли въ собственность; сверхъ того, на основаніи этой хартіи, назначеніе генералъ-губернатора было оставлено попрежнему за совѣтомъ директоровъ, но съ условіемъ, что это назначеніе только въ такомъ случаѣ дѣйствительно, если оно будетъ одобрено королемъ. Генералъ-губернаторъ, вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ совѣтомъ главнаго управленія, могъ издавать законы, имѣющіе обязательную силу для всѣхъ Остъ-Индскихъ владѣній Англіи, но англійскій парламентъ имѣлъ право отмѣнять эти законы, а совѣтъ директоровъ «court of directors» могъ не признать ихъ.

Этотъ послѣдній періодъ, продолжавшійся до обширнаго возстанія сипаевъ, далъ болѣе благопріятные результаты для туземнаго населенія, и въ особенности для самой англійской націи, чѣмъ всѣ предъидущіе періоды британскаго владычества въ Остъ-Индіи. Уничтоженіе Остъ-Индской компаніи и замѣна ея администраціи правительствомъ, назначаемымъ непосредственно отъ короля, было дальнѣйшими мѣрами въ томъ же направленіи.

Съ этого времени торговля и промышленность достигли цвѣтущаго состоянія; общеполезныя учрежденія и сооруженія, школы, хорошіе пути сообщенія, каналы, желѣзныя дороги, предпринятыя въ неслыханныхъ на Востокѣ размѣрахъ, обѣщали Индіи блестящую будущность.

Какъ бы то ни было, англичане должны считать себя счастливыми, что въ этой обширной и великолѣпной странѣ народъ кроткій, трудолюбивый, цивилизованный и съ давнихъ поръ привыкшій ко всякаго рода угнетеніямъ.

КОНЕЦЪ.